

Альма Либрем

Психология проклятий

Глава 1

Издевательски яркий лучик солнца скользнул сквозь защищённое заклинанием стекло и нагло упёрся в преподавательский стол, периодами срываясь на глаза. Блики и всполохи окрасили всю аудиторию невообразимо жёлтым калейдоскопом, от которого хотелось зажмуриться и срочно бежать куда-то, да вот только — куда?

Скрипели перья — у особо правильных и старомодных студентов, — кто-то писал карандашами. Несколько, из особо богатых семей, даже пользовались чем-то безымянным, но крайне удобным, именовали его сами, впрочем, удивительным словом "ручка" — и у них получалось на удивление быстрее. Впрочем, говаривали, подобное изобретение было под силу одним лишь волшебникам, и хотя все они нынче находились на территории магического университета, отчего-то не спешили использовать полученные при учёбе умения по-настоящему, только косились на чужие достижения и недовольно, раздражённо вздыхали — мало ли, у кого-то получится лучше, кто-то что-то отберёт.

Под потолком нагло скрипели часы — удивительное сочетание шестерёнок и какой-то чудной одной-единственной стрелки. При виде солнечного луча стрелка как-то странным образом оживилась и завертелась, словно сумасшедшая. Не прошло и мгновения, как часы заколотили, словно на тревогу, оглашая о времени завершения экзамена.

Студенты даже не пошевелились. Двоечники нагло пытались что-то писать, те, кто хоть что-то знал, лихорадочно строчили в своих свитках. Всё-таки, курс хоть и не выпускной, третий, но по этой работе преподаватели могли определить, кому отдают предпочтение при выборе себе подчинённых на бакалаврскую работу.

Один из преподавателей, высокий худой маг в странных очках — их стёкла сверкали на солнце так, словно были сотворены из драгоценных камней, — даже не содрогнулся, когда часы заколотили громче. Он только склонился ниже над бумагами, разложенными перед ним на громадном экзаменационном столе.

Несколько листов уже даже успело прикрыть билеты, что-то торчало из журнала успеваемости. Аспирантка, то и дело встряхивающая головой, чтобы длинные пряди тёмных волос не падали на глаза и не мешали вчитываться в текст, поспешно чертила что-то на бумаге карандашом, оставляя поспешные пометки. Перья и чернильница, валявшееся повсюду, металлическое изобретение, то самое, для богатых, в самом непотребном положении — не в футляре, как полагалось, не перевязанное лентой, а валяющееся в стороне, без чернил, ещё и, кажется, готовое вот-вот свалиться со стола, — всё это не вызывало у неё совершенно никакого интереса.

Преподаватель то и дело пытался вырвать у неё из рук карандаш и внести в заклинание, тщательно выводимое на столе, какие-то изменения. Она спорила, трудясь над новой, невероятной формулой, что-то доказывалась, срываясь с шёпота на достаточно громкое шипение. Казалось, о тишине они не заботились и вовсе, о том, чтобы студенты не вздумали списывать — тем более.

Мужчина то и дело потирал подбородок, поправлял свои драгоценные очки с магическим виденьем и пытался всмотреться в формулу. Его долговязая и невообразимо худая фигура казалась подобной крюку, когда он вскакивал и нагибался над столом; когда выравнивался, студенты с хохотом обычно величали его "палкой", но сегодня, в день экзамена, всем им не было никакого дела до внешности одного из будущих наставников.

Второго преподавателя часы не трогали и вовсе. Не интересовала его и наука — он раздражённо смотрел в потолок, словно кто-то его заставлял здесь находиться и маяться с молодыми магами, и периодически насвистывал себе что-то под нос. Ноги он закинул на стол, не заботясь о том, чтобы вытереть ботинки и привести их в надлежащее состояние, руки сложил на груди, а к аспирантке и её научному руководителю с оценивающим взглядом поворачивался, кажется, исключительно ради того, чтобы в очередной раз отметить — мысленно, правда, — что таким симпатичным девушкам в университете за наукой делать нечего. А надо вырываться в массы и сменять своих наставников.

Аспирантка, кажется, об этом знала. То, тряхнув головой, била волосами мужчину по лицу — он фыркал, словно кот, но с места не сдвигался, — то роняла что-то особенно тяжёлое ему на ноги, но ни разу не повернулась и даже не обратилась к нему. На часы она отреагировала так же равнодушно и от громкого бамканья не содрогнулась. До студентов ей уж тем более не было никакого дела.

Но сдалась она, впрочем, первой — повернулась к мужчине и раздражённо кашлянула, напоминая о том, что в курсе, что её наглым образом рассматривают.

— Раз уж вы отвлеклись от внимательнейшего изучения фасона моего платья, — протянула она мягким, вкрадчивым голосом, — то, может быть, уделите внимание так же и часам? Господин профессор, пытаясь над их созданием, вне всяких сомнений, очень потрудился, да и новая система исчисления — это очень интересно, но они взбесились от прямого попадания солнца. Эти часы

совершенно непригодны летом.

— Лень вставать, — равнодушно, абсолютно игнорируя присутствие остальных в комнате, сообщил он. — Стары уж мои кости стали.

Аспирантка смерила его насмешливым взглядом.

— Несомненно, когда вам исполнится тридцать лет, придётся выстраивать могилу — вы ведь рассыплётесь тогда на куски. Когда, напомните мне, сия великолепная дата? Через месяц, посреди лета? Я обязательно напомню господину проректору...

— Вы слишком много себе позволяете. Вы здесь только аспирантка.

— Разумеется, — довольно кивнула она. — Я так и передам профессору Хелене, господин Сагрон.

Мужчина закатил глаза, но встал. Профессор Хелена была опасной женщиной во всех пониманиях этого слова, а уж если рассматривать её не как начальство, а как разъярённую мать одной излишне настойчивой аспирантки, то беды и вовсе не оберёшься. Сагрон всё ещё искренне верил в то, что сумеет связать своё будущее и успешную карьеру с наукой, а туда без работы в университете путь был заказан. Мадам же Ольи — та самая профессор, — умела и на место поставить, и загнать в тупик, а самое отвратительное — обладала поразительным умением лишать твёрдой земли под ногами одним только своим пристальным взглядом. Змея змеёй! Вот только научному руководителю своей дочери, Ролану, имя которого она умудрялась каким-то причудливым образом сокращать, почему-то благоволила.

Его же — терпеть не могла. Это Сагрон чувствовал. Одно это в её исполнении "доцент Дэрри" подразумевало что-то вроде "ещё слово — и будешь хуже аспиранта". И власти у неё на это хватило бы с головой.

Студенты писали всё увереннее и увлеченнее. Сагрон, впрочем, вполне логично подозревал, что причиной тому были вытащенные шпаргалки, "светлячки", как величали их студенты, поминая незлым тихим самым сложное и самое запретное заклинание из всего курса Боевой Магии, до которого им удалось добраться. Вопреки безобидному названию, подобные чары могли взорвать едва ли не половину города, но требовали, соответственно, столько же силы. Резерв, резерв и ещё раз резерв — даже если весь третий курс соберётся вместе и попытается воспользоваться подобными чарами, у них вряд ли получится достойно, "светлячка" не хватит и на несколько метров в окружности.

Вот если круг Архимагов, да все вместе, без всяких щелей в собрании, а ещё — использовать концентратор...

Но шпаргалки ничего с настоящим "светлячком" не имели, разумеется. Просто студенты, понимая, какой взрыв будет, если на выпускном экзамене что-то подобное обнаружат, обозвали их в честь заклинания лет двадцать назад, и оно прицепилось. Правда, третий курс писал не выпускные, а обыкновенные, закрывал сессию, но это никого не волновало. "Светлячки" — они всюду "светлячки".

Сагрон всё ещё хорошо помнил, как сам их писал ночью при свете хиленькой волшебной лампы, и воспоминания, надо сказать, были не самыми приятными — с той поры ещё и глаза пришлось лечить, ведь "светлячки" заполнялись мелким-мелким почерком с добавлением волшебства. У Ролана — они учились на одном курсе в старые добрые времена, даже дружили, однако, удивительно, но факт, — зрение вот как село, хотя Дэрри очень сомневался в том, что на самом деле его коллега вообще занимался подобным нарушением закона — таким, как списывание и использование шпаргалок. Ну да и пусть не пользуется, зря, к слову — потому что вещь поразительно полезная, и если нынешние студенты ленятся таковым заниматься — их проблемы, но, по правде, дураки дураками!

Мужчина скривился. Часы наладились только после пятого маленького толчка по боковой стенке — магия на них не срабатывала. Их заведующий, профессор Куоки, изобрёл сии часы, защищая докторскую диссертацию, и до сих пор вся кафедра думала-гадала, каким это образом он умудрился с подобной работой вообще пройти совет. Раздражал он всех без исключения, от студентов до профессора Ольи, но заменять было некем — ни единого больше доктора магических наук у них на кафедре не наблюдалось. Хелена не в счёт — быть проректором и одновременно заведующей было фактически невозможно и возбранялось законом.

Извилистая стрелка на часах вывернулась и попыталась укунить мужчину за руку. Он раздражённо скривился и жестом приманил скатерку, сброшенную с экзаменаторского стола — Ролан и его Элеанор, аспирантка, видите ли, не могли удобно работать в подобных условиях.

Скатерка зашипела — Сагрон ей не нравился, особенно благодаря привычке укладывать ноги на стол, не озаботившись предварительно очисткой ботинок или сапог — а заодно и какой-нибудь

салфеткой, которую было бы неплохо подложить, дабы ничего не запачкать. Но часы ею было накрывать более чем удобно — а они, узрев отсутствие солнца, моментально перестроились в спящий режим, прокуковали студентам, что наступила ночь, и захрапели.

— Да чтоб вас! — искренне раздражённо прошипел Дэрри. — И как он защитился!

Ролан и Элеанор окончательно забыли о приличиях. Их громкие попытки доказать что-то друг другу перешли уже практически в крик — правда, крик шёпотом, но студенты всё равно слышали практически каждое слово. При этом преподаватели столь активно жестикулировали, что становилось страшно за их глаза — не попадут ли часом пальцами куда-нибудь в лицо. По крайней мере, у Лантона были его защитные очки, сверхпрочные, а что ж девушка?

Дэрри принялся блуждать между рядами, косясь в листы студентов. Оставалось около получаса работы, и все они старательно отвечали на положенные вопросы, с таким упорством, что перья скрипели, будто бы очумелые.

Сагрон остановился в самом конце экзаменационного кабинета, глядя на склонившиеся низко над листками бумаги головы студентов. Прелестная картина — наблюдать за тем, как они работали, особенно учитывая тот факт, что работающими студентов вообще трудно отыскать. Третий курс этот был неплохим, бакалаврскую, наверное, защитят если не все, то хотя бы большинство, но у Сагрона всё равно возникали определённые сомнения относительно их умственных способностей.

Что ж, по крайней мере, в этой группе был хоть какой-то намёк на дисциплину. На соседней кафедре, Пророческих искусств, говорят, студенты разбомбили громадный Шар Прорицателя, который весил, как три толстяка, и, к тому же, стоил громадную сумму денег. Правда, к счастью, в итоге оказалось, что это был муляж, а настоящий Шар был закрыт в кладовой — и у него каждый день дежурил ни о чём не догадывающийся магический патруль, — но сие не имело значения.

Эти вроде бы не пили, большинство из них было даже из местных, из города или его окрестностей, больше половины, кажется, что для их факультета и кафедры и вовсе казалось удивительным. В Университет Магии, на "Заклинания" поступало много иногородних.

По крайней мере, именно они обычно забивали большую часть общежития. Городским, разумеется, позволялось жить у себя дома, учебное заведение у них было открытого типа и бюджетное, ни о каком активном финансировании и речи не шло — потому, если есть шанс избавиться от студента в государственных стенах, следовало им воспользоваться.

Хорошо хоть без недоборов! Соседние кафедры с замечательными, редкостными специальностями и специализациями, с преподавателями высшего класса набирали от силы пять-десять студентов. Боевые маги же получали лицензию на пятьдесят человек, и каждый год формировали две полнокровные группы. Ну что за люди? Чем вам не лучше изучать магию Кулинарии или, скажем, ту же самую Природную, такую сложную в исполнении? Но нет! Каждый желает быть боевым магом, каждый желает получать громадную зарплату — и кто из них имеет на то талант?

О том, чтобы обратить внимание на другие университеты, не требующие дара, и речи не шло. Кому надо было заниматься математикой, развитием современных технологий, медициной, кому надо учиться на педагогов в школах, кто хочет трудиться над экономикой и юриспруденцией, если можно идти в маги и ждать, что на них сверху будет сыпаться серебро-злато?

Веселее было только в Университетах Искусств. Каждый год будущие писатели и поэты, художники и скульпторы, певцы и танцоры, не имеющие в себе ни капли таланта, осаждали несчастные кафедры, пытались увеличить наборы и побить прошлогодние рекорды, но, к счастью, в основном терпели неудачу и вынуждены были заниматься делом. Многие, правда, всё же поступали — и в итоге в городах прибавлялось ещё несколько кандидатов в будущие поэтические дворники, танцующие садовники и художественно одарённые чистильщики обуви.

Мужчина покачал головой, отгоняя прочь мысли о предстоящей вступительной кампании. Сначала надо было разобраться с этими студентами, а потом уже загадывать на следующих. И у бакалавров скоро начнётся период защит, и...

Он вновь попытался избавиться от дурных мыслей и решил выбрать самого старательного студента — на данный момент, разумеется. Обычно, именно у таких, что строчат, будто бы с пожара, и прячется шпаргалка. Пользоваться ими столь рьяно не стоит, могли бы хоть продемонстрировать, что задумываются...

Взгляд невольно остановился на старосте. Девушка, казалось, не отрывалась от своего листа. К богатым, как он знал, студентка Арко не относилась, но в руках у неё сейчас была та самая чудная ручка, потому не приходилось отрываться на перо и чернильницу. Сагрон закрыл глаза, представляя себе ровный девичий почерк, в котором вся аккуратность смазывается из-за спешки.

Он подошёл поближе и завис у неё над плечом. Где-то здесь должна быть какая-нибудь шпаргалка,

"светлячок", спрятанный на коленях или в складках одежды... Но она не натянула одно из любимых списывательных платьев, тот самый фасон, в который обрядилась большая половина девушек, присутствующих в аудитории... Нет, брюки без карманов, не спрячешь, в блузе — может быть, но вряд ли. Туфли? Тоже нет. Хм. Причёска? Но длинными волосами тут могла похвастаться только до мозга костей правильная Элеанор, а у Арко — до плеч... Как там эта причёска называется?

Кажется, как комбинация в картах — каре.

К тому же, сколько б Сагрон ни стоял у неё над плечом, медленнее писать девушка не стала, скорее даже напротив. Всё быстрее и быстрее, к тому же, не пыталась даже поднять голову и вопросительно на него посмотреть, не спешила задать вопрос, что ему нужно.

Вот-вот должен был зазвенеть колокольчик, извещающий о завершении экзамена — точнее, его письменной части. Сагрон не сдвинулся с места — он ждал, когда ей надо будет что-то спрятать. Невозможно идеально выучить боевую магию — к тому же, он полагал, что девушкам в этой дисциплине делать нечего.

Ольи не в счёт. Там и дед, и бабка, потом мать, госпожа Хелена, её супруг, теперь вот Элеанор. Вне всяких сомнений — в котором поколении они уже трудятся на столичный Университет Магии? Да, точно так же могла строчить и Элеанор, но в ней-то Сагрон не сомневался — он тогда был аспирантом и присутствовал на экзаменах в качестве ассистентов, но знал довольно чётко, что девушка не опустится до списывания на важном предмете. Но Котэсса Арко...

Правда, преподавал у них этот предмет Ролан. Сагрон же — только принимал экзамен, потому что официально по нагрузке часы-то числились за ним. И он полагал, что студенты согласятся на любую предложенную оценку, лишь бы только в последний день сессии им никто не морочил голову и не испортил жизнь. Преподаватели сами не собирались в конце лета наслаждаться компанией наглых двоечников, предпочитали обходиться без радикальных мер, поэтому летом зачётки студентов не переживали такой злостной атаки из "неудовлетворительно", как это бывало периодами зимой. И отчислений с летней сессии тоже было по привычке как-то меньше, да и нельзя было сказать, чтобы кого-то в университете это не устраивало.

Зазвенел колокольчик. Зазвенел так, что даже привычный уже Сагрон подпрыгнул на месте — правда, совсем незаметно, а потом вновь перевёл взгляд на Котэссу. А как она хоть учится? То, что староста, Дэрри помнил, потому что девушка приносила ему журнал на подпись, а вот дальше — кто её знает... Надо было попросить у Ролана лист с примерными оценками за прошедший год, но ему так не хотелось маяться этой группой!

Они даже предметами обменялись вне нагрузки вполне добровольно. Ролан ненавидел четвёртый курс, у него там был какой-то заковыристый предмет, а группа казалась отвратительной. Щуплого, в очках доцента они травили, швырялись мелом, едва ли не плевались в спину — язвительно шипели в спину "Ролочка" и дразнились, как только могли. Увы, но справиться с ними было даже не под силу профессору Куоки, если это, конечно, показатель.

Сагрон согласился. С третьим курсом и Боевой Магией в нагрузку шла ещё и Элеанор Ольи, а быть научным руководителем проректорской дочери — упаси Небеса! Отношения же с четвёртым сложились — что надо! Мужчине не приходилось даже кричать на надоедливых студентов, обычно хватало прицельно брошенной в толпу колкости. Они поедали оскорбление с лёгкостью, заглатывали наживку, а потом смотрели в глаза наивно-наивно и откровенно надеялись на то, что доцент Дэрри пожертвует что с барского плеча...

— Сдаём работы, — уверенно провозгласил он, отказываясь от воспоминаний — экзамен всё равно принимает лектор, даже если он не вёл ни единого часа у студентов и понятия не имеет, кто из них и как учится. Он и по имени-то только эту Котэссу и знает — во-первых, почему-то цепляет слух имя, а во-вторых, она у него магией заверяла журнал перед сдачей на самом последнем занятии, когда пришлось явиться пред ясные очи третьего курса и сказать, что экзамен принимать будет он.

Арко почему-то не спешила дрожать. Он простоял над нею до самого того момента, как девушка собрала все листы, на которых писала ответ, сложила их по порядку и, встав, отправилась к столу — не пихать же преподавателю в руки, когда все остальные сформировали на столе неаккуратную стопку?

Сагрон бросил быстрый взгляд на её место — но нет, ни одного "светлячка". Вообще ничего — только лист бумаги неиспользованный да ручка эта её, ну, и карандаш сбоку лежит, потому что мало ли — чернила закончатся, не перезаправлять же в срочном порядке волшебством, да ещё и при всех.

Он пробормотал себе под нос привычное заклинание, осмотрел магическим взором — пусто! Словно этот "светлячок" под землю провалился, будто и не было его! Что шаргалки на самом деле могло и не быть, Сагрон не допускал — слишком быстро и самоуверенно девушка писала ответ на вопрос.

Неужели запомнила? Интересно, какой там ей билет попался?

— Теперь все вон, буду вызывать по одному, — он вернулся за преподавательский стол, немного отодвинул Элеанор, но она даже не заметила мужскую ладонь, скользнувшую по её спине — вероятно, по той причине, что слишком увлеклась собственной диссертацией, которую сейчас и втолковывала Ролану. Ну и пусть — по крайней мере, мешать не будут. — Список вызова появится на двери. Марш отсюда!

Студенты шумной толпой высыпали в коридор, забрав с собой личные вещи. Несколько шпаргалок валялось на полу, но Сагрон только сжёг их раздражённым щелчком пальцев — глаза б его не видели эту ерунду! Такие неумелые, глупые студенты, что не способны даже спрятать элементарную шпаргалку! Грош им цена, таким старателям — пусть и на глаза бы лучше не показывались, коль неумёхи.

Маги! И это называется будущие боевые маги... Он предпочитал не рассуждать ни с кем относительно колоссальных наборов, среди которых настоящих, действительно достойных студентов раз, два и обчёлся. Нет, толку — никто не станет в любом случае его слушать, а так, по крайней мере, можно будет немного расслабиться на время распределения ставок — есть студенты, значит, есть и нагрузка.

Хорошо, что нагрузкой занимается не Куоки, а кто-то поадекватнее...

Мужчина посмотрел на бумаги и щёлкнул пальцами — список по порядку появился у него перед глазами. Он пробежался по нему быстрым взглядом, а после, подцепив кончиками пальцев фамилию Котэссы, запихнул её в самый конец — может быть, "светлячок" был скрыт особой магией, так она обязательно разветится — долгодействующую тут нельзя ставить, обязательно поймают, а вот обновлять минутную — пожалуйста, но та за время экзаменирования всех остальных обязательно сойдёт на нет.

— Входите! — громогласно заявил он, и список застыл перед глазами недоумевающих по ту сторону студентов.

Очередь медленно потянулась вперёд.

Доцент Сагрон — тот самый, что должен был у них преподавать, а на деле не провёл со своей группой ни единого дня, такой нагловатый на вид и тут же покоривший сердца женской половины группы, — ставил баллы по результатам письменного экзамена. Котэсса изначально заметила свою фамилию в самом-самом конце огненного списка, поэтому, устроившись в углу, пыталась отвлечься от бесконечного прокручивания билета в голове. Огненные буквы то и дело полыхали перед глазами — она видела, как быстро редет толпа. Последний день сессии, последний экзамен — в этом не было никакой особой проблемы, сдали и забыли, но дурное предчувствие, засевшее в её сознании, почему-то ну никак не желало отступить или исчезать куда-то.

Она вытянула руку, чувствуя, как магия волной проходит под кожей — это обычно помогало. Конечно, не всегда, но всё же — так Котэсса чувствовала себя более уверенно. Она учила, она, более того, отлично знала предмет — неужели стоит переживать, когда всем так легко ставят их оценки?

Когда кто-то из двоечников, что были в хвосте списка, вылетел из кабинета, сияя от счастья и демонстрируя всем тройку в своей зачётке, наконец-то пришёл её черёд. Котэсса переступила порог вполне уверенно — во-первых, доцент Ролан прекрасно её знал и высоко оценивал уровень её знаний, во-вторых, Элеанор всегда подчёркивала её умения на лабораторных работах.

А Сагрону, если что, придётся доказывать прямо на месте — если вдруг у него возникнут сомнения.

— Значит, староста Арко, — протянул мужчина, развалившись на своём стуле всё так же вальяжно, как и в остальное время прохождения экзамена. Котэссе это раздражало — да, последний день сессии, смирись с жарой, вытерпи его наглость и уйди. Но замечание так и вертелось на языке.

Элеанор и Ролан даже не поднимали голову. Они так увлеклись своими расчётами, что, казалось, не были способны услышать даже взрыв в самом центре университета. Впрочем, возможно, это и оправдано — она знала, что всего через полгода у Ольги защита, а значит, сейчас всё время уходило на то, чтобы довести до толку полученные результаты.

Сагрон смотрел на неё. Молча — казалось, время на комментарии и весь словарный запас он исчерпал уже в первом своём изречении. Котэссе отчаянно хотелось уйти — но она напонила себе, что нельзя, и всё так же молча смотрела на него.

Мужчина раздражённо тряхнул головой — неестественно светлые волосы, результат, наверное, колдовства, может быть, неудачный откат, хотя они и не казались седыми, довольно длинные, почему-то придавали ему какой-то немного мистический и, возможно, излишне загадочный вид.

Котэссе это не нравилось едва ли не больше вальяжности и наглости в каждом жесте. Она даже как-то несвоевольно потянулась к вечно мешающим прядям ненавистного каре — но одёрнула руку, выпрямилась и вновь взглянула ему в глаза, заставляя себя смотреть пристально и уверенно.

— Четыре, — наконец-то протянул он. — Зачётку и свободна.

Котэсса задохнулась от возмущения. Четыре?! Она знала предмет лучше всех в группе, и прямо у неё перед носом несколько хорошистов и один троечник, отчаянно списывающие весь экзамен, вылетели с пятёркой.

— Почему четыре?

Мужчина удивлённо посмотрел на неё. Холодные и неожиданно тёмные глаза зло прищурились, и он криво усмехнулся.

— Что значит — почему четыре? — переспросил он, кажется, выражая своё кошмарное возмущение по тому поводу, что она посмела возразить. Котэсса не сдвинулась с места, будто бы на самом деле ей не было всё равно, сколько ей поставят. Сагрон у это не нравилось — ему казалось, что всем студентам абсолютно наплевать на оценки, а тут стоит, требует что-то, задаёт вопросы...

— Я уверена, что там всё написано верно, — твёрдо промолвила девушка. — И вопрос раскрыт максимально полно, по крайней мере, в пределах университетской программы. Почему четыре?

— Ты списывала, что так уверена?

— Нет, — Котэсса сложила руки на груди и твёрдо посмотрела на него. — Не списывала. Учила. И поэтому твёрдо знаю, что всё написано верно. И требую соответствующую оценку.

— Пятёрку следует подтвердить практическими умениями.

— Вы остальных тоже просили об этом?

— Это имеет значение?

Котэсса не отреагировала. Она твёрдо смотрела на него, кажется, с уверенностью, что балл свой должна получить — и именно сегодня, и вообще, отказы не принимаются. Почему-то Сагрон у внезапно стало дурно от этой настойчивости — на четвёртом курсе, Ролан твёрдо сказал, преподавать ему придётся, а контакт со старостой обязан быть у каждого преподавателя. Если же тут такая староста, если она ведёт себя до такой степени нагло и требует, вымогает оценки, то чем всё закончится в итоге?

Он наконец-то встал, подался даже немного вперёд, глядя прямо в её глаза, и усмехнулся.

— Хорошо. Лучшая тренировка — это выполнить на практике то, что описано в теории на этом листике. Например, вдохнуть силу в заклинание, как здесь расписано.

— А разве это входит в программу третьего курса? — в голосе Котэссы слышалось некое сомнение, даже испуг, и Дэрри довольно усмехнулся. Один этот факт уже почему-то доставлял ему некоторого рода удовольствие — что он сумел поставить её на место. Точно в этом и была вся суть экзамена, доказать, что эта девочка, вся такая примерная и чем-то напоминающая Элеанор, списывала, самым наглым образом переписала со своего "светлячка" на лист бумаги всё, что только смогла, а теперь пыталась заставить его поставить пятёрку.

— А разве только программой должны ограничиваться знания мага? — немного удивлённо любопытствовал он. — Как по мне — нет, отнюдь. Посему, если вы претендуете на пять, если полагаете, что у вас есть знания выше пределов, то стоит мне продемонстрировать этот самый уровень. Но если этого уровня на самом деле нет, то зачем же...

— Я готова, — она выпрямила спину и вытянула ладонь, позволяя магии скользнуть от головы до кончиков пальцев рук. — Произносите заклинание, и моя магия его оживит.

Сагрон опешил. Он был уверен в том, что девушка всё-таки отступится и не станет соглашаться на безумный для третьего курса эксперимент. Это даже не магистратура, аспирантура — да, может быть. Знание, достойное воистину архимагов, сейчас преподносилось в теории, но не в практике.

— Я б согласился на четвёрку, — небрежно отметил он.

— Я не трусиха, — покачала головой девушка. — И, к тому же, это в привычке у мужчин — отступать.

Он сжал зубы. Дерзит! Но поспорить было невозможно — сам только что обнажил свою слабость, сообщил ей об этом, а теперь чего ждёт, помилования?

В голове крутилось множество заклинаний. Дать простое и успокоиться — нет, это не устраивало Сагрона. Сложное? Чтобы поставить её на место? Но всё же, следовало выбрать что-то неразрушительное, такое, чтобы если вдруг у девушки всё-таки получится нечто в этом роде, вдохнуть хотя бы немного силы в заклинание, она всё-таки не смогла ничего испортить.

Он был уже почти готов выдать достойную этой ситуации формулу, когда сила сорвалась с рук. Удивлённо вскинула голову Элеанор, как раз прочитавшая — без вложения магии, — заклинание, над которым и работала в диссертации. Сагрон содрогнулся, повернулся — казалось, время замерло и для него, и для Котэссы, с чьих рук видимой золотой струйкой полилась сила, — а потом в грудь и его, и Ролана ударило тонким золотистым лучом. Мужчины синхронно содрогнулись, отшатнулись от девушки, а Элеанор так и замерла, открыв рот — будто бы собиралась договорить что-то, но теперь не могла выдать из себя ни единого слова.

А после, будто бы в подтверждение того, что день сегодня был отвратительным, весело рассмеялась.

— Элеанор, — прошипел Сагрон, — скажи мне, родная, над каким заклинанием ты работаешь в своей диссертации?

— О, доцент Дэрри! — сквозь смех выдавила она, отчасти пародируя собственную мать с этим её надменным, повелительским тоном. — Вы не поверите, проклятья разряда Верности!

Котэсса у Сагрона за спиной не сдержала тихий смешок.

Глава 2

Зачётка Котэссы так и валялась открытая на столе. Сагрон смотрел на неё отчасти ошеломлённо, то и дело встряхивая головой — но от этого, казалось, жалости в девушке не прибавилось ни на грош. Элеанор и вовсе довольно улыбалась, когда переводила на него взгляд, хотя каждый раз, когда косилась на своего научного руководителя, тяжело вздыхала — его-то ей было жаль! Нет, в принципе, Дэрри даже и не надеялся на милость со стороны дочери профессора Ольи, но Элеанор могла хотя бы сделать вил, что сожалеет, будто бы так получилось.

Но — она только хмыкнула, сказала, что не следовало гонять студентку по заклинаниям, не входящим в программу, и сообщила, что проклятье обладает целым рядом любопытных свойств.

— Оно смертельное? — хриловатым голосом полюбопытствовал Ролан, казалось, делая вид, будто бы у него во всём этом исключительно научный интерес. — Ведь ты так и не закончила рассказ, нас... прервали.

Сагрон уже сто раз мысленно послал его куда подальше с подбором мягких и нежных формулировок — может быть, если б этот... доцент находил другое время для общения со своими аспирантками, то было бы намного легче — по крайней мере, обошлось бы уж точно без горы проклятий на его, Дэрри, бедную голову!

— Проклятье само собой довольно безобидное, — сообщила Элеанор, но уже по её весёлой улыбке можно было понять, что это совсем не так. — Если не нарушать ряд элементарных правил, то, в принципе, его на себе можно и не ощутить. Итак, — она скрестила руки на груди, — я всё ещё не уверена в том, что оно подействовало сразу на двоих, но на одного из вас упало точно, — сейчас её тон так напоминал материнский, что Сагрону искренне захотелось её придушить.

Профессор Ольи — она преподавала и у него, и у Ролана, да вообще, у кого только эта гримза не преподавала! Он доселе помнил её надменный холодный взгляд — тот не изменился с той поры, как они перестали быть студентом и его наставницей, а перешли в разряд коллег, — её раздражённый приказной тон и студентов, разбегающихся в разные стороны, стоило только госпоже Хелене выйти в коридор. А Куоки! Тогда она не была ни доктором, ни профессором, ни проректором. Преподаватель как преподаватель! Но стоило только бросить на него из-под её очков в тонкой оправе быстрый змеиный взгляд, как мужчина, будто бы тот петух, начинал хорохориться и любопытствовать, что он может ради неё сделать. Сагрон видел — дочь у неё точно такая же, и голосом похожа, и внешне, и поведение — точь в точь, как у матушки. А ведь это не меняется! Не переучишь. И он подозревал уже, сколь несчастен будет тот мужчина, что на такой вот командирше женится. Подобные женщины не исправляются, что б ты с ними ни делал. Сагрон полагал, что пытаться и не стоит.

Потому, наверное, и студентка Арко ему не понравилась с первого взгляда. Было в ней что-то такое, как в Хелене или в её Элеанор, что-то гордовитое. Эти командирские нотки в голосе, гордо вскинутая голова, быстрые шаги и пристальный взгляд, от которого любому мужчине становилось не по себе, будь он хоть сто раз и умён, и начитан, и даже лучший из лучших. Никого это не волновало — никогда подобную женщину не остановить ни силой, ни обаянием, если на самом деле она решила сражаться, а не просто притворяется. Притворяться же они, змеи, умели — хотя какие змеи? Кошки!

— Не можно ли поскорее перечесть список действий, которые нельзя? — раздражённо спросил он. — Потому что мне уже пора. Я сегодня спешу.

На самом деле, Сагрон отлично знал, что его дождутся, когда б он ни явился, но уйти всё равно хотелось. Тратить лишнее время на университет, набивший уже давно оскомину — кому оно надо? Национальный Университет Магии — это только звучит громко и красиво, а если переходить ближе к делу, то столько лишней работы на голову падает — прямо страх...

— Ну что же, — Элеанор перешла к доске, взяла в руку кусочек волшебного мела, но тут же отложила его в сторону. — Итак, поскольку проклятье из разряда Верности — то бишь, подвид любовных, — жизни оно на самом деле не грозит. Сначала стоит огласить негативные последствия. Спектр самый разнообразный. От позеленений кожи и взращивания дополнительных, — она загибала пальцы, — хвостов, шерсти, рогов и подобных схожих по строению отростков, ну и, разумеется, полная потеря мужской силы. Действие проклятия — год. После оно теряет собственную силу. Но если успеть нарушить за этот год прописанные постулаты, то, увы, придётся ждать с момента нарушения новый год.

— Ничего смертельного, — отметил Ролан. — В любом случае, если в том, что предписывается на этот год, нет ничего криминального...

Сагрон с ним в этом плане был не согласен. Конечно, к Лантону не было тут никаких претензий — студентки за ним не бегали, глазки не строили, вели себя поразительно прилично, как на

современных девушек, да и вообще... Но вот Дэрри меньше всего устраивала потеря мужской силы. И сегодня, и через год, и вообще когда угодно. Он ведь не семидесятилетний профессор Куоки, в конце концов, да и тот строит молоденьким студенткам глаза.

Впрочем, Сагрону ничего строить не приходилось. Студентки прилипали и сами — он давно уже привык к их повышенному вниманию, периодами старался игнорировать, периодами — даже отвечал взаимностью, справедливо полагая, что ничего страшного в этом нет. Они, во-первых, совершеннолетние, во-вторых, вполне адекватные, в-третьих, это всегда — по обоюдному согласию, да и, так или иначе, он предпочитал включать голову и никогда даже не приближаться к тем девицам, что учились у него — потому что после проблем на занятиях не оберёшься, они будут полагать, что могут ничего не учить, а получают свои баллы просто так, за заслуги в постели. Дэрри предпочитал не смешивать работу и личное — по крайней мере, настолько, насколько это у него получалось.

Но мало ли, какое там перечисление действий... Каждый вечер летать на метле, плясать под луной или, может быть, как в одном из странных проклятий, новоизобретённых, стоять каждый день по семь минут на голове? В любом случае, должно быть что-то неприятное и не так уж и просто выполнимое, иначе толку с него?

Впрочем, проклятия Верности в основном заключались в "не лгать супруге" и так далее. Супруги у Сагрона не было — не лгать Котэссе? Без проблем. Он бы с удовольствием высказал ей всё, что про неё сию секунду думает, только вряд ли от этого у девушки улучшится настроение.

— Итак, — продолжила Элеанор, — для того, чтобы не испытать на себе негативное действие проклятия, нужно просто не изменять проклятийнику или проклятийнице. В данном случае, у нас есть Котэсса, — она подмигнула девушке.

— Изменять? — уточнил Сагрон. — Не предавать и не подставлять под вражеские стрелы? Хм. Войны у нас вроде бы как нет...

— Это ведь из разряда любовных, — как ни в чём ни бывало, пожала плечами Элеанор. — Сами понимаете, доцент Сагрон. Потому и изменой полагается любовная. Грубо говоря — никаких физических контактов с противоположным полом, что подразумевали бы сексуальную направленность. Хотя, я думаю, не только с противоположным. Год без любовных отношений — даже поцелуев, хотя за них проклятие подразумевает меньшее наказание и считает только те, которые можно относить к страстным — вы можете поцеловать в щёку матушку или даже коллегу, скажем, из благодарности, но при этом никакого сексуального подтекста. Спустя год всё пройдёт. Конечно, насколько я понимаю, измена фактически невозможна — потому как проклятие успеет среагировать ещё на подлёте, но... — Элеанор откашлялась. — Лично я бы воздержалась, а так...

Ролан с облегчением выдохнул.

— Ничего сверхъестественного, — промолвил он. — Проклятия, заставляющие ежедневно плясать сумасшедшие танцы на центральной площади без одежды или даже то, что запрещает лгать кому-либо, разумеется, куда страшнее.

Сагрон закашлялся. Новость его, мягко говоря, огорошила. Любовные отношения? Верность? Кому, студентке, что даром ему не нужна, студентке, что прокляла его исключительно из ошибки?

— И, — прошипел он, — как сие снимается?

— Ну, — аспирантка усмехнулась и накрутила игриво на палец длинную прядь тёмных волос, словно пытаясь разозлить Сагрона ещё больше. Тот отвернулся, пытаясь сконцентрироваться на чём-то другом, но на глаза то и дело попадалась не менее ненавистная Котэсса. — Разумеется, есть способ — это искренние чувства от того, кто проклинал. Но не расстраивайтесь. С проклинающей любые отношения любовного характера не запрещаются.

Арко покраснела, будто бы та свекла, и зло скрестила руки на груди, всем своим видом показывая, что на подобное не настроена.

— А снимается оно, сами понимаете, либо через год, либо — если вас полностью простят.

— Котэсса, — Сагрон повернулся к студентке. — Ты сильно на меня злишься?

— Прощения на словах недостаточно, — покачала головой Элеанор. — К тому же, проклятие полагает, что подобное проклятие может сняться исключительно даром от девушки самого ценного, что у неё есть. Если этого ценного у неё нет — чаще всего в браке, разумеется, логична подобная ситуация, — то ждать придётся год.

Сагрон открыл было рот, чтобы спросить что-то, но почему-то запнулся. Самодовольный взгляд со стороны аспирантки Ольи его раздражал пуще прежнего — хотелось немедленно уйти куда-либо и

больше в глаза не видеть её наглости и поразительной надменности, так и полыхавшей в девушке. Котэсса же встала — она заняла ближайшее свободное место, когда Элеанор начала свой рассказ, — и потянулась за своей зачёткой.

— Мне пора, — промолвила она. — И я выполняю ваше задание. Поставьте, будьте добры, балл, и я уйду.

— Элеанор, — проигнорировав её, перевёл взгляд на Ольи Сагрон. — Как ещё это снимается?

— Никак, — пожала плечами девушка. — И я б на вашем месте выполнила столь настойчивую просьбу, если вы, разумеется, не желаете лишних проблем.

— А тебя, Ролан, — он перевёл взгляд на коллегу, — это нисколько не волнует? Или, может быть, ты надеешься на благосклонность студентки?

Котэсса негромко кашлянула, словно напоминая о том, что она тоже присутствовала здесь и подобное хамство терпеть не собиралась.

— Будьте добры, — промолвила хриловато она, — просто поставьте мне балл в зачётку. Мне пора идти.

Он подтянул синеватую книжечку к себе, прищёлкнул пальцами — перо, подарочное, тут же появилось у него в руке, — и черкнул несколько ненужных, совершенно лишних, казалось, строк. Сначала хотелось поставить ей тройку — за неповиновение и вообще за всё хорошее, — но Сагрон, перехватив быстрый девичий взгляд, быстрым росчерком оставил малопонятную и тяжелорасшифровываемую пятёрку. Котэсса схватила зачётку, даже не заглянув в неё и, быстро посмотрев на него, бросилась к двери. По правде, её следовало бы остановить, но Дэрри даже и не дёрнулся — в конце концов, пусть нервничает дальше. Нет такого проклятия, что его нельзя было бы снять. И это не может зависеть от какой-то жалкой студентки.

— Я очень сомневаюсь, — протянул Сагрон, — стоило только двери за нею закрыться, — что проклятие вообще сработало. Разве проклятия Верности сами по своей структуре не направлены исключительно на одного человека?

— Ты не можешь гарантировать, что действие упало на меня, — покачал головой Ролан. — В конце концов, я сидел дальше.

— К Элеанор — ближе. Так что относительно проклятия? Может ли оно сработать на обоих одновременно? — Сагрон поднялся. — Я спешу, право слово, разберёмся с этим как-нибудь потом.

— Я уверена, — Элеанор устроилась прямо на преподавательском столе и теперь с вызовом смотрела на него, — что та, к которой вы спешите, будет просто в восторге от подобной новости и перспективы проведённой ночи с мужчиной, у которого торчат с головы рога или вырос какой-нибудь крысиный хвост. А что уж говорить о том, если сработают наказания далее по списку? Не сомневаюсь, проклятие сумеет отомстить за каждый лишний поцелуй!

— Это не ваше дело, аспирантка Ольи.

— Почему же? — хитро полюбопытствовала она. — Ведь, в конце концов, редко какому аспиранту выпадает замечательный шанс протестировать собственное проклятие! А мне вот как повезло — теперь смогу записать все побочные эффекты...

— Каким заклинанием это снимается?

Элеанор переглянулась с Роланом — и засмеялись теперь они уже вдвоём. Почему-то от такой реакции Сагрон захотелось попросту взвыть — поразительное смешение радикальной наглости вместе с бесцеремонностью, подобное поведение с их стороны является самым настоящим свинством! Но Элеанор была разработчиком этого проклятия или его исследователем — а значит, у неё был прекрасный шанс рассказать ему ещё и о том, как от него избавиться. Разумеется, если она в аспирантуре уже больше двух лет, она изучила свою тему вдоль и поперёк. В этом-то как раз Сагрон не сомневался ни капли. В конце концов, Элеанор и вправду была дочерью своей матери, а значит, цеплялась за знания так, как никто другой. Им ведь мало быть просто первыми, надо опередить всех настолько, чтобы до спины не добросить ни единым камнем. Умно, конечно же, но Дэрри всё равно это раздражало, равно как, впрочем, большую половину мужчин в Университете Магии. Но НУМ — это то ещё заведение, в нём могут кричать, но ничего толком не сделать, и точно так же вышло и на этот раз. Профессор Хелена стала проректором беспрепятственно, равно так же её дочь, не реагируя на завистливые и раздражённые взгляды, которые на неё бросали, спокойно и гордо заполучила желанное для неё место в аспирантуре и даже достойного научного руководителя.

И неужели ей не было жаль Ролана? В конце концов, он ведь у неё любимый преподаватель, если не

считать драгоценную мамочку, она должна была попытаться помочь хотя бы ему, да лишь по той причине, что без научного руководителя защититься нормально не получится, кем бы ни была твоя мать.

Но Ролан, впрочем, ни капельки не злился. Ему явно было абсолютно наплевать на женское внимание и всё в том же роде. Всё, о чём нынче думал мужчина, это о том, как именно сработало проклятие и какие ещё особенности следует высветить в диссертации. Личная жизнь у него не складывалась, по крайней мере, собственная, а Сагროнова интересовала меньше всего на свете.

— Я повторюсь, — уверенно заявила Элеанор, от волнения даже прикусив нижнюю губу, — что это проклятие можно снять только одним способом. Потому, доцент Дэрри, я б на вашем месте сейчас просто гналась бы за Котэссой, а не сидела здесь с таким самоуверенным видом.

— А как же ты, Ролан? — Сагрон перевёл взгляд на коллегу, казалось, всё ещё до конца не веря во всю серьёзность сложившейся ситуации. — Впрочем, для тебя — какой-то там год... В любом случае, ты исключительно из научного интереса будешь искать противодействие. Скорее всего, вы уже этим занимались, а значит, что-то да есть.

— Сагрон, — серьёзно промолвил Ролан, — я не зависим от женского внимания — и если проклятие и ударило только по кому-то одному из нас, то только по тебе, гарантирую. Можешь проверить. В конце концов, у меня полно работы, и я пережду этот год, если понадобится. Но отмени, ради Небес, своё свидание — оно тебе сейчас ну совсем не ко времени.

Дэрри встал, чувствуя, как вскипает в груди раздражение.

— Оно могло сработать только на тебе с такой же вероятностью, как и только на мне, — наконец-то уверенно заявил он, обращаясь к Лантону. — А значит, я могу и не беспокоиться. Котэсса стояла ближе ко мне, Элеанор — ближе к тебе, луч ударил в грудь обоим...

— Поэтому, — отметил Ролан, — я б не стал отрицать возможности, что в моём случае сработало замыкание на Элеанор.

А вот в его — и в этом Сагрон мог и не сомневаться даже без язвительного продолжения фразы, — именно на оскорблённую, раздражённую Котэссу, что мысленно откровенно мечтала его проклясть. Ведь Ролан не сделал ей ничего плохого, весь год старательно учил, а Дэрри, малознакомый и явно заносчивый преподаватель — таковым его считали многие, а мужчина не особо и возражал, — так действительно пытался поставить эту четвёрку, грозил даже неудовлетворительной оценкой, и всё потому, что не поверил ей с первого взгляда. Можно было, в конце концов, допустить, что девочка вполне честно, безо всякой задней мысли писала сама. А вдруг она действительно всё это выучила?

Чем больше Сагрон думал о сложившейся ситуации, тем больше он сходил с самим собой, тем самым, раздражённым и скептически настроенным, на мысли, что Котэсса прокляла именно его и именно так, как поведала Элеанор.

— И, в любом случае, — продолжил Ролан, — как бы нас ни прокляли, я советую тебе беспокоиться в первую очередь о себе. Повторюсь, год не срок для человека, что увлечён скорее наукой, чем соблазнением всем кого не лень.

— Я не соблазняю всех... — Сагрон запнулся. Слухи о нём ходили по университету не самые приятные, по крайней мере, в этом плане, и ему вдруг подумалось, что, может быть, в этом и заключалась ненависть со стороны профессора Хелены. Ничего противозаконного, из-за чего можно было бы вылететь с работы, но и ничего такого, что вызывало бы хэри, капелку её понимания.

— Точно нет заклинания? — совсем уж обречённо спросил он. — И вы уверены, что, к примеру, на меня не сработала волна от Элеанор? Не хотелось бы идти общаться с этой Котэссой по столь пустяковому поводу...

— Всё равно будете у них преподавать, доцент Сагрон, — соскользнула со стола Элеанор. — Но если вы уж так настаиваете — так и быть, мы можем провести маленький следственный эксперимент.

Она подошла вплотную и быстро, раздражённо кривясь, поцеловала его в губы. Элеанор была красивой девушкой — красивой и недоступной, а ещё с отвратительнейшим дурным характером, — и добиться от такой даже подобного поцелуя казалось просто невообразимой сложностью.

Наверное, когда-нибудь Сагрон даже гордился бы тем, что ему удалось, но сейчас, стоило только отреагировать на невинное прикосновение её губ, стоило только податься вперёд, как кожа просто невыносимо зачесалась.

Он отпрянул, вытянул руку — жжение становилось просто невозможным, — но на коже не было ни единого следа.

— Возможно, — предположила, довольно усмехаясь, Элеанор, — это всё последствия какой-нибудь вашей врождённой болезни, но я бы всё-таки приняла это за реакцию на проклятие. В конце концов, вы уже достаточно всего натворили, чтобы не получить прощения от Котэссы даже через сто лет — вы так унизили бедную девочку, пытаясь поставить ей эту четвёрку...

— Проклятие, — уверенно отрезал Сагрон, — сработать не могло! Проклятия Верности должны всё-таки как-нибудь обосновываться и...

Элеанор не ответила. Он только зло передёрнул плечами и вышел из кабинета, громко хлопнув за собой дверь. Наверное, Элеанор смеялась ему в спину, но Сагрон предпочитал этого попросту не слышать. В конце концов, почешется рука и перестанет — ничего такого. Может быть, у него на что-то, да хоть на ту же семейку Ольи, пошла аллергическая реакция. А что, в этом нет ничего столь радикально неожиданного, как может показаться со стороны, семейка отвратительная. Или Элеанор наслала какое-то кратковременное проклятие, которое можно снять универсальной формулой, лишь бы только проучить. Она всегда терпеть его не могла, с чего б это сегодня вспылать милостью и любовью? Да и Ролан не казался расстроенным — а ведь он всё-таки нормальный мужчина и должен был бы понимать, что год далеко не такой уж и короткий срок, а если говорить об этом в форме принуждения, то и вовсе возникало какое-то отвращение к одной только концепции проклятия, которое кто угодно может наложить на кого угодно. Тем более, на двоих одновременно!

Но со временем упрямство отступало. Жжение не проходило, и Сагрону не хотелось даже и думать о том, как с ним бороться. Он попробовал и универсальную формулу, и даже несколько специфических, а потом использовал одну из тех, что изобретал в юности, когда и сам учился на втором-третьем курсе, самую безотказную, ту, что не подводила его ещё ни разу за долгие годы использования. Но реакции не последовало, и мужчина просто приказал себе не реагировать. Почешется и перестанет, не в первый раз. Он участвовал и в магических сражениях, и ранили его, так что надоедливый зуд на одной руке и там, куда ударил золотистый луч, это всего лишь неприятность откровенно временного характера.

...В преподавательской было, к счастью, тихо. Сагрон заставил себя засесть за оформление ведомостей. Если закончить сегодня, то можно было не возвращаться к этому вопросу и не являться в университет ни завтра, ни послезавтра, так что, он предполагал, что сможет освободиться от надоедливой работы поскорее. Видеться со всей кафедрой не хотелось, но тишина, царившая в коридорах родного университета, располагала ко всему наилучшему.

Главное, чтобы погреться не зашла секретарь от Зельеваров. Кафедра Зельеварения располагалась в самых холодных аудиториях на первом этаже, потому что ингредиенты могли пострадать от жары. О том, что пострадать они могли и от холода, каким-то образом никто не подумал, в частности, ректор тоже. Зачем думать о людях со столь крохотными наборами вопреки всему великолепию их специальности? Верно, все мечтают быть именно боевыми магами, а развивать науку и заниматься толковым делом не для них. Сагрон не то чтобы был против хорошей ситуации на родной кафедре, но подобное отношение раздражало просто невероятно.

Но ему повезло. Секретарь — жутко громкая, похожая на жабу женщина, — к нему в гости не зашла, а он так увлёкся работой над документацией, что очнулся лишь тогда, когда мягкие руки легли ему на плечи.

Мужчина обернулся — за спиной маячила одна из двоечниц третьего курса, той самой проклятой группы, где училась и Котэсса. На экзамен она — равно как и ещё два парня и три девушки, — не явилась по той причине, что не была допущена, и Сагрон уже предвкушал весёлая последняя летняя двадцатка, когда ему придётся заниматься очередной грустной и надоедливой работой, разбираться с двоечниками и тратить на них и лето, и бесценные дни своей жизни.

— Я вас внимательно слушаю, — сухо промолвил Сагрон. У неё ещё было время — до завтрашнего вечера, — сдать лабораторные работы Элеанор и прийти сюда разбираться с экзаменом, но Дэрри отлично знал о том, что аспирантка просто так ничего не засчитает. А просто так закрывать глаза и на пропуски, и на хамское поведение, засчитывать баллы и рисовать с небес тройку там, где стыдно ставить даже единицу, он не собирался.

Но двоечница неожиданно показалась ему довольно привлекательной. А может, хотелось доказать, что он не просто так игнорировал планы на вечер, продемонстрировать самому себе, что можно ничего и не отменять. Улыбалась она тоже весьма соблазнительно.

— Я просто подумала, — придвигаясь поближе, сообщила девушка, — что можно было бы как-нибудь закрыть мою двойку... Понимаете, это единственный предмет, по которому у меня сложилась подобная ситуация...

Руки скользнули по его шее, куда-то к воротнику рубашки, по пуговицам... И внезапно обожгли, словно пламенем. Ожог — невидимый, к счастью, — распространялся по коже так быстро, что

Сагрон едва сдержался, дабы не ударить ничего не подозревающую девицу.

Проклятье! Всего мгновение назад он уже почти забыл о проклятии, а теперь оно напоминало о себе с новой силой. Кожа горела, словно её только что прижгли клеймом. Перед глазами всё попросту подпрыгивало и пошло чёрными пятнами.

И помочь разобраться с проклятием, раз уж и Элеанор была бессильна в этом плане, могло только одно.

— Хорошо, — отодвигая от себя двоечницу, промолвил Сагрон. — Положим, я могу поставить тройку, закрыв глаза на ваши прогулы и отсутствие лабораторных работ. Но я ведь должен получить кое-что взамен...

Она вдохновлённо закивала, и пальцы потянулись к шнуровке платья, словно девушка намеревалась прямо тут предстать в чём мать родила, но Дэрри лишь поспешно выдохнул, надеясь, что не ослепнет, увидев вдруг что-то запрещённое голых рук:

— Мне нужен адрес вашей старосты, Котэссы Арко.

— И это будет стоить мне тройки? — полюбопытствовала двоечница. Сагрон даже не пытался вспомнить её имя — оно успешно утонуло где-то посреди таких же непотребных и отвратительных студентов. В НУМе, а уж тем более у них на кафедре подобного добра всегда хватало с головой, и Сагрон не сомневался, что дальше будет ещё веселее.

— Да, — согласно кивнул он. — Я поставлю тройку в обмен на адрес и очень надеюсь, что это вас устроит. Ведь устроит?

Она уверенно кивнула. Разумеется — девушка даже не собиралась отказываться от предложения. Сагрон, узрев пустую зачётку, осознал, что обойти ей предстояло ещё огромное количество преподавателей, а сама девушка была на грани вылета. Сколько у них предметов в сессии? Восемь? И из них стоял только один, и тот — обыкновенный, недифференцированный зачёт! А больше трёх двоек в сессии даже в их лояльном университете было однозначным поводом для выгона, тут уж и юлить не получится — некуда просто увиливать от суровых правил.

Понимая, что ещё троих она может и не уговорить, Сагрон безо всяких угрызений совести поставил незаслуженную тройку. Бумажку же из рук девушки, на которой она поспешно нацарапала адрес Котэссы, он вырвал практически с жадностью, с таким сиянием в глазах, что она аж содрогнулась и удивлённо да как-то возмущённо покосилась на преподавателя.

— Сдалась вам эта Арко... — покачала головой девушка. — Я могу идти?

— Иди-иди! — отмахнулся Сагрон. Жжение становилось всё сильнее — и он, быстро написав на чистом листе бумаги записку, подбросил его в воздух. Тот рассыпался на мелкие золотистые искорки и вскоре растаял в воздухе окончательно, грозясь свалиться прямо перед носом у адресата. Мужчина кивнул, хмыкнул сам себе под нос, понимая, что девушка, которой он отправил письмо подобного содержания, скорее всего, завтра явится выяснять отношения. Или сегодня, но он не планировал пребывать дома.

Но думать о ней сейчас было некогда. Его прелестная спутница этого вечера была отнюдь не любовью всей жизни, поэтому мужчина как-то даже и не задумывался об этом. В конце концов, сначала надо разобраться с Котэссой и с проклятием, а потом уже бегать по свиданиям и каким-либо посторонним женщинам.

Он посмотрел на бумажку с адресом, который оставила двоечница, та самая, имени которой он так и не вспомнил, потому что на зачётке не посмотрел, перевёл взгляд на ведомость и пробормотал заклинание интеграции — напротив одной из совершенно незнакомых фамилий мигом появилась тройка, оценка, которую он не проставил. Заклинание отобрало немного магических сил, но Сагрон не обратил на это практически никакого внимания. Напротив, даже был рад, что быстротечная слабость подарила ему минутную свободу от жжения, отвратительного и, казалось, непрерывного.

Ещё раз кивнув самому себе, он бросил быстрый взгляд в маленькое зеркальце — проверил, не позеленела ли часом кожа, — и направился прочь из университета.

Глава 3

Котэссе казалось, что она могла сию секунду превратиться в какой-то кипящий котёл над огнём — а после взорваться, словно тот "светлячок", не шпаргалка, нет, а настоящее могучее волшебство, способное разорвать всё на кусочки в радиусе нескольких сотен метров, а то и снести с лица земли целый город, если потрудится полноценный круг Архимагов. Но она не была Архимагом, а сконцентрированный в теле заряд силы даже при смерти не был бы таким сильным на случай извержения, чтобы её хватило хотя бы на несколько метров извержения. В любом случае, девушка не планировала даже и пытаться. Ей хотелось верить, что она окажется дома и немного придёт в себя, а потом соберёт вещи и отправится к родителям.

Сейчас она жила у тётки. Та вообще-то промышляла сдачей домика студентам на неопределённое время. И летом тоже, кстати, потому что практически не бывала дома, а так — хотя бы какая-то копейка падала ей в карман. Но племянницу пустила практически бесплатно — за вычетом, разумеется, определённых услуг магического характера, за которые Котэсса с ней в любом случае не брала бы денег.

Подобное сотрудничество же было выгодно им обоим. Котэссе не пришлось тесниться в общежитии, в одной комнате с тремя незнакомыми девушками, а тётке — переживать за то, что некому присмотреть будет за её домом. Комнат там было несколько, и девушка занимала только одну. Вторую — её однокурсница, Кэтрин Хэмум. Та уже платила деньги, но зато пользовалась не в пример большей свободой, приводила к себе друзей и игнорировала раздражённые взгляды Тэссы.

Разумеется, иногда хотелось предложить тётке денег и занять полноценно весь дом, но у неё были небогатые родители, они и в столицу-то отпустили только при условии бесплатного жилища, и даже часть собственной небольшой стипендии Котэсса вынуждена была отправлять матери и отцу. Не то чтобы она за всё это время дождалась от них хотя бы одного благодарственного слова, но Арко утешала себя тем, что родители просто строги и желают, дабы она выбилась в люди и научилась самостоятельно обеспечивать собственную жизнь. И вообще — нечего заглядывать в чужие карманы, даже если они родительские, и в чужие рты в поиске благодарности.

Но повышенная стипендия ей была нужна, как воздух — иначе Тэссе и вовсе не за что было бы жить! И одного только намёка от этого отвратительного доцента Сагрона с головой хватило на то, чтобы вывести её из себя. Потому что она знала, она учила, она совершенно не заслуживала, чтобы о неё вытирали ноги и смели смотреть с подобным раздражением! Четыре! Подумать только!

Они всей группой собирались отметить окончание учебного года — так нет же, и на это преподаватель наложил свою лапу. Из-за проклятия, в котором Котэсса была совершенно невиновна, она вынуждена была задержаться почти на полчаса — а однокурсники оставили ей записку, что пошли праздновать сами и её не ждут, ведь она, наверное, надолго и совершенно не расстроится, верно? Увы, но расстроилась, даже обиделась, потому что вложила в это силы, организовывала всё, а теперь ей заявили, что просто решили не ждать.

Девушка толкнула дверь, надеясь, что магия не сорвётся с цепи и ничего не разобьёт. На самом деле, она была уверена, что этого не случится, ведь из-за испытания Сагрона выдохлась достаточно, чтобы не суметь наколдовать даже элементарный цветок. О мести или чём-то в этом роде она даже не думала — отлично понимала, что преподаватели замечательно справятся и без неё. Девушка осознавала, что у каждого проклятия есть формула противодействия, и, разумеется, с нею могла разобраться и Элеанор — уж точно никто не требовал бы участия какой-то там ученицы.

Но в доме что-то было не так. Котэсса буквально видела несоответствия — она, когда уходила, не оставляла тут, в коридоре, никаких вещей, а сейчас на комодѣ валялась книга, да и вообще, что это за...

— Вы что здесь делаете?! — возмущённо воскликнула она, узрев в кресле, прямо в центре собственной комнаты, доцента Сагрона собственной персоной — бесконечно самоуверенного, наглого и смотревшего на неё так, словно он только что пытался оценить свою собственность.

Все мысли о спокойствии и о том, что узрит она преподавателя исключительно на первой учебной неделе, или когда там у них будут занятия, моментально обратились прахом. Мужчина нагло смотрел на неё, с вызовом, кажется, совершенно не задумываясь о том, что проник на чужую территорию, и в тонких пальцах прокручивал какую-то бумажку — неизвестного происхождения. Котэсса знала, что обрывков у неё в доме никогда не было, а Хэмум вообще крайне негативно относилась к бумагопроизводству, так что ни на миг не засомневалась — принёс с собой.

В этот миг Котэсса, казалось, ненавидела его сильнее всего на свете. Невообразимая наглость — явиться к ней в дом, не предупредив, не постучав в дверь, устроиться в её любимом — ну, пусть, не любимом, но единственном кресле, а теперь смотреть так, словно она ему что-то должна.

— Добрый вечер, — поприветствовал её Сагрон. — Надеюсь, не помешал? У меня очень срочное

дело.

— Помешали, — уверенно ответила Котэсса. — И, надеюсь, вас не оскорбит моё предложение немедленно покинуть дом и больше не приходить сюда? Как вы вообще здесь оказались?

— Дверь была незаперта, — пожал плечами мужчина. — Но разве это имеет какое-то значение? Я относительно проклятья.

— Сдаётся мне, всего несколько часов назад вы совершенно в него не верили.

Он нахмурился и закрыл глаза, словно пытался отмахнуться от подобного предположения. В проклятье Сагрон мог не верить столько, сколько ему будет угодно, но кожу невыносимо жгло, а он не хотел целый год страдать от подобной боли. В конце концов, какое-то проклятье не могло испортить человеку жизнь с такой радикальной быстротой! Сагрону отчаянно хотелось бы в это поверить. Да и его можно было снять — и он даже знал как, а способ избавления от надоедливой магического воздействия сейчас стоял прямо перед ним, возмущённый и покрасневший.

Со стороны Котэсса и вправду напоминала всколоченного кота. Её русые волосы из хорошей причёски моментально улеглись в некое гнездо, будто бы среагировали на магию, которой девушка воспользовалась на экзамене. Светло-карие глаза раздражённо, но в тот же момент с исключительно научным возбуждением сверкали, и девушка всем своим видом буквально излучала некое неподчинение. Сагрон полагал, что избавиться от проклятия будет просто, но сейчас, следя за каждым её движением, за каждым жестом, начинал считать, что, может быть, всё не так уж и легко, как ему изначально казалось.

— Я хочу избавиться от проклятия, — уверенно промолвил он.

— Избавляйтесь.

— Я за этим и пришёл, — пожал плечами мужчина. — К тому же, Элеанор меня просветила — сказала, что другого способа, кроме того, что был описан, не существует, поэтому...

Котэсса нахмурилась. Поняла она, кажется, моментально — по крайней мере, по поджатым губам и возмущению, вспыхнувшему в её взгляде, это было понятно. Мужчина встал на ноги, подошёл ближе, и девушка сердито скрестила руки на груди, отступая от него на шаг назад.

— Я умею колдовать, — напомнила она, — и знаю немало боевых заклинаний. Только прикоснитесь ко мне — и вылетите отсюда пулей! И, к слову, я уверена, что проклятие подразумевает наказание за попытку избавиться от него нелегально!

Сагрон вздохнул. Он и сам был в этом уверен, но, впрочем, полагал, что проблем не возникнет. Девушки всегда достаточно легко сдавались — по крайней мере, если не после первой улыбки, то уже на третий день знакомства. Но Котэсса, впрочем, была не в его вкусе — слишком много от профессора Ольи, хоть они совсем даже не родственницы, да и примесь возмущённо-раздражённой Элеанор.

— Насколько можно верить тому, что наговорила мне Элеанор, по крайней мере, — начал он, — избавиться от побочного эффекта...

— А вы что, уже кого-то себе нашли, доцент Сагрон?

Он помрачнел. В голосе чувствовался вызов — хотя девушка, казалось, и не догадывалась доселе, что именно она была здесь хозяйкой положения.

— Это имеет значение?

— Разумеется. В таком случае, я посоветую отправиться к той, благодаря которой у вас проявились рога, хвосты и жабые позеленение, и пусть эта дама и залечивает всё, что может!

Жар становился невыносимым. Казалось, железную палицу прижали к груди, на руку надели раскалённую перчатку — всё это до такой степени болезненно вбивалось в кожу, что Сагрон уже начинал пошатываться от неотступной, самоуверенной боли, полагающей, очевидно, что на его теле ей самое место.

— Ты прекрасно знаешь, что только сама можешь мне помочь, — покачал головой он. — И вполне возможно, если быстро расправиться с этой неприятностью... — он запнулся лишь на одно короткое мгновение, подошёл к девушке вплотную — и с облегчением осознал, что жжение немного унялось, когда его руки легли ей на плечи, а девушка не вздумала вырываться.

— Хм. Вас поцеловали?

Он, недоумевая, кивнул — и девушка, подавшись вперёд, быстро коснулась его губ и в тот же миг

отскочила обратно.

Жжение утихло. Казалось, и зуда никакого больше не было — всё вернулось на круги своя. Теперь он вновь чувствовал себя точно так же, как и несколько часов назад, ещё до наложения проклятия, разве что больше не собирался рисковать.

— Если верить Элеанор, — промолвила Котэсса, — то через год это пройдёт. Но для подобного рода проклятий наказание может идти по нарастающей, так что я не советовала бы рисковать и дальше так сильно собственным здоровьем. Приятного вечера.

Она открыла перед ним дверь комнаты и указала куда-то в сторону коридора, словно предлагая немедленно уйти. Мужчина замер, а после ошеломлённо хохотнул, словно не желал воспринимать отказ. Он посмотрел на неё ещё раз, но Котэсса оставалась непреклонна. Складывалось такое впечатление, будто бы для неё вдруг делом принципа стало банально вытолкать его за дверь и не иметь больше никакого дела.

— Что это означает? — наконец-то мягким голосом полюбопытствовал он, почти что нежно улыбаясь, так, словно Котэсса попробовала пошутить.

— У вас что-нибудь болит? — участливо полюбопытствовала она.

— Нет.

— В таком случае, не смею вас задерживать. Я помогла всем, чем могла помочь, теперь у вас нет ни жжения, ни чесотки, ни что у вас там ещё могло быть, что вы так быстро ко мне прибежали, ведь я не вижу видимых симптомов. Значит, вам действительно помогло. А всем остальным я заниматься попросту не планирую. Идите. Идите же!

Сагрон отрицательно покачал головой.

— Мы можем расправиться с этим проклятием раз и навсегда, и я больше не стану мешать тебе, — отметил он, склонив голову набок и посмотрев на девушку так, словно как раз пришло время ей попросту запрыгать от радости. — Или...

Котэсса ускользнула куда-то из комнаты, оставив мужчину стоять одного, а после, буквально спустя несколько мгновений, вернулась, но уже с веником в руках. Держала она его с таким угрожающим выражением лица, что, казалось, посягательство на сие средство уборки комнат от нежелательного мусора и мужчин могло стоить ему жизни, не говоря уж обо всём остальном. Дэрри, разумеется, не попятился и испуганным вроде бы не казался, но всё же, его самоуверенности как-то поубавилось.

— Ну, мы ведь можем просто поговорить? — предположил он наконец-то. — О том, как избавиться от этого лишнего груза. Ведь я совершенно уверен в том, что ты совершенно не собиралась меня проклинать.

— Мне уже хочется, господин доцент.

— Котэсса... — называть её по имени было отчего-то странно. Напрашивалось привычное "студентка Арко", но мужчине подумалось вдруг, что от такого рода обращения она только разозлится пуще прежнего, а тогда уж точно безо всяких сомнений выставит его за дверь. А так, по крайней мере, у него были кое-какие шансы успокоить её и уладить всё мирно. — Нам просто надо поговорить.

— Говорите, — она вновь качнула веником в своих руках и покосилась на дверь. — Ну же. Чего вы молчите? Я вас очень внимательно слушаю.

— Элеанор сказала, что это единственный способ избавиться от проклятия, — вздохнул Сагрон. — Разумеется...

— Ваша свобода достаточно дорого для меня стоит. Слишком дорого — чтобы я посмела пойти на подобные условия сделки, — уверенно ответила девушка. — Поэтому вам лучше уйти. Разговаривать нам равным счётом не о чем, а вы, к тому же, мне мешаете. Мне пора собирать вещи.

— Собирать вещи? Ты куда-то уезжаешь?

— А разве для вас это имеет какое-либо значение?

Сагрон помрачнел. Он полагал, что согласия от Котэссы с первой же минуты встречи ему ждать не следует, к тому же, на экзамене действительно как-то не очень хорошо вышло, но... только-только загоралось лето, а если она уедет, если уедет надолго, то со всеми последствиями проклятия, даже если всё получится совершенно случайно, сражаться ему придётся самому, расплачиваясь ожогами и повсеместным позеленением за каждый лишний поцелуй, пусть даже он сам не будет ответственен за это. В конце концов, с какой-то стороны она всё же была виноватой в случившемся,

а значит, просто так сбежать не могла.

Направляясь сюда, Дэрри был совершенно уверен в том, что девушка б и сама не против загладить свою вину. И, будь на её месте кто-либо другой, пожалуй, не было бы никакой проблемы в избавлении от проклятия...

Если не считать тот заковыристый пункт в виде девичьей чести. Сагрон, правда, подозревал, что Элеанор его банально придумала, но мало ли? А все прочие третьекурсницы, пожалуй, и силу бы в чужое заклинание не сумели вложить, всё-таки, материал это даже не для бакалавра и не для магистра. Можно предположить, что Котэссе просто повезло, но как же всё-таки не вовремя! Сколько б нынче отдал Сагрон, чтобы просто подписать её зачётку, поставить туда уже за теорию заслуженную пятёрку и отпустить девушку на все четыре стороны прежде, чем Элеанор вздумает зачитывать вслух тексты новоизобретённых проклятий?..

— Имеет, — наконец-то промолвил он. — Столица — место, в котором всегда, с каждым шагом открываются неведомые перспективы. Увы, но с такой же гордостью и уверенностью выразиться о других местах нашей страны я всё же не могу. К тому же...

— К тому же, вы боитесь, что вас опять кто-нибудь обнимет, проклятие взбунтуется, а меня не будет рядом? — сердито спросила она. — Позвольте всё-таки мне собрать вещи и уехать. Я могу опоздать из-за вашего вторжения.

Опоздать Котэсса на самом деле не могла, потому что выезжать ей надо было только завтра вечером. Относительно радостной встречи с родителями её тоже терзали смутные сомнения, но Сагрону об этом знать было необязательно, а тётушка на лето предпочитала сдавать комнаты подороже, а не тратить их бесплатно на племянницу. Она и относительно учебного времени уже начинала ворчать, говаривала что-то о том, что на выходных Котэсса могла и не занимать ценную площадь, а уж что говорить о периоде жары и толпы гостей столицы, что прибывали сюда, лишь бы только где-нибудь поглупее растерять всё заработанное за предыдущий год.

— Уходите, — уверенно повторила она. — Мне б не хотелось вас выгонять, но придётся это сделать, если не пожелаете уйти самостоятельно.

Сагрон раздражённо покачал головой, словно пытаясь продемонстрировать ей, что не намерен покидать дом, но девушка была настроена радикально. Не увидев совершенно никакого сдвига с его стороны, она просто прошла мимо и, вынув из старого полуразваленного шкафа сумку, принялась складывать в неё все свои вещи.

Книги на дно укладывались как-то особенно тяжело. Котэсса, разумеется, пользовалась заклинанием, что облегчил бы для неё вес поклажи, и расширяла её внутри, насколько это было возможно, воруя немного места у тех, кому оно и вовсе не было нужно, но сегодня каждый том полагал, что должен выскользнуть на свободу и ударить её по лбу, а только потом, и то, совсем даже не мирно, улечься обратно в сумку.

Она раздражённо шмыгнула носом, прогоняя нежеланную грусть. Сегодня и вовсе день не ладился, с самого-самого утра, а пристальный взгляд Сагрона — хотя Котэсса не была уверена даже в том, что он всё ещё находился в комнате, — выводил её из себя и вызывал странную дрожь в руках. Хотелось требовать, чтобы мужчина ушёл, ушёл как можно скорее, но Арко решила для себя, что её невозмутимость будет лучшим оружием из тех, что она вообще могла себе нынче позволить.

Ещё одна книга раздражённо вырвалась из рук, укусила, причём довольно болезненно, за запястье, описала пируэт у девушки над головой и рухнула куда-то за спину. Котэсса поспешно обернулась, намереваясь её поднять и запихнуть в сумку вопреки желанию литературного издания, но вместо этого столкнулась с Сагроном — и застыла, чувствуя на себе пристальный взгляд его тёмных глаз, даже слишком тёмных, подумалось вдруг, если брать в расчёт светлый оттенок волос.

— Даже книжки, — голос мужчины теперь звучал хрипловато и совсем уж интимно, — против столь наглого побега. Может быть, их владелице тоже стоит об этом задуматься? Что плохого в том, чтобы задержаться в городе всего на несколько часов или дней?

Котэсса ошеломлённо моргнула. Никто и никогда прежде не разговаривал с нею в подобном тоне — не было в голосах ни вкрадчивых ноток, ни этого странного бархатистого оттенка...

Одумалась она быстро — стоило только руке мужчины скользнуть на талию, — и оттолкнула его от себя, возмущённо краснея.

— Что вы себе позволяете?! — возмутилась девушка. — Вон! Вон отсюда!

— Ну зачем так грубо...

Она сердито швырнула следующую книгу прямо на дно сумки, и та, учуяв гнев владелицы,

моментально притихла и больше не пыталась вырваться и вылететь прямо на Котэссу. Девушка же сделала угрожающий шаг вперёд, потянувшись за веником, отброшенным совсем недавно.

— Если вы намереваетесь за мой счёт решать свои проблемы, — промолвила она, — то, пожалуйста, уж будьте уверены — вам попалась не та девушка, что вам нужна. Вас проводить, или вы наконец-то уйдёте сами, господин доцент?

Сагрон сделал шаг вперёд, надеясь хотя бы немного её успокоить, но Котэсса только возмущённо выставила веник вперёд, и мелкие веточки и соломинки, из которых он был сделан, оставили на носе даже тонкую, практически незаметную царапину.

Выглядела девушка нынче до того угрожающе, что мужчина ну никак не мог избавиться от ассоциации с кошкой, до предела возмущённой, шипящей на неожиданно появившуюся в её доме бесстрашную, безмерно наглую мышь. Нет, он не чувствовал себя слабой мышкой или даже крысой, но сам факт!

Узрев, что мужчина до сих пор не сдвинулся с места, Котэсса раздражённо тряхнула веником прямо у него перед глазами. Сагрон отступил ещё на шаг — и она, довольствуясь этой крохотной победой, наконец-то опустила своё невообразимо грозное оружие и шумно выдохнула воздух, вероятно, обозначая, что отчасти успокоилась.

— Неужели, — начал Дэрри, — в правила хорошего тона не входит предложить выпить гостю чаю или кофе?

Ему хотелось намекнуть на вино, но в этом доме вряд ли можно было отыскать что-то покрепче воды.

Котэсса сжала зубы.

— А разве в правила хорошего тона, — промолвила она, — не входит сначала жениться, а потом делать девушке непристойные предложения?

— Ты хочешь за меня замуж?

— Отнюдь!

Сагрон удивлённо склонил голову набок. Иррациональность её мышления должна была обосновываться хотя бы какой-то элементарной логикой, но он всё никак не мог отыскать то самое логическое звено — упускал, терял, возвращался вновь и каждый раз оставался ни с чем.

Котэсса скрестила руки на груди и теперь всё ждала от него, пожалуй, какой-то реакции. Сагрон молчал — да и что он, по правде, мог сказать, сталкиваясь со столь возмущённым взглядом, в котором так и сияли все невысказанные оскорбления в его адрес? И не то чтобы всё это было необоснованным, нет, в чём-то мужчина мог даже понять Котэссу, но своя рубашка, как говорится, ближе к телу, и, соответственно, думать о ней и о том, что, может быть, обидел, не получалось совершенно.

— Так что насчёт чая? — спросил он наконец-то. — И мирного разговора? Ни к чему не обязывающего? Что в этом такого сложного?

— Я спешу, господин Сагрон, — отозвалась Котэсса. — Покиньте мой дом, пожалуйста. У меня нет времени.

— Повышенная стипендия была так важна? — мужчина, вместо того, чтобы уйти, подступил на шаг ближе. — Должны быть причины. Почему? Ты неходишь на девушку, готовую на всё, ради денег.

— Деньги нужны всем, — возразила Арко. — Кому-то больше, кому-то меньше. И я тоже предпочитаю питаться материальной пищей, а не духовной — её, знаете ли, бывает мало.

— Четвёрка не помешала бы обыкновенной стипендии.

— Это не ваше дело.

— Теперь — моё, — хмыкнул он. — Я понятия не имею, что будет творить это проклятье, если с тобой что-то случится. И в обе ли стороны действует Верность, или как там оно называется.

— Не переживайте, срок у вас, Элеанор сказала, всего год.

Котэсса попыталась пройти мимо, но он схватил её за плечи — будто бы всё ещё надеялся в чём-то переубедить. Но девушка только столкнула его руки, словно что-то мешающее, и вернулась к своим вещам, твёрдо намереваясь сегодня же отправиться домой, хотя билеты у неё были исключительно на завтрашний день. Впрочем, откуда знать, как сложится судьба — девушка уже давно зареклась

ничего не загадывать и не ждать от жизни большего, чем она на самом деле могла ей гарантировать.

Сагрон не уходил. Собиралась Арко молча — в конце концов, она действительно не могла банально выставить преподавателя за дверь, даже если очень хотелось это сделать. Она же, поджав губы, делала вид, будто бы ничего не замечает, даже не поняла, когда он на самом деле отступил к выходу, словно разрываясь между возможностью оставить её одну или всё-таки задержаться на несколько минут.

Котэсса была уверена в том, что он давно уже покинул её дом, когда наконец-то покончила со сбором вещей, но, обернувшись, узрела, что мужчина всё ещё стоял на пороге. Деваться было некуда — она и вправду не представляла, чем ещё сможет себя занять, прежде чем наконец-то он догадается оставить её в покое.

— Вы ничего не добьётесь, — промолвила уверенно она. — Даже если вращаетесь здесь в землю, тот способ, что позволяет снять проклятие, меня не устраивает.

— Возможно, сейчас мне действительно не светит ничего, кроме отказа, — послушно согласился Сагрон. — Но я предпочитаю мыслить в перспективе. Год слишком длинный. А ты, Котэсса...

— А что я?

— Весьма привлекательная девушка, — хмыкнул он. — Но с ужасным характером. Ни на миг не удивлюсь, если узнаю, что именно по причине излишней самодостаточности и требований к противоположному полу испытываешь определённые трудности с поиском второй половины.

Она помрачнела. Вот уж в это точно не имел права влезать ни один мужчина, даже если она его прокляла.

— Послушайте, вы и так уже много наговорили. Если вас смущают девушки, не считающие себя придатком к мужчине...

— Меня как раз они совершенно не смущают.

Котэсса надеялась, что сумеет проскользнуть мимо — но он поймал её за запястье, притянул к себе — и не выпустил, даже когда она дёрнулась и мысленно призвала веник.

— Если вы полагаете, — прошипела она, — что от применения силы может пасть проклятие, то я вас, очевидно, очень разочарую!

Сагрон пропустил это возмущённое восклицание мимо ушей, наклоняясь к ней и прикоснувшись к губам. Котэсса дёрнулась — но, кажется, успокоилась спустя мгновение. На поцелуй она, впрочем, не ответила, так и замерла, будто бы та статуя, в его объятиях. Мужчина предпочитал не замечать её гневный взгляд — одно только прикосновение к её губам отозвалось неожиданным теплом там, где недавно пламенем жгли невидимые клейма. Ему, конечно, могло просто показаться, но Сагрон чувствовал магию, чувствовал, даже когда наконец-то выпустил её из собственных объятий и мягко-мягко улыбнулся, неожиданно и для себя самого тоже.

Арко покраснела и казалась до ужаса возмущённой, но ни слова не проронила, только молча хватала ртом воздух, будто бы выброшенная на мель несчастная рыба.

— Всё в порядке? — полюбопытствовал Дэрри. — Я не хотел тебя испугать, — он лучезарно улыбнулся. — Правда.

— Я не испугалась. Я просто подбираю проклятие, которое отвадило бы вас от этого дома раз и навсегда!

— Можно на ты, — милостиво разрешил Сагрон. — Но проклятье — это плохо. Мне хватает предыдущего. Может быть, договоримся мирно?

— Исключительно в том случае, если вы незамедлительно покинете мой дом!

Он пожал плечами. Ещё раз перевёл взгляд на собранную сумку и грустно вздохнул, хотя осознавал, что про сегодняшнее отбытие она явно не могла заявить серьёзно.

— К сожалению, уехать этим вечером не получится, — протянул Дэрри. — Увы, но деканату нужна помощь. Доцент Ойтко жаждет увидеть вас послезавтра, чтобы заполнить определённые таблицы... Она попросила передать меня эту информацию, — мужчина выдумывал на ходу, осознавая, что после с Литорией ещё придётся поговорить, дабы придумать для студентки задание — но этого добра у них в деканате всегда найдётся, — но, разумеется, может и сама послать магическое сообщение. Просто мы подумали, что так было бы быстрее, лично, а я всё равно собирался к вам

сегодня, так что — почему бы и нет?

— Вы лжёте!

— Ну, — усмехнулся Сагрон, — нехорошо обвинять преподавателя во лжи. Приходите, Котэсса. Я понимаю, наступило лето, каникулы, идёт только конец первой двадцатки дней, но... Что поделать, правда?

— Я не собираюсь вам верить, — возмущённо отозвалась Котэсса. — И если вы это выдумали исключительно ради собственной выгоды!

Сагрон лишь равнодушно пожал плечами. Он наконец-то выпустил её из объятий, а последние фразы говорил до того серьёзным тоном, что, казалось, нельзя было и передать словами всей важности поручения от Ойтко. И самое отвратительное, что Арко не сомневалась — даже если ничего такого на самом деле не случилось, она всё равно придёт послезавтра в университет, отложит все планы в сторону и будет выполнять бесполезное, никому не нужное дело, которое решили скинуть именно на старосту — самое послушное, что отыскивали на всём их факультете.

— В любом случае, — наконец-то ядовито сообщила Котэсса, — вас там быть не должно, у вас ведь завтра последний рабочий день. Поэтому — прощайте, господин доцент. Встретимся в следующем учебном году!

Он хотел что-то ещё возразить, но на сей раз девушка самоуверенно вытолкала его за порог и захлопнула за ним дверь, кажется, твёрдо намереваясь продемонстрировать — хватит! Больше ни единого кривого слова от Сагрона она слышать не собиралась, а уж тем более поддаваться на его лживые заверения — а в том, что правды в них не было ни на грош, отчего-то Котэсса даже не сомневалась.

Стоило только прогнать доцента из собственного дома, как Котэсса вдруг подумала — а если тётушка, что завтра возвращается из своей деревни, возжелает выставить её за дверь? А что, если не подумает даже оставлять в доме? Или потребует денег — поставит ту же цену, по которой тут проживали бы все остальные? Арко понимала, что таких денег у неё не было, да и никогда не будет, если и дальше продолжать всё почти отдавать родителям. Но ведь они бедствуют, у них нет денег ни на лекарства, ни на достойную жизнь. Да, мама никогда не хотела работать, но ведь это не повод оставлять её теперь в столь голодном положении. А если сократят отца? Какое она право имеет тратить деньги на себя, на жизнь в тётушкином доме, если всё это приведёт к окончательному краху всех планов, всех надежд её любимой семьи?

Да ещё и Сагрон... Она, право слово, не хотела его проклинать, но теперь губы горели, словно огнём, а перед глазами прыгали какие-то яркие точки. Неужели проклятье Элеанор распространяется и на её рассудок тоже? Хотелось отыскать аспирантку, задать вопросы, но умом-то Котэсса понимала: побочные эффекты проклятия до сих пор не изучены, она и Дэрри — первые, кто на себе его испытает. А значит, скорее уж она откроет Элеанор что-то новое, чем та добавит какой-нибудь теории.

Да гори она огнём, эта Сагронова верность! Да, за ним увивались некоторые её знакомые девушки, но сама Котэсса — никогда. Она и подумать не могла, что этот экзамен привяжет к ней мужчину. Нет, разумеется, ей было его жаль, но разбивать свою судьбу... Сам виноват!

Она шумно выдохнула воздух и остановилась прямо напротив упакованных вещей. Покачала головой — и хотя следовало бы разобрать их, осознавала, что лучше не рисковать. Тётушка могла и не оценить её порыв остаться в университете, а разговор, что предстоял ей, будет совершенно неприятным. Да и родители ждут — следует отправить им письмо, чтобы не надеялись увидеть блудную дочь совсем-совсем скоро. А письмо... С письмом она пришлёт денег, потому что не ради этого ли её и вовсе встречали там, в родном маленьком городишке, что больше всего смахивал на деревню?

Котэсса этим вечером, впрочем, так ничего и не сделала. Слабость наконец-то взяла верх, и она, выпив воды, легла на узкую неудобную кровать и провалилась в сон, не услышав даже, когда вернулась Кэтрин. Она-то оставалась на целое лето — богатая семья...

Глава 4

Разумеется, Ойтко подтвердила, что ждала её здесь. И, конечно же, по очень важному делу. Сначала она, конечно, удивилась, но только-только заслышав о помощи, уже спустя миг зашебетала, что да, да, именно Котэссы и не хватало до полного счастья, и, разумеется, найдётся огромное количество работы, которую она обязана выполнить сегодня. Ни минутой позже, ни минутой раньше — эту фразу Ойтко повторила вот уж сотый раз, и с каждой секундой у Арко всё больше и больше появлялась уверенность в том, что Литория на работе-то оказалась случайно, но уж точно не ждала никакой помощи.

Но ей и так было о чём думать. Женщина сгрудила у неё перед носом высоченные стопки личных дел студентов с заполненными образцами — и велела писать, немедленно, сию секунду, взяться за заполнение. Они, конечно же, должны были понимать, что с таким количеством работы Котэссе не справиться за день, но в ответ на замечание Литория уверила девушку — во времени она не ограничена и может приходить каждый день вот ещё целых две недели, пока не начнётся вступительная кампания.

Две недели! А ведь и эту-то ночь она провела у тётки в доме под видом последней — она повторила, наверное, раз десять, что больше не желает видеть иждивенку у себя на пороге.

Да, повторяла тётушка, да, она понимает, что Котэссе негде жить. Но ей надо развивать свой бизнес! У неё, в конце концов, родился внук, а внуку обязательно надо помочь. И младший сын наконец-то отыскал должную невесту, а невеста из богатого рода, надо продемонстрировать достаток семьи. Может быть, совсем скоро сын с супругой в этом доме и поселятся. Что? Нет, Кэтрин может остаться, она-то платит деньги, а вот Тэссе пора и честь знать. Потом она вполне может занять комнату в общежитии, а вот нынче собиралась к родителям, так пусть и уезжает к ним. А если у неё нет возможности, если ей надо работать, пусть университет озаботится о том, чтобы ей было где жить. Что значит закрыто на лето? Ну, глупый, глупый НУМ не желает подумывать о своих студентах, но почему же за него должна отдуваться она одна?

— Может быть, — косясь на гору дел, промолвила Котэсса, — я возьму часть домой? И отправлю вам волшебной почтой? Просто я планировала отправиться к себе в родной город сегодня вечером...

— Нет-нет-нет! Котэсса, милая, зачем отправляться домой? Я вполне осведомлена, — она махнула у девушки перед носом её собственным личным делом, — твоим семейным положением. Магически одарённой особе нечего находиться в этом отвратительном болоте, тебя же там попросту погубят!

— Но мои родители... — несмело возразила та. — Ведь я же...

— Родители! Сколько тебе лет, дитя моё? Тебе исполнился двадцать один год, ты хороша, ты прелестна — а мне известно, что тебя вполне могут насильно выдать за какого-нибудь глупца замуж! Я сама из глубинки, едва-едва сбежала, — Ойтко тяжело вздохнула, — и ни на секунду не пожалела, что проработала тогда в университете всё лето. Между прочим, встретила своего будущего возлюбленного. А кого можно встретить в деревне? Неужели тебе хочется доить коз и коров, заниматься пастушьими делами, когда можно помочь родному университету? Ты талантливая девочка, зачем тебе к родителям!

— Повидать их впервые за год...

— Хорошие родители, которых стоит повидать, приехали бы сами! — отрезала Литория. — И если ты хочешь, чтобы моё мнение о тебе не испортилось, должна закончить работу, раз уж всё равно вызвалась её выполнять.

Котэсса пробовала было возразить, что она сама ни на что не вызывалась, что всё это — вина одного-единственного человека, что самым наглым образом обманул её, но кто бы стал слушать какую-то там студентку?

Поэтому, вытащив ручку, сотворённую, между прочим, самостоятельно, потому что на покупку у Котэссы ни за что не хватило бы денег, она поспешно заполняла одно дело за другим, справедливо полагая, что чем быстрее справится с работой, тем скорее сможет всё-таки отправиться домой. Лучше ночевать непонятно где одиннадцать ночей, чем двенадцать — и этим прекрасным принципом нынче планировала воспользоваться Тэсса.

...На десятом деле первой только группы у неё явственно заныла рука. Казалось, сейчас запястье вот-вот расколется на несколько частей — ручка скользила уже неуверенно по привычно ровным и понятным строкам, почерк нагло портился, а перед глазами буквы принялись танцевать.

Одна из букв напоминала Сагрона — такая же гордовитая, с таким же отвратительным характером. Котэссе хотелось зачеркнуть её, зарисовать чернилами, чтобы никогда-никогда больше не видеть за всю свою жизнь ничего подобного, но она знала, что не получится. Увы, но дикая и бездумная

пляска этих невообразимо тупых, пустых слов, обозначающих заковыристые названия предметов, вызывала у неё страшное желание изорвать каждое личное дело, что она уже успела заполнить.

Голова как-то странно кружилась. Вчера Котэсса не плакала, разумеется, когда тётка выставила её за дверь — но ночевала-то она на улице, неужели заболела? Подхватить сейчас какую-нибудь заразу — хуже и не придумаешь! От этого у неё не появится какое-нибудь удачное и удобное жильё, а вот проблем станет только в разы больше. Куда тогда деваться? Где поселиться? У кого попросить приют?

Мысленно перебирая всех друзей и однокурсников, что жили в столице, Котэсса продолжила писать. Но с девушками в их группе она ведь почти не контактировала, а единственная знакомая с собственной квартирой, двумя курсами старше, уже магистр, недавно вышла замуж и уж точно не пустила бы себе под крышу никого юного и привлекательнее обезьяны.

— Как идут дела, Тэсси?

Она подпрыгнула на месте. В последний раз подобным образом столь нагло её имя сокращал только покойный дедушка, но ему-то как раз подобное позволялось, ведь он был родным и любимым человеком. Сейчас же мягкий мужской голос в условиях серого затхлого кабинета не сулил ничего хорошего.

— Кто вам дал право так ко мне обращаться? — возмутилась Котэсса, оборачиваясь и узрев-таки Сагрона, замершего по привычке у неё за спиной.

— А почему нет? Почему нельзя? — полюбопытствовал мужчина, устраиваясь поудобнее на свободном стуле, стоявшем прямо рядом с нею.

— У вас отпуск.

— Отнюдь! — возразил он. — Никакого отпуска у меня нет, когда юная леди оказалась в плену бесконечных бумаг...

Котэсса вздохнула. Бесконечные бумаги были не самым отвратительным в её жизни, если бы, конечно, не повлекли за собой целую гору других неприятностей. Но делиться подобными новостями с Сагроном она, разумеется, не планировала — и сейчас смотрела на него до того спокойно и уравновешенно, что если бы не подрагивающий от нервного напряжения глаз, можно было подумать, что с девушкой за всю жизнь не случилось ну совершенно ничего плохого, а день этот вообще был одним из лучших.

— Я не думал, что Литория аж так увлечётся своей работой, что поручит тебе всё это, — отметил Дэрри.

— Разве вас это волнует?

Сагрон тяжело вздохнул. Перед Котэссой ровненькими стопочками лежали личные дела всех студентов факультета — с первого по шестой, выпускной для магистратуры, курс. Учитывая то, что в среднем каждый год их факультет — ФБМИЗ, — выпускал больше двухсот студентов, работы здесь могло хватить не на две недели, а на целое лето.

— Я могу помочь, — предложил он.

— Морально? Спасибо, я в вашей поддержке сомнительного характера совершенно не нуждаюсь, — строго ответила Котэсса. — Не отвлекайте меня, пожалуйста. Прежде чем я всё это закончу, я не должна...

Её прервало собственное громкое чихание. Очередное проявление слабости! Ну что за ужас? Конечно же, насморк сам по себе не сулил ничего хорошего, особенно в сочетании с отсутствием жилья и возможности отправиться к родителям, но при Сагрене всё обстояло ещё хуже. Он мог вновь начать задавать какие-то крайне неуместные и лишние вопросы, мог докопаться до того, что исключительно для себя после величал бы истиной, а её бы это и вовсе опозорило!

— Просто не мешайте, — повторила она, не бросаясь уже в пространственные изъяснения, а после, подтверждая все гипотезы, что крутились у Дэрри в голове, чихнула вновь.

Мужчина окинул взглядом кабинет — горы папок на столах, на полу, на подоконниках — да на бедную девочку скинули всё, что только могли! Каждый год деканат, заполняя личные дела и индивидуальные планы, привлекал для этого студентов во время практики, но...

Но Сагрон не хотел отпускать Котэссу домой, а посему вручил её прямо в загребушие ручки доцента Ойтко, заместителя декана, ещё и такой отвратительной с любой точки зрения женщины! И зачем он это сделал?

На глаза попалась сумка. Вспомнить её было не так и трудно — магия, сверкавшая особенно ярко, указывала на владелицу, словно путеводный клубок. У мужчины даже сомнений не возникло, что это были вещи Котэссы — зато причина, по которой она могла взять их сегодня с собой, совершенно не радовала.

— Тебе негде жить? — не удержавшись, спросил он. — Здесь работы не на один день, и это видно.

— Это не имеет значения, — сухо ответила Котэсса, в подтверждение собственных слов чихнув уже не раз, а трижды. Она тут же покраснела, словно стыдилась насморка, и отвернулась от него, стараясь больше внимания уделить личным делам, а после принялась бормотать беспорядочные целительские заклинания, которые знала явно очень и очень слабо.

— Может быть, я могу чем-то помочь?

— Прекратить меня преследовать! — уверенно воскликнула Котэсса. — Я сама разберусь со всеми проблемами, причиной которых стали вы — или даже кто-то другой. А всё остальное не имеет никакого значения.

Он нахмурился. Девушки вообще достаточно редко оказывали сопротивление, ещё и такое яростное, когда он подходил знакомиться или даже предлагал отношения серьезнее, чем просто короткий поцелуй в её комнате. Это дурацкое проклятие, привязавшее её к Котэссе, со стороны казалось таким безобидным, но...

Если он уж и взялся за то, чтобы избавиться от него окончательно и бесповоротно, то без проклинательницы не обойтись никак.

— Послушай, — Сагрон попытался улыбнуться. — Если тебе действительно нужна какая-нибудь помощь...

Он не договорил. Котэсса бросила на мужчину такой пламенный, такой злой взгляд, что на мгновение даже захотелось упасть перед ней на колени и рассыпаться в бесконечных извинениях, хотя проклинала как раз она.

— Это вы послушайте. Я с вами... — она запнулась. — В общем, через год проклятие спадет, а вы навсегда забудете о том, что я существую.

Она вновь склонилась над очередным личным делом, которое заполняла, и сделала вид, что ничего, кроме тысячи папок, не видит.

Но Сагрон не мог заставить себя отвести взгляд от её старой, застиранной сумки, набитой доверху вещами.

Он раскрыл первое попавшее под руки дело, коснулся пальцами бумаги — словно пытался заставить буквы проступить на ней, — но запоздало вспомнил, что индивидуальные планы студентов и их с ними имеют к волшебству иммунитет, чтобы учащиеся не смогли изменить в них что угодно по собственному желанию. Новаторство Министерства Образования. Разумеется, там-то уж точно не могли придумать ничего хорошего!

Котэсса продолжала делать вид, будто бы совершенно не замечает его. Мужчина поднялся, понимая, что девушку ему не переубедить, в последний раз покосился на неё, словно жаждал удостовериться в обратном, и вышел из деканата. Конечно, можно было остаться и помочь, но если она не желает...

Вышел очень зря. В коридоре, напоминающая нечто среднее между пуделем бойцовской породы и фурией из сводки Самых Опасных Волшебных Существ, стояла доцент Ойтко. Сагрон мысленно пожелал себе как минимум несколько раз провалиться под землю — но женщина уже успела его заметить, а теперь бодро отправилась коллеге навстречу, широко улыбаясь.

— Добрый день вам, доцент Дэрри! — заявила она. — Как приятно видеть вас во время отпуска на рабочем месте. Прежде я не замечала никакой страсти к работе, но вы, очевидно, решили исправиться.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Сагрон. — Мне всё равно нечем заняться дома. А что, у вас есть очередная доза поручений?

Литория плотоядно усмехнулась. Поручения у неё были всегда, в любое время дня и ночи. Черноволосая, с чрезмерно кудрявыми волосами, что вечно торчали вокруг её головы, она напоминала излишне верную своему делу собаку, что лает там, где не надо, но не может открыть пасть, когда кричать действительно пора.

Даже голос у Ойтко был такой — неприятный, с какими-то лекарскими нотками, когда она пыталась

язвить, но вполне крикливый, когда надеялась просто напугать студентов.

И кому он отдал на растерзание бедную Котэссу?

— Ко мне в гости, — шипящим тоном, будто бы была змеей, начала Литория, — недавно явился один из наших студентов. Заявил мне, что вы, однако, пытаетесь увести у него невесту. Приглашали её на свидание...

Сагрон вздохнул. Студентов, ревнующих своих однокурсниц к преподавателям, особенно к преподавателям молодым и привлекательным, хватало всегда. Он, правда, поводы давал, но не сомневался, что девица на ровном месте уже успела придумать слишком много условностей и обещаний, которые никогда не сорвались бы с его губ.

Разве что Котэссе он мог бы нынче наобещать всё, что угодно.

— Увы, но к вам поступила неправдивая информация, — покачал головой Сагрон. — Я не соблазняю студенток, ну, и уж точно не приглашаю их на свидания, если у меня нет, скажем, желания на них жениться.

— Да? В таком случае, — хмыкнула Ойтко, — вы должны были бы жениться на большинстве представительниц женского пола факультета.

— Разумеется, — согласился Сагрон. — Но мы не сошлись характерами.

— Не растлевайте молодёжь, доцент! — сурово воскликнула она. — Зачем вы пришли?

— Я подумал... — он запнулся. — Что мог бы чем-нибудь помочь. К примеру, я слышал, что...

— Вы хотите заполнять индивидуальные планы?

Мужчина первым делом намеревался было отказаться, но... Это подразумевало возможность находиться рядом с Котэссой — а значит, и шанс расположить её к себе. Сагрон до конца не понимал, зачем ему вообще это нужно, но, в конце концов, от этой девушки многое зависело. Проклятье, к примеру.

Позавчерашнего разговора с головой хватило для того, чтобы убедиться в стойкости Котэссы и в том, что она выгонит его с огромным удовольствием, стоит только передать с настойчивостью. Сагрон к отказам не привык, может быть, потому Тэсса вызывала даже некий спортивный интерес...

К тому же, это он виновен в том, что девушка осталась в городе. Виновен, но не мог сожалеть, что ещё недели две ему не придётся задумываться о том, где её искать, если вдруг проклятие решит проявить себя ещё с какой-нибудь весёлой стороны.

Ещё несколько дней назад всё казалось таким простым. Избавиться от ненавистного заклинания прежде, чем оно вообще успело себя продемонстрировать, и забыть о нём навсегда. Но Элеанор была непреклонна, когда сообщала о том, что ни какого-нибудь волшебного противодействия, ни снадобья от этого проклятия не существует — потому что само оно всё ещё достаточно свежее, чтобы такое и вовсе не придумали.

А потом он явился к Котэссе и натолкнулся на радикальный отказ и сопротивление. Думал, что девушка сама, с огромным удовольствием сбросит со своих плеч любую ответственность за содеянное — а она самым наглым способом сопротивлялась и явственно продемонстрировала, что не планирует сдаваться.

Мужчина вздохнул. Котэсса демонстрировала себя, как особа крайне принципиальная, и он не мог сказать, что это так уж и расстраивало. Но не чувствовать себя виноватым за то, что девушка осталась без жилья, не мог.

— Да, пожалуй, — согласился он с Ойтко, — я не откажусь заняться заполнением индивидуальных планов. Заодно помогу нашей старосте.

— Да? — оживилась женщина. — Надо же? Вы решили замолить свои грехи перед обществом?

— Возможно, — кивнул мужчина. — Я пойду?

— Да-да... Постойте! — Литория перехватила его за руку, когда Дэрри попытался пройти мимо. — Но, дорогой мой, деканат находится в противоположной стороне.

Он вздохнул. Жажда избежать всё-таки ненавистной работы была слишком сильной, но Сагрон послушно кивнул и повернул в указанную Ойтко сторону. Может быть, он и вправду, поработав, как-нибудь быстрее скоротает день.

А сколько тех дней в году! Совсем-совсем мало. Четыре с половиной (и маленьким хвостиком) двадцатки в каждом сезоне, четыре сезона... Ничего страшного. Проклятье как проклятье — Ролан, может быть, совершенно прав, заявляя, что подобного рода проклятие — это далеко не самое страшное из всего арсенала, которым могла наградить Элеанор. Ну, а может, девушка даже изобретёт что-нибудь полезное. Что-то, что поможет избавиться от кары...

Следовало и вовсе отпустить Котэссу домой — сказать, что сам заполнит все индивидуальные планы, и точка.

Но всё же, а вдруг способа никакого нет? Вдруг к нему ради выяснения явится кто-нибудь? Пусть уж остаётся здесь, по крайней мере, противодействие от проклятия всегда должно находиться рядом, даже если это противодействие является живым, полноценным человеком, может быть, абсолютно несогласным с подобным узурпированием её личного пространства.

И... Он помнил слова Элеанор.

Каждое нарушение продлевает проклятье ещё на год. А кара за нарушение может становиться от раза к разу страшнее и страшнее. Испытывать же на себе все прелести наказания за измену девушке, которую он знал без году неделя, Сагрон не собирался. Это было по меньшей мере глупо.

Когда он вернулся в кабинет, всё такой же серый, мрачный и заставленный светлыми папками, Котэсса старательно что-то писала и делала вид, что совершенно его не замечает. Мужчина занял стул, придвинул к себе ближайшую стопку, наколдовал ручку — ему, благо, покупать это чудо инноваций не приходилось, магия работала отменно, — и, раскрыв первую же папку, принялся заполнять бланк колонкой предметов. Оценки потом вписывал деканат; они, собственно, должны были заполнять весь индивидуальный план от начала и до конца, но, к сожалению, заниматься этим не любили, предпочитая всё чаще срываться на крик и призывать несчастных старост к подобной бесполезной работе.

Девушка делала вид, что его совершенно не замечала. Сагрон не настаивал; в этом сегодня не было никакого смысла. Может, и вправду оставить её в покое?

Но Котэсса, неумело пытаясь излечиться магией, теперь не чихала, но вздрагивала ежеминутно и подпрыгивала на месте, руки у неё побелели, словно кровь отхлынула, а лицо, напортив, было красным-красным, словно она страдала от невыносимой жары, но не могла попросить отворить окно.

— А вы не знаете, — не выдержала она наконец-то, — принимает ли летом студентов общежитие?

— Нет, — пожал плечами Сагрон. — Не должно. А что?

— Это не имеет значения, — Котэсса вновь склонилась над бумагами.

Для неё и вправду всё это было неважно. Она отправила родителям почти всю свою стипендию, потому что не смогла отправиться сама и помочь, так что теперь даже об уплате за общежитие приходилось забыть. А что до съема какой-нибудь квартиры на лето, то об этом Арко даже и не думала, прекрасно понимая, что денег у неё на подобные выдумки нет, не было и никогда, скорее всего, не будет.

Ну ничего. Она найдёт где-нибудь место.

...За окном громыхнуло. Дело приближалось к вечеру, а она всё писала, не прерываясь даже на обед. Быстрее сделает — быстрее отправится домой и освободится от этого бесконечного, ненужного занятия, освободится от потребности находиться в университете. А Сагрон может делать всё, что его душе угодно — хоть на голове стоять, хоть рыдать и падать на колени. Она просто не обратит внимания.

Ушла Котэсса поздно-поздно — мужчина ещё оставался, дописывал последнее дело из избранной стопки, а когда поднял голову, то девушки на месте больше не было. И сумки её тоже.

Зато осталась Ойтко, словно искренний фанат учёбы. Она лучезарно улыбнулась мужчине, вновь поправляя свои чёрные кудрявые волосы, находившиеся в беспорядке ещё худшем, чем до любых манипуляций с причёской.

— Что ж, — заявила она, — вы с Котэссой очень хорошо потрудились, готова половина первого курса, представляете! Ещё немного — и можно будет переходить ко второму... Хорошо, что она пришла. У нас проверки, всегда получаем по голове за то, что планы не заполнены, а теперь вот у нас будет прекрасная, замечательнейшая возможность...

Мужчина вздохнул и кивнул. Хотелось спросить, куда именно отправилась Котэсса — но откуда об этом было знать Литории?

— Я завтра вернусь, — промолвил он. — И продолжу работу.

По крайней мере, дела помогали отвлечься от мыслей о проклятии, а заодно и от страждущих дам, которые, несомненно, появятся у него на пороге совсем-совсем скоро. Об этом — о брошенной им безо всяких объяснений своей недовозлюбленной в частности, — Сагрон тоже предпочитал не думать. Лучше всего решать проблемы по мере их поступления — по крайней мере, не будет так уж сильно болеть голова.

— Я буду с нетерпением вас ожидать, — Литория склонила голову набок, умилённо улыбаясь.

Она проводила его взглядом до выхода из деканата, а после принялась перекладывать какие-то стопки бумаг и бесконечных документов, всем своим видом показывая, что не самая слабая и сдаваться до следующего утра да уходить домой совершенно не намеревается.

Глава 5

Сегодня обеденным перерывом Котэсса всё-таки воспользовалась. Есть на деле ей было нечего, питаться полноценно не позволял излишне ограниченный бюджет, до первой летней стипендии оставалась ещё почти целая двадцатка дней, но она старалась не думать об этом. И вместо того, чтобы облизываться на чужие блюда на чужих же столах, Котэсса взяла книги, которые не сдала в библиотеку — дочитанные вчера, пока она ютилась на лавочке в парке, — и отправилась на самый верхний этаж главного корпуса НУМа, чтобы избавиться от этого груза, слишком большого, как для молодой девушки, чтобы таскать его каждый день с собой в сумке. Заклинание облегчения уже истрепалось, и Котэсса пыталась его обновить, но получалось из рук вон плохо. Она всегда отвратительно колдовала, когда заболела, а ночи почему-то оставались холодными, вот болезнь и не миновала стороной. Надо было лечиться, надо было, в конце концов, спать в тепле и полноценно питаться, но на всё это у Котэссы не доставало средств, а просить ей было банально некого. Поэтому — она лишь убедила себя в том, что придумала все до единой проблемы, не чихает, не кашляет, а перед глазами у неё не плывёт.

В университете внутри было очень холодно. Прежде девушка на это особого внимания не обращала, но сейчас, когда налетели на столицу яростные летние грозы, неожиданно холодные и поливающие всё в округе мерзкими, неприятными дождями, игнорировать озноб просто не могла.

Библиотекарь посмотрела на неё с удивлением. Покосилась на студенческое удостоверение, взяла в руки все пять книжек и вновь подозрительно покосилась на девушку.

— Неужто всё прочла и усвоила? — удивлённо спросила она. — Ты ж на лето это брала, прелесть моя. А лето только начинается!

— Да, — согласно кивнула Котэсса, — но у меня было несколько свободных дней, и я подумала, что в этом нет совершенно ничего зазорного...

— Да-да, конечно, деточка! — библиотекарь прижала книги к груди, словно боялась, что их заберут обратно. Она с таким скрипом их отдавала, что теперь, когда ценные томики вовремя вернулись на родину, была просто вне себя от счастья. — Что-нибудь ещё возьмёшь? — вот этот вопрос был сказан весьма предупредительным тоном, таким, чтобы Котэсса сразу осознала — нет, никто ей ничего не предлагает, лучше просто уйти и не морочить никому голову. — Если б ты, конечно, всё так быстро отдавала, то это было бы замечательно, и я бы могла...

— Не стоит, — покачала головой она. — Спасибо, мне пока не нужны книги. Я приду к вам в учебном году.

Кажется, это заявление обрадовало библиотекаря едва ли не больше, чем то, что она принесла книги в срок и даже не собиралась никого обманывать и воровать бесценные литературные образцы, призванные спасти студенческую общину от вымирания в умственном плане.

— О, конечно приходи, милочка, — слащаво отозвалась женщина, бросившись в зал и расставляя на нужные полки книги собственноручно, так, чтобы не потребовалось использовать волшебство. По правде, магическая литература не особо радовалась, когда её возвращали на место с помощью магии, и об этом многие знали — библиотекарь в первую очередь. Именно поэтому было в жестах что-то чрезмерно бережливое и такое влюблённое в книги, что описать обыкновенными словами сие было бы и вправду очень, очень трудно.

Женщина, казалось, цвела и пахла от одной только мысли о том, что вот — книги на местах. Она гладила их по корешкам, напевала им какую-то тихую песенку, и Котэсса даже засмотрелась на этот своеобразный ритуал, не в силах действительно отвести взгляд и обратить внимание на нечто другое.

— О, — послышался за спиной бодрый молодой голос, — а что ты здесь делаешь? Разве ты не собиралась отправиться домой?

Котэсса обернулась. За спиной, с огромной стопкой книг в руках, стояла Элеанор Ольи. Она тоже сгрудилась свою ношу на стойку, как прежде сделала это сама Арко, и вдохнула чуть терпковатый от постоянного заваривания чая воздух, наполненный пылью, книгами и шелестом страниц — словно они сами могли источать эти невообразимые ароматы магии. Элеанор чувствовала себя здесь, как дома — она улыбалась невидимым стойкам с литературой, мысленно примеряла, как её собственные творения прочно занимают там места.

— Ойто, — пожала плечами девушка. — Решила, что я просто-таки обязана заполнить все личные дела всего факультета, поработать, к тому же, над каждым индивидуальным планом...

— Ой, — содрогнулась Элеанор. — Вот это та ещё гадость. И надолго ты?

Котэсса в ответ закашлялась. Болезнь настигла её как-то совсем внезапно, а собственные лечебные умения не помогали. На целителя у Тэссы банально не хватало денег, на обыкновенные лекарства, которыми пользовались те, кто не владел волшебством, тоже, вот она и пользовалась разве что добытыми впопыхах знаниями о целебной медицине и травах, которые должны были бы помогать от кашля или насморка. Но травы нужно заваривать, а заваривать Котэссе было банально негде.

— Недели на две, — наконец-то выдохнула она.

— И не надейся, — уверенно ответила Ольи. — Ойтко тебя не отпустит. Она через эти две недели, когда ты им там перепишешь всё, что только можно переписать, новое задание найдёт — и заставит выполнять уже его. И что бы ты ни делала, всё равно — готовься к лету, проведённому в вузе... А чего такая мрачная?

Котэсса потупила взгляд. С Элеанор они не были ни подругами, ни даже хорошими знакомыми, обращались друг к другу на "ты" — но потому, что вместе сотрудничали и писали статью в научный журнал.

— Тётка на лето мою комнату уже сдала, — наконец-то промолвила девушка. — Так что, я теперь жду общежитие после лета, а летом...

— Жить негде?

Девушка мрачно кивнула. Признаваться в собственном бедственном положении отчего-то было совершенно неловко, и она чувствовала себя иждивенкой, дурой, которая не сумела ничего подобрать достойного, а теперь ходит и морочит всему честному народу голову проблемами, которых могло бы и не быть.

Элеанор вздохнула. Она громко постучала кулаком по стойке, привлекая внимание библиотекаря, и быстрым взглядом окинула Котэссу, словно пытаясь себе представить что-то и придумать удачные варианты решения проблемы.

— А Сагрон к тебе приходил? — ни с того, ни с сего спросила она.

— Приходил, — согласно кивнула девушка.

— И что хотел?

Арко покраснела. Ей казалось, что больше уже некуда — тепло деканата, сменившееся холодом библиотеки, оставило на её коже яркие красные пятна, не сходившие, наверное, почти никогда за лето, а жар то и дело ударял в голову, — но теперь чувствовала, как становилась ну попросту свекольной.

— Понятно... Эй! — Элеанор вновь стукнула по стойке кулаком, настойчиво разгоняя всю книжную магию библиотеки. — Мне тоже надо сдать книги, и чем быстрее я это сделаю, тем лучше!

Библиотекарь не отреагировала. Она как раз успокаивала книжку, которой попали на страницы несколько капелек дождя, и, кажется, пребывала в абсолютной прострации.

Элеанор закатила глаза.

— Ну вот что за человек? — недовольно вздохнула она. — Ладно. Говоришь, жить негде? Что, совсем беда?

Девушка кивнула, слишком резко, потому что яркие пятна расплылись и распрыгались перед глазами с невообразимой скоростью.

— Не удивлюсь, если у тебя ещё и температура зашкаливает, — подвела неутешительный итог Ольи. — Слушай, — она скосила быстрый взгляд на библиотекарку, но та, кажется, до сих пор не обратила на новую гостью своего святилища никакого внимания. — А ты поэксплуатируй Сагрона.

Котэсса удивлённо посмотрела на него.

— А ты не знала? — удивилась Элеанор. — Его к тебе постоянно будет тянуть. Любое женское внимание чревато последствиями, а уж поверь, на него вешаются очень часто. Оттолкнуть привлекательную девушку для такого мужчины — та ещё беда, а потом год всё будет продлеваться и продлеваться. Да не пройдёт и месяца, как ты займёшь все его мысли!

— Мне это не нужно, — покачала головой Тэсса. — Тем более я не собираюсь с ним...

— И не надо! — отмахнулась от неё Ольи. — Нет... Но намекни на свои проблемы, на то, что все поцелуй, снимающие последствия его походов — только после того, как ты хоть что-то получишь. Не раздавай исцеление бесплатно. К тому же, Сагрон, поверь, сам предложит тебе и

пожить у него, и всё на свете. Я абсолютно уверена, что с каждым разом проклятье будет действовать всё ярче и ярче, а значит, и проблемы у него будут всё увеличиваться и увеличиваться.

— Это неправильно — издеваться над человеком, — возразила Арко. — К тому же, мне правда жаль, что так получилось, но я не могу снять с него заклинание. На то, что требует проклятие, я просто не пойду, а другого способа, он сам говорил, нет... Ох, а что с доцентом Роланом?

— Вот за него, — хмыкнула Элеанор, — можешь не переживать. К одной девушке могло привязать исключительно одного мужчину.

— И с чего такая уверенность, что несчастье в виде Сагрона досталось именно мне?! — возмутилась Котэсса чуть громче, чем позволяли библиотечные правила, и на неё тихонько и шикнула книжка с ближайшей полки.

— Ну, — аспирантка закатила глаза, — не такое уж и несчастье. Мно-огие о таком только и мечтают — о том, чтобы Сагрон достался именно им. Не я, — Элеанор улыбнулась, — но я была изначально предупреждена мамой. Правда, ведь твои поцелуи уже однажды ему помогли? Поможет и всё остальное. Ну... Не стоит, если честно, пусть помучается — заслужил, — но я думаю, что ты не должна мёрзнуть, сидя на лавке. В крайнем случае, — она оглянулась в поисках какого-нибудь клочка бумаги, — можешь прийти к нам домой. Ты нравишься маме, она будет не против, пока отец в командировке. Вот если вернётся, то лучше не надо. Не то чтобы мать тогда возражала или ревновала, но папа может позволить себе лишнее.

Котэсса отрицательно покачала головой. Между глупыми язвительными выражениями Сагрона и посягательствами со стороны отца Элеанор она выбирала всё-таки первое. По крайней мере, для этого не приходилось разбивать никому сердце, семью и жизнь, а ещё — под прикрытием проклятия можно было и улизнуть.

Супруг Хелены Ольи, конечно, был не самым примерным мужчиной на свете, и почему госпожа профессор, при её-то статусе, доселе терпела своего мужа, никто не знал. Но — терпела, да, и никто не собирался вмешиваться в слаженный строй их семьи, разве что по незнанию.

— В общем, — продолжила Элеанор, — увидишь, Сагрон от тебя не отступится. Я не советую быть с ним ласковой и милостивой, это да, но, пожалуйста, не делай ничего себе в ущерб.

— Я и не собиралась, — хмуро ответила Котэсса.

— Сколько ночей ты уже провела на улице?

Девушка промолчала. Элеанор обладала пресловутым напором своей матушки, умела убеждать — а самое главное, наводила ряд замечательнейших аргументов.

— И вообще, у тебя же повышенная, — возмутилась она, когда наконец-то библиотекарь приняла и её книги, ласково покивав проректорской дочери. — Почему торчишь на улице и ждёшь общепития? Ты не напоминаешь мне девушку, что так легко и просто рассталась бы со всеми своими деньгами ради ненужного платья или каких-то гулянок!

— Родителям отправила, — Котэсса надеялась, что в её голосе не было ни единой нотки горечи, но, судя по тому, как нахмурилась Элеанор, трудно не понять, что происходило в её семье. — Они болеют...

— Лению? — девушка скрестила руки на груди и сердито посмотрела на свою собеседницу. — Котэсса! Ты живёшь здесь, в столице, не требуешь от них ни гроша. Им должно быть стыдно просить у тебя хотя бы копейку. Сколько твоим родителям лет? Пожилые, бедные люди? Да ты выгрызаешь эти деньги, как можешь, страдаешь тут, колдуешь, сколько станет сил, а теперь носишься без крыши над головой. Я тебя прошу — поиздевайся хотя бы над Сагроном, вот уж кто-кто, а он этого точно заслужил, но не живи под открытым небом всё лето. Заболела уже, а потом затянет — умрёшь!

Арко не стала возражать. Она прекрасно знала, что затянувшийся насморк и кашель может перейти в воспаление, а там уже либо к очень высокооплачиваемым специалистам-целителям, либо как дадут Небеса, а дают они мало, плохо и очень-очень редко. Да, разумеется, Элеанор говорила правду, но не востребовать же обратно денежный перевод, тем более, родители и так обидятся, что она не приехала и не будет помогать им по хозяйству.

— Мне уже пора, — вздохнула она.

— Обещай, что ты не отступишься от Сагрона. И что не будешь больше спать на лавке! — сердито воскликнула Элеанор. — Если не предложит — ну, приходи ко мне, что-то да придумаем. Послушай, это ты ему нужна, это из-за него, я уверена, за тебя схватилась Ойтко...

— Хорошо-хорошо, — сдалась Котэсса. — Если что-то предложит — я не буду отказываться. Но если нет...

Элеанор не стала больше возражать, справедливо полагая, что это будет совершенно бессмысленно. Она только спокойно кивнула, улыбнулась девушке и повернулась к библиотекарю с очередным заказом книг. Та закатила глаза, совершенно незаметно, но от проректорской дочери не укрылось ничего — и Котэсса поспешила умчаться прочь прежде, чем разразится очередной скандал относительно лени сотрудниц этого прелестного храма знаний, которым никто практически не пользовался.

...Сагрон, вопреки всему, оставался на месте и писал всё так же упорно, как и прежде, словно действительно полагая, будто бы будет окончательно прощён и допущен к сокровенному, если поможет ей избавиться от Литории. По правде говоря, в этом Котэсса очень сомневалась. Госпожа Бойцовский Пудель — даже старосты не гнушались использовать это идеально подходившее Ойтко прозвище, — уже ухватила мёртвой хваткой в неожиданных помощников. Но, возможно, так он отвлекался от мыслей о проклятии?

Котэсса предпочитала об этом не думать. В конце концов, не следовало вспылать к нему невообразимой жалостью, а после пожинать плоды собственной неосторожности.

Но теперь выглядел Дэрри куда более злым, чем обычно. Глаза его пылали, казалось, зверским пламенем — словно мужчина только что увидел что-то, что поразило его до глубины души, — а рука то и дело тянулась куда-то к губам. Визуально никаких проблем Арко не обнаружила, но подозревала, что кто-то из студенток, возможно, слишком настойчиво пытался избавиться от двойки. Вряд ли Сагрон был за, но оттолкнуть от себя приткую девицу вовремя не всегда возможно — застали врасплох? Или он был слишком высокого мнения о собственном сопротивлении проклятию, потому и сглупил, а когда всё уже случилось, исправить ничего не смог, по крайней мере, без участия Котэссы.

Она закашлялась — совершенно произвольно, честно. Перед глазами, казалось, двоилось, иначе откуда в кабинете могло появиться в разе полтора больше бумаг, чем было до этого?

Мужчина поднял голову и как-то удивлённо посмотрел, будто бы не понимал, зачем она и вовсе пришла, а после хмыкнул себе под нос и вновь принялся за писанину. Котэссе удивляло уже то, что он до сих пор не бросил это дело, но спрашивать ничего она не стала. По крайней мере, пока что ему ничего от неё не нужно.

В молчании они просидели больше получаса. Не выдержал первым Сагрон — вновь подозрительно покосился на сумку и прямо спросил:

— Где ты ночуешь?

Котэсса промолчала. Она вспомнила слова Элеанор — не отказываться, если он вдруг пожелает помочь, — и явственно осознала, что согласиться ни при каких условиях не сможет. В конце концов, пусть она и знала, что против её воли хотя бы ради проклятия Сагрон её не тронет, всё это — подозрительно, просить у постороннего мужчины помощи...

— Где надо, — наконец-то огрызнулась она. — Я ж не спрашиваю, кто вам дарит очередную порцию ожогов от проклятия!

Сагрон невольно потянулся к губам, но тут же опустил руку. Он не краснел, лишь раздражённо тряхнул головой, и светлые волосы упали на плечи.

— И не надо, — сухо промолвил он. — Я поговорю с Ойтко, и она найдёт себе кого-нибудь другого в качестве жертвы.

Котэсса деланно равнодушно пожала плечами, пытаясь продемонстрировать, что ей на самом деле всё равно. Это, конечно же, было далеко не так, но выдавать себя отнюдь не хотелось.

— Это не поможет, — наконец-то проронила Котэсса. — Вы ведь знаете доцента Литорию, она полагает, что мы служим святому делу...

Девушка наконец-то поставила точку в самом последнем деле той группы, которой занималась сейчас, и с облегчением вздохнула. Хотя она знала, что гора бумаг никогда не переведётся, от одной мысли о том, что только что всё закончилось, стало как-то значительно легче.

Она встала, чтобы перенести эту стопку туда, откуда Ойтко заберёт — чтобы не подсунули вновь в то, что надо будет переделывать, — и пошатнулась. Бумаги едва ли не разлетелись в стороны, но девушка вовремя пробормотала себе под нос нужное заклинание, и они так и застыли в воздухе, а после поспешно собрались в кучку у неё на вытянутых руках.

Но от заклинания стало как-то уж совсем не по себе. Перед глазами расплывались разноцветные круги, и Котэсса почувствовала, как почва уходит из-под ног.

Сагрон едва успел подхватить её — бумаги вновь упали, вновь взметнулись в воздух, но на сей раз уже улеглись стопкой, ровной и, наверное, выстроенной в правильной очерёдности, на столе с готовыми документами. Но Котэсса уже вряд ли что-то ясно видела перед собой, ей казалось, что от каждого следующего движения или заклинания весь мир превратится и вовсе в сплошное пятно. Может, это была и правда — яркие вспышки света, полыхавшие прямо у неё перед носом, смазывались.

Руки у Сагрона были тёплыми-тёплыми. Девушка что-то смущённо пробормотала сквозь накатившую на неё полудрёму и притихла, уткнувшись носом ему в плечо, не соображая даже толком, рядом с кем она нынче стояла. Наверное, сказывалась болезнь — когда ладонь Дэрри коснулась её лба, она только содрогнулась и зажмурилась, будто бы от боли, но и не попыталась отпрянуть, вероятно, по той простой причине, что сделать этого не могла.

Улыбка тоже получилась совсем уж блаженной. Котэсса закашлялась — и на сей раз горло буквально расцарапывало на мелкие кусочки, раздирало, и боль была практически невыносимая.

— Ты больна? — в голосе у Дэрри чувствовалась забота, но Котэсса отрицательно замотала головой. Советы Элеанор превратились в пустой звон бессмысленных слов — она чувствовала, что не должна признавать собственную слабость или даже то, что по вине Сагрона нынче оказалась в столь бедственном положении.

— Господин доцент, оставьте меня в покое, — прошептала она. — У вас что-то с губой? — девушка протянула руку, но вместо того, чтобы коснуться его щеки, промахнулась и даже ткнула в глаз.

Что-то рухнуло. Бумаги разлетелись сотнями листочков вокруг. Возмущённое шипение, впрочем, явственно показало, что виновницей всего бардака была именно доцент Ойтко.

— Что это вы делаете?! — возмутилась она. — Единственная порядочная студентка, единственная, посмевавшая вам отказать, и вы решили, что в полном праве касаться её, что вам дозволено всё, даже пытаться одолеть девицу силой?!

Сагрон закатил глаза. Он усадил Котэссу на стул — та всё ещё не понимала, что происходило вокруг, — и повернулся к женщине.

— Госпожа доцент, — сухо проронил он, невольно повторяя фразу Арко. — Вы не видите, что заставляете больную девушку выполнять эту глупую монотонную работу? Котэсса едва ли не потеряла сознание, у неё — температура.

— И потому она оказалась у вас в руках?

— Она упала, я — быстро отреагировал, — пожав плечами, уверенно ответил Сагрон. — Пожалуй, мне следует проводить её, скажем, к целителям или в больницу. Опасаюсь, Котэсса сама не дойдёт. Вас устроит подобная отлучка на сегодня?

Ойтко кивнула. В её глазах практически отразился какой-то оттенок сочувствия, но оно тут же пропало, будто бы и не было ничего, когда она перевела взгляд с Котэссы на Сагрона.

Наверное, ненависть представительниц женского пола кафедры Боевой Магии и Проклятий была слишком сильна по отношению к каждому мужчине, что немного злоупотреблял собственным положением. И хотя Сагрон, по правде, никогда ни на чём не настаивал и не раздаривал оценки своим любовницам, более того, редко подбирал их из своих студенток, а нынче ни на что подобное и вовсе был не способен, как сам бывший ученик кафедры, запомнившийся дамам не лучшим образом, почему-то регулярно сталкивался с подобным проявлением раздражения, злобы или даже некой озлобленности. Почему? Ответить вряд ли кто-то мог, он сам — уж точно нет, хотя искренне пытался разгадать сию загадку. Увы, но разобраться в женской логике зачастую не способна даже сама женщина.

...Котэсса едва-едва смогла подняться на ноги. Перед глазами всё плыло, казалось, она даже слышала какой-то далёкий, громкий звон, хотя с трудом ориентировалась в пространстве. То, что температура подскочила уже до невообразимых высот, было понятно и невооружённым взглядом.

Пришла в себя она на чём-то мягком, в чём неожиданно обнаружился диван — или софа, или как сие следует и вовсе величать? Сагрон сидел напротив, на стуле, скрестив руки на груди, смотрел сердито и отчасти раздражённо, будто бы пытался проучить её одним только взглядом.

Девушка, впрочем, серьёзностью момента не прониклась и тут же, игнорируя строгость во взгляде, попыталась сесть.

— Тридцать девять и три, — сообщил Сагрон. — А целитель сказал, что это длилось уже не первый день.

— Да? — удивлённо переспросила она. — А я и не знала...

— Я заметил, — согласно кивнул мужчина, — что ты не знала. Целитель сообщил, что, вероятно, ты ночевала совсем не в тёплом месте последние несколько дней. Почему? Разве у тебя нет дома?

— Моя тётка сдала квартиру.

— А ты?

— А я решила, что переселюсь в общежитие, — пожала плечами она. — Просто... Просто я подумала, что можно будет немного переждать, пока не станет доступным поселение.

Мужчина хриловато рассмеялся — как-то особенно горько и зло, — и Котэсса внезапно вспомнила, что они нынче и вправду находятся в общежитии, только в преподавательском крыле. Сагрон, вспомнила она рассказы своих сокурсниц, что жили в общежитии, тоже был не из местных, потому, когда его нанимали на работу, выделили комнату, довольно неплохую, а потом добавили и вторую, сразу же, как только он получил звание доцента.

И вправду, это походило на полноценное жильё, одну из тех квартир в городе, которую Котэсса попросту не могла себе позволить. Она видела дверь, что вела во вторую комнату, узкий коридор в противоположной стороне, очевидно, на кухню и в сторону ванной. В мире, переполненном магии, это казалось достаточно лёгким — выделять небольшие площади и позволять преподавателям самостоятельно разбираться с тем, как они будут обустраивать собственный быт.

Что ж, по крайней мере, насколько знала девушка, никто до сих пор не жаловался. В столице достаточно трудно найти место, где можно прожить за небольшие деньги, а с преподавательского состава университет денег не брал.

Вот со студентов — запросто, и она могла себе только представить, где придётся искать деньги и на скольких работах подрабатывать...

Если только, конечно, она не перестанет отдавать родителям деньги — практически всю свою стипендию, зарабатываемую, между прочим, не просто так в условиях слишком самоуверенных преподавателей, не желающих ставить то, что заслуживает студент.

— Что-то не так? — полюбопытствовал Сагрон, заметив, как она вдруг помрачнела и как холодно посмотрела на него.

— Почему я у вас дома?

— Потому что ты потеряла сознание, — пожал плечами мужчина. — Потому что у тебя температура. Я вызвал целителя.

— Ах да. Элеанор меня предупреждала, — покачала головой Котэсса. — Надеюсь, вы не будете против, если я всё-таки уйду.

— Тебе негде жить.

— Это не значит, что я стану жить у вас.

Он усмехнулся. Конечно, нет — наверное, мужчина и не надеялся на то, что она сдастся так легко, — но разочарование, правда, едва-едва заметное, всё равно мелькнуло в тёмных глазах. Но он только криво улыбнулся и подался вперёд, перехватив её руку. Котэсса едва ощутимо сжала пальцы в ответ — может быть, он искал что-то, что вновь избавит его от последствий проклятия?

— Я могу поговорить, чтобы тебе освободили комнату в общежитии. В преподавательском крыле есть незанятые места для аспирантов... — голос его звучал мягко и вкрадчиво. — Но...

— "Но, Котэсса, за всё в этом мире надо платить, и за помощь тоже"? — зло спросила она. — И вы предложите мне избавить вас от проклятия, а потом идти на все четыре стороны, обнявшись со своей свободой и вашим счастливым освобождением от пут злой и ненавистной меня?

— Нет, — покачал головой он. — Но можно хотя бы от маленького ожога, а? А я поговорю относительно общежития...

Котэсса вскочила.

— Какого такого ожога?

Мужчина отвернул в сторону воротник своей рубашки, неожиданно закрытой, как для жаркого лета. Полоса пламенных ожогов тянулась, кажется, откуда-то с шеи и до середины груди, насколько могла прикинуть размах Котэсса. Но, так или иначе, она не собиралась избавлять мужчину от последствий его несдержанности.

— Ведь вы знали, — промолвила она обвинительным тоном, — что этим всё закончится. Вы понимали, во что превратится каждый ваш поцелуй! Зачем же вы тогда с кем-то целовались?

— Меня не особо спрашивали, — сухо отметил Сагрон. — И вообще, какая разница? Ты сама отказываешься избавить меня от проклятия, которым ты же и наградила!

— Не специально.

— Да какая разница!

Котэсса покраснела и отступила от него на несколько шагов, всё ещё пытаясь успокоиться. Она только теперь поняла, как это выглядело со стороны — находиться в комнате собственного преподавателя, лежать на его диване, смотреть на него и подмечать, что он, к слову, довольно привлекательный мужчина, а она, может быть, очень зря так легко отталкивает его от себя...

Девушка мотнула головой. Последние мысли появились вообще непонятно откуда и были до ужаса неуместны в сложившейся ситуации. Нет, сдаваться просто так она не намеревалась — и если Сагрон надеялся на то, что сможет просто так уболтать...

— Этот год, — промолвила она, — будет для вас очень полезен! Может быть, вы наконец-то окончательно избавитесь от пагубной привычки дурить девушкам голову, девушкам, которые такого отношения к себе, между прочим, совершенно не заслужили! А раз это будет полезно, то и ожоги совершенно вам не повредят. Я очень благодарна, что вы помогли мне вылечиться...

— Только сбить температуру! И идти на холод тебе нельзя!

— Там лето!

— Там ночь!

Она теперь стояла, бесконечно грозная и уверенная в том, что сможет бежать очень и очень быстро.

— Ничего. Мне предложила пожить у неё дома Элеанор. И я с удовольствием воспользуюсь её предложением.

Она повернулась к Сагрону спиной, тяжело дыша. Мужчина подошёл поближе, обнял за талию, но Котэсса только дёрнулась, сталкивая чужие руки. Хотелось прошептать ещё короткое "не стоит" — но он и не делал больше ничего, просто стоял совсем-совсем рядом, приобняв, и будто бы ждал ответа.

— Мне пора, — наконец-то промолвила она. — К Элеанор. Пока ещё не слишком поздно. Не хотелось бы будить человека среди ночи, так что, наверное, я уже пойду, — теперь в голосе звучали практически вопросительные интонации. — И не стоит меня задерживать...

— Супруг профессора Ольи, — начал было Сагрон, — имеет достаточно неприятную репутацию...

— Во-первых, — оборвала его Котэсса, — он нынче, сказала мне Элеанор, находится в командировке. А во-вторых, я буду ночевать в доме у двух женщин и одного мужчины, что годится мне в отцы, а не в доме у мужчины, ещё и в качестве любовницы, даже если таковой на самом деле не являюсь!

— Профессор Хелена, — покачал головой Сагрон, — может не оценить подобные порывы пожить в одном доме с её супругом. И я, в отличие от господина Ольи, не женат. В этом нет ничего столь компрометирующего в современном обществе.

— Не после того, как здесь оказалась как минимум половина моей группы. Или четвёртого курса. Или кого вы там сюда водили, — Котэсса обернулась к нему. — Я абсолютно уверена в том, что это проклятие вы получили по заслугам. Так что, я думаю, мы с вами встретимся завтра днём, когда будем писать индивидуальные планы студентов, которыми я из-за вас же и занимаюсь.

Сагрон прошипел что-то неопределённое сквозь зубы, но Котэсса уже не расслышала ни слова. Она, вспыхнув неожиданной бодростью, отыскала всё-таки собственную сумку где-то на просторах его дома и выскочила в коридор, ну, и только там уже наконец-то обнаружила, что понятия не имеет, где именно живёт профессор Хелена. Элеанор даже не сообщила ей адрес, потому что, вероятно, ожидала, что Тэсса разберётся со своими проблемами днём...

Вахтёрши на выходе из общежития не было. Арко внезапно обнаружила, что было не позже девяти, ведь даже ещё не зашло солнце. Она быстро, уверенно зашагала по улице, вдыхая невероятно тёплый воздух — и постаралась отвлечься от всего дурного, что только могло прийти ей в голову.

Да, Элеанор оказалась права — Сагрон пытался помочь. Но проиграла даже не гордость — одна мысль об этих поцелуях-ожогах на его коже, тонкая цепочка, что тянулась куда-то вниз...

Умом девушка понимала, что она очень скоро вновь почувствует себя плохо. Вернётся температура, надо принимать снадобья, на которые у неё опять-таки нет денег. Но это уже не имело значения — она вдыхала свободу и какой-то пряный аромат приятной, нежной мести. Сагрон никогда не вызывал у неё тех чувств, что у остальных девушек, но всё равно от того не становилось у неё меньше желания продемонстрировать ему, что не все пойдут на поводу мужского быстрого "хочу".

— Котэсса? — девушка вскинула голову и узрела Элеанор прямо напротив. — Неужели Сагрон не помог тебе? Или...

— Не помог, — покачала головой Тэсса. — Точнее... Врача вызвал — я немного приболела, — тот диагноз поставил, выписал что-то, и Сагрон, — она понимала, что не должна была лгать, но слова как-то сами по себе срывались с языка, — решил, что на этом с меня вполне достаточно. А у меня даже денег нет на то, чтобы купить что-то по рецепту, — на деле, она понятия не имела, куда там вообще подевалась выписка мага-целителя, но это не имело значения. — В общем, не имеет значения. Мне правда не нужна его помощь, по крайней мере, не такой ценой уж точно.

— Мужчины! — покачала головой Элеанор. — Но не надо тут мёрзнуть и ещё одну ночь проводить под открытым небом. Пойдём к нам.

— Мне...

— И никаких "неловко"!

Котэсса не стала возражать. Она вновь вспоминала злые слова Сагрона о супруге профессора Хелены, об отце Элеанор, но пропустила это мимо ушей. В конце концов, она и вправду будет в доме, как гость его дочери и его жены, и, разумеется, в таком случае ни один мужчина не позволит себе лишнего.

— Папа ещё на неделю как минимум в командировке, — бодро продолжала девушка. — Так что, всё будет нормально. А потом уж как-то пристроишься. В конце концов, с конца лета — правда, до этого ещё далеко, — можно будет поселиться в общежитии. Ты разобралась со своей стипендией? Надеюсь, больше никаких денежных переводов? Послушай! Это ведь обдирательство! Нельзя так с собой поступать! Ты молодая, привлекательная девушка, жаль только, наш Сагрон слеп и глух...

— Да мне он и не...

— Не нужен, как же! Не имеет значения, — Элеанор потянула её за собой и как-то совершенно незаметно отобрала сумку. — В любом случае, я уверена, у тебя есть какой-нибудь возлюбленный. Есть? Нет? Как же! — она замерла. — Ну, в таком случае, — она лучезарно улыбнулась, — не посылай Сагрона особенно далеко. Но посылай, — она подмигнула. — Это ж мужчина. Охотник. Особенно такие, как он — для него отказ служит самым прекрасным стимулом на свете...

Она говорила и дальше. Котэсса послушно кивала — от взрыва энергии, которым была на самом деле Элеанор, становилось как-то не по себе.

В эту бесконечную тираду, казалось, нельзя было вставить ни единого слова — она всё повторяла и повторяла какие-то ритуальные фразы, втолковывала ей, как следует на самом деле жить, вела по кругу...

Или, может быть, Котэссе просто так казалось.

В любом случае, она была ей безумно благодарна — ведь если б не Элеанор, то Тэссе просто не было бы где спать! Но сейчас так хотелось тишины, так хотелось покоя...

Меньше, правда, чем крова над головой. Меньше, чем обещанных лекарств от профессора Хелены, меньше, чем свободы от доцента Ойтко — а это-то как раз могла гарантировать госпожа Ольи, ведь она на кафедре имела влияние едва ли не большее, чем сам заведующий...

Мысли окончательно спутались в голове, а перед глазами всё приплясывало изображение Сагрона.

Котэсса улыбнулась сама себе и подумала — а может, оно и к лучшему? По крайней мере, меньше женщин будет по нему вздыхать.

Он будет приносить меньше проблем.

Она сама впервые в жизни почувствует себя чем-то большим, чем просто студенткой.

Кому-то нужной.

Прямо-таки до жжения поцелуев на груди! И это посреди НУМа, под пристальным надзором Ойтко — и как же, а самое главное, с кем он это умудрился?!

Глава 6

...Всю последующую неделю Сагрон так и не появился в университете.

Котэсса приходила. На расспросы Ойтко — разумеется, длившиеся только первые пять минут дня, после они обе увлеклись работой, — она лишь равнодушно пожала плечами, показывая, что и вправду понятия не имеет, каковы причины подобной халатности с его стороны. Не то чтобы Литория была очень удивлена — она совершенно не доверяла мужчинам ни в каком проявлении, разумеется, за исключением собственного супруга да декана, казавшегося женщине едва ли не идеалом правопорядка. Потому, покивав, уточнив, не соблазнилась ли Котэсса на глупые заверения со стороны Сагрона, услышав, что нет, она успокоилась окончательно, добавила ещё три папки, на фоне предыдущих казавшиеся уже не такими-то и страшными и куда-то убежала.

Арко сначала казалось, что рука её сейчас попросту отвалится или превратится в ненужный придаток к телу, но со временем она даже как-то привыкла к тому, что вынуждена была постоянно что-то писать, а самое главное — и это было приятнее всего, — никто не мешал глупыми намёками, никто не маячил перед глазами, как живое напоминание о том, что она виновна во всех его горестях, да и вообще, жизнь стала спокойной и какой-то даже приятной.

Котэсса не жалела, что не поехала к родителям. Единственной проблемой города было отсутствие жилья — но теперь, после полученного от матери гневного письма, она справедливо полагала, что даже если б госпожа Хелена её не приютила, всё равно легче было бы спать на скамье, чем страдать от родительского гнёта дома. В письме шла речь о каких-то там привилегиях незамужней барышни, о новоизобретённой ярмарке кавалеров и, что самое главное, о том, как соседский парень, будучи в полтора раза старше, шире и ниже, бросил свою предыдущую супругу и был готов жениться ещё как минимум раз. Разумеется, в округе есть невесты и побогаче, но Тэсси — маг, поэтому, наверное, для него было бы очень удобно и очень...

На этом моменте девушка закрыла письмо, написала в ответ короткую записку о том, что не вернётся в отчий дом — делать ей там нечего, а тут полно работы, — сообщила, что сменила адрес, потому что тётка банально выставила её из дома...

А потом, вдруг решив прислушаться к наставлениям со стороны Элеанор, написала ещё и, что у неё теперь нет совершенно никакой возможности отправлять родителям такую сумму денег. И денежный перевод с этим письмом не отправила, во-первых, потому, что новой стипендии ещё не было, а во-вторых, потому, что не могло быть вечным гостеприимство четы Ольи.

Госпожа Хелена, впрочем, относилась к ней очень хорошо. Приняла радостно — как лучшую подругу своей дочери, что от начала времён, казалось, не приводила в дом ничего, кроме книг, книг и ещё раз книг (некоторые библиотечные экземпляры в самом деле умели отращивать ноги), поселила в гостиной, выставила целый арсенал средств от насморка, от кашля и от простуды, а после, игнорируя то, что можно вызвать и целителя, сама выбрала то, что считала нужным.

Котэсса отказать не могла. Она пыталась — но дежурные фразы вроде "это дорого" прерывались уверенным заявлением, что первый проректор университета получает немалые деньги, уж куда больше, чем студентка даже с повышенной стипендией, а значит, она вполне может помочь, если, конечно, Котэсса перестанет возмущаться и отодвигаться от каждого лекарственного средства, что ей подсунут. И — она перестала, потому что это было по меньшей мере некультурно, да и нагло отвергать столь благодушно предложенную ей помощь.

Вылечилась. По крайней мере, Тэссе так казалось. А самое главное, совершенно позабыла о Сагрене — он не показывался на глаза, не давал о себе знать, а значит, не желал иметь с нею никакого дела. Воспоминания больно обжигали этой странной цепочкой поцелуев-ожогов на груди, но Котэсса была ему не девушкой, не женой, а просто случайной проклявшей, так что и это поспешно выбросила из головы. Ну, или думала, что выбросила, искренне надеялась на это, но окончательно позабыть всё-таки не смогла.

Элеанор о нём больше не напоминала. Она с головой ушла в диссертацию, постоянно бежала куда-то, почти не разговаривала ни с кем, даже с собственной матерью, да и дома появлялась только для того, чтобы поспешно съесть ужин и лечь спать, а утром — глотнуть всё то, что предложили на завтрак, и вновь быстро умчаться в университет. Где она обедала, было тем ещё вопросом, но госпожа Хелена, наверное, привыкла к подобному поведению своей дочери и его уже не задавала. Успокоилась, смирилась, выбросила из головы? Это уже тоже не имело никакого значения.

Но в последние дни профессор Ольи всё мрачнела и мрачнела. Казалось, её что-то тяготило, и Котэсса никак не могла понять — её ли присутствие тому виной? А может, что-то вновь произошло в университете, просто госпожа Хелена предпочитает не делиться подробностями со всеми вокруг? Не освещает всех проблем, которые встречаются в НУМе?

...Элеанор вновь не было дома — работала, сказала, что будет поздно. Профессор Ольи сидела на

столом, подбивала какие-то сметы, что-то определяла для университета и с каждым мгновением всё больше и больше мрачнела.

— Завтра вечером, — нарушила она тишину, воцарившуюся на кухне, — возвращается мой благоверный.

Последнее слово было произнесено с таким оттенком недовольства и презрения, будто б Хелена мысленно была готова пожелать супругу всего, что угодно, только не всех благ. Элеанор говорила, конечно, что родители не ладили, и Сагрон предупреждал о странных предпочтениях господина Ольи, но Котэсса надеялась на то, что сможет разобраться с общежитием как-то до того момента, как он вернётся. Одна беда — в общежитии её банально послали куда подальше, а Хелена сказала, что можно оставаться практически до осени. Может быть, не учла фактор своего мужа, об этом девушке судить было трудно. Или специально? Предпочитала игнорировать его и закрывать глаза на всё, что может? Достаточно доверяла Тэссе?

Ответить она не могла. По крайней мере, не без разговора с профессором Ольи, а этого себе Котэсса не позволяла.

— Мне стоит, — начала неуверенно она, — подыскать себе другое жильё... Я и так задержалась у вас в гостях...

— Не выдумывай, — отмахнулась Хелена. — Все мы — сотрудницы одного университета, а в НУМе принято помогать ближним. Литория — та ещё стерва, запрягла тебя на всё лето, а не озаботилась о жилье. В любом случае, у нас большой дом. Ты ведь живёшь в гостевой комнате, её никто не занимает, даже если мой благоверный находится дома, — она упорно не называла его мужем или хотя бы по имени. В этом слове, в намёке на верность, таилось что-то такое злое, возмущённое, что может быть исключительно в словах оскорблённой женщины, красивой, ещё молодой, умной, но страдающей от беспорядочных измен супруга. — К тому же, в отличие от меня и Элеанор, ты неплохо готовишь.

С этим Тэсса уж точно была не совсем согласна — готовила она плохо. Супы получались безвкусными, салаты — криво нарезанными, мясо готовилось на магическом огне непомерно долго, а самое главное, вместо "томиться в горшке" у неё обычно получалось "томиться во всём доме" — волшебство срывалось с крючка. Конечно, контролировать магию трудно даже опытному колдуну. Котэсса знала, что в плане боевых заклинаний в группе у неё не было равных, но на уровне бытовой — нет. Потому что специальность, в конце концов, у неё ни к целительству, ни к кулинарии не имела никакого отношения. Но народ есть народ, у математика они не потребуют знания медицины, а вот маг, на кого б он ни учился, должен уметь абсолютно всё.

— Я отвратительно готовлю, — отметила она. — И получается съедобно только потому, что у вас хорошие продукты.

— Не принижай себя, — отмахнулась Хелена. — Продукты у нас самые обычные, а если там и начертаны какие-то названия вычурными буквами, то я бы на твоём месте им попросту не верила. В конце концов, этикетки обычно лгут не меньше, чем люди... Не суть. Просто постарайся не приближаться к моему супругу. Не то чтобы я ревновала, — женщина улыбнулась так мягко и нежно, что Котэсса внезапно позавидовала Элеанор, — но мне б не хотелось, чтобы он трепал нервы ещё и тебе. Верности от таких мужчин не жди. Кстати... Сагрон не показывался в университете?

— Нет, госпожа профессор, — по привычке отозвалась Арко. — Но ведь у него отпуск. С чего б ему быть в университете?

Разумеется, Ольи прекрасно знала о проклятии. Знала о том, что изучала её дочь. Но распространяться об этом Котэссе не хотелось — ей подумалось, что всё то, что случилось после произнесения ритуальной фразы, уже исключительно её с Сагроном дело, а значит, посторонние не должны догадываться о том, как и что проходит в его жизни.

Она иногда думала о том, что проклятье на нём, предположительно, разыгралось не на шутку, но старательно отгоняла от себя эти мысли и раз за разом повторяла, что ей нет никакого дела до того, как он себя чувствует. Сам виноват. Сколько девушек рыдало долгими зимними и короткими летними ночами о нём? Сколько у неё однокурсниц вздыхало по "тому преподу", как они привычно выражались? На деле, Котэсса никогда не считала — но одной только просьбы поделиться на денёк статусом старосты, чтобы именно она, избранная в собственных глазах девица, отнесла на подпись Сагрону эти бумажки?

Арко было просто смешно. Делиться статусом она не стала, прогнала всех, как одну, уверенно ответив, что им нечего делать с официальными бумагами в руках. Не то чтобы она получила большое удовольствие от того, что сама ловила Сагрона по университету и всучила ему ручку или перо, трудно вспомнить, что конкретно, но зато была совершенно уверена в том, что никаких ошибок не допустили. А это, надо сказать, радовало невообразимо.

Мясо на сей раз сжалилось — и сжарилось. Вкусное, по крайней мере, на вид, оно источало великолепные ароматы, и Хелена, не особый фанатик хорошо покушать, если честно, подалась даже вперёд и мягко улыбнулась.

— Ты большая молодец, — промолвила она. — Конечно, жить в общежитии для студента, наверное, удобнее, но если была б такая возможность — я б оставила тебя у нас дома насовсем!

— Ну, это неудобно... — улыбнулась Котэсса. — Я ведь вам, в конце концов, могу мешать, и...

— И что? Отобьёшь у Элеанор несуществующих женихов? — хмыкнула Хелена. — Не морочь мне голову лишним смущением. Тут нет ничего такого, что ты могла бы испортить. А умную волшебницу приятно иметь в любом доме.

Тётушка к Котэссе так не относилась. В профессоре Ольи было что-то определённо тёплое, мягкое, но в тот же момент строгое. О такой матери, если честно, кто угодно мог только мечтать, и Элеанор невообразимо повезло. У самой Тэссы мама была забитой деревенской женщиной, и хотя плохо выражаться о той, кто тебя родил, не было принято, на самом деле она многое бы отдала, если б могла хоть немного изменить собственную родню. Например, отобрать у них это жуткое потребительское отношение к ней самой, заставить смотреть на дочь как на что-то живое, чувствующее, а не как на отменное средство дохода.

Она мотнула головой и вновь принялась за салат. Сначала приходилось ещё и очень заботиться о том, чтобы не испортить прекрасные чистые поверхности, не запачкать ничего — ведь белые, выложенные дорогостоящим кафелем стены аж сверкали.

Потом Элеанор сказала, что сверкали они только потому, что никто здесь ничего не готовил. Мама предпочитала заказывать еду в каком-нибудь ресторане, правда, с доставкой на дом, ну, или уж сама куда-то уходила. Элеанор питалась в студенческой столовой, как и профессор Хелена, когда у неё не хватало времени или денег на что-то подороже и постатуснее.

Котэсса, по крайней мере, обеспечивала их регулярным ужином и завтраком — это не могло не радовать. Ольи даже сообщали в один голос, что наконец-то перестали голодать.

...Пару раз заглядывали студенты. Однажды — правда, с Элеанор, — пришёл доцент Ролан. Котэссе невероятно хотелось извиниться перед ним за это глупое проклятие, но она, признаться, не решилась — он совершенно не казался обделённым.

Элеанор сказала, что большую часть свободного времени он тратит на то, чтобы помочь ей с исследованиями, а значит, не думает о женщинах и вовсе. Но Арко всё казалось, что если и есть женщина, о которой Лантон и вовсе мог подумать, то это была именно Элеанор, такая красивая, такая умная...

Вся в мать.

Удивительно, как вообще в голову могла прийти дурная мысль об измене профессору Хелене! Конечно, Котэсса никогда не видела её супруга, но представляла себе мужчину далеко не столь привлекательного, как его драгоценная жена. Умна, сама зарабатывает себе на жизнь, не терпит зависимости — может быть, госпожа Ольи была просто слишком идеальной для того, чтобы обыкновенный мужчина мог находиться рядом с нею?

Потому что замечательным её муж быть ну просто не мог. Замечательные не изменяют, даже если не любят — в таком случае они честно подают на развод, а не морочат голову всему свету и супруге в первую очередь.

— Я очень надеюсь, — принимаясь за мясо, протянула Хелена, — что мой супруг только проездом на один день. Потому что он отвратительно ведёт себя, когда пребывает в доме. Правда, на сей раз он уж точно не явится с друзьями... Котэсса, девочка моя, — она коснулась её руки. — Я тебя прошу, просто будь осторожна. Однозначно, если моему ненормальному мужу вдруг что-то стукнет в голову...

— Я бы никогда не...

— Я знаю, — прервала её женщина. — И проблема не в тебе. Просто мне бы не хотелось, чтобы в моём доме были скандалы. Ты не будешь в них виновата, в этом у меня нет совершенно никаких сомнений. Но мой муж, увы, крайне непонятливое существо...

Котэсса покраснела. Она даже не понимала толком, к чему могли привести подобные разговоры — ей казалось с одной стороны, что женщина ни в чём её совершенно не подозревала, но в тот же миг, возможно, предупреждала о некой опасности.

В любом случае, девушка давно уже уяснила, что следует соблюдать осторожность и не позволять

никому переступить через определённую давно уже черту. Даже если этот кто-то будет не пожилым супругом покровительницы, а её собственным, скажем, женихом.

— Вы можете быть уверены, что я никогда не позволю себе ничего, что спровоцировало бы вашего мужа.

— Определённую породу мужчин, — хмыкнула Хелена, — может спровоцировать одно лишь присутствие рядом с ним привлекательной девушки. И мне не хотелось бы, чтобы он тебя обидел. Сомневаюсь, что это и вправду будет удачной попыткой, но всё же, бережённого берегут Небеса.

Котэсса благодарно кивнула. В голосе Хелены никогда не звучало ни обвинения, ни подозрений, даже когда речь шла о Сагрене, о запретной, в принципе, в этом доме темы. Девушка не представляла, если честно, почему доцент Дэрри вызывал у Хелены и её дочери подобное к себе отношение, но для себя она однозначно определила, что он, вероятно, это отношение успел заслужить.

Подобные женщины не бросают слов на ветер.

...Салат наконец-то был готов, но почему-то еда упорно не лезла в горло. Котэссе вновь мучило странное предчувствие, может быть, вызванное необычным, как для неё, разговором, спровоцированным Хеленой.

— Знаешь, — промолвила вдруг госпожа профессор, — я бы всё-таки на своём месте задумалась бы о нашем доценте.

— О чём вы? — попыталась удивиться Котэсса. От пророненной фразы аппетит пропал и вовсе, теперь казалось, что она не сможет даже воды выпить, пусть её и мучила сильная жажда, нахлынувшая как-то внезапно. Горло сжалось практически до боли — и хотя Сагрона Тэсса не боялась, беседы о нём вызывали какое-то странное смущение с её стороны, а ещё, почти всегда, вот это удивительное ощущение пустоты вокруг.

— Я о том, — неуверенно как-то вздохнула Ольи, — что преподавала у него с самого первого курса, а значит, знаю немного получше, чем вся эта череда женщин, которая увивается на ним нынче, — профессор улыбнулась, будто бы вспоминала о ком-то вроде непутёвого сына, изгнанного из своего дома. — Разумеется, я всегда была к нему строга — потому что Сагрон обладал поразительной способностью губить свой потенциал в каких-то глупостях. Вот и сейчас, ему очень бы надо сесть за докторскую, этот год — прекрасный шанс заполучить свободу от бесконечных барышень. Но, — она склонила голову набок и поправила свои тёмные волосы, короче, чем у Элеанор, — он однозначно не оставит тебя в покое. Будь мудрее, дорогая. Не отталкивай, но и не поощряй. Мы, женщины, должны уметь играть, если хотим в итоге получить своё счастье.

— Моё счастье никак не связано с Сагроном, — покачала головой Котэсса. — И вообще, я не собиралась его проклинать, это вышло совершенно случайно, и если бы был какой-то способ, кроме того, что предлагается нынче Элеанор, избавиться от проклятия, я бы им воспользовалась. Но таким образом... нет. В конце концов, не хочу ломать себе жизнь из-за того, что он вздумал придрататься ко мне на экзамене!

Хелена вдруг рассмеялась — неожиданно мягко и весело, как для подобного разговора. Они с дочерью повторяли одно и то же, и Котэссе порой казалось, что женщины будто бы подталкивали её к Сагрон — вот только зачем?

— Ну, что же, в этом ты совершенно права, — вздохнула она. — Но у меня уже есть бакалавр, милая, из вашего курса, мой племянник — я просто ну никак не могла отказать его матери, хотя мне очень хотелось! А ты девочка сильная, и...

— Я сама способна сделать бакалаврскую работу, — поёжилась Котэсса.

— Да, вне всяких сомнений, и профессор Куоки с удовольствием воспользуется этим. Ты хочешь заниматься его инновационными часами, что уже много лет никому даже даром не нужны? — она улыбнулась. — Нет, я же вижу, что нет. А он хочет взять тебя к себе. Потому, если хочешь, выбирай уж лучше Сагрона.

— Даже не подумаю!

— Хотя бы не сопротивляйся моим советом, — хмыкнула женщина. — Я знаю, о чём я говорю. Не натвори глупостей, милая, в конце концов, эти инновационные часы устарели уже лет на двадцать!

Котэсса вздохнула. Разговор получался странным, ломанным, а она уже минут пять ловила себя на том, что старательно отводит взгляд и делает вид, будто бы ей интересны какие-то узоры на белой плитке, которой были выложены стены. Хелена тоже не могла не чувствовать этого, о чём явственно свидетельствовала застывшая на губах весёлая улыбка.

Удивительно, но факт — глаза её сверкали, словно у игрока за карточным столом, и она, кажется, уже мысленно плела про себя какие-то планы.

— Знаешь, — протянула она, — там рядом с тобой грифель... Да-да, этот. Дай его мне.

Котэсса, удивлённая переменой в поведении и в настроении, протянула желанный предмет, и Хелена схватила его с такой охотой, что даже стало как-то не по себе. Удивительнее же могло быть только то, что она повернулась к стене и теперь поспешно вычерчивала на ней какие-то умопомрачительные знаки.

Девушка улыбнулась. Да, она прежде не видела, чтобы на профессора Хелену накатывало что-то подобное — такая бесконечная жажда науки, — но от Элеанор знала, что подобное случалось.

— Я пойду?

— Да, иди, иди, — кивнула женщина. — Иди...

Она замерла у какого-то знака, потом зачеркнула его, даже зарисовала — и белая поверхность стены поспешно пополнялась всё новыми и новыми заклинательными рунами. Трудно было разобрать — почерк у женщины был просто отвратительный, — что именно она имела в виду, что пыталась сотворить, но само пламя идеи даровало чары начертанным знакам.

Котэссе всегда хотелось самой так дышать тем, чем она занималась. Но это уж точно должны быть не инновационные часы, которые ей прочил профессор Толин. Заведующий кафедрой — что может быть хуже в качестве научного руководителя, если речь шла именно об их господине Куоки, страшном параноике, что всегда заваливал в первую очередь собственных студентов?

...Об этом она прежде даже как-то не задумывалась. Полагала, что, может быть, не так уж и радикально — выберет после. Она знала, разумеется, что профессор Хелена уже никого почти не может взять, но ведь был ещё доцент Ролан, был...

Сагрон.

Конечно, с ним можно было работать. Можно — если только вы не связаны страшным, неадекватным проклятием, если не придётся параллельно с изучением научной тематики и отбиваться от всех его странных, неприятных для неё намёков.

И эта пламенная цепочка! Как? Как он умудрился, при доценте-то Ойтко, отыскать какую-то очередную барышню? Испытывал проклятие на крепость? Да Котэсса была бы просто счастлива, окажись оно фикцией, не сработай, но всё равно, увы, убедилась в том, что всё работало более чем реально.

А Сагрон, может быть, не поверил до конца, вот и поплатился. Но снимать с него следы глупости не хотелось — сколько б мужчина не рассказывал ей о том, что желает добра, что может помочь, в подобного рода помощи Котэсса не нуждалась. По крайней мере, не такой ценой.

...Увы, но мысли о Сагроне упрямо лезли в голову. Ей хотелось прежде спать, она даже легла раньше, потому что завтра собиралась явиться в университет ещё до Ойтко, снять несколько блокировок и магией заполнить последующие личные дела. Не так уж и трудно, она уже поймала ниточку формулы, так что оставалось лишь разобраться с тем, как она причудливо, странными вывертами крючков и заковырок, цеплялась за бумагу.

Но уснуть не получалось. Котэсса перебирала в голове и ту, и другую, и третью вариации формулы, подбирала их, словно ключик к двери, казалось, уже практически подобрала нужную, но что-то постоянно ускользало прочь...

Дверь где-то снаружи громко стукнула, но девушка словно не обратила на неё никакого внимания. Она попыталась сосредоточиться на странном гуле, что раздавался у неё в голове, пыталась вытащить на свободу эту тонкую нить повествования проклятий и заклинаний — что-то же должно быть...

Почему-то со снятия блокировки она то и дело перескакивала на то, как её потом придётся восстанавливать. А придётся точно — она ведь не настолько глупа, чтобы оставить открытые документы для магического заполнения! Магистры точно что-то подделают, у них для этого уже есть соответствующие знания, а вот первые-вторые курсы попросту попадутся на такой глупости, да и проблемы будут что у неё, как той, что снимала, что у них, подделывающих бумаги.

Конечно, прежде над снятием блока никто не задумывался, но...

Мысль вновь ускользнула. Сагрон должен был бы знать, как это делается — и теперь она вновь думала о несносном преподавателе.

Девушка щелчком пальцев зажгла огонёк. Тот завис в воздухе рядом с нею, и она как-то невольно потянулась к собственной сумке, словно искренне надеялась в ней отыскать ответы на все свои бессмысленные, бесконечные вопросы. Вряд ли в учебниках они есть, конечно.

Становилось прохладнее. Лето было жарким, как и обычно, но она и не знала, насколько холодные в столице ночи.

Что-то скреблось под дверью. Девушка содрогнулась, но попыталась не обращать никакого внимания, будто бы искренне надеясь на то, что не случится ничего, что могло бы отвлечь её от собственной работы.

Надо сосредоточиться. Просто сосредоточиться на работе, и точка. И ей никто не посмеет помешать — здесь и некому...

Она завернулась в клетчатое одеяло, которое лежало совсем-совсем рядом на кровати, а после тяжело вздохнула. Не помогало. Одеяло оказалось кусочим, обжигало руки, и только сейчас Котэсса обнаружила, что даже платье своё не сняла, так и легла в постель, не озаботившись о том, чтобы привести себя в порядок. Зато волосы теперь торчали в разные стороны — и без того не особо ровные, теперь они вообще вились поразительными кудрями, так, что, наверное, завтра утром она будет снимать не блокировки, а скальп с себя, пытаясь как-нибудь расчесать сей кошмар.

Дверь громко стукнула. Теперь в комнату ворвался поток света — стол, на котором лежала её сумка, узкая гостевая кровать, шторы на окне, — и тут же словно моргнул и погас, потому что в проёме застыла массивная мужская фигура.

Котэсса поднялась. Мужчину этого она видела только несколько раз издалека, но не узнать было трудно. Супруг Хелены Ольи действительно был ей не к лицу. Она — равно как и её дочь, — стройная, высокая, с длинными тёмными волосами, подошла бы кому-то поутончённее, к какому-нибудь аристократу-магу. Этот же мужчина даже на волшебника, а уж тем более на преподавателя походил мало. Широкоплечий, как тот из магов, что на войне предал волшебство в пользу меча...

Она помнила, что преподавал он где-то там в подразделении бытового волшебства. Может быть, был кулинаром, может, ещё кем, Котэсса никогда не вникала в это — незачем было. Она не интересовалась жизнью четы Ольи, знала лишь то, что они практически всё, что имели, вкладывали в родной университет, а самое главное, об этом почти не жалели. Почти.

Даже дочь — и ту отдали на растерзание науки.

Ольи не был толстым или даже полным, но — громадным, и Котэсса почему-то подумала, что, если на нём висят хорошие щиты от боевой магии, будет не так уж и просто отказать этому человеку. Отвращение подкатило к горлу — даже в полумраке она видела довольно наглый, плотоядный, как у дикого зверя, взгляд.

Бытовые маги считались мирными и милыми. Этот — когда-то служил в Правительстве, потом почему-то покинул его, перешёл на факультет Прикладного Волшебства, вот только совершенно не походил на тех толстеньких профессоров, мужчин и женщин, что приходили к ним читать потоковые лекции по основам бытового колдовства.

— Добрый вечер, — стараясь заставить голос звучать уверенно, промолвила Котэсса.

— Добрый, — осклабился мужчина, опираясь плечом о дверной косяк. — Ты у нас кто?

— Гостя Элеанор, — ответила она как можно спокойнее. Увы, получалось не слишком хорошо; Котэсса не была трусихой, но от одной мысли, что она подвела профессора Хелену, становилось не по себе. Девушка даже как-то непроизвольно схватилась за шлейку своей сумки, будто бы готовясь к ничтожному побегу.

— Как мило, — протянул мужчина. — Как мило... — он повторил эту фразу, казалось, для пущего закрепления эффекта, но получилось наоборот. Котэсса сделала уверенный шаг вперёд, взгляд — вспыхнул, словно у той кошки, что была готова защищать своё место и сию секунду изодрать в клочья всех, кто только посмеет её погладить.

В голове скользнула дурацкая мысль, что Сагрону бы подобная строптивость показалась забавной.

— Вы что-то хотели? — наконец-то сухо спросила она. — Профессор Хелена была на кухне, насколько я знаю.

— Замечательно, — пожал плечами мужчина. — В таком случае, нас не услышат.

Бытовая магия, Небеса! Он казался в темноте просто громадным — подступил на несколько шагов ближе, протягивая руки. Котэсса отступила — почему-то пользоваться боевыми заклинаниями было

совестно, по крайней мере, против супруга профессора Хелены. Она ведь не желала увидеть его побитым магией, верно? Или желала? Лучше так бы и сказала — но ведь предупреждала же не показываться ему на глаза...

Котэсса корила себя за глупость. Что ей стоило просто закрыть дверь и не волноваться о том, что кто-то может наведаться в гости? А теперь она словно в плену, как та дурочка, отступает к столу.

Отходить было уже некуда. Она упёрлась в столешницу, пальцы как-то безвольно скользнули по деревянной поверхности, чуть шероховатой. Ладонь правой руки непроизвольно покрепче сжала сумку.

— Как приятно, — протянул мужчина, — что у моей дочери появились привлекательные подружки...

Котэсса лихорадочно перебирала в голове боевые заклинания, что не причинили бы ему особого вреда, но заставили отойти раз и навсегда. Увы, но ничего толкового в голову не приходило, всё какая-то ерунда.

— Я вам настоятельно советую не заглядываться на подруг вашей дочери, — наконец-то выдавила она, — какими бы они вам привлекательными не казались.

— Очень зря, — покачал головой господин Ольи. — Ведь это и мой дом тоже.

Ну почему в голову не приходит ничего менее смертельного, чем "светлячок"?!

— Я — боевой маг, — предупредила Котэсса.

— Ой, моя жена — тоже, — покачал головой он. — Но разве она нам помешает?

Он уже подался вперёд, а Котэсса приготовилась атаковать волшебством посерьёзнее, тем, что первым придёт в голову, лишь бы только вырваться на свободу, как за спиной напевно прозвучали какие-то подозрительно знакомые фразы.

— Жодор, милый, — сладкий, нежный голос профессора Хелены казался обманчиво добрым. — Как я рада тебя видеть.

Что-то треснуло. Сквозь ткань штанов на свободу вырвался замечательный, с шипами, зелёный хвост.

Проклятье!

Котэсса вывернулась наконец-то из рук мужчины — уже не приходилось применять ничего запрещённого или смертельного, профессор Хелена сделала всё вместо неё.

— Простите, — выдохнула она, но женщине, вероятно, сейчас было не до студентки.

Котэсса вылетела из дома — и только тогда осознала, что прихватила сумку с собой. И правильно, как ещё ей спастись, если не бегством? Её пустили в дом, а она посмела подвести его хозяйку, не смогла придумать ничего, что охладило бы пыль доцента Ольи прежде, чем он наконец-то позволит себе что-то лишнее, даже банальный шаг в её сторону.

Вернуться теперь она не могла. Но слёзы упорно не приходили — почему-то Тэсса хмыкнула особенно гордо, даже расправила плечи, вынуждая себя отбросить в сторону все лишние мысли, что только могли бы побеспокоить её.

Нет, она расстраиваться не будет. Профессор Хелена дала ей мудрый совет — и, в конце концов, если мужчины ведут себя подобным образом...

Значит, бить их надо их же оружием.

Котэсса уверенно расправила плечи. Нет, она не вернётся в дом к женщине, семью которой могла разрушить одним только присутствием. Но просто так сдаваться она тоже не будет. И ночевать на улице — ни за что.

В конце концов, наверное, Сагрон не просто так не выходил неделю из своего дома!

Глава 7

Бахте в общежитии попросту неоткуда было взяться посреди лета — поэтому Котэсса вошла внутрь совершенно беспрепятственно. В преподавательском крыле было довольно уютно; на доселе бывала только в студенческом, а там стены украшали узоры формул и ругательств, неистовое сплетение невразумительных фраз и мудрых изречений, вызубриваемых на историю магии и историю королевства в целом. Здесь — всё чисто, светло-серый оттенок краски, обновлённой, свежей — наверное, ремонт был сделан не позднее чем полгода назад. Тэсса осматривалась практически с удовольствием — в прошлый раз она так стремительно сбегала из Сагронова дома, что не заметила практически ничего, а сегодня наконец-то посчитала время вполне подходящим для того, чтобы обратить хоть немного внимания на окружающую среду.

Проблема всего этого была только одна — она понятия не имела, в какой именно из квартир стоит искать Сагрона. Бывала здесь прежде только один раз, да и то — в бессознательном состоянии, а теперь силилась вспомнить повороты да лестницы, по которым мчалась, все те лишние подъёмы да спуски. Внутри горел свет — без источника, просто словно его взяли и магией распространили повсюду, — довольно яркий, сильный, и девушка чувствовала себя хоть немного увереннее.

Воспоминания о Жодоре Ольи всё ещё отзывались каким-то уколом стыда, хотя в чём, собственно, была виновна Котэсса? Но если одно только присутствие её в доме уже повлекло подобные последствия, значит, просто не следовало соглашаться и жить в доме у Хелены и Элеанор настолько долго. Она сама виновата — позволила себе поверить в то, что без тёткиной комнаты, без родителей, без общежития как-то перетерпит это лето.

Оставался только Сагрон.

Она остановилось уже на десятом повороте, узнав картину — портрет одного весьма известного мага. Тот подмигивал ей, нанесённый масляными красками на холст, вот уже третий раз. Сначала Тэсса предполагала, что просто картина, изображавшая основателя, первого ректора НУМа могла быть повешена не в одном месте общежития, а едва ли не на каждом повороте, но в прошлый раз подметила один характерный мазок — картина была точно та же, что и тогда.

Заблудилась.

Она устало вздохнула. Да, болезнь отступила, да, ей помогли, но теперь — усталость вновь накатила волной и укрыла её — спрятала от всех остальных насущных проблем. Какая там блокировка, какая там Литория Ойтко — это ведь позор, ночевать в коридорах преподавательского дома... К тому же, что будет, если её застанут? Студентам, кажется, находиться здесь запрещено, по крайней мере, без сопровождения в виде преподавателя, а она — сидит под стеной, смотрит на первого ректора, что так ласково улыбается со стены...

Маг, разумеется, её не видел и не слышал. Он был уже сотни три лет как мёртв, к тому же, вряд ли испытывал интерес к молоденьким студенткам. Говаривали, он вообще ни к чему, кроме магии, интерес и не испытывал, лишь колдовал и колдовал, пока не умер от старости, благой и чинной, оставив университет своему ученику, а немалое наследство — самому НУМу на процветание. Дети у него, впрочем, были; была и жена. Им досталось, кажется, совсем мало, лишь десятая или двадцатая доля — говаривали, что они прогневили чем-то отца да мужа перед самой-самой смертью, и он заявил, что каждый должен сам завоевать себе место под солнцем и заработать состояние.

Университет выстоял благодаря этому капиталу и в голодные годы, и в Войну, длившуюся больше четырёх лет, направленную на уничтожение Магических Искусств. Мало кто сумел перестоять те злые дни — сейчас о них вспоминали только в общем курсе истории, в школе говорили несколько слов — вот и всё.

Девушка вздохнула. Почему когда-то надо было воевать? Что за глупость — отделять магию от остальных наук, возносить её, словно какую-то веру, полагать, что ею должны заниматься только избранные? Кто-то умеет колдовать, кто-то — отменный хирург, что справится лучше волшебника-целителя, а ещё есть одарённые поэты и учителя, прекрасные математики и физики. Что за глупость — полагать, будто бы магу не нужно общее образование, будто бы в НУМе и подобным ему заведениям учатся только избранные?

После Войны основы магии преподавали ещё в школе. Кто-то проявлял к ней способности, кто-то нет — ещё один способ отделить одних школьников от других, направить их по верной стезе. Так прекратились ссоры; теперь больше некому было возмущённо заявить, что ему просто не позволили заниматься волшебством, даже не потрудились отыскать в нём эту самую волшебную нитку, что могла бы вывести его в люди. Магия была доступна, равно как и прочие науки — и всё же, требовала, как и всё остальное, определённого таланта и львиной доли трудолюбия.

Ректор улыбался всё хитрее и хитрее. Котэсса смотрела на него, не отрывая взгляда — ей почему-то казалось, что мужчина даже с того света подсказывает ей, как надо поступить, подталкивает,

пытается придать уверенности. Он словно повторял — совсем тихо, так, что надо было ещё умудриться услышать, — что она не должна останавливаться, не должна позволять себе просто так просидеть здесь, на холодном полу.

Может быть, он и вправду мог колдовать даже с портрета, даже после своей смерти, после всех тех лет, что прошли с того мига. Наверное, сила его была велика — она жила в самих стенах этого здания, она вдохновляла столько поколений студентов на дела, может быть, великие, а может, ничтожные и злые, как того же Жодора Ольи, и...

— Тэсси, — насмешливый голос мигом развеял всю ректорскую магию, — что ты здесь делаешь?

Котэсса буквально подпрыгнула на месте — вскочила, забыв поднять сумку, попыталась отряхнуть своё старое платье, в котором пришла. Сагрон стоял, опёршись о стену, совсем-совсем близко, да ещё и до ужаса нагло улыбался, склонив голову набок. От этой вредной улыбки ей стало отчасти не по себе — ну вот что, спрашивается, он от неё хочет?

— Добрый день, Арко, — протянул он. — Точнее, вечер. Ах да, — он окинул взглядом освещённый магией коридор. — Ночь. Ты к кому-то в гости?

Ей хотелось сказать, что она просто проходила мимо или, может быть, заглянула отдать какие-нибудь бумаги кому-то вроде Литории, но вспомнились слова и Элеанор, и Хелены... И Жодор тоже вспомнился — в этом мире ничего не бывает за просто так. И ректор, кажется, тоже одобрял подобное ведение дел — не этот, совершенно забывший о том, что коллектив следует держать в ежовых рукавицах, но тот, самый первый, самый сильный и самый мудрый, основатель.

— К вам, — отозвалась наконец-то она. — Вас давно не было на работе, и я подумала, что, может быть, что-то случилось. К примеру, проклятье могло разыграть как-нибудь зло... Ведь в прошлый раз у вас были последствия?

Она подошла ближе. С такого расстояния было видно, что Сагрон значительно побледнел — даже слишком, как на молодого мужчину. Да и его как-то будто перекосило — он специально держал голову чуть склонённой набок. Да, конечно, во взгляде от этого не стало меньше хитрости и какой-то особенной вредности, но Котэсса знала, что в подобном положении, должно быть, шея сильно затекала и ныла.

— Были, — кивнул мужчина. — Но ведь ты вроде бы как не собиралась мне помогать, разве нет? Сдаётся мне, даже заявила, что я получил по заслугам... И что тебе есть где жить. У профессора Хелены, её дочь... М?

— Вернулся господин Жодор из командировки, — Котэсса надеялась на то, что голос её звучал довольно уверенно. — А вам, очевидно, уже давно надоели ваши ожоги. К слову, кажется, я видела, как у доцента Ольи отрастает хвост.

— Профессор Хелена мудро воспользовалась проклятием своей дочери?

— Разумеется. Я бы тоже в таком случае им воспользовалась, — Котэсса скрестила руки на груди. — Но сейчас у меня есть и другие проблемы.

— Первая из них — это то, что тебе определённо негде жить.

— Именно.

Сагрон хмыкнул. Улыбка на его губах стала чуть шире и искреннее, но голову держать прямо он всё-таки не мог.

— Ну что ж, — протянул он, — я ведь обещал тебе помочь. Но только в случай ответной благодарности, разумеется.

— Вам не стоит надеяться на избавление от проклятия окончательно, — отметила Котэсса.

— После вмешательства Жодора это стало невозможным?

Она почувствовала, как краснеет — но уверенно мотнула головой.

— Нет, господин доцент, это всё ещё возможно, — ответила она. — Но в силу определённых обстоятельств я не вижу никаких — совершенно никаких! — причин вам помогать. Порядочная девушка позволит себе подобное только с возлюбленным.

— Я разрешаю в себя влюбиться.

Котэсса фыркнула и вручила ему тяжёлую сумку, а после расправила плечи, будто бы показывая, что так просто в этом сражении ему уж точно не победить.

— Благодарю вас за разрешение, — проронила наконец-то она, — но в данный момент условия ставлю я.

— Разве не тебе негде жить?

— Разве не вы страдаете от невыносимого жжения с правой стороны вдоль шеи и примерно до сердца? Мне кажется, найти крышу над головой проще, по крайней мере, я могу обратиться к разным источникам. А вот у вас, кроме меня, вряд ли отыщется кто-нибудь, кто действительно способен помочь.

Сагрон вздохнул. Котэсса была права — отыскать дом куда проще, чем уговорить несносную девчонку помочь с проклятием.

— Мне не с кем договариваться относительно общежития на данный момент, — вздохнул он.

— В таком случае, вот когда...

— Стой, — мужчина поймал её за руку. — Элеанор сказала, что даже если ты снимешь симптомы, всё равно будут проблемы, если тебя не будет рядом. И без нарушений тоже. Проклятие словно притягивает. И я в это верю. Теперь уж точно да.

— Я ведь вам говорила, — пожала плечами Котэсса, — что вам следует быть осторожнее, выбирая женщин. А вы, если верить всему женскому преподавательскому составу нашей кафедры, совершенно не переборчивы в связях. Но мне ещё надо искать себе дом на сегодня. Подумайте насчёт общежития.

— Да стой! — Сагрон потянул Котэссу к себе, всё ещё держа во второй руке её сумку. — Подожди. У меня две комнаты. Ты вполне можешь пожить в моей квартире, пока не будет возможности поговорить с управляющей общежитием.

Котэсса вздохнула. Она всё же надеялась на кровать где-нибудь в студенческих комнатах, но только не у Сагрона в доме. Но...

В доме профессора Хелены, конечно, было замечательно. Вот только в данный момент девушка была абсолютно уверена в том, что кто угодно, и доцент Дэрри в том числе, в сотню раз лучше, чем ненавистная компания Жодора. Даже само его присутствие! Ей всё ещё было до ужаса стыдно перед Элеанор и перед её матерью, ведь она, в конце концов, не оправдала ожиданий, а что уж говорить о том, чтобы продолжать сидеть у них на шее!

— Хорошо, — наконец-то согласилась она. — Но никаких попыток... Вы поняли, в общем. Никаких.

— А проклятие? По крайней мере, шея, — Сагрон попытался улыбнуться, но на сей раз вышло как-то совсем плохо. — Честное слово, мне как-то не до шуток. Очень уж хочется избавиться от этого назойливого перекося, и...

— Хорошо, мы разберёмся с шеей, — вновь кивнула Котэсса. — Но ничего больше. И вы не будете настаивать. Согласны?

— Одно условие.

— Какое?

— Никаких "вы", — уверенно ответил ей Сагрон. — Я старше тебя на... лет девять? Не так уж и много. Разница велика для селянина, но не в нашем НУМе. И мне так будет проще. Ладно?

— Ладно, — милостиво улыбнулась Котэсса. — Пойдёмте, разберёмся с вашей шеей. Но обещайте, что как только появится управляющая общежития, вы тут же просто поможете найти мне комнату!

— Не вы, а ты, — сердито поправил её Сагрон.

— Ты. Поможешь, — исправилась Котэсса. Мужчина тяжело вздохнул. На один миг показалось, что вот-вот станет во много раз легче, сейчас пропадёт эта назойливая, бесконечная проблема со снятием проклятия, а он сможет жить, как прежде, и всем своим бывшим не придётся пояснять, почему он не желает больше выходить на связь, видеть их, а самое главное, отвечать взаимностью, но нет. Котэсса была не так уж и проста, как ему изначально казалось. Или просто хотелось — потому что мужчина не мог вспомнить, чтобы она давала повод для крамольных мыслей.

Но на сей раз, по крайней мере, она не отправилась в логово двух представительниц змеиного рода и одного — козлиного. Сагрон убеждал себя в том, что беспокоится о Котэссе только по той причине, что её девичья честь — единственный шанс раньше срока распрощаться с проклятием. Он был уверен в том, что по доброй воле ни с кем, не женившимся на ней и не завоевавшим сердце, девушка в одной постели не окажется, но, при всех достоинствах профессора Хелены, мужа она

себе выбрала просто отвратительного. Да, маг сильный, да, умный мужчина, но не просто обожающий липнуть ко всем молодым девушкам подряд, если бы, ещё и из тех, кто полагает каждую из них своей собственностью, кем-то, кто должен отдать ему всё за одну только улыбку или беглый, плотоядный взгляд.

Его квартира оказалась совсем рядом, даже смешно, что Котэсса так просто, так легко прошла мимо неё вот уже три раза, но не обратила внимания на неприметную дверь. И на портрет ректора, что висел прямо в метре от неё, справа — точнее, его-то она как раз увидела, аж три раза, но проассоциировать с квартиркой Сагрона всё-таки до конца не смогла.

Теперь, прислушиваясь к дыханию — тишину больше ничего не нарушало, — Тэсса заметила, как тяжело ему было выдыхать воздух, подметила, что он жмурился, совершая особо резкие движения. Проклятье жгло, жгло сильно.

— Говоришь, — улыбаясь, протянул Сагрон, — у Жодора вырос хвост? Великолепно! Всегда хотел посмотреть на него с хвостом. Не уверен, что Хелена поможет от него избавиться.

— Разумеется. У него уж точно нет способов её уговорить, — пожала плечами девушка. — В их семье у неё даже статус выше, чем у него.

Она перевела быстрый, беглый взгляд на Сагрона и тяжело вздохнула. Снимать проклятие казалось чем-то невообразимо смешным; она даже представить не могла, чтобы волшебство реагировало на что-то в этом роде. Но, так или иначе, смотреть на муки человека, который, в принципе, перед нею ни в чём виновен не был, казалось странным.

Сагрон сел на край дивана, того самого, на который её уложили в прошлый раз, и протянул руки.

— А как так получилось? — вместо того, чтобы отреагировать на приглашение мужчины, полюбопытствовала Котэсса. Она пристроила свою сумку в самом углу, у невысокого пуфика, откровенно женского и не вписывающегося в общую картину комнаты. — Господин доцент?

— Можно сначала избавиться от последствий, а после общаться со мной на тему того, как же я всё это сумел заработать? — немного сердито полюбопытствовал он. — В конце концов, это разве тебе важно?

— Мне просто интересно, — возразила она. — Потому что я абсолютно уверена, что доцент Ойтко не позволила бы вам... тебе соблазнять какую-нибудь студентку прямо у неё на глазах.

— Литория вышла.

— А проклятие не остановило? — хмыкнула Котэсса. — Разве не было осознания того, что после возникнут проблемы...

— Тэсси! — возмутился он. — У меня осознание было, а у ваших двоечниц, которые сначала прыгнут преподавателю на колени, потом поцелуют, а потом только заметят, что их пытаются спихнуть, его нет! Причём не только относительно проклятий, сдаётся мне...

— Не стоит называть меня Тэсси.

Сагрон скривился и потёр шею, а после зашипел — только сейчас Котэсса заметила, что действие проклятия было не таким уж и невидимым. По его плечу стекала тоненькая струйка какой-то странной розоватой жидкости, похожей на кровь, разведённую в большом количестве воды. Может быть, он как раз принимал душ? Волосы вот тоже влажные. Но кровь всё равно не сулила ничего хорошего.

Девушка поднялась с избранного ею пуфика в бордовой обивке и подошла поближе, сама, впрочем, толком не осознавая, что именно она должна сделать. Сагрон, казалось, терпеливо ждал того момента, когда она окажется на достаточном расстоянии, сам не вскакивал, сознавая важность добровольного фактора вмешательства.

Но стоило только Котэссе оказаться в полуметре от него — и отвлечься на любопытные, откровенно магического происхождения узоры на обивке в общем-то самого обычного, серого дивана, — как мужчина сгрёб её в охапку, усаживая к себе на колени.

Она склонилась к нему, поспешно прикоснулась к губам — и отпрянула, будто бы надеялась, что так сможет нейтрализовать всё, что он успел себе заработать.

Мужчина что-то прошипел сквозь зубы. Да, и губы, и щёку тоже жгло, но основные поражения — на шее, там, с правой стороны тонкой линией поцелуев и даже куда-то к сердцу...

Котэсса вздохнула.

— Я этого не делала, — предупредила она, расстёгивая пуговицы его рубашки. — И как можно было умудриться получить подобные... повреждения посреди университета? Это ж как надо было неохотно отталкивать от себя студентку!

— Потом поговорим.

— А если я хочу сейчас?

Мужчина поднял на неё страждущий взгляд, словно пытался передать все проблемы собственного положения, и девушка тяжело вздохнула. На самом деле, не хотелось причинять ему вред, не хотелось заставлять испытывать боль, но всё-таки — надо же иметь хоть какую-то совесть, хотя бы намёк на неё!

Даже если он и не её возлюбленный, и вообще, ей на него наплевать. Если наплевать, конечно — потому что в последнем девушка уже начинала радикально сомневаться. Иначе б она здесь не сидела, и в дом не пустила, и к Ойтко бы тогда не пошла, а поехала бы себе к родителям, смотрела бы с обожанием на жениха — того самого соседского парня, что в полтора раза шире, в полтора раза ниже, в полтора раза старше... Ой!

Лучше уж Сагрон.

— Хорошо. Это была очень настойчивая студентка, — покачал головой он. — Невероятно настойчивая студентка с невероятным количеством двоек...

— С невероятного моего курса или всё-таки четвёртого, который уже почти пятый?

— Второй вариант.

— Слава Небесам, — облегчённо выдохнула девушка. — А то иначе я бы этого не перенесла. Не хватало ещё возмущений в группе.

Она пробежалась пальцами по едва заметным ранам — вероятно, проклятие действовало скорее на болевые рецепторы, максимум прикрывало иллюзией ранения. В том, что Сагрон сам ничем их не скрывал, девушка даже не сомневалась, это было заметно по его поведению.

Он лишь крепче сжал её в своих объятиях, хотя Котэсса с куда большим удовольствием просто села бы рядышком на диване и приложила бы к бесконечным невидимым ожогам ладонь, чем вынуждена была коротать часы у совершенно постороннего и чужого для неё мужчины на коленях, застыв у него в руках, как фарфоровая кукла.

Девушка подалась вперёд, напоминая себе, что это всё для дела.

— Твои руки, — просипел Сагрон, — не помогут. Элеанор сказала, что последствия проклятия снимаются исключительно тем же, что и было сделано.

— И когда ж она успела? — вздохнула Котэсса. — Вы, господин доцент, — на фамильярное "ты" она почему-то никак не могла перейти, — ну уж очень плохо сопротивлялись.

Она всё-таки смиловилась и, подавшись вперёд, мазнула губами по его шее, где-то около скулы, где, судя по напряжённым мышцам, как раз и начиналась зона поражения. Мужчина, казалось, даже расслабился — теперь, чувствуя её прикосновения, он мысленно прощался с болью.

Губы скользнули чуть ниже. Как Котэссе хотелось бы не краснеть от одних только этих дурацких поцелуев, от того, как его руки застыли у неё на спине, как у неё самой аж ладони похолодели — а его кожа буквально пылала, причём не только там, где ожоги.

Но она обещала помочь. И, стараясь отбросить в сторону все мысли о том, что не следовало ни соглашаться, ни приходить, ни вообще связываться с Сагроном, девушка зажмурилась и вновь коснулась губами к пылающим ожогам, которые и без магического взгляда чувствовались проклятыми пропалинами на коже.

К четвёртому или пятому поцелую Дэрри, казалось, и вовсе забыл об ожогах. Кожа успокоилась — она коснулась ладонью последнего витка повреждений, словно проверяя, не надо ли продолжать исцеление, но Сагрон будто бы и позабыл о том, с какой целью Котэсса вообще сюда пришла. Перехватив её поудобнее за талию, обняв ещё крепче, заключив в плен, словно заковав цепями, он впился в её губы с неожиданной, откровенно проклятой страстью.

Тэссе казалось, что она будто бы оказалась в плену — плену чужих обнаглевших рук, — потом как-то краем мысли уцепилась за то, что диван, оказывается, достаточно удобный...

— Ай! — воскликнул возмущённо Сагрон, нависая над нею на вытянутых руках. — Послушай, милая...

Она возмущённо фыркнула.

— Мы договаривались снять проклятие! — девушка ткнула пальцем ему в грудь, игнорируя факт расстёгнутой уже до конца рубашки — нет, ну она точно не могла этого сделать, да и зачем? Даже в мыслях не было. — Снять проклятие, а не укладывать меня на вот этот диван, — она ударила свободной ладонью о серую обивку. — Разумеется, я воспользовалась заклинанием! Потому что не приемлю насилие!

— Разве с моей стороны было насилие? — удивился Сагрон. — Мне кажется, всё добровольно. Я вообще никого ни к чему не принуждаю, — он вновь наклонился к ней. — В конце концов, Котэсса, ты уже взрослая девушка, и...

— И потому взрослая девушка самостоятельно, а не по чужому требованию, решит, когда ей превращаться в молодую женщину, — строго отозвалась Котэсса. — Так что, будьте добры, доцент Сагрон, переместитесь на пол, пока я не столкнула вас отсюда сама!

Выглядел он исключительно возмущённо. Но — проклятье не срабатывало, не отращивало ни хвост, ни рога, не лишало некоторых важных частей тела, так что, очевидно, следовало благодарить Небеса, что привязало его именно к Котэссе, а не к Элеанор. А то там бы первым фронтом выступила бы мать, и...

И конец. Мужчина даже не представлял себе, с каким весельем несносная аспирантка бы наблюдала за его мучениями.

Котэсса не стала ждать, пока он наконец-то соизволит перебраться на пол. Не увидев никаких активных действий с его стороны — лишь просто столкнула, причём самым возмутительным образом — просто толкнула ногой.

После этого, правда, сама прыгнула с дивана и встала над мужчиной. Он довольно растянулся на полу, заложив руки за голову — приятно было не испытывать привычного уже за такое длительное время жжения в области шеи — да и вообще всюду, куда только успела дотянуться одна особо рьяная особа.

Ему б очень хотелось, чтобы слова о студентке четвёртого курса были правдой. Так было бы легче — обвинить какую-то там незнакомку, имя которой никогда не будет оглашено, во всех собственных бедах да неудача, а после позабыть о ней навсегда. Но та женщина, что оставила отметины, подобные клеймам, вернётся. И Сагрон полагал, что, может быть, зря пообещал ей чуть больше, чем на самом деле мог дать.

Впрочем, особа, которой было обещано то самое свидание, что не сложилось из-за проклятия — это дело не самое страшное. Уж точно не страшнее, чем бесконечная цепь ожогов, чем само проклятие...

И чем возмущённая Котэсса, нависающая у него над головой, показавшаяся вдруг такой любопытной, такой взъерошено-привлекательной...

Элеанор, заглянувшая вчера на огонёк, предупреждала — будет тянуть, как магнитом. Когда девушка сопротивляется, проклятье активизируется само по себе, начинает действовать назло тому, кто его получил, пытаться вернуть его в семью, причём чем скорее, тем лучше. Проклятье уцепится в него словно когтями и будет ежесекундно подталкивать к Котэссе, запихивать буквально в её объятия.

После каждого нарушения, после каждого случайного поцелуя будет становиться всё хуже. После каждого исцеления со стороны Котэссы — он всё труднее станет забывать о ней, о холоде её узких ладоней, о том, как сверкают эти светло-карие глаза...

Сагрон мотнул головой. Что за отвратительнейшее проклятие? Оно точно, сто процентов должно как-нибудь сниматься. И не только путём соблазнения строптивой девчонки!

Но что-то подсказывало нынче мужчине, что о справедливости не шло и речи. Проклятие придумывалось в наказание несносным, как выражалась дражайшая Элеанор, мужчинам — и женщинам, впрочем, тоже, смотря кто и против кого будет применять подобную формулу. И всё ради чего? Он повторил этот вопрос не один раз, прежде чем получил вразумительный ответ.

Всё ради того, чтобы можно было наконец-то продемонстрировать супругу, неверному до отвратительности, что самое главное в семье — это оставаться всё-таки для своей второй половины чем-то вроде надёжного укрытия. Хочешь изменять — разводишься, вот что сказала Элеанор.

То, что они с Котэссой не были мужем и женой, девушку совершенно не смущало. Хотите — женитесь.

Замечательный ответ.

Да он может захотеть хоть десять раз, но это ж не значит, что Тэсса согласится!

— Вставайте! — сердитым тоном напомнила она о себе.

— Мы перешли на ты, — лениво сообщил Сагрон, рассматривая её с ног до головы. — Что это за отвратительное платье? Сколько ему лет? На столетний винтаж от бабушки не тянет совершенно, потому что вышивка достаточно новая по ободу. Значит, лет десять, матери не подошло — сплавила дочери? Либо за старшей сестрой донашиваешь.

— У меня нет сестры! — мрачно отозвалась Котэсса. — Вставайте!

Платье и вправду отдала ей мать. Купила "на вырост", платье для десятилетней — как на неё нынешнюю. Оно пролежало года четыре в шкафу, но к пятнадцати девушка уже вполне смогла его носить, по крайней мере, утопала не до конца. К восемнадцати — привыкла, да и подросла уже наконец-то, появились кое-какие формы — не всё ж ходить доской, — и платье село уже нормально.

Но за долгие дни и месяцы использования оно превратилось уже в какую-то наполовину протёртую тряпку.

Тэсса на самом деле предпочитала рубашки на блузы. Но летом было очень жарко, по крайней мере, днём, вот она и надела самое лёгкое, что отыскала в своей сумке. Когда ж она в последний раз обновляла гардероб, сколько лет тому назад? Ой, давно!

— Вставайте! — повторила девушка уже в третий раз. — Хорошо. Вставай?

Сагрон приподнялся на локтях — кажется, теперь демонстрировал, что она правильно исправил вопрос.

— Допустим, встану. И что мне за это будет?

— Предположим, — протянула Котэсса, — останете... останешься лежать. Рассказать, что будет за это?

Мужчина фыркнул, но сё-таки поднялся, правда, очень неохотно, так, словно на него только что навесили как минимум десяток тяжёлых мешков. Вот только под неумолимым взглядом собственной студентки он даже как-то прибодрился, попытался её обнять, но девушка вывернулась из его рук.

— Мне занимать диван? — спросила она, глядя на него.

— Нет. Кровать твоя.

— Моя? Или общая?

Сагрон скривился. На второй вариант он вряд ли мог действительно рассчитывать, так что, пожалуй, лучше не будить в девице зверя и не портить окончательно себе — и ей, — остаток ночи.

— Твоя, — махнул рукой он. — Занимай. Но завтра я тебя просто так в покое не оставлю, даже и не надейся!

— Я подыщу себе другое место, как только у меня появится такая возможность, — повела плечами Котэсса. — И завтра я проведу целый день у госпожи Ойтко. Буду заниматься переписыванием бесконечных документов.

Сагрон прищурился. На языке у него крутилось одно крайне незаконное предложение, но сделать его прямо сейчас означало отдать в руки Котэссе незабываемую козырную карту.

— Тебе нравится заниматься переписыванием? — любопытствовал наконец-то с хитрецей он, но девушка только фыркнула, повела весело плечами и ускользнула в спальню, нагло закрыв за собой дверь. — Эй! Я могу помочь!

Но Котэсса не ответила — словно забыла о том, что в доме был ещё кто-то, кроме неё самой.

Глава 8

Доцент Ойтко первым делом даже обрадовалась, узрев на пороге Сагрона. Она тут же поставила перед ним на стол дополнительную стопку бумаг и радостно заулыбалась, даже подмигнула Котэссе.

— Это замечательно, — прошептала она девушке на ухо, — если у тебя появились на него рычаги влияния. Главное их не растерять — и мы с него сделаем трудолюбивого человека! Он ещё у нас станет тружеником года!

Котэсса в этом очень сомневалась — но, признаться, была уверена в том, что проклятье пойдёт Дэрри на пользу. Вчера вечером, стоило только захлопнуть у него перед носом дверь, она поймала себя на мысли, что было б неплохо узнать, что он там предлагал относительно переписывания. Но — нет, пообещала себе быть стойкой и уверенной в собственной жизненной позиции, значит, должна исполнять. А то так недолго и до грехов, неоспоримых перед Небесами, а потом вообще — несмываемые с репутации последствия, свадьба...

Вот от свадьбы, может быть, она б и не отказалась. Так, через пару лет. И, наверное, не с Сагроном.

Хотя, если быть предельно честной...

Девушка мотнула головой. Если быть предельно честной, то думать об этом нынче не стоит. Не стоит тратить собственное время на то, чтобы вот так вот спокойно вспоминать события минувшей ночи — ночи на широкой, удобной кровати, на которой она магией сменила постельное бельё, потому что мало ли когда и кого Сагрон водил в эту комнату, ночи, когда никакие Жодоры Ольи не залазили в окна, в двери и вообще куда получится, не мешались под ногами, не протягивали лапу на девичью честь, да и вообще, всё было прилично, пристойно и лучше некуда.

В общем-то говоря, Котэсса была довольна всем, за исключением заглянувшего спозаранку Сагрона — потому что комната закрывалась на ключи от всех, кроме него самого, от хозяина, повторила дверь десять раз извиняющимся тоном, прятаться нельзя.

Сейчас же он так деловито осматривал эти бумаги, бесконечные списки, перечни дел, которых хватило бы не только на это лето, а ещё и до конца следующего, и довольно улыбался.

Ойтко только-только ушла, закончив прочтение своей недоморали, которая, вероятно, сводилась к одному стабильному выводу — мир жесток, мужчины в нём — палачи чести и невинных дев, держи ухо востро, не позволяй никому к себе приближаться и... милочка, ты правда можешь заставить Сагрона работать?

В сером кабинете было уже бело — бело от папок, от бесконечного перечня бумаг, что наслаивались одни на другие, перемешивались, собирались в кучу. Им светили ещё все магистры с личными делами и индивидуальными планами, потом целая увесистая стопка с преподавательским составом, после каталог журналов...

А магистров-то уйма!

— Могу открыть секрет, — загадочно сообщил Сагрон, — что помогает вскрыть эту блокировку. Ты, я думаю, уже размышляла над тем, как это сделать, верно?

Котэсса кивнула. Спорить смысла не было, притворяться правильной дурочкой, не сознающей всех тех проблем, что могли принести безмерные перечни бумаг и излишне тщательная работа, тоже.

— Да, — согласилась она. — Я пыталась придумать, как обойти блокировку, но, увы, каждый раз вылезает одна и та же проблема. Вечно что-то не складывается. Мне буквально маленького ключика не хватает...

— Могу подсказать?

— Вы...

— Ты!

— Вы уже это делали? — упрямо повторила Котэсса. — Пробовали вскрыть? Неужели студентом подрабатывали себе личное дело?!

— Нет, — покачал головой Сагрон. — Но в аспирантуре мне однажды пришлось заниматься подобного рода деятельностью, когда срочно надо было забрать статью, а переписывать я просто не имел ну никакого желания — а там была блокировка на копирование.

— Тут ещё и на вписывание, — отметила Котэсса. — Я могла бы и подиктовать, да только вот, во-

первых, слышно, во-вторых, невозможно, в-третьих, не так уж и быстро, как бы мне хотелось.

— Это всё ерунда, — махнул рукой мужчина. — На вписывание она элементарная, уверен, ты уже давно догадалась, как её снять. А вот в множественном заполнении — считывание, то бишь, — проблема. Верно?

— Верно, — согласилась Котэсса. — Но нехорошо преподавателям помогать студентам в совершении шалостей.

— Мы трудимся на благо факультета, — отмахнулся от неё Сагрон. — Какие там шалости. Ведь ты порядочная, великолепная девица, которая никогда не позволит себе ничего большего, чем просто заняться делом. Разве нет?

— Возможно, — согласилась она. — Но к чему вы клоните? Почему просто сразу не сказать способ, а потом уже разводить эти пространственные разговоры? Литория может вот-вот прийти.

Сагрон улыбнулся. Он провёл рукой по ближайшей к нему папке, как-то ласково, почти нежно, и вновь заулыбался, только на сей раз уже повернувшись к самой девушке.

— Оно-то так, — согласился мужчина, — но работа-то это в основном твоя. А значит, я могу просто смотреть со стороны, как ты мучаешься. В противном случае за любые услуги, даже за благотворительность, всегда надо платить. Вот, к примеру, те дураки, что принимают от наших политиков, мечтающих забраться в Управление, подаяния, платят рекламой. Они о ней даже не догадываются, но ведь каждый умный человек осознаёт, что проголосуют скорее за того доброго, что озаботился о бездомных, чем за того злого — надо же, в образование он вкладывает, будто бы у НУМа своего запаса золотого нет!

— Возможно. Что вы хотите? Даже не смотрите на меня вот так! — Котэсса скрестила руки на груди и сердито фыркнула. — Если вы думаете, что обход блокировки стоит снятия проклятия — можете даже и не надеяться.

— Точно?

— Более чем!

Мужчина вздохнул. Хотелось верить, что однажды лёд тронется, но что-то ему подсказывало, что случится это ещё ох как нескоро.

— Пусть, — наконец-то согласился он. — Пусть — не сомневаюсь в том, что ты не отступишься от своего. Но мы можем хотя бы, к примеру, сходить на свидание? А я за это раскрою секрет. Подойдёт такой обмен? Он тебе кажется равноценным?

— Кажется, — согласилась Котэсса. — Только вы не забывайте о том, что в общежитие я сегодня схожу. Договорюсь относительно комнаты.

— Тебе её не дадут.

— А вдруг?

— Не дадут!

— Постарайтесь, чтобы этого не произошло? — фыркнула она. — А обещали помочь. Ваше слово что, не стоит даже ломанного гроша?

— Почему ты не надела вчерашнее платье?

Девушка усмехнулась.

— Потому что в этих брюках мне лучше, — пожала плечами она. — А что? Вам они не нравятся? Нравятся. Я по глазам вижу. Вот потому, может быть, и надела. Чтобы поддразнить, — она весело ему подмигнула, и Сагрон в ответ только закатил глаза. Он понимал, что просто так разобраться с проклятием не получится, но Котэсса, казалось, даже получала некоторое удовольствие от издевательств. — Но, положим, я согласна на прогулку по столице. Вы ведь это хотели предложить?

— И никакого "вы" во время этой прогулки, — кивнул Сагрон. — Тогда, так уж и быть, я приму это, подобно достойной плате за обход блокировки.

— Согласна, — кивнула Котэсса, сделав шаг ему навстречу. — Если вам подходит подобный расчёт, — она прищурилась, показываяте ключ.

Мужчина потянулся к ближайшей папке — к личным делам первой группы магистров, как раз с их кафедры, — открыл список и пробежался по уже написанному примеру предметов. Все остальные

следовало переписывать по нему — но Ойтко озаботилась, чтобы, в случай чего, пример всегда был перед глазами.

— Будь внимательна, — он протянул девушке папку. — Ты полагаешь, что заклинание нужно снять противодействующим. Подковырнуть им — и просто растерзать на кусочки. А ты попытайся представить, как чернила проникают под защитный слой! Он сделан по принципу физического — вот представь, как ты подсовываешь туда копировальный листик, потом отпечатываешь на нём всё, что тебе надо, и это скопированное переносится на следующий лист, под защиту. Только лист — магический, оставляет отпечатки. В итоге — точная копия готова, и тебе не придётся делать ничего такого особенного, ничего опасного. Просто — подковырнуть и впихнуть копировальный лист.

Котэсса прищурилась. Она взяла в руки ту папку, которую доселе держал Сагрон, напроочь проигнорировав его попытку поймать её за запястье, и представила себе, как копировальный лист — не один, а девятнадцать, ровно по количеству студентов группы за вычетом этого, с образком, вырываются на свободу, словно снимая копии.

Да, того заклинания противодействия, что она подобрала, действительно было слишком мало, чтобы полностью расколоть защитный панцирь. Но Сагрон оказался прав — эти листы спокойно забрались в ту тонкую щель, которую она смогла для них проделать, прорезав формулой, будто бы ножом, грань пространства.

Листы — невидимые, просто буквы в воздухе, полыхающие чернилами, вырвались оттуда, один за другим, и застыли в воздухе.

Дело оставалось за малым — успеть разобраться с этими копиями до той поры, пока не придёт Ойтко.

— Помогите, — она передала Саггону половину папок группы, девять штук, сама взялась за оставшиеся — на одну больше, но как же было приятно, пользуясь простой формулой, разрывать пространство и вливать в него копию, будто бы это была воистину ювелирная работа.

Мужчина должен был бы как-то ей помочь — но вместо этого застыл, наблюдая за тем, как быстро бормотала себе под нос магические слова Котэсса. Казалось, копировальные листы вливались буквально в пространство страницы — и застывали там таким тонким, практически невидимым слоем, что никто, за исключением самой девушки, не сумел бы отметить их присутствие.

Заклинания её сливались в один сплошной поток. Она, казалось, только и успевала открывать папки и позволять забираться в них словам, а после закрывала — тогда-то страница сама собой запечатывалась, закрывалась, закупоривалась, чтобы никто больше не имел возможности её раскрыть.

Последняя папка легла на стол, завершённая горка индивидуальных планов и личных дел — и всего за пять или десять минут! — и только тогда Котэсса заметила наконец-то, что Сагрон даже и не пошевелился, наблюдая за тем, как она работала.

— За помощь, — промолвил он, — потребуется дополнительная плата, а не просто одно свидание.

Котэсса усмехнулась.

— Так или иначе, госпожа Литория разделила работу пополам, — промолвила она. — А у вас — второй курс магистратуры, шестой, то есть. Я всё равно трудилась на себя, — девушка бойко пожала плечами. — Так что удачи и приятного времяпровождения!

— А ты куда?

— Я? — удивилась она. — Я ведь переписала. Мои первые два часа работы освободились. Схожу, говаривают, комендант общежития вернулась, можно будет наконец-то попросить у неё комнату. Не всё ж мне проживать у чужих, отвратительных по характеру мужчин, верно?

— Ты мне совершенно не мешаешь... — начал было Сагрон, но Котэсса только пожала плечами и выскользнула из кабинета.

Он тяжело вздохнул. Следовало бы потянуться за своими папками, но он вновь полез к тем, что относились к пятому курсу, раскрыл все — и вложил в заклинание, то самое, которым пользовалась Котэсса, ещё и умножитель. Тонкий резак прошёлся по пространству над каждым из нужных листиков, а копии, сделанные умелыми, быстрыми руками, выскочили из первого, образцового варианта вновь двумя десятками невидимых листов и пробрались внутрь, прочно застывая на месте.

Сагрон только закрыл каждую из папок, запечатывая её прикосновением, провёлся по ободкам — и тоже сложил на горку сделанных уже индивидуальных планов.

...Он хотел приняться и за третью папку, но за спиной послышался стук каблучков. Можно было подумать на Литорию — но их Бойцовский Пудель сегодня был в лёгких плетёных босоножках и в платье, вероятно, слишком уж жарко на улице. Они-то с Котэссой пришли из дому довольно рано, да и сколько тут, сто метров — и уже в кабинете. А Ойтко приходилось ехать через весь город верхом либо в наёмной карете, ну, или использовать мгновенное превращение, а оно ох как тяжело сказывалось на организме женщины, которая всё ещё надеялась родить ребёнка. Конечно, у доцента Литории дети были — но она, кажется, хотела ещё одного.

А в сорок — даже магу не так уж и просто, и не потому, что организм не может, а потому, что их неадекватные врачи, те, которые не обладают волшебным даром, как-то не спешат давать подобным женщинам адекватные советы.

Говорят, хотите рожать — будете как селянки, под ближайшим кустом. Потому что им страшно брать на себя ответственность.

Всегда страшно.

Но нет, это была не Ойтко. Женщина, стоявшая у него за спиной, казалась деланно равнодушной — и он заметил, что сменила причёску.

— Здравствуй, милый, — холодно поприветствовала она его, потянувшись к светлой пряди волос — с рыжеватым отливом. Прежде у неё был оттенок ярче, но сейчас она словно специально приглушила его, воспользовавшись волшебными красками.

И каре. Он бы не обратил внимания на её причёску, но это казалось наглейшим плагиатом — у Котэссы точно такая же.

— Здравствуйте, — холодно поприветствовал он. — Странно видеть вас здесь, старший преподаватель Энниз. Разве вы не работаете на кафедре с другого факультета? Мне всегда казалось, что на нашей делать вам уж точно нечего. Ведь вы совершенно ничего не понимаете в боевой магии.

— Прежде, — отметила Энниз, — ты обращался со мной совершенно по-другому. Даже звал на встречу.

— Прежде, — покачал головой Сагрон, — я приглашал на свидание женщину, что выглядела совершенно по-другому.

— Но ведь тебе теперь нравятся такие.

Он хмыкнул. Нет, может быть, и не нравится — но светло-русый оттенок волос, меньше волшебной косметики, хотя до натуральности тоже было достаточно далеко, брюки... Брюки? Обувь на каблучках, это, впрочем, всегда свойственно — носить беспорядочно разные туфли.

— Удивительно, но факт, — покачал головой Сагрон, — я предпочитаю натуральные оттенки. Сквозь твои светлые волосы всё ещё пробивается рыжевизна, а ещё — они выются у тебя совершенно неестественно.

У Котэссы — он понял сегодня утром, — кудри появлялись только от влаги, ну, или если пространство было слишком наполнено волшебством. Тогда каре, всегда хорошо уложенное, превращалось в какой-то стиль одуванчика.

Но когда она была спокойна и не пользовалась слишком активно магией, то всё было в порядке.

Вероятно, Энниз в своей страсти действительно прийти ему по душе, слишком уж заигралась или засмотрелась на студентку. А ещё — подловила её в тот миг, когда она была не в лучшем своём состоянии.

— Однако, прежде я тебе нравилась и такой, и другой — да ты был готов принять меня в том состоянии, в котором я тебе приду, и неважно, каким оно было.

На самом деле, Сагрон был уверен — так о нём могла заявить каждая из бывших любовниц. А с Энниз даже ничего не сложилось — потому что в тот вечер он как раз пытался избавиться от первых последствий проклятия. А потом — эти дурацкие поцелуи, эта странная дорожка, что вела от шеи к сердцу, такая неуместная, особенно если учитывать место её обретения...

Прежде ему нравилась Энниз — аспирантка Фору в позапрошлом году. Она была на другом факультете, умела строить глазки каждому, с кем только сталкивалась в коридоре, а он не стал исключением. С формами, чуть полнее, чем совсем уж худощавая Котэсса, тоже с характером — это ему нравилось больше всего, — с весёлой улыбкой, сияющей, казалось, ярче солнца — особенно если ей ну уж очень сильно хотелось запасть кому-то в душу.

За Энниз Фору даже хотелось сражаться. Прежде. Сейчас, после колкостей со стороны Котэссы, после воспоминаний о том, как легко от одного её короткого поцелуя унималась ненавистная боль в ожоге, он думал, что ни за что не променял бы эту до смешного строптивую юную девочку, совсем ещё неопытную, на такую акулу, как старший преподаватель с соседней кафедры.

Чистоты и невинности, да, в ней не было. Огнём полыхала страсть — всё, что нужно взрослому, самодостаточному мужчине, не желающему пока что жениться и связывать себя более серьёзными узами.

Ага.

Оставалось только одно "но", вот только оно и портило радикальнее всего отношения с Энниз.

Проклятие.

Он уже почувствовал на себе итог нескольких поцелуев. Фору не стесняло то, что они находились в деканате, не смущали ни папки, ничто. Казалось, вряд ли вообще существовало что-то, что могло бы заставить её хоть покраснеть. Или, может быть, румянец просто очень хорошо скрывал плотный слой косметики, просто точно сказать довольно-таки трудно.

Если б тогда вечером, разумеется, ничего не случилось, если б утром не умудрилась Котэсса его проклясть, он бы, вне всяких сомнений, увидел Энниз Фору без лишней косметики — без лишней одежды тоже. Но представление о её формах складывалось более чем удачно и без этого, а всё прочее пока что не имело никакого значения.

Сагрон искренне верил в то, что он её тоже интересовал всего лишь как способ провести одну короткую ночь. Но зачем она тогда приходила раз за разом?

Фору сделала шаг вперёд, протянула руки, порываясь его обнять, но Дэрри отступил от неё на один шаг и отрицательно покачал головой. Пояснять в очередной раз Котэссе, что всё произошло совершенно случайно, ему не хотелось, по крайней мере, не прямо сейчас. И вновь растягивать проклятие ещё на целый год, из которого он уже отбыл практически неделю — а это могла быть уже вторая семидневка первой летней двадцатки!..

Нет. Вновь возвращать всё на круги своя Сагрон не хотел — и так только-только отсчитал первые семь дней из предстоящих ему, недовольно повздыхал — и что поделать? В году немало часов.

Да и не то чтобы его нынче вообще привлекала Энниз.

— Что-то не так? — спросила она. — Неужели ты, Сагрон, умудрился в кого-то влюбиться до такой степени, что уже не приемлешь даже обыкновенное прикосновение женских рук?

— Может быть, и не приемлю, — пожал плечами он. — А разве это так строго запрещается законом?

Она рассмеялась, будто бы мужчина только что позволил себе одну очень смешную шутку.

— Нет, не запрещается, — фыркнула Энниз. — Но мне кажется, эта юная прелестница не спешит отвечать тебе взаимностью, не так ли?

— Это уже не твоё дело. Я ведь сказал — у нас ничего не получится. Зачем пытаться что-то продолжать?

— Если б я тебя не знала, подумала бы, что проклят, — рассмеялась Фору. — Но пусть. Не хочешь — не надо, зачем мне настаивать на том, что тебе не к лицу? Впрочем... Ах, забудь, — она мотнула головой. — Забудь, мой милый.

Он смотрел на неё, молча, холодно, но без злобы во взгляде. Казалось, пытался понять, что именно хотела от него Энниз.

— Зачем ты пришла? За документами? Сейчас придёт Ойтко — попросишь у неё то, что тебе надо. Я тут ничего не знаю и бываю довольно редко, так что...

— Я пришла полюбопытствовать, насколько у тебя занят вечер. Потому что лично у меня он свободен, может быть, я могла бы уделить тебе минутку.

— Нет. У меня другие планы.

Энниз раздражённо повела плечами.

— Жаль. Такое впечатление, будто бы ты действительно проклят, а ещё и с перепугу перезабыл все заклинания, которые могли бы избавить тебя от проклятия. Девчонка приворожила? Весело.

Сагрон устроился поудобнее на стуле — потому что отступать было уже некуда, — и сердито покосился на Фору. Да, приворожила, да, это проклятие притягивало его к Котэссе, будто бы магнитом.

А он прежде полагал, что и вправду с лёгкостью снимет с себя всё, что угодно, достаточно только однажды очень хорошо постараться. А ещё — что его защита выдержит и не одно, и не два проклятия.

Но, очевидно, Элеанор не просто так защищала диссертацию по одному только проклятию. Не просто так всё сложилось в странную, причудливую головоломку, которую он не мог разгадать. Котэсса была ключом к свободе — но к какой? И понадобится ли она ему потом?

Свобода — не Котэсса.

— Знаешь, — прошептала вдруг Энниз, подавшись вперёд, — а к нам в университет должен прибыть один любопытный артефакт. По секрету говорю — наши, с Защитной, постоянно о нём толкуют. Великолепнейшая, говаривают, вещь, очень просто снимает все проклятия, все на свете!

— Я рад, что подобное чудо будет у нас в НУМе, — пожал плечами Сагрон. — Я так полагаю, они позволят прикоснуться к нему всем желающим, так что, когда он прибудет, это не будет столь странной новостью.

— Нет, — покачала головой Энниз. — Потому что артефакт специфичен, перенимает проклятия на себя — после коротенького ритуала, разумеется, не знаю, в чём он на самом деле заключается. Он способен нести в себе только одно проклятие, пока не истечёт его срок. Говорят, специально для кого-то из совета кто-то выпил то, что было внутри, впустил в себя — а там оказалось краткосрочное. Вот и передадут в НУМ — когда проклятие перестанет действовать, одного, может, кого-то и избавят от его ноши, но кого...

Сагрон замер. Всего год. Люди занимали этот камень — или как выглядел артефакт? — наверное, на сотни лет, по крайней мере, на несколько поколений уж точно. А для него это будет меньше года...

Когда он вынырнул из своих мыслей, рядом уже Энниз не было. Она ушла, ступая неожиданно тихо, ускользнула куда-то, не оставив по себе ничего, кроме отвратительного, слишком густого запаха духов.

Сагрон вновь принялся за работу. С пальцев срывались тоненькие ниточки волшебства — он трудился над папками, одна за другой, сначала над теми, что причитались Котэссе, потом над теми, что ему самому.

Вспоминал Элеанор. Она говорила, как будет действовать проклятие — сначала он просто попытается от него избавиться, но после его будет притягивать к Котэссе всё сильнее и сильнее. Она станет ему сниться. Её светлый образ не будет оставлять его ни на одно мгновение — окутывает, будто бы каким-то лёгким флёром, приходит наяву тоже...

А если она уедет — будет плохо. Тоска будет съедать его изнутри. Если что-то случится, то даже некому будет исцелить, но не об этом он станет думать совсем-совсем скоро. Нет. Все мысли уйдут к этой худенькой девочке с причёской, будто бы у всколоченного воробья — тогда, когда она слишком много колдует.

...Папки закончились как-то сами по себе. Литория, вернувшись и увидев гору переделанной работы, удивлённо фыркнула.

— Странно, — промолвила она, — что вы так быстро справились. Может быть, какой-нибудь есть секрет?

— Нет никакого секрета, — покачал головой Сагрон. — Тут уже было написано, просто мы с Котэссой случайно запихнули папки в несделанную гору. Зато теперь можно не беспокоиться относительно проверки, верно?

— Поразительно! — кивнула Ойтко. — Она очень старательная и талантливая девочка. Но заслужила, определённо, на отдых, переделать такой объём работы практически за десятку дней...

— Да, — рассеянно согласился Дэрри. — Да, очень старательная и талантливая девочка.

Зачем он тогда не поставил ей пятёрку? Почему решил, что она могла списывать — она же сама честность!

Сам себе отыскал проблем на голову, ну, теперь должен сам их и разгребать. Никто не заставлял его унижать девочку, тыкать её носом в несуществующие оплошности. Он не увидел у неё "светлячка", так чего же тогда прицепился?

Сагрон прежде не испытывал особых мук совести, а теперь сам не понимал, откуда взялись столь странные ощущения, почему на него с головой накатывала непонятного происхождения грусть, до невообразимого глупая, тягучая и странная.

— Что-то не так? — полюбопытствовала Ойтко.

— Нет, всё хорошо. Что вы говорили? — Сагрон, по правде, не мог вспомнить ни слова из её последних заявлений.

— Я говорю, что теперь, когда столько работы переделано, на следующие полторы двадцатки можно отправиться домой. Порадую Котэссу, скажу, что она может отправляться к родителям, или куда она там собиралась!..

— Стойте!

Сагрон не ожидал от себя такой прыти. Ойтко только-только повернулась к двери — а теперь замерла и медленно обернулась к нему, посмотрела, словно на сумасшедшего, но возражать не стала. Скорее уж мягко улыбнулась, будто бы тому неадекватному, и попыталась спокойненько, тихонько, без шума и пыли покинуть здание.

— Вы что-то хотели? — мягко спросила она. Сагрон буквально видел мысли, что крутились у неё в голове. "Если не провоцировать сумасшедшего, то он может и не напасть. Главное соглашаться с каждым его заявлением, смирно кивать, но отступать, медленно но уверенно, к двери. Следует закрыть дверь за сумасшедшим и вызвать магическую скорую помощь волшебным сигналом, если вы маг. Обыкновенная может не справиться — не забудьте, пожалуйста, специфический сигнал".

— Да, — кивнул он. — Мне бы хотелось, чтобы Котэсса осталась в НУМе на лето. Неужели не найдётся для неё никакой работы?

— Работа найдётся всегда, особенно если за неё будете присматривать лично вы, потому что я всё же хочу в отпуск, — неуверенно начала Литория. — Но вы уверены? Бедная девочка трудилась весь год, а теперь... Она и сама вызвалась на эту работу, странно, но...

Сама, как же! Это он заставил её прийти к Ойтко, заставил подумать, что тут для неё подготовили какое-то задание. А уж Литория, разумеется, не упустила своего.

— Понимаете, госпожа доцент, — грустно промолвил Сагрон, — проблема у неё в семье. Её родители требуют у бедной девочки деньги, она отдаёт им практически всю стипендию, фактически лишается любых средств на проживание, — сколько он лишних слов только что употребил, не передать! — но держится. А теперь ей надо на лето либо оставаться работать — это замечательное оправдание для родителей, знаете, да и для неё самой, потому что просто так, скажем, ради удовольствия она в городе не останется, не сможет, совестная слишком, — либо поехать домой. Я не сомневаюсь, что там, в той глухой деревне, её тут же силком выдадут замуж, отправят на огород, заставят десятками рожать детей и пахать, словно лошадь, на полях. Неужели вы желаете ей этого? Работа — единственный выход.

— Но где же бедняжка будет жить? — Ойтко, вспомнив историю собственной жизни, тяжело вздохнула. — Какой кошмар... И почему родители совершенно не замечают потенциал собственных детей? Запихают их в этот огород, выдают силком замуж. Неужели они не понимают, что она может найти свою судьбу в столице, закрепиться здесь! Но всё же, жильё...

— Она сегодня отправилась к госпоже коменданту, — сообщил мужчина. — Но если ничего не получится — у меня есть свободная комната, и я готов предоставить её Котэссе на время. Даже снять квартиру. Не подумайте ничего плохого! — не хватало ещё только ослабить девчонку на весь университет, причём совершенно на пустом месте. — Нет, разумеется, Котэсса вряд ли согласится. Но мне просто очень хочется ей помочь. Я тоже не местный, и мои родители были радикально против...

Его родители были радикально за, лишь бы только сын не мозолил глаза, но кого это сейчас волновало?

— В любом случае, лучше быть здесь, чем где-нибудь в деревне, — подытожил Сагрон. — Так что, если только есть возможность...

— Хорошо, — согласилась Ойтко. — Я подберу вам список работ, дам его Котэссе. Думаю, мы можем даже немного уплатить после за такие труды, у НУМа есть достаточный запас. Надеюсь, тут вы не будете против? Без денег девочке развиваться никак не удастся. Только проследите, пожалуйста, чтобы она не отправила всё, что только может, своим родителям! Ох, кровопийцы...

Сагрон кивнул.

— Разумеется, разумеется, — закивал он, не сомневаясь в том, что Котэссу в этом порыве будет остановить довольно трудно.

Но он, впрочем, почти поверил в рассказанную историю — скорее всего, так оно и было. Особенно несчастной в столице Котэсса не казалась — а вот где-нибудь в глубинке, куда её обязательно затолкают родители, бедной девочке и вправду нечего делать.

Ойтко в последний раз улыбнулась, вытащила откуда-то из пустоты лист бумаги — на миг в комнате стало чуть труднее дышать, — и быстро принялась писать список дел, который следовало выполнить за лето.

Судьба Котэссы была просто предопределена.

Глава 9

Литория оставила тот самый знаменательный список — состоящий из множества пунктов, невообразимо длинный, сложный, казалось, заковыристый, а самое главное, такой, что его хватило бы ещё на несколько лет вперёд. Котэсса с недоверием посмотрела сначала на заполненные папки, потом на эту бумажку, а после подняла растерянный, наполовину испуганный взгляд на Сагрона.

— Я была у коменданта, — прошептала она. — И мне позволили пожить... Точнее, выделили комнату, — девушка запнулась. — Но...

— На время? — уточнил Сагрон.

— Нет, — возразила она. — Нормально. Как положено. С лета и до окончания учёбы. Просто там проплатить надо, — она вновь покосилась на список.

— У вас ведь скоро стипендия, — пожал плечами мужчина. — Хочешь — я заплачу? Там много?

— Стипендия... Да, — кивнула Котэсса. — Стипендия. Но мне ведь надо отправить что-то родителям. И вообще, — она вздохнула. — Даже если я отправлю им меньше денег, чем обычно, а я ведь и так не смогла отправить в этой двадцатке. А обещала. Написала, что позже, что жить негде, — девушка задумчиво прищурилась. — Но, в принципе, если сэкономить на еде... Ладно. Что из этого надо сделать сегодня?

— А ты не пробовала экономить на родителях? — не удержался Дэрри. — Сегодня ничего не надо делать. Пойдём.

— Но, если я справлюсь быстрее... — заикнулась Котэсса, но мужчина, приобняв её за талию, подтолкнул к выходу. — Послушайте!

— Послушай, — упрямо поправил её Сагрон. — Никакого "вы" весь этот вечер.

— Сейчас нет и обеда!

— Ничего страшного, — он вполне искренно улыбнулся. — Мы личные дела заполнили? Заполнили. Литория говорила, что, может быть, тебе что-нибудь даже заплатят за твою работу. Будешь летом с подработкой. Но если ты вздумаешь отправлять это непонятно куда и экономить на еде — скажу, чтобы ничего не давала. Сколько можно? Твои родители что, смертельно больны?

— Упаси Небеса!

Её родители — права была Элеанор, — смертельно ленивы. Но Котэсса, полагая, что обязанность любого ребёнка помогать матери и отцу так, как он только может, ни разу не возразила, когда они в своих письмах просили от неё всё больше и больше. Следовало, пожалуй, написать, что она и так отдавала им практически всё, что имела, но всё никак не поднималась рука.

На улице, куда её выволок Сагрон, было совсем-совсем жарко. Котэсса грустно покосилась на студенческую столовую — есть хотелось невероятно, но теперь, узнав, сколько стоила комната в общежитии, точнее, одно только место — кровать, — она понимала, что обеды абы когда теперь не впишутся в её бюджет.

Но Дэрри повернул куда-то с университетской площади на улицу. Людей было мало — почти все спрятались по своим домам от жаркого, невыносимого солнца. Лето, вошедшее только-только в раж, казалось, было готово всех изжарить палящими лучами, превратить в пар и пустить на пользу природе — в удобрение.

Котэсса удобрением становиться не собиралась, но ей, впрочем, и не грозило. Если она и дальше будет продолжать так питаться, то может стать только скелетом в чьём-то шкафу. Возможно, даже в Сагроновом, потому что девушка не сомневалась в том, что вынуждена была оставаться в столице исключительно по его вине.

— А куда мы идём? — любопытствовала она.

— Переносим наши планы с вечера на обед, — ответил мужчина. — Ты обещала мне ужин — переименуем его в обед, — и прогулку.

— Я не голодна!

Сагрон обернулся и посмотрел на неё так, словно впервые в жизни вообще увидел нечто столь поразительное и несуразное, как Котэсса. Она аж замерла от тяжести и раздражённости его взгляда, кажется, толком не осознавая, что именно только что сделала или сказала не так.

— Скажи мне, солнце, — наконец-то проговорил он, — почему именно я?

— В смысле? — опешила Арко. — Вы о проклятии? Ведь я говорила, что вообще никого не планировала проклинать...

— Нет, — отмахнулся Сагрон. — Забудем на несколько часов о проклятии. Небеса с ним! Но — ты огрызаешься, сопротивляешься, язвись, когда общаешься со мной. Допустим, — он вздохнул, — я далеко не ангел, подобное желание у тебя и вправду может возникнуть — немного воспротивиться и... Не важно. Но сам факт, что ты собираешься отдать своим родителям все деньги! Тебе нечего есть — я в курсе о ценах в общежитии и в наших столовых. Тебе не на что жить. Тем не менее, я слышу это возмущённое "я не голодна". Ведь я не предлагаю лечь со мной в постель, — он обернулся и заговорил немного тише, чтобы не привлекать постороннее внимание, — за кусок хлеба. Просто пообедать. Почему нет?

Котэсса покраснела, причём явно не от жары, и сердито скрестила руки на груди. Казалось, она уже порывалась высказать ему абсолютно всё, что думала, но в последнее мгновение прикусила язык.

— Я просто не привыкла, — наконец-то ответила она, — чтобы за меня кто-то платил или чтобы мне кто-то помогал. Мне как-то проще, когда я всё сама. А родители — ну, мне всегда казалось, что любая порядочная дочь обязана помогать своей родне.

— За счёт собственного благополучия?

— Если вам... — она поймала сердитый взгляд. — Ладно. Если тебе хочется меня накормить, но я не против. Я буду даже не против, если подобное желание будет возникать довольно регулярно. Но это всё равно ничего не значит. И, к тому же, я вправе сама распоряжаться тем, что зарабатываю, сама решить, кому эти деньги будут предназначаться, а самое главное, сама определить, насколько глупо поступаю.

Мужчина только покачал головой. С родителями Котэссы он не был знаком, но что-то Сагрон подсказывало, что ничего хорошего он бы не увидел. Они позволяли своей дочери жить на те гроши, которые получали студенты, ещё и спокойно принимали деньги и просили ещё. Если б его дочь — несуществующая на данный момент, — отправляла ему остатки своей стипендии, наверное, он бы отсылал их обратно, даже если б умирал от голода.

...На центральной улице было всё так же тихо. Котэсса больше не возражала — только замерла, когда поняла, что они миновали и столовую, и все дешёвые места общественного питания.

Сагрон на зарплату не жаловался и вполне мог себе позволить отобедать где-нибудь там, где точно не отравят и приготовят из продуктов высокого качества. Но девушка, кажется, этого не осознавала, а может, как раз планировала гордую выходку с бросанием денег за собственную еду на стол.

Он покачал головой. Котэсса, казалось, была неисправима — он уже запутался во всех вывертах исключительно женской логики, а сейчас, казалось, предпочитал просто плыть по течению, не обращая внимания на все её странности.

— Заходи, — вздохнул он, открывая перед Арко дверь. Она, кажется, заметила не только вывеску, а и преискурант, вывешенный отчего-то сегодня на центральной витрине, но спорить всё же не стала.

Казалось, Котэсса чувствовала себя неуверенно даже от того, что в принципе пребывала с мужчиной в чём-то вроде ресторана. По крайней мере, такое впечатление возникало — она столь неуверенно оборачивалась, так странно косила взгляд, что можно было заподозрить девушку даже в самом обыкновенном испуге.

— Может быть, — прошептала она, сделав шаг назад и натолкнувшись на Сагрона, — мы всё-таки пойдём в студенческую столовую?

— А если там будут твои однокурсники?

— Ну, обедать с преподавателем...

— К примеру, если этот преподаватель возжелает тебя поцеловать? — подавшись вперёд, хрипловато хохотнул Сагрон.

— Я буду против!

— Ну, это скажешь своим однокурсникам, так что...

Девушка больше не стала спорить. Она даже относительно спокойно, казалось, зашла внутрь,

заняла предложенное ей место, но предпочитала не особо оглядываться. Не то чтобы слишком дикая — нет, казалось, Котэссу не поражало и внутреннее убранство, ни даже то, как подобострастно на клиентов смотрели местные официанты. Но вот цены — перед нею по глупости тоже положили меню, — поражали.

Сагрон, конечно, поспешил исправить эту досадную ошибку, но было уже слишком поздно. Девушка ошеломлённо моргала, переводя взгляд с него на официанта.

— Я правда не голодна, — наконец-то промолвила она. — Мне ничего не нужно. Разве что воды.

— Не выдумывай, — Сагрон вздохнул. — Официант! — он открыл перед ним меню. — Вот, мы...

— У меня не хватит денег! — прошептала девушка. — Послушай, неужели нельзя выбрать место менее статусное?

— Это средненькое заведение, — отмахнулся от неё Сагрон. — Я не собираюсь позволять тебе, тем более, платить здесь за что-либо.

Она умолкла и перевела взгляд на странный барельеф на потолке. Само расположение его казалось глупым — столько работы и мастерства, вложенного кем-то, было банально загублено чужой глупостью. Зачем творения чужих рук размещать там, где их никто и никогда не увидит?

Официант, к слову, не слишком обрадовался, когда его заведение назвали средненьким, но простил. Сагрон держался воистину по-королевски, хотя в их стране, вообще-то, не было никаких королей и царей. Но со стороны можно было предположить, что перед несчастными официантами, заметно побледневшими, к слову, восседает едва ли не представитель Совета или Управления.

Ну уж ректор НУМа, не меньше.

Мужчина не спешил разбивать колкими словами их первое впечатление, лучезарно улыбнулся несчастным официантам, а после перевёл взгляд на Котэссу.

— Ну что, любовь моя, — деланно важным голосом протянул он, — довольна ли ты местным обслуживанием? Мне кажется, как на могущество страны, эта столица достаточно бедновата!

— Однако, — Котэсса скосила взгляд на обслуживающий персонал. Они стали центром внимания, кажется, всего ресторанчика — потому что больше в зале не было ни одного посетителя, — я не понимаю, почему здесь столь малоллюдно...

— Хм, — мужчина усмехнулся, перехватывая её ладонь. Тэсса дёрнулась, но, вновь почувствовав пристальные, уже принадлежащие остальным девушкам взгляды, выпрямилась и сжала в ответ его пальцы. — Предположительно, это потому, что нас никто не пожелает беспокоить. Разве тебя смущает столь приятное уединение?

— Немного, — отозвалась Котэсса. — Мне кажется, для развлекательной прогулки оно не слишком подходит.

— Мы можем поговорить о серьёзных вещах. Например, о твоих достопочтённых родителях. Скажи, со своими подчинёнными, — разумеется, в виду имелась группа, — ты ведёшь себя всё так же мягко, как и с ними?

— Нет, — Котэсса улыбнулась. — Когда подчинённые проявляют непослушание, я вынуждена поднимать на них голос и даже вводить штрафные санкции.

— О, и какие же?

— Ну, к примеру, — девушке показалось, что она даже вошла в роль, — мне изредка приходится прекращать экспорт определённых материалов. Особенно что касается важных отраслей волшебства.

— Да, — согласился он. — Уверен, зелья относятся к этим товарам. Как же они, бедные, вынуждены выживать? Международные отношения могли бы пострадать от этого столь радикального шага...

— Но ведь они зависимы от меня, — пожала плечами Котэсса, улыбаясь в ответ. — В конце концов, я устанавливаю правила. Они редко когда действительно могут предложить мне что-то нужное, а если уж говорить о каких-то банальностях вроде благотворительности с моей стороны, то она не должна быть бесконечной. Поэтому, мне кажется, что им придётся принимать условия.

— О, ты слишком строга к этим несчастным людям. Но вашему союзу придётся подписать со мной договор, — прищурился Сагрон. — Я предпочитаю получать каждый раз разнообразные товары. Особенно если дело касается регулярных выплат...

Котэсса закашлялась. Называть регулярными выплатами сдачу лабораторных и практических работ, конечно, мог не каждый.

— Ну, — промолвила она, — конечно, я не могу гарантировать уникальность, но мы постараемся, чтобы по крайней мере половина...

— О, — отмахнулся мужчина, — мне бы хотелось, чтобы твои ответы, Тэсси, были уникальными. Но, в любом случае, мы после вполне можем внести в них определённое разнообразие. Мои коллеги по Совету, — интересно, это что он имел в виду, заседание кафедры или всё-таки учёный совет? — полагают, что в этом есть что-то коррупционное, но ведь я ни за что не стал бы требовать от тебя что-то столь банальное, как денежное средство. Мне кажется, вкладывать активы следует в другое.

— Мой дорогой, — подхватила нить разговора Котэсса, — увы, но вам с вашими активами придётся всё-таки повременить. Я предпочитаю придерживаться политики честности, поэтому... мне кажется, срок нашего договора истекает как раз примерно через год? В таком случае, к тому времени я успею получить от этого сотрудничества всё, что мне нужно.

— Неужели какая-то бумажка, — бумажкой обозвать диплом бакалавра! — может так радикально повлиять на наши отношения? Мне кажется, их можно было бы продолжать и после...

— Хм. Мне кажется, этот договор вы перезаключать вряд ли пожелаете...

— Не этот, Котэсса, но существует великое множество остальных... — он поднял взгляд на официанта, что как раз вернулся с готовыми блюдами. — О, вы сегодня довольно долго. Не затягивайте, будьте добры, мы с партнёром торопимся.

Официант побледнел. В Сагрене он явно не узнавал преподавателя НУМа, да и не мог — в конце концов, мужчина был ему совершенно незнаком.

Для того, чтобы знать сотрудников университета, следовало там хотя бы учиться.

Котэсса прищурилась. Черты лица парня показались ей отчасти знакомыми, словно она его видела...

На первом курсе! Контрактник!

Сагрон хмыкнул.

— Что-нибудь не так, Тэсси? — любопытствовал он, провожая парня взглядом. — Тебя не устраивает мой выбор?

Она посмотрела на поставленное перед нею запечённое мясо, такое соблазнительное на вид, и покачала головой.

— Да нет же! — ответила она. — Причём здесь еда? Я знаю этого официанта. Абсолютно точно знаю.

— Ты разве ходишь по подобного рода ресторанам?

— Очень смешно! — возмутилась она. — Причём тут рестораны? Это парень из моей группы. Контрактник. Он практически не ходит, мне на глаза не попадает, только однажды, где-то на первом курсе, пытался являться на занятия. Просто даёт взятку — и всё. Ему прощают.

— Да? — Сагрон удивлённо покосился на замершего где-то на выходе из зала парня. — Эй! Уважаемый! Идите-ка сюда...

Котэсса запротестовала было, но, заметив в тёмных мужских глазах нотки веселья, решила просто наблюдать со стороны. В конце концов, многие её однокурсники давно уже заслужили неплохого наказания. Если с бюджетниками она как-то могла справиться, то с теми, кто поступил на контрактную форму обучения, происходил самый настоящий кошмар. Занятия они не посещали, полагали, будто бы преподаватели им что-то должны, ведь они-то вкладывают в НУМ собственные деньги.

От этого заявления периодами хотелось попросту расхохотаться им в лицо. И почему несчастный университет всегда оказывается должен подобным особям?

И на их факультете, совсем уж не нуждающемся в наборах — и так великое множество! — всё равно продолжали тянуть этого же официанта, имя которого девушка с трудом вытаскивала из закромов собственной памяти.

— Шанук, — прошептала она, обращаясь к Сагрону. — Его фамилия — Шанук.

На небольшой золотой карточке, прицепленной на грудь, красовалось имя — фамилии не было. Вероятно, официантам позволялось скрывать личность, а эти серебристые плохочитаемые буквы были то ли его настоящим именованием, то ли и вовсе чем-то выдуманным — самым наглым образом сворованным у кого-то, может быть, даже у собственной фантазии.

Дэрри вытянул ноги, вальяжно откинулся на спинку своего стула, сложил руки на груди и умиротворённо посмотрел на парня, подбежавшего к ним.

— Итак, — протянул он, — официант Шанук.

— Простите, но откуда...

— Я знаю всё! — важно сообщил ему Сагрон. — И ничто не может от меня скрыться. В конце концов, обычно я изучаю досье каждого сотрудника, который будет мне прислуживать, но сегодня, вижу, вы кого-то подменяете. Тут должен был находиться культурный юноша с двумя образованиями в свои неполные двадцать лет.

Шанук, очевидно, планировал было возразить, сказать, что у них не работает никто с двумя образованиями в неполные двадцать или даже в полные тридцать, но предпочёл промолчать, почувствовав опасность, грозившую ему со стороны дирекции. Вместо этого он вытянулся, словно струна, и воззрился на Сагрона со столь подобострастным выражением лица, что хотелось прямо-таки немедленно рассмеяться.

Котэсса закусила губу, заставляя себя сдерживаться. Теперь в Шануке ей всё казалось комичным — и его золотая карточка, и зачесанные назад, словно у петуха гребень, красные волосы — выкрашенные каким-то очередным искусственным красителем или, может быть, даже самым обыкновенным луком, белые штаны да белая рубашка официанта, сидевшие на нём не слишком-то хорошо. Он сам был худым, пронырливым, казалось, способным пробраться куда угодно и зачем угодно — просто ради развлечения, доступного отменному взломщику.

Но талантами взлома Окор — так его именovala золотистая карточка, — не обладал, иначе сейчас не тратил бы время на такие глупости, как подачу еды, а старательно обворовывал бы всех, до кого смог бы дотянуть шаловливые вредные руки.

— Ну что ж, — протянул Сагрон, улыбаясь так довольным, словно он был котом, своровавшим громадный кусок мяса, — это всё довольно мило, но я не хочу, чтобы мою еду подавал кто-нибудь необразованный. Признаться, я уверен в том, что еда влияет на ауру самым прямым образом. В таком случае, если я желаю, чтобы вокруг меня витали знания, я не должен позволять никому глупому находиться рядом. А вы, однако, кажетесь мне самым настоящим идиотом.

Шанук покраснел и отрицательно замотал головой.

— Позвольте, — заикаясь, начал он, — я совершенно не глуп. Я...

— Вот как у вас обстоит дело с высшим образованием?

Официант выпятил грудь колесом и бросил взгляд на Котэссу, очевидно, пытаясь оказать на неё определённое впечатление. Девушка, поддерживая образ, только презрительно фыркнула, всем своим видом показывая, что подобные официанты у неё на пути встречаются по сотне в час, а самое главное, собой не представляют ну совершенно никакого важного дела — и интереса у неё не вызывают. Шанука это откровенно задело. Как и все амбициозные мужчины, он полагал себя до жути привлекательным — хотя, может быть, тут дело было и не в амбициях, а в его предельной глупости.

— Я, — сообщил Окор, — между прочим, в следующем году заканчиваю бакалаврат в Национальном Университете Магии, учусь на одной из самых престижных специальностей, поэтому...

— Позвольте, это ж вы где-то между третьим и четвёртым курсом? — полюбопытствовал елейным голосом Сагрон. — О, как это мило! А на какой вы специальности?

— Боевая магия, Заклинания! — отчеканил Шанук. — Между прочим, весьма уважаемый факультет, очень высокий конкурс...

— Прелестно, прелестно, — согласно закивал Дэрри. — Вот только, знаете, я сомневаюсь, что вы с третьего курса переберётесь на четвёртый. Понимаете, в чём дело — на той кафедре у меня есть множество знакомых. Насколько я знаю, вы не сдали сессию, верно ведь? И не возражайте! — он махнул рукой. — Я знаю о вас куда больше, чем вы можете себе предположить. Сейчас вы скажете мне, что у вас были срочные дела, у вас дома стряслись страшные проблемы, да и вообще, что я даже представить себе не могу, с какими неприятностями приходится сражаться обыкновенному студенту в наше время. Полно, полно — ведь разве я спорю? Студент — это очень хрупкое и несчастное существо, которому, вне всяких сомнений, нужно постоянно помогать! Нет-нет, не

смотрите на меня так, я, между прочим, нынче абсолютно серьёзен! Да что вы говорите? — Шанук молчал. — Так вот, о вашем бакалаврате. Есть на факультете одна сволочь, зовут Сагрон Дэрни, доцент. Выскачка ещё тот. Так вот, увы, полагаю, он всё-таки не согласится поставить вам, Шанук, даже тройку, если вы не пройдёте повторный курс у него, а самое главное, не сдадите все лабораторные работы. Уникальные лабораторные работы, а не одолженные у ваших, несомненно, глупых на фоне великолепного Окора студентов. Ведь я прав?

Парень отступил.

— Вы не можете поручиться за чужого человека...

— За чужого? Разумеется! — кивнул Сагрон. — Но вот есть одна беда. Эта самая сволочь, этот доцент мне безумно хорошо знаком. Вот, староста группы — вашей, Шанук, группы, подтвердит. Скажите-ка мне, милая Котэсса, я сволочь?

— Ещё какая, — уверенно кивнула девушка. — Но есть ещё одна беда. Увы, но Шанук слишком недостижим для нас, глупых студентов группы, что недооценивают его в своей ограниченности. Потому мы даже не сможем помочь ему делом — разве что только добрым словом. Не сможем, к моему огромному сожалению, — она скрестила руки на груди, — одолжить ни единой строчки из практических занятий. Ведь, несомненно, он может сделать всё это в разы лучше!

Казалось, до Окора только сейчас дошло, что над ним издеваются. Он помрачнел, гордо вскинул голову и отступил на несколько шагов назад.

— Это жестоко и по меньшей мере бесчеловечно! — воскликнул он.

Но Сагрон только отмахнулся от него и наконец-то обратил внимание на поданные им блюда.

— Угощайся, — обратился он к Котэссе. — Ах да! — он повернулся к уходившему Шануку. — Молодой человек, если вы желаете иметь возможность хотя бы с повторным курсом получить свою тройку, советую рассчитать всё это как маленькое изъятие из зарплаты.

— Коррупция! — прошипел Орок, но, кажется, на него даже никто не обратил внимания. Половина официантов едва-едва сдерживала смех, вторая половина, узрев преподавателя, осознав наконец-то, чем опознание могло им грозить, скрылась где-то на кухне — и уже оттуда донёсся громкий хохот, показывающий, насколько сильно пострадал несчастный Шанук и как низко пал он в глазах своих коллег и собратьев.

...Еда оказалась вкусной — и развеселившаяся к концу обеда Котэсса даже не говорила уже о том, что хотела бы оплатить всё сама. Шанук, правда, так и не рискнул принести счёт. Сагрон не настаивал. В конце концов, если кто-то жаждет заняться благотворительностью, то почему бы не позволить сделать ему это? Мужчина, к примеру, не имел совершенно ничего против, справедливо полагая, что желание человека — закон нерушимый.

Когда наконец-то с обедом было покончено, Котэссе искренне хотелось ускользнуть куда подальше от Сагрона, но — она всё же не стала спорить и согласилась на прогулку. Да, ей ещё надо было перебраться в новую комнату, но там, по словам коменданта, ещё несколько дней шёл ремонт. Она уже записала имя-фамилию студентки Арко в соответствующую колонку напротив освободившегося места, ключи даже дала, но дышать краской — зачем?

Поэтому девушка и не спорила, когда мужчина предложил эти несколько дней провести у него в свободной комнате. А почему нет? Зачем девушка, молодая, работающая практически на износ, должна страдать.

Не возражала она и тогда, когда Сагрон, подав ей руку, предложил отправиться в парк.

Погода была просто замечательной. Первые летние двадцатки отличались особенно жаркими днями, но сейчас, когда уже вечерело, становилось легче дышать. В парку было очень зелено — и в этих вспышках яркости и в тот же миг невообразимого спокойствия можно было наконец-то надышаться кислородом.

Котэсса не отпихивала и руку Сагрона — он взял её под локоть и повёл по своим любимым уголкам парка.

— Удивительно, — промолвила она, — я уже три года учусь в столице, но никогда не бывала на этих дорожках. Даже не заходила в сторону от центральной аллеи дальше, чем на несколько метров. Мне всё некогда было, летом я уезжала...

— Жаль, — улыбнулся Дэрни, — ты многое потеряла. Но если остаться в столице, то можно ещё вполне успеть обрести всё это вновь. Или ты хочешь к своим родителям, откуда вы там?

— Из маленького городка, там, ближе к югу, — вздохнула Котэсса. — Они живут сейчас очень бедно. И я должна была помогать им, находясь рядом, но, поскольку не могу, хотя бы на расстоянии...

Сагрон вздохнул.

— Мои родители тоже далеко, тоже не самые богатые, но я зарабатываю немало, дом мне выделяет университет совершенно бесплатно — потому и посылаю им, сколько могу. Но не всё же. А я ведь женщина, а не хрупкая слабая девушка, которой надо обеспечивать себя саму.

— Я не хрупкая и не слабая!

Мужчина только вздохнул в ответ на упрямое заявление, но спорить не стал. Он даже не ответил — некоторое время тишину заполнял исключительно хруст гравия под ногами и пение птиц где-то там, высоко-высоко.

Казалось, деревья специально переплетали ветви кроны, пытаясь создать купол над головами, не пропустить ни единого лишнего звука. Концентрированная, наполненная смыслом тишина позволяла дышать всё свободнее и свободнее.

В воздухе было слишком много кислорода — особенно много, как для столицы. Разумеется, мир шёл вперёд, технологии развивались — не одной только магией будешь сыт! Столицу давно уже наполнили пары, странные предприятия постепенно превращались в нечто само собой разумеющееся. Но ведь должен был оставаться кусочек незадействованной природы!

Здесь, вдали от паровых двигателей, от шума фабрик и криков людей, вдали от цивилизации и так близко к ней, наконец-то можно было насладиться реальной жизнью.

Котэсса вдруг пожалела, что столько лет попросту игнорировала парк. Её, жительницу крохотного городка, сначала поражали огромные базары и прекрасные здания, бесконечный перечень человеческих благ, таких далёких для родного дома. Водопровод, сияние ламп — магия, магия, магия!

Теперь, когда и к столице она уже давно привыкла, и мир перестал казаться до такой степени удивительным, она почувствовала всю красоту природы. Поразительную, наполнявшую её сердце каким-то странным, запредельным удовольствием.

Она уже и думать забыла о том, чтобы оказаться в лесу — а, оказывается, не следовало далеко уходить!

Ведь покой был так близко...

— Мне кажется, я будто бы попала домой, — прошептала она наконец-то, совсем тихо. Боясь разрушить эту чарующую атмосферу, девушка застыла на месте, не оборачиваясь, смотрела прямо вперёд.

Дорожка становилась всё уже и уже, вела куда-то в глубины леса, сворачивалась удивительными петлями и словно мечтала наконец-то провести её к свободе. К свободе от оков и обязательств.

Теперь проклятие Сагрона не казалось камнем на её душе, оно обратилось в самый настоящий дар, лучшее, что только мог НУМ подарить своей прилежной ученицей. Она и не думала о том, что сможет в лице преподавателя обрести неожиданную поддержку, чужое крепкое плечо, о которое можно опереться, а тут внезапно осознала и силу, и то, что он не оставит её просто так, потому что пожелает внезапно умчаться в даль, как порой это делали временные друзья и подруги.

В этом проклятье было что-то стойкое и стабильное. В том, как он обнимал её, положив руки на талию, в этом странном цветочном аромате сада, смешавшемся с удивительным запахом пряностей, доносившимся из города. Странно было, что из всего пара, из всего дыма и шума сюда, в парк, проскользнул именно запах кофейни, чуть терпковатый, такой загадочный и нежный.

Когда она повернулась к Сагрону, в его глазах тоже было что-то такое мечтательное... Мысли раз за разом уплывали в даль — нет, леса вокруг её родного городка не обладали такой магией, как этот парк.

В них не было такого ощущения контраста. Не было за что говорить спасибо — лес, наполненный скрипом падающих деревьев, криком дроворубов, не задумывающихся о том, что столь ценное сырьё следовало бы экономить... Тот лес шумел, он кричал от боли, а не наполнялся счастьем редкого гостя.

...И в поцелуе — сокровенном, тайном, спрятавшемся где-то в уголке миров этого парка, было что-то невообразимое и необыкновенное. Котэсса не снимала чужое проклятие, не рассчитывалась за

какой-то псевдогрех со стороны свободного мужчины. Она даже не могла почитать его нынче за своего преподавателя — Сагрон внезапно пересёк, в один миг, в один шаг, все пределы и границы, которые так долго и старательно выстраивались против любого представителя мужского пола.

Арко казалось, она больше не могла дышать. Осталось только удивительное пение птиц там, за границами сознания, и теплота его рук и губ в странных сумерках, окутывавших её маленький, персональный мирок...

И всё растаяло. Всё превратилось в какую-то вспышку пыли и пепла — она замерла, застыла на месте, чувствуя, как медленно осыпается то странное, загадочное чувство.

Сагрон стоял совсем рядом — так и не разжал руки, не выпустил её из тёплого плена объятий. На губах его застыла едва заметная улыбка, мягкая и нежная, и девушка не стала даже выворачиваться из привычно-приятного плена, ставшего почти обыкновением за последние дни.

Она не думала, что будет благодарить проклятие уже за то, что оно просто существует — сейчас не хотелось ни отталкивать его, ни говорить колкости. Она словно не задумывалась о том, что, может быть, мог потребовать мужчина. Зачем? Какой смысл был в требовании очередной ерунды, если он и сам, словно заколдованный, смотрел ей в глаза...

— Почему ты отправляешь своим родителям деньги? — внезапно спросил он, возвращаясь к той старой и неприятной теме. — Мне казалось, что ты уже на какой-то миг вознамерилась этого не делать. Ещё вчера речь не шла о подаваниях родителям, когда ты говорила со мной об общежитии.

Допустить мысли, что Котэсса надеялась на его деньги, Сагрон не мог. Не такой она была, чтобы выпрашивать лишнюю копейку, выгрызать зубами то, что ей не принадлежало. И на шантаж казалась неспособной.

По крайней мере, в общем понимании этого слова.

Нет, разумеется, она могла поставить какие-то условия — но мужчина и сам чувствовал себя виноватым за ту цепочку ожогов от Энниз. Там он заслужил и отказа, и даже требования платы, а Котэсса всё равно казалась слишком скромной в собственных запросах.

Может быть, просто была слишком неопытна.

Но всё равно — такое кошмарное рвение помочь своим родным, что явно не поддерживали её на протяжении обучения, казалось Дэрри диким. Он знал, что его родители ещё могли работать — они получали мало, но, проведя всю жизнь на собственных должностях в среднего размера городе, не столице, но и не глухой глубинке, не собирались просто так отказываться от трудов лишь из-за того, что их сын вполне мог обеспечить им пропитание и оплату дома.

Котэсса была совсем ещё юной — двадцать, может быть, двадцать один год? Её родители, она сама сказала, почти что из деревни, и вряд ли они сейчас пожилые люди. Сколько им, что они не могут работать?

— Моя мама, — промолвила Тэсса, — сейчас приболела. Она написала письмо, что без моих денег у неё просто не хватит на лечение. Я и так попыталась переслать всё то, что у меня осталось, но она назвала сумму, а этого мало...

Сагрон понимал, что мог предложить ей свои деньги, но знал, что Котэсса откажется. Да и эти болезни...

— Странно, — продолжила девушка, казалось, доверившись ему хоть немного, — что она заболела летом. Обычно у мамы обострение именно зимой, а в тёплую пору, когда я возвращаюсь, она чувствует себя неплохо. Это я, наверное, виновата. Не приехала к ним, подумала, что им не понадобится, не рассказала Литории о том, что должна быть дома. Мне Элеанор посоветовала проявить твёрдость — я ещё и написала маме, что не смогу отправлять им с отцом деньги!..

— Сколько твоим родителям лет? — оборвал её Сагрон, впрочем, довольно мягко, чтобы не спугнуть, не заставить разорвать нить этого плавного, доверительного разговора.

— Маме сорок три, отец на полгода старше, — отозвалась девушка. — А что?

— И ты в семье одна?

— Ну...

— Скажи мне, солнце, — он коснулся её щеки кончиками пальцев, и в этом парке всё казалось таким понятным, таким простым и таким логичным, что Котэсса даже не попыталась его оттолкнуть, — сколько работала твоя мать? Она работала, когда ты жила ещё дома?

— Нет, — неуверенно откликнулась девушка.

— А она тогда болела?

— Нет...

Ответы приводили только к одному выводу. Как бы ей ни хотелось отрицать подобные варианты ответа, как бы ни хотелось заявить, что родители у неё были замечательными, идеальными, ни за что не попросили бы ни гроша у собственной дочери, если б не нужда, Котэссе необходимо было признать очевидное. Её мать просто давила на жалость.

Но — может быть, она просто слишком доверилась логике?

Девушка запрокинула голову, глядя на странное дерево. Она только теперь заметила, насколько причудливой была его кора — покрытая какими-то золотистыми вензелями, на первый взгляд невероятно ценная.

В родном лесу, в отличие от столичного парка, она никогда такого не видела. Может быть, заморское растение?

Правда, сейчас было не до размышлений о подобных деревьях. Котэсса предпочитала не думать и о том, что родители могли поступать так с нею вот уж три года.

— На самом деле, — промолвила она, — мама ничего плохого мне желать не может. Жениха вот мне нашла... — в полтора раза старше, шире, короче!

Сагрон обнял её чуть крепче. Казалось, в этом даже чувствовалась некоторая ревность, и девушка тяжело вздохнула, утыкаясь носом ему в плечо. В руках Сагрона она чувствовала себя почти в безопасности — почти, потому что ни на секунду не забывала о проклятии. Если б не оно, как же, стоял бы здесь мужчина, пытался б её утешить и отыскать варианты решения её проблемы!

Разумеется, Котэсса могла бы попытаться подыскать работу. И найдёт, наверное, у неё есть даже шанс на какое-то пристойное место. Но не в этом было дело. Стоило только позволить матери подумать, что она может отправить желанную сумму, как мама просила больше, больше...

Папа вообще практически не писал. Он был не из тех, кто особо хорошо учился в школе, грамотностью тоже не страдал, а мама говаривала, что закончил только первые четыре года обучения. Или пять лет? Котэсса не могла вспомнить точное число, но оно и не имело сейчас значения.

Сейчас ничто, кроме какой-то странной заковырки в письме матери, которую она никак не могла уловить, не имело значения.

— Если хочешь, — промолвил Сагрон, — мы можем навеститься к твоей маме. Ведь она болеет, верно?

— Но...

— Я поговорю с Отйко, — заверил он девушку. — Мы с тобой поедem в эту деревню, ну, в ваш городок. Я давно хотел немного прокатиться по стране. Мы можем снять повозку на двоих, — Дэрри весело подмигнул Котэссе. — Ну или, если ты считаешь это недопустимым, поехать в общей.

— В общей! — уверенно кивнула Тэсса. — Но разве у тебя есть свободное время на подобные поездки?

— Есть, — согласно кивнул он. — Более чем. Я вообще давно нигде не бывал, так что теперь с огромным удовольствием прокачусь. И если твоей матери действительно будет что-то нужно, то я помогу с деньгами.

— Не стоит, — возразила Котэсса. — Я и сама прекрасно могу справиться со своими финансовыми проблемами. В конце концов, возьму в банке под залог...

Залог, интересно, чего? Общежития? Или, может быть, места в читательском зале в библиотеке?

— Нет-нет, — вздохнул Сагрон. — Если будет так надо, ну, одолжишь денег у меня, коль не хочешь брать просто так, а потом вернёшь. Я не требую проценты. Так что, это всё — ерунда, проблем не будет.

— Спасибо, — Котэсса казалась счастливой. — Я не ожидала от вас... от тебя подобного. Правда, не ожидала.

— Приятно удивлять таких красивых девушек, — улыбнулся ей Сагрон, а после, склонившись к

Тэссе, осторожно поцеловал в уголок губ, будто бы пытаясь закрепить их устный договор хоть какой-то более-менее значимой печатью.

На поцелуй она ответила, не сопротивлялась и, кажется, полагала, будто бы действительно всё это было в порядке вещей.

Дерево довольно сверкало у неё за спиной своими золотыми и серебристыми вензелями.

Глава 10

Когда они выезжали из столицы, дорога была совсем ровной. Сейчас же, когда наконец-то международная трасса, соединяющая две страны — широкая дорога, обычно переполненная всевозможными повозками, — наконец-то закончилась, а они свернули на местную, поуже, всего на две полосы, повозкой подбрасывало на каждом лошадином шагу.

Конечно, можно было воспользоваться паровозом. Но они ездили крайне редко и к пассажирскому транспорту имели весьма сомнительное отношение.

Ещё были, разумеется, водные средства передвижения. Но к родному городку Котэссы ничего не вело.

И она, впрочем, была этому рада, потому что на борту девушку до ужаса укачивало — она сообщила об этом Сагрону, когда тот предложил добраться хотя бы до устья реки, а вот уж оттуда...

Поэтому они взяли быстроходную повозку, рассчитанную на шестерых пассажиров — та как раз направлялась в сторону другого большого города, но миновала её собственный, маленький городок.

Езды было всего часов на шесть. В прошлый раз Котэсса добиралась целых десять, поэтому, учитывая волшебство на повозке, магию, подгоняющую лошадей и придающую им силы, представляла себе, что стоило это удовольствие куда дороже, чем сообщил ей Сагрон. Но всё равно не стала возражать — это было бы по меньшей мере глупо.

Они почти всю дорогу молчали — не потому, что мужчина не желал с нею говорить, а потому, что справа от Котэссы сидела какая-то отвратительная бабка, очевидно, получающая запредельное удовольствие от комментирования каждой произнесённой фразы и каждого жеста со стороны девушки.

— Вот неправильно сидишь! — прошамкала она, улыбаясь своим беззубым ртом. — Ну неправильно! Неровно! И ноги, ноги!

— Чем вас не устраивают мои ноги? — сердито спросила Котэсса.

— Ты в штанах, — фыркнула старушка. — Вот если б ты поехала в пышном платье, то могла бы разложить его по повозке, а ногами к мужику своему прижаться. Тогда б никто ничего не заметил. А так — закинула ногу на ногу, как эти паршивые магички!

— Я и есть магичка, — огрызнулась она. — А паршивая или нет, решать... — девушка скосила взгляд на Сагрона, — да хоть ему же! И он совершенно не мой мужик!

Старушка противно захихикала.

— Правильно, — подтвердил Сагрон. — Не мужик, а горячо возлюбленный мужчина. Разве я похож на какого-нибудь селянина?

— Совсем нет, — вздохнула Котэсса.

Нельзя сказать, что она об этом жалела. В селянах, по крайней мере, по мнению девушки, ничего хорошего не было.

Дочь выбирает мужа, как отца.

Ха!

Да ни за что на свете!

Она, конечно, любила родителей, но уважать... Нет. Увы, но увидеть рядом с собой какого-нибудь полноватого, не слишком образованного мужчину, который так уверенно, легко и быстро загубил весь потенциал матери, если в той, конечно же, он вообще был...

Котэсса знала, что в их семье было принято полагать, будто бы это мама скочила из грязи, да в князи. Вот только она прекрасно понимала, что отцу просто льстило, когда его именовали кормильцем в семье. Он и испортил мать, жизнерадостную, весёлую девушку день за днём превращая в вечно ворчащую, не слишком-то болезненную, если по правде, но довольно хитрую, обманывающую женщину.

Сам он был прост, как и большинство деревенских, и их крохотный провинциальный городок для Арко-старшего казался тоже чем-то вроде столицы.

Котэссе всегда это смешило.

Мать была местной. Её родители умерли рано, вышла замуж она скорее по нужде, чем по любви — не то чтобы в доме было нечего есть, но она не хотела работать, не могла отыскать ничего, что подошло бы ей по нраву, а тратить силы на занятия не по душе не хотела. Не смогла она найти ничего себе во вкусу ни через год, ни через два, а после и бросила эту затею, справедливо поддавшись на уговоры мужа, что женщина должна сидеть дома и варить борщи.

Котэсса ещё помнила время, когда мать была красивой. Когда стройная, светловолосая, с такими яркими, живыми глазами, она могла одной улыбкой только покорить первого встречного мужчину.

Помнила, как, будучи маленькой девочкой, удивлялась — какой же сильной должна быть любовь, чтобы мать, столь привлекательная для окружающих представителей мужского пола, вышла замуж именно за вечно хмурого, не к лицу ей отца? А теперь подумала, что, может быть, маме и тогда уже было лень — завоеванием заниматься, полагала она, не её дело, она всё ждала, пока всё будет готовое падать в руки, а оно как-то не спешило, не горело дело в руках, не спорилось. Ничего не выходило, как бы она ни старалась, ничего не складывалось в приличную ровную линию. Жизнь вообще не бывает ровной, вот только женщина никак не хотела в этом убедиться, не верила, отказывалась кивать собственному опыту и смотреть в глаза потерянными годам.

— А что ж ты, — продолжила старуха, вырывая Котэссу из её воспоминаний, — вообще в этих штанах? Аль деревенских решила соблазнять? Куда тебе, городская фифа! Они куда больше на сельскую девку! Вот, помню, у меня грудь была, а уж талия — оса осой!

— Вы и сейчас оса осой, — фыркнула Тэсса. Хотелось дополнить, что на сей раз уже не по талии, а по языку, но старших принято было уважать.

Старуха кокетливо покосилась на Сагрона. Тот только закатил глаза и отвернулся, глядя на дорогу.

Повозка была без верха — лето, и никто не нуждался в душевной крыше. От солнца защищало натянутое полотно — оно же должно было спасти и от дождя, и от ветра, и от всех прочих бед. По правде, Котэсса полагала, что если с солнцем как-то полотно справлялось, то с осадками их импровизированная крыша уж точно не смогла бы совладать, вот только кого интересовало её мнение?

Наконец-то закончился лес. Бесконечная вереница полей свидетельствовала о том, что до родного городка оставалось совсем чуть-чуть, не более получаса, но старуха будто бы вздумала не молчать и вовсе — теперь она бросала на Котэссу злые ядовитые взгляды, усмехалась Сагрону и то и дело одёргивала подол собственного платья, к слову, такого старого, что оно едва ли не расплзлось на кусочки прямо на ней же.

Тэссе хотелось сначала попросить Дэрри поменяться с нею местами, но потом она как-то смирилась, свыклась с болтовнёй. Или полагала, что свыклась — потому что с каждым метром дороги становилось всё хуже и хуже.

— Вот в моё время, — завелась вновь старушка, — так не ходили. Понатыгивают, девки, свои штаны, ходят тут, независимые...

— Послушайте, — не удержалась Тэсса, — что вам от меня надо? Вы хотите, чтобы я сменила брюки на юбку? В ней неудобно.

На самом деле, жарко было во всём. Так, по крайней мере, ей не приходилось бояться ветра, да и, если вдруг придётся, можно было скакать верхом безо всякого лишнего седла.

Старуха, сидевшая совсем рядом, пододвинулась ещё поближе. Тряхнуло повозкой — и Тэсса от непривычки едва ли не упала вперёд, но вовремя была подхвачена Сагроном и возвращена на место.

Он не стал убирать руки, наплевав на колкие взгляды старухи, и девушка, устало вздохнув, опустила голову ему на плечо. Теперь она вдруг поймала себя на мысли, что просто отправить деньги родителям было бы проще, чем ездить и проверять. В конце концов, мама не могла ей соврать. Ведь это мать! Если мать лжёт своему родному ребёнку, то кому тогда верить?

— А вот когда я была молодая, — продолжила ненавистная старушка, — я не позволяла себе сидеть у мужика практически на руках!

— Это было очень давно, — ядовито улыбнулся Сагрон, — и с того момента всё пошло прахом. Увы, ваша мораль устарела.

— Только хам может напомнить женщине о её возрасте!

— А я и не отрицаю, — усмехнулся мужчина. — Разумеется, я хам. Но мне нравится, когда моя спутница надевает эти брюки — мне вообще всё равно, что она надевает. А у вас очень неприятный

голос.

Котэссе хотелось сказать, что Сагрон и должно быть всё равно, ведь они друг другу чужие люди, но то и дело вспоминался столичный парк, дерево с вензелями...

— Скажите, — внезапно повернулась она к старушке, — а вот вы столь мудра, наверное, вы сможете мне помочь? Кого ни спрашиваю, — она никого ещё не спрашивала, но можно же было начать прямо сейчас! — никто не может мне ответить. Но я ещё не встречала человека, у которого было бы знаний столько, сколько у вас...

Женщина коснулась своего крючковатого носа, поправляя невидимые очки, и довольно хмыкнула. Несмотря на то, что всего мгновение назад она буквально кипела от ярости, а самое главное, прекрасно расслышала всё, что в исполнении Сагрона должно было звучать подобно оскорблению, сейчас так легко повелась на лесть, будто бы жила на свете первый день.

Она даже подбила свои седые волосы, словно показывала, что ещё многое может, и если уж дело о мужчинах, то она, в конце концов, когда-то была безумно привлекательна...

Но дело было не в мужчине. На самом деле у Котэссы просто вызрел один срочный вопрос — и она никак не могла его не задать.

— Вы встречали когда-то, — промолвила она, — такое высокое дерево с листьями, похожими на кленовые, только больше, разлапистее, и у дерева будто бы более тонкая при этом структура — ствол я имею в виду? А кора похожа на кору берёзы, только там не бело-чёрный окрас, а по чёрному словно идут такие красивые серебристые и золотистые вензеля. Я подозреваю, что дерево колдовское, но не могу определить, что именно оно призвано делать.

— А! — махнула рукой старуха, да так бодро, что, наверное, не каждая молодая женщина смогла бы повторить её жест. — Проще простого. Странно, детка, что никто тебе не ответил, но молодёжь, видать, больно глупа пошла. Согласия это Дерево, милочка. Они редко когда растут, потому что старые, во время Войны почти всё вычистили. Да, колдовское. Я такое когда-то давно в парке видела, в столичном... Твоё не там?

— Нет, — покачала головой Котэсса. — А что не так с тем, что в парке столичном? С ним что-то важное связано?

— А! Да не очень. Под него мужчины всегда девок своих водили, чтобы голову им задурить. Под тем деревом никаких сомнений не остаётся, кивнёт — только бумажку успеи подсунуть, чтобы крестик поставила. Вот ты письменная? Да! А маги в старину туда таскали неграмотных, чтобы они, глупые, покивали, а потом к ним в постель или ещё что сделали. Иногда так девок глупых заставляли детей своих отдавать, но то совсем уж давно было. Сейчас половину листьев изодрали на какие-то любовные зелья, — старушка браво присвистнула, — так что почти уж ничего и не осталось. Но коль надобно — то всё ещё какое-то короткое и не слишком значительное "да" можно выбить. Ну, и там, конечно, в любви объясняться очень удобно. Привёл, предложил — а как она тебе откажет, если тут такие вензеля сияют?

Котэсса перевела обвинительный взгляд на Сагрона.

— Да, — протянула она, — такое красивое место, а так нагло используют в своих интересах!

Старушка усмехнулась. Она, кажется, хотела пуститься в длительные воспоминания о том, как сама была молода и юна, как какой-то коварный злой мужчина обманул её под тем самым деревом, но повозка наконец-то остановилась, и она едва ли не впечаталась лбом в живот спящего напротив пассажира.

— Наша остановка, — шепнул на ухо Котэссе Сагрон, буквально выпрыгивая из транспортного средства и увлекая её за собой. Арко хотелось воспротивиться, но вместо этого она приняла протянутую руку и тоже соскочила на землю. Старушка, казалось, тоже мечтала спешиться и догнать собственных жертв, но они ушли раньше, чем она успела одуматься и обратить на убегающих мужчину и девушку внимание.

Повозка тоже сорвалась с места. Зачарованные кони зацокали копытами по ровной дороге, Тэсса же потянула Сагрона куда-то в сторону кустов.

— Ты намереваешься завершить начатое под тем деревом с вензелями? — поллюбопытствовал мужчина.

— Нет, просто мои родители не живут в центре нашего городка, и идти к ним лучше вот так, — пожала плечами Тэсса. — А вот на завершение начатого ты, — как-то в сельской местности "вы" уже и не срывалось с языка, даже случайно, — можешь не надеяться.

— Не надеяться совсем или не надеяться пока?

Котэсса замерла. Разумеется, совсем — вот только что-то она не выдохнула столь быстро эту спасительную фразу, а застыла, словно раздумывая над чем-то, и губы мужчины растянулись в весёлой улыбке.

— Пока, — наконец-то вздохнула девушка, тряхнув головой. Мама, наверное, ругать будет за причёску — эта мысль пришла в голову как-то ненароком, случайно, и Тэсса потянулась к прядям своих светло-русых волос. Ей так нравилось, когда дочь ходила с длинной косой... а с этим каре родительница и не видела её ни разу. И отец ругаться будет, потому что в его деревне коса до пояса считалась символом девичьей чести. Им до столичной моды нет никакого дела, повторял раз за разом папа, а вот до того, как на дочь будут деревенские смотреть — есть. Ей ещё здесь жениха подыскать надобно, а она ишь что удумала — красоту по-городскому наводить. Непорядок!

Сагрон, кажется, и не догадывался о грустных, странного содержания мыслях, только с любопытством осматривал окружающий их дубовый лес. Котэсса заспешила по узкой дорожке, что уводила куда-то внутрь — здесь, в отличие от странного волшебного столичного парка, именно она направляла, а Дэрри приходилось не отставать.

Конечно, в лесу, где всего одна дорога, и та не слишком кривая, заблудиться довольно трудно — если с неё не сходить. Но где-то на повороте Котэсса свернула в противоположную сторону, туда, где остатки тропинки затянуло густыми травами.

— Срезаем угол, — рвано пояснила она. — Просто так будет быстрее.

Сагрон не спорил. В лесу наедине с привлекательной девушкой в любом случае приятно находиться — и он справедливо полагал, что всё-таки к разбойникам его Котэсса не заведёт. По крайней мере, на пособницу кого-то в этом роде она совершенно не походила, даже близко.

И вправду, совсем скоро из густых деревьев выскочил перекошенный домишко. Его дверь смотрела куда-то в противоположную сторону, по эту были только кривые, некрасивые окна, и Сагрон понял — Тэсса и вправду срезала угол.

Там, за домом, буквально в десятке метров начинался настоящий городок. Да, небольшой, не слишком набитый жителями, в отличие от тех, что окружали столицу или другие места, там, где сходились важные торговые дороги. Но — вполне аккуратный, пусть и не слишком чистый здесь, на окраине, не переходивший всё же окончательно в деревню, не похожий на один из тех посёлков, что затеряется в лесу без следа и без памяти.

Саггону подумалось, что Котэсса, возможно, слишком сильно преувеличивала крохотность и забитость родного города, недооценивала его. Или, может быть, из этого перекошенного домика и нельзя было увидеть ничего другого?

— Там слишком тихо, — она обошла его с правой стороны, покосилась на город, плавно переходивший в далёкое, межевое поле. Лес, нависавший над скудными посевами, казался не грозным — скорее неким убежищем, призванным спасти несчастную дочь хотя бы от солнца.

Котэссе показалось, что кроме неё на самом деле на этом участке никто и не работал. По крайней мере, большие голые куски земли, столь непозволительная для деревенского роскошь, казались чем-то в самом деле смешным. Она наблюдала за тем, как ветер покачивал высоченные, громадные сорняки, и кривилась от досады.

Соседний дом — тот самый, откуда был её пресловутый по письмам жених, — держался ровно, был отремонтирован. Земля соседей тоже была приведена в порядок. Её же — запустевала.

Котэсса никогда не хотела заниматься ничем подобным, не хотела сидеть в огороде, но понимала, что родителей уже и не приучишь к городской жизни. Тётка, мамина сестра, то другое дело, она, вопреки склочному характеру, удачно вышла замуж, переехала в столицу. Может, потому и Тэссе согласилась принять, что не желала ей материнской судьбы, замужем за забитым деревенщиной.

Странно было в таком ключе думать о своём отце. Но Котэсса не испытывала ни капельки ностальгии или сожаления о том, что покинула отчий дом. От одного только вида подгнивших, скособоченных брёвен становилось не по себе — и ей хотелось уйти отсюда, не заглянув.

— Значит, — вздохнула она, — мама всё-таки заболела. Иначе с чего б это ей оставлять невовзделанной землю? Они и так едва концы с концами сводят. Так что, мне, пожалуй, придётся остаться... А Литория?

— Если здесь что-то серьёзное, — ответил Сагрон, — то Литория переживёт и без твоей помощи. В крайнем случае, я сам с нею поговорю, если так будет нужно. Можешь не переживать.

— Спасибо.

Она не ожидала от него ни помощи, ни поддержки — за это тоже следовало благодарить проклятие? Или просто за колкими фразами прежде прятался добрый человек, просто он не хотел сам проявлять себя с такой стороны?

Котэсса не спрашивала. Может быть, понимала умом, что он попросту не пожелает ей ответить. Не захочет даже смотреть на неё после лишних расспросов. Иногда лучше промолчать, тогда все — и она, и Сагрон, — будут в разы счастливее.

— Ну, входи. Или мне первому? — спросил он, нарушая молчание.

Обратные билеты у него были — на двоих. И были на завтрашнее утро. Он понимал, что Котэсса, если обман, не пожелает задержаться ни на минуту — но всё же надеялся на её благоразумие. А если болезнь и вправду имела место, то придётся потратить время на подбор лекарств.

Впрочем, Сагрон был уверен в том, что он не позволит Котэссе здесь остаться. Заниматься полями, выскочить замуж за деревенского идиота, оставить его один на один с надоевшим уже проклятием.

Не то чтобы он чувствовал себя особенно плохо из-за отсутствия женщин последние несколько недель в его жизни. Все глупые мысли старательно вытесняла Котэсса — она, казалось, опутала его, сама того не желая, невидимой паутиной, затянула в сети, которые даже не собиралась выставлять.

Или это мудрые паучихи Элеанор и её матушка Хелена постарались? Сагрон не знал и не желал знать.

Только понимал, что Котэсса здесь не при чём.

— Я войду, — вздохнула Тэсса. — Войду.

Она подняла руку, чтобы постучать в дверь, а после подумала — зачем? Ведь это был её дом, пусть и меняющийся с каждым годом. Это её дверь, даже если с неё давно уже слезла вся краска, это её место — можно наконец-то попытаться вдохнуть воздух полной грудью, без паров столицы...

По которым она уже скучала. И по родному НУМу, в котором должна была работать всё лето, даже если бесплатно, тоже — потому что там она чувствовала себя не просто нужной или оценённой, там она понимала, что грубого, низкого обмана не будет, вопреки всему. А здесь — Котэссе казалось, что предчувствие сейчас просто разрушит её изнутри, разобьёт и расколотит на мелкие кусочки, не оставив по себе даже тоненькой дымки воспоминания.

Она вошла в дом совсем тихо. Тут непривычно было стоять в новомодной городской обуви — её туфли теперь казались неудобными. Сюда бы лапти — а сколько лет Тэсса уже их не надевала?

Мама и папа раньше жили иначе. Сейчас в доме, буквально в каждом углу, чувствовалось запустение.

Правда больна?

А каковы ещё могут быть причины?

Она застыла у входа в комнату, смотрела на полуоткрытую дверь, будто бы видела её впервые. Котэсса помнила, как создавала новый косяк, как всё восстанавливала магией. Теперь он был буквально выломан с мясом — её волшебство, её вытесанные узоры на дереве, мягкие, нежные, тонкие.

Она старательно делала всё, что могла — она восстанавливала родительский дом, украшала его, приводила в порядок. Теперь этой дверь не было. Вместо неё стояло нечто неказистое, в чём Котэсса к своему стыду узнала элемент соседского туалета, того, что стоял на улице.

Какой кошмар!

Её родители не могли так обеднеть из-за болезни. Тем не менее, она прижалась к стене, тоже поцеленной, без ковров, и прислушалась к тишине там, внутри, ожидая услышать стон больной.

Или хоть что-то, что могло бы оправдать родителей.

— Пришлёт? — доносился глухой отцовский голос из комнаты. — Нам же надо! Она не понимает? Она — наша дочка, мы её своими руками... Она — не понимает?!

Он был пьян. Для этого Котэссе не надо было его видеть — она чувствовала, как воздух наполнялся ароматами алкоголя, видела, как пьяно шевелились отцовские губы, как он кривился причудливо, как пытался дотянуться до маминой руки. Она знала, что отец мог выпить и над больной, отбирая у

неё последний грош, но почему-то эта странная вера в материнскую болезнь таяла слишком быстро, поддавалась грубым ударам со стороны родни.

Её обманули.

Котэсса в этом уже не сомневалась. Стоило ей только услышать бормотание пьяницы, который теперь говорил голосом её отца, как она уже знала, что увидит там, за дверью. Но всё же, девушка ждала, скрестив руки на груди, не пытаясь ни жалеть себя, ни жалеть других.

Это было так бессмысленно, так глупо, так наивно — полагать, будто бы они сказали ей правду! Когда в последний раз мать серьёзно болела? Она была здорова, как лошадь — так грубо заявила бы та старуха из повозки. Она была сильна, молода, но не работала ни единого дня, предпочитая тянуть деньги из тех, кто был рядом.

Сагрон попытался утешительно похлопать её по плечу, но Котэсса только раздражённо качнула головой. В жалости она нынче не нуждалась — вместо расстройств и слёз в груди кипел отборный, искренний, чистый гнев.

Она была зла — но не испугана. У неё теперь есть куда возвращаться, она застала это как раз вовремя, чтобы даже там, в другом доме, в теперь уже родной столице можно было жить достойнее.

Но всё равно не пересекала порог. Котэсса ждала приговор. Ждала мамин голос, когда она окончательно обрежет тот волос, за который хваталось тонущее в водах злобы сомнение.

— Ай! Наша дочь — и не отправит? Она ж сер... сер...

Девушка почувствовала, как осознание окончательно угнездилось внутри. Мама ещё не была столь пьяна, но голос её звучал сильно, зычно — а значит, она прекрасно себя чувствовала.

Мать болела всего один раз на памяти Котэссы. И тогда она не могла проронить ни единого слова без тяжёлого стона, хотя всего лишь подхватила простуду.

Очевидно, письма она столь жалостливые писала под впечатлением от сильного похмелья — другого оправдания Котэсса просто не могла себе представить. Но маме ведь было плохо, она чувствовала это по ауре каждой буквочки, особенно тех, что очень заковыристо писались.

— Сердобольная, — громко поправила мать Котэсса, магией толкая дверь — руками прикосаться к ней было попросту отвратительно. — И я тоже рада вас видеть, мои драгоценные родители. Надеюсь, вас не слишком расстроит то, что я прибыла? Нет? Не расстроило?

Сагрон предпочёл не входить. Котэсса знала, что он не пошёл за нею, и за это, впрочем, тоже была благодарна — это лучшее, что только мог сделать мужчина в подобной ситуации. С родителями ей предстояло разобраться самостоятельно.

Мама смотрела на неё широко распахнутыми глазами. Теперь на её лице уже не отпечатывалось привычной схожести с дочерью. Она казалась чуть ниже Котэссы, грубее — по крайней мере, чертами лица словно сравнивалась теперь со своим супругом. Отец, напротив, похудел, хотя от этого не стал выше. Ему всегда было плохо от лишнего алкоголя — сейчас же, очевидно, и мама перестала его сдерживать.

Она явно выпила очень мало. В этом Тэсса не сомневалась — мать ненавидела прежде спиртное, потом стала к нему терпимой, но полюбить не могла. Но зато деньги она умела тянуть отлично — Котэсса видела разбросанные по дому дорогие дешёвые, но всё-таки не бесплатные бусы, тянувшиеся длинными нитями по комнате.

Сорока. Её мать — самая обыкновенная сорока, только не с крыльями, а с невообразимой наглостью по отношению к собственной дочери.

Спасибо, хоть не кукушка...

Котэсса тяжело вздохнула.

— А что, папа, тебе нечего сказать? — спросила она мужчину. — Или, может быть, ты все свои слова растерял в бутылке?

Вот кого б она с удовольствием бы сейчас прокляла. Не Сагрона, который был для неё просто надоедливым преподавателем, но своих родителей. Если б знала, что помогло бы им разбудить совесть, застывшую давно вековым камнем в груди, так обязательно бы прокляла, вот только девушка очень сомневалась в том, что это и вправду могло бы ей помочь.

— И не стыдно? — продолжила она. — Может быть, вы считали, что если я стану отдавать вам всё до последней копейки, то потом скажу вам спасибо? Спасибо за то, что научилась экономить? Спасибо

за то, что ничего не ела — и потому не особо толстела? За что ещё мне надо вас поблагодарить?

— Ты, дочка, жестокая стала, — отметил отец, склонив голову набок. Речь его звучала ну совсем уж нечётко, спутанно, словно он только что проглотил что-то необъятное. А ещё, казалось, в лёгких клокотали слёзы или кашель, вот только Тэсса в это уже не верила.

— Я стала жестокая? Нет. Я просто голодна с дороги, — повела плечом она. — А вы не ожидали? Ваша дочь не может проголодаться? Ей не может быть плохо?

— Так ведь мы болели... — начала мать.

— Чем?!

Родители промолчали. Придумывать очередную смертельную болезнь, лгать в глаза — да они бы и солгали, если б знали наверняка, что Котэсса поверит, но, кажется, слишком уж серьёзно она была сейчас для этого настроена. И глаза вот как горели — прямо пылали неистовым огнём, возмущением таким отчаянным, таким страшным...

— Тэсси... — начала мать. — Ты понимаешь, мы подумали, что это и вправду будет для твоего же блага. Ты научишься откладывать деньги. Ты не говорила нам, что в чём-то нуждаешься, а ведь у нас так всего мало. Ведь ты знаешь, как трудно заработать в деревне. Вот мы и...

Она умолкла.

— Мне было трудно, да, — согласилась Котэсса. — И деньги я научилась бы откладывать, будь у меня полноценная стипендия.

— А с тёткой, — мать словно не слышала её слов, — я поговорю. Да? — она повернулась к своему мужу, будто бы надеялась на поддержку с его стороны. — Да?

Но тот мог только согласно замычать — как всегда, столь немногословный. Столь глупый, поймала себя на мысли Котэсса.

— Доча, — хмыкнул он. — Будешь?

Она долго смотрела на банку, наполненную прозрачной жидкостью, а после пробормотала себе под нос какую-то одну короткую, заковыристую фразу.

— Наливай, папаша, — промолвила она. — Наливай. За ваше здоровье!

Она взяла стакан, вскинула его вверх, словно и вправду собиралась выпить, а тогда, когда мать сделала один брезгливый лоток, а отец выпил всё залпом, выплеснула жидкость на пол.

Доски зашипели — от них пошёл странный дымок. Жидкость, казалось, позеленела, и даже в банке теперь она казалась на самом деле ядовитой, теперь уже и явственно.

Отец побледнел. Он долго-долго смотрел на свой опустевший стакан, а после схватился за живот и пополз под стол, громко завывая. Мать так и стояла, поражённо глядя на дочь.

— Что это? — прошептала она. — Ты... Ты посмела отравить своих родителей? Ты действительно ради денег подсыпала, подмешала отцу своему страшный яд? Ты пожелала нам смерти?!

— Это лекарство от наглости, вам поможет.

Отец скорбно взвыл под столом. Мать шмыгнула носом и посмотрела на дочь так, словно та только что кинжал всадила ей в сердце, а после и сама полезла вслед за мужем. От её странного таланта и привлекательности не осталось теперь и следа — какой бы мужчина посмотрел на эту женщину?

Котэсса вышла. Дверь от туалета, прицепленная теперь в её доме, превратилась в пепел — ещё одно наказание за пьянство. Последняя монета стипендии, ещё сохранённая мамой на завтрашнее утро, выскочила из закров — остальное Котэсса не тронула. Может быть, отец заработал.

Мама — ни за что. Она попросту не умела этого делать.

Сагрон ждал на улице. Он явно наблюдал за всем этим в окно, но до этого не проронил ни единого слова — посмотрел на неё, обнял за талию, притягивая к себе, поцеловал в висок, словно пытаясь успокоить.

Котэсса не стала вырываться. Она ответила на объятия, мягко улыбнулась, а после тяжело вздохнула.

— Ради спиртного...

— Ты правда прокляла жидкость? Яд? Что там было?

— Какой яд! Нас на уроках целительства научили, у меня это было самое лучшее и самое любимое заклинание. Я курсач по нему писала. Превращает спиртное в жидкость для очищения организма от токсинов. Полезная вещь для тех, кто борется с пьянством, — вздохнула Котэсса. — А зелёное потому, что надо же было их как-то напугать.

— А откуда ж тогда тошнота? — удивился Сагрон. — Я пил эту жидкость, меня не тошнило...

— Зачем пил?

Сагрон хмыкнул.

— Токсины не только в спиртном.

Она кивнула. Настойка была целебной для всех, она помогала избавиться и от ядовитых испарений, что заседали в лёгких, и от табака — ведь можно не самому курить, но просто оказаться рядом с курильщиком. С какой стороны не посмотреть — ну всяко полезная вещь!

— Я тогда, — пояснил Сагрон, — был на одном заводе на практике, ещё студентом, надышался — пришёл в НУМ, мне там и дали. Довольно большую дозу. Но я под стол не лез и за живот не хватался, напротив, сразу легче стало. Хорошая ведь настойка. Конечно, добытая магией она не так действенна, как та, что на подорожнике, на настоящем, но всё равно — полезная же...

— Это, — промолвила она, — психология проклятий. Они не прокляты — но полагают...

Сагрон вздохнул.

— Домой?

— В столицу? — поинтересовалась она. — Да. Домой. Не вернусь сюда больше — толку?

— Ну, — отметил мужчина, — тебе ещё не показали жениха?

Котэсса только мрачно указала в сторону парня, направлявшегося к ним — такого кругленького, всего в прыщах, с тремя кольцами — свидетельство о том, что брак не удался ни с первого, ни с второго, ни с третьего раза, — на жирных пальцах, зато в дорогой рубахе и штанах, что никак не хотели сходиться на пузе, поэтому он расстегнул ремень, но постоянно подтягивал их. Зато в сапогах. В красных.

— Увы, — покачала головой Котэсса, — но сельский гламур, — новомодное столичное слово само по себе скользнуло на язык, — мне как-то не по вкусу...

Деревня с нею, может, и не желала прощаться, но вот в том, что Котэсса с нею расплевалась уже очень давно, теперь Сагрон даже и не сомневался.

Глава 11

Первый пожелтевший лист сорвался с Древа Сезонов, что росло как раз в самом центре внутреннего дворика НУМА, и, описав полукруг, приземлился на подоконник. Порыв ветра затолкал его в открытое окно — лист, гонимый магией Сезонов и простыми погодными катаклизмами, скрываясь от дождя, мокрым лопушком плюхнулся прямо на лысину профессору Куоки.

Профессор Хелена кашлянула в кулак, упорно сдерживая смех. Доцент Ойтко покачала головой, низко склонила голову, чтобы кудри её закрыли лицо, и только тогда улыбнулась. Сагрон сделал вид, что смотрит куда-то в сторону, Ролан стыдливо отвёл взгляд и теперь внимательно изучал собственные ногти...

Все, кто только мог, сделали вид, что листика на лысине не заметили. Профессор Куоки, кажется, был единственным, что и вправду не узрел этого сигнального знака осени у себя прямо на лбу, поэтому, почесав затылок и не обратив внимания на то, как грязные дождевые капли стекают с его выдающегося носа, довольно заулыбался.

— Итак, господа Коллеги, — он всегда особенно явственно выделял это слово, будто бы пытался подчеркнуть, что у него на самом деле коллег нет, он тут главный, и никто с ним конкуренции не выдержит, — господа коллеги, у меня к вам маленькое обращение...

Профессор Хелена демонстративно закатила глаза. Она сидела от Куоки по правую руку и отчаянно кривилась — очевидно, заведующий немного выпил, так что теперь от него несло перегаром, а женщине вдыхать сии испарения было не так уж и приятно. Но зато он её не видел, не наблюдал за мимикой, а значит, можно было сделать вид, что она слушает, а можно было и не морочить себе голову по этому поводу. Никто не наябедничает на первого проректора НУМа, даже её собственному заведующему, потому что, фактически, она выше.

Аспиранты, самые несчастные зале заседаний, сидели прямо напротив Куоки, поэтому деваться им было некуда. Но Элеанор, в отличие от своих коллег-парней, держалась очень стойко. Очевидно, этому она научилась от матери — преданность, пылавшая в её взгляде, не имела к Куоки совершенно никакого отношения, но зато он видел, как она внимательно слушала его речь, и от этого получал невероятное удовольствие. По крайней мере, подобные чувства отражались у него на лице.

Сагрон вздохнул. Он сидел сбоку — и тоже вынужден был делать вид, что внимательно смотрит на заведующего. Он сконцентрировал взгляд у мужчины на переносице, чуть пониже того самого рыжего осеннего листка, что приземлился ему на лоб, и попытался выглядеть максимально сосредоточенно и серьёзно.

Речь обещала затянуться надолго.

— Доцент Сагрон, как вы полагаете, я прав? — любопытствовал Куоки, поворачиваясь к нему.

— Совершенно правы, господин профессор, — отозвался Сагрон.

Капелька болотистого цвета теперь катилась по подбородку. Старые губы шевелились, морщинистое лицо, напоминающее чем-то орешек, теперь скривилось пуще прежнего. Куоки облизнулся, словно пытался представить себе что-нибудь вкусное, а после продолжил занудную, надоевшую уже всем присутствующим речь.

— Как там у тебя со студенткой Арко? — склонившись к нему, спросил сидевший рядом Ролан. — Я слышал, она теперь живёт в нашем общежитии. Ты только не обижай девочку, пожалуйста. Она хорошая и совершенно не виновна в том, что случилось. Старательная студентка, и если ты её погубишь...

Куоки заговорил чуть громче. Ролан недовольно посмотрел на него, но, кажется, даже и не подумал, что это он мешал заведующему, а не тот ему.

— Нет, я не собираюсь никого губить, — покачал головой Сагрон. — У нас было просто замечательное лето. Девочка подрабатывала в деканате, — он скосил взгляд на Ойтко, — и переделала за это лето столько дел, что им не справиться, наверное, ещё за много лет. Ты прав, она действительно невероятно талантливая в плане волшебства. И, к тому же, она мне нравится.

— Но проклятье...

— Нет. Проклятье всё ещё на месте.

Ролан как-то загадочно улыбнулся.

Сагрон промолчал. С Котэссой они, казалось, всё время танцевали вокруг одного и того же. Ему

казалось после той прогулки в парке, что она практически оттаяла — но стоило только вернуться из деревни, как Тэссу будто бы подменили. Она схватилась за возможность работы, выбросила из головы родителей и работала, будто бы проклятая — только на труды, а не на верность.

И всё ещё опасалась посмотреть в глаза профессору Хелене, хотя мужчина был уверен в том, что на девушку она зла не держала. Жодор... Будто бы он в первый раз приставал к молоденьким девочкам. Разумеется, Тэсси испугалась, не могла дать ему отпор — или боялась, что заклинанием со зла впечатает в стену, думала, что может навредить. Просто была слишком осторожна. Всяко же бывает.

Но, так или иначе — теперь она не давала даже шанса остаться с нею наедине, пропадала на работе.

Сагрон уже сам не знал, было ли это исключительно влияние проклятия. Может быть, по крайней мере, убедить себя в этом казалось проще простого. Но, как ни крути, сколько б ни говорила ему та же Элеанор, что проклятье могло оказать какое угодно действие, мужчина чувствовал — не всё так легко и радужно, как она говорит, нельзя во всём обвинить несколько волшебных слов, к тому же, произнесённых не самой Котэссой. Дэрри знал цену магии, она была для него оружием таким же привычным, как для математика его стандартные цифры, а для целителя с соседнего факультета травы с лесов и полей. Волшебство не становилось хорошим другом, оно оставалось своенравным и обожало повелевать, и характер его отнюдь ничем не отличался от женщин-Ольи.

Но Котэсса, может быть, считала иначе. Она откровенно тонула в сомнениях, а завтра — первый учебный день, и вряд ли удастся выкроить хотя бы минутку, чтобы поймать её где-то в коридоре. Впрочем, Сагрон ещё даже не смотрел на собственное расписание.

— Так что, мои дорогие коллеги, — продолжил Куоки, — очень рад сообщить вам, что я уже отыскал проблему, по которой мои часы не хотят нормально работать. Приятно слышать, что вы внимали ей до самого конца! Теперь перейдём к другим нюансам нашей работы, разумеется, менее значительным, чем судьба великого творения рук человеческих и магии, данной нам Небесами, но всё же, возможно, с вашей точки зрения...

Сагрон очень сомневался, что хоть кто-то хоть что-то слышал о часах Куоки — все ненавидели их достаточно сильно, чтобы не обращать уже никакого внимания на подобные заявления.

Может быть, когда-то и господин Толин осознает, что его изобретение признано самым бесполезным на кафедре.

— Господин профессор, — наконец-то прервала его Хелена, — позвольте, но давайте вторую фазу приветственной речи мы оставим на потом. Вы не против? — мужчина ошалело моргнул, и она продолжила. — Замечательно. Итак, у нас есть несколько очень важных вопросов. Во-первых, это распределение бакалавров. Вы знаете, у нас две группы, всего вместе сорок семь человек, если, конечно, они все успеют до конца недели закрыть свои двойки. Деканат ставит условия — иначе пойдут на отчисление.

— Мне всегда казалось, — пробормотал себе под нос профессор Зохо, — что ставите условия здесь вы, как первый проректор НУМа.

Ольи могла, разумеется. Сделать вид, что она не услышала ни слова, произнесённого в её адрес, но всё-таки решила этого не делать. Напротив, она склонила голову набок, пристально посмотрела на несчастного Зохо, посмеявшегося влезть в разговор со своим язвительным комментарием, а после хмыкнула — прозвучало это так, словно она перенесла своего противника в разряд совершенно бесполезных личностей.

— Помнится мне, Годомир, — она на сей раз обошлась безо всяких званий, а голос стал насмешливым, но с яркими оттенками гонора, — что ты мне в глаза постоянно говоришь сплошные приятности. Но почему-то если доходит дело до комментариев, которые надо пробормотать себе под нос, я слышу бесконечные гадости. Дорогие коллеги, — она перевела взгляд на присутствующих на заседании кафедры преподавателей, — не кажется ли вам, что если профессор Годомир, напомню, без докторской диссертации, уже получил за какие-то заслуги своё научное звание, это не означает, что он имеет полное право пользоваться своим положением? Ведь относительно законности статуса я могла бы очень поспорить. Не станем же будить зверя и продолжим разговор. Верно, Зохо?

Он скривился. Профессор Хелена и вправду обладала поразительным влиянием в пределах НУМа. Поделаться с нею ничем было нельзя, и Годомир, получивший своё звание исключительно благодаря стараниям Ольи и Куоки, потому что для специализации им в срочном порядке следовало отыскать гаранта, позволял себе выражаться против лишь тогда, когда был уверен — сама проректор его не услышит. На этот раз, очевидно, промахнулся, но спорить больше не стал.

— Так вот, — продолжила она, — сорок семь бакалавров — это не так уж и мало, учитывая объёмы

нашей кафедры. Пришлось провести распределение, чтобы чётко определить, кто к кому идёт. Я провела расчёты по количеству. Себе я с трудом могу взять одного, — она прищёлкнула пальцами, и длинный список упал на стол. Напротив каждого преподавателя уже красовалось несколько пустых полосок, которые следовало заполнить именами и фамилиями будущих бакалавров. У Хелены и вправду было только одно поле, и оно уже давно заполнилось, ещё до того, как все остальные предварительно прикинули, какое у них вообще будет количество выпускников. — Но вы видите результаты распределения часов. Думаю, сможете сами договориться относительно того, кто будет брать студентов. Увы, но мы не можем позволить себе учитывать их личное желание — если кто-то, конечно, уже себе взял учеников, то заполните, пожалуйста, соответствующие поля. Но от чисел не стоит отходить.

Сагрон подался вперёд, глядя на пустой ещё лист. Конечно, он и не сомневался, что Хелена возьмёт какого-то очередного родственника, за которого её очень попросили — редко когда проректор вообще берётся за бакалавров. Но личность Жерома Сотти была ему практически неизвестна, и мужчина не мог даже точно ответить, сколько поставил ему на экзамене, четыре или пять. Вряд ли тройку, Ольи не взялась бы даже за своего родственника, будь он невероятно глуп.

Прелестно, четыре бакалавра. Лучше, разумеется, чем у Куоки — профессору, поскольку он мало что преподавал, всучили аж шестерых, — но всё равно не слишком весело. У Ролана, к примеру, только двое. Но у него аспирантка, а это уже утянуло часть нагрузки, и он довольно много преподаёт.

У некоторых, впрочем, и вовсе были рекордные цифры. Сагрон смутно представлял, как они разгребут такой масштабный поток к концу года — не в первый раз, конечно, но всё же...

— И новый набор магистров, — продолжила Хелена, позволяя следующему листику бумаги упасть на стол перед нею, — тоже не слишком радует своими цифрами тех, кто решил ничего не делать. Там у нас их больше пятидесяти... Вот, пятьдесят два, — она наконец-то отыскала желанную цифру на листе. — И, поскольку магистратура — дело серьёзное, предлагаю всем тоже разобраться со своими студентами прямо сейчас. Я думаю, у нас есть около двух недель, чтобы дать детям определиться с научными руководителями. Большинство отправится к своим, разумеется, но мало ли, вдруг вы их не устроили в прошлый раз? Вы видите цифры, — она указала на стройные, ровные ряды чисел. — Это не к спеху, тут у нас два года впереди, но нагрузку я уже рассчитала.

Профессор Куоки безмятежно засвистел какую-то песенку. Хелена, кажется, не обратила на это совершенно никакого внимания, равно как перед этим проигнорировала рыжий лист, прилепившийся ему на лоб. Возможно, Толин подвывал ветру — по крайней мере, для него это было вполне логичным. Ну а что? Петть с ветром, создавать часы с новой системой исчисления.

Почему нет?

— А я вас покину, — женщина постучала ногтем по листу с бакалавратом. — Решайте сами. Профессор Куоки?

Он согласно просвистел ещё несколько нот.

— А вы куда, профессор Хелена? — не удержался Зохо, бесконечно наглый сегодня, как на его обычную линию поведения. — Разве вы не желаете поучаствовать с нами в обсуждении?

— Абсолютно, — покачала головой женщина. — И даже будь у меня желание услышать, как вы подбираете себе студентов, я всё равно тороплюсь. У нас сегодня ещё учёный совет университета, а опаздывать туда нельзя — зал запирается на магический ключ. Или вы позабыли?

Годомир промолчал. Разумеется, и он, и сама Хелена отлично знали, что Зохо ни разу не бывал на учёном совете, так что и забывать-то ему было нечего. Но, так или иначе, она не стала его добивать и окончательно разрушать великую прекрасную мечту о чём-то таком далёком и невероятном, как слава, честь и, самое главное, достаток, а перевела взгляд на Куоки.

— Ведь вы справитесь без меня, верно?

В её словах можно было ощутить определённую заботу, но откровенно поддельную, потому что женщина так и не сообщила заведующему о наличии у него на лбу осеннего листика. Впрочем, никто не сообщил — он обнаружит его потом, посмотревшись в зеркало, или и вовсе уже дома, когда жена узрит. Оставалось надеяться на то, что супруга у Толина Куоки достаточно надёжная, не предаст в такой важный, переломный, можно сказать, момент, выслушает и о часах, и о том, как ему не везёт в жизни, да и вообще, поддержит во всём, в чём только можно поддержать взрослого и не умеющего никаких границ в своей голове адекватности мужчину.

— Да-да, Хелена, — кивнул Толин. — Справлюсь. Разумеется, справлюсь. Если вы позволите, господа, — он повернулся к остальному преподавательскому составу, — я заполню сейчас этот лист... Вы ведь не против? Первым. Вы не против? Вы не против? — Толин задумчиво посмотрел

куда-то в пустоту, словно искренне надеялся увидеть, как из пустоты появляется смысл, но потом тяжело вздохнул. — Вы не против?

Хелена остановилась в дверях, обернулась на Куоки и только покачала головой.

— Нет, мы не против, — наконец-то вмешался Ролан. — Всё в порядке.

Куоки успокоился. Его неожиданный приступ схлынул, как это обычно и бывало, и мужчина покачал головой. Он подтянул из воздуха список студентов — и, прищурившись, теперь внимательно смотрел на средний балл и пытался выбрать себе тех бакалавров, что и без его помощи могли бы разобраться с дипломом, ещё и на ту тему, которую мужчина сам навязает. Каждый год все бакалавры, отданные Толину на растерзание, страдали целый год, бились, будто бы те рыбы об лёд, пытались вытрясти из него хотя бы какой-то намёк на вразумительную помощь, но ни разу все эти попытки не увенчались успехом. Куоки был тем ещё эгоистом, меньше всего на свете он думал о своих студентах, но, тем не менее, хватал бакалавров, будто бы горячие пирожки.

— Хм, — он щёлкнул языком, глядя куда-то в середину списка. — Кого бы взять? — этот пристальный взгляд вызывал раздражение, казалось, у всех присутствующих, вот только Куоки оставался привычно слеп. — Элеанор, дорогуша...

— Я уже выпустилась, — мягко сообщила она, — поэтому не смогу быть бакалавром для вас второй раз. Но впервые это, вне всяких сомнений, было незабываемо!

Куоки благодарно посмотрел на девушку, словно она только что сделала ему величайший комплимент, а потом закивал, так довольный, так странно улыбаясь, что всем присутствующим хотелось просто провалиться под землю. От его бесконечных глупостей, кажется, с ума сходили практически все — но делали вид, что могли к подобному поведению привыкнуть. Иногда у Сагрона даже возникало желание высказать Куоки в лицо всё, что он думал о его методах ведения кафедральных дел, но каждый раз мужчина сдерживал этот порыв. И на этот раз тоже сдержит — по крайней мере, попытается.

Может быть, у него это получится даже относительно удачно.

— Ну что ж, — Куоки тяжело вздохнул. — Ладно. Кто тут у нас хорошие студенты? Так... — он зажмурился. — Так... Так... Эжени Мор. Седвиг Окнеас. Эльза... А, Эльда Нарамы, — с каждым выдохнутым именем все вокруг постепенно расслаблялись — он брал не самых лучших студентов. — Эм... Шэнна, как её там... Холикини. И, — взгляд вновь уцепился в студенческий список. — И Котэсса Арко.

Сагрон непроизвольно сжал пальцы в кулак. Проклятье! Неужели он не мог просто миновать её фамилию? Но с профессором Куоки спорить было опасно, он мог выкинуть и не такие фортели, поэтому, когда распределительный лист подлетел к самому Дэрри, то не имел другого выхода, кроме как вписать другие более-менее знакомые фамилии.

Когда оставалось последнее место, он, призадумавшись, вдруг покосился на строчку, посвящённую Шануку. Официант из ресторана уже практически забылся, но теперь воспоминание вспыхнуло с удвоенной силой, и мужчина кривовато ухмыльнулся, потянув пламенные буквы его имени на место.

— Он же двоечник, — удивился Ролан. — Ведь ты же знаешь, что он не сможет родить ни единой строчки в эту бакалаврскую работу!

Сагрон только подтолкнул к нему распределительный лист. Двоечник, конечно, но иногда полезно вводить в списки собственных студентов и таких. Мало ли, где он на самом деле может пригодиться. Дэрри же доверял своей интуиции и предпочитал подчиняться ей, когда следовало, а не уворачиваться от явственных знаков судьбы. Сейчас же складывалось такое впечатление, что Окор буквально смотрел на него с этого листа со студенческим списком, едва ли не нащёптывал, что надо его взять. И поскольку в великую магию официанта из местного ресторана мужчина не верил, то выбрал его, посчитав сие достойной подсказкой. Почему нет?

Ролан свой список заполнил быстро. Он хорошо знал бывший третий курс, проработал с ними не один семестр, так что, задумываться не пришлось. Хотелось бы Сагону так же понимать группу Котэссы — особенно теперь, когда у него полно предметов у этого потока. Но, увы, не следовало тогда отказываться от Элеанор и от предыдущего года у них. А ещё — не следовало ставить Тэссе четвёрку, но что сделано, то сделано.

Котэссе следовало навестить. Порадовать её новостью о Куоки — в переносном, разумеется, значении, потому что приятным такое извещение могло быть разве что для сумасшедшего — обсудить кое-что.

Сагону казалось, что они напрасно тратят время. Он то и дело поглядывал на листок на Куоки, но

даже тот перестал уже радовать и веселить.

Мужчина скосил взгляд на Ролана — тот как раз вписывал магистров, с которыми тоже давно уже определился. Рука у него непривычно подрагивала. Сагрон помнил, что его сокурсник обладал просто-таки отвратительным почерком, но ни разу не видел, чтобы у него дрожали руки. Напротив, тот всегда писал быстро, уверенно, даже самоуверенно, если так можно сказать о почерке. Он заполнял пустые строки своими кривоватыми буквами с такой быстротечностью, что приходилось даже бегать взглядом по ним, чтобы поспеть за магом.

А ещё он обычно пользовался карандашом, предпочитал его всяким там новоизобретённым ручкам. Но на сей раз что-то пошло не так — он взял перо, потому что приходилось концентрироваться, а значит, он сдерживал свои пальцы, трясущиеся, будто бы у старика, он перестал колдовать правой рукой — а ведь мог бы...

— Ты где-то повредил запястье? — травма казалась для магов характерной, но очень опасной, особенно для боевых — потому что обычно большинство заклинаний сопровождалось ещё и некоторыми пассами. Конечно, архимаги могли даже не произносить желанную формулу вслух, и с их пальцев искры срывались независимо от того, как они держали руки, но всё равно, особенно сложные заклинания требовалось сопровождать определёнными движениями.

И почему-то мужчина вдруг засомневался, что Ролан сейчас сумеет что-нибудь с этим сделать.

— Нет, — покачал головой Лантон, одёргивал рукав собственной рубашки. — Всё в порядке. Так, порезался немного, когда готовил еду.

— Ты готовишь? — удивился Сагрон. Что-то в словах друга было не так, но вникать сейчас почему-то не получалось.

— Ну надо же завтракать, — вздохнул устало мужчина. — Ты будешь заполнять магистров, или тебе тоже, как и остальным, надо бы с ними поговорить?

— Нет, — отмахнулся Сагрон, — не надо. Давай сюда список...

Он заполнял его, но каждый раз почему-то вспоминал, как удивительно содрогалась рука Ролана. Тот в целом казался весёлым, в хорошем состоянии, но всё равно руку держал в одном и том же положении, будто бы отчаянно старался не потревожить её каким-нибудь лишним жестом. Или Сагرونу просто показалось — в последнее время он придавал слишком большое значение каким-то мелким деталям, на которые больше никто не желал обращать внимания. И правильно.

...Бакалаврский лист наконец-то вновь лёг перед мужчиной. Он покосился на фамилию Котэссы в колонках Куоки и тяжело вздохнул — нет, всё-таки, бедная девушка. Работать с их заведующим было то ещё удовольствие. Сагрон, к счастью, миновал эту злую участь стороной, но ведь Толин уже старик, у него бакалавром, кажется, была сама профессор Хелена. Родился он то ли во времена Войны, то ли до неё — трудно было вспомнить сейчас, — и, вероятно, получил в детстве какую-то травму. Или, может быть, излишняя страсть к алкоголю сделала своё дело...

— Ну что ж, — Сагрон положил лист с бакалаврами на середину стола, — мы вроде бы как закончили.

— Отправлять профессору Хелене? — Ролан скосил взгляд на свою аспирантку. И так было понятно, что с доставкой Ольи этой бумажки проблем не возникнет, но многим, да тому же Зохо, почему-то хотелось поскорее выполнить свой долг и больше не возвращаться к сему вопросу. Сагрон не понимал спешки — для него профессор Хелена казалась чем-то уже привычным на фоне университетских будней, и равно так же её требование сделать всё срочно было не таким уж и страшным. В конце концов, всё можно будет утвердить завтра или послезавтра.

— Нет, подождём, — промолвил Зохо. — Вдруг студенты вздумают взбунтоваться после оглашения списков?

— Но профессор Хелена... — начал было молодой преподаватель, из только что защитившихся, Кэмью, но запнулся. Очевидно, осознал, что его должность не позволяет выступать против доцентов и профессуры.

— Ничего страшного не случится, если мы немного подождём, — кивнул согласно Сагрон. — В конце концов, считается, что бакалавры должны бы согласиться с этим списком, так что, вне всяких сомнений, мы вынуждены были бы подождать до утверждения. А профессор Хелена интересовалась конкретными цифрами, детали и то, кто это будет, сдаётся мне, волновали её мало. Верно, госпожа Элеанор?

— Да, — согласилась аспирантка. — Я скажу ей, что результаты будут через несколько дней. Уверена, что профессор Хелена примет это, как само собой разумеющееся.

Она ласково улыбнулась Кэмью, и тот, успокоившись, вздохнул. Разумеется, против дочери самого проректора он не стал бы выступать, особенно если ручалась она не за абы кого, а за свою родную мать.

— Ну что ж, — протянул наконец-то Куоки, — в таком случае, мы вынуждены уже разойтись. Но если кто-то желает мне помочь... Я был бы очень рад...

Все преподаватели моментально куда-то заспешили, даже те, у кого на самом деле не было никаких планов на сегодняшний день. Сагрон и сам встал, банально вскочил, сказал, что ему срочно надо отправиться к своим студентам, разобраться с магистрами, определиться с темами для дипломных работ.

Кто-то даже заявил, что у него болеет ребёнок, поэтому немедленно нужно явиться домой. Сагрон не сомневался — у этого человека не то что детей, даже супруги не было, равно как и планов пока что её заводить, но профессор Куоки был сам по себе достаточно страшен, так что, кто угодно согласился бы и жениться, и стать отцом огромного семейства, лишь бы только не трудиться над его инновационными часами.

А что ж будет, когда он вздумает заняться какими-то ещё разработками, как это, к примеру, сделал заведующий, уже покойный, из соседней кафедры? Он, помнится, едва ли не взорвал лабораторию, натворил беды, но его вовремя уgomонили. А потом — старичок пошёл на спад, оказался в руках целителей, но сколько б они не бились над его выздоровлением, ровным счётом ничего не получилось. Похоронили совсем-совсем недавно — воспоминания ещё были свежи.

Разумеется, Куоки никто такого не желал. Все надеялись на то, что он просто смиренно отправится на пенсию через несколько лет и перестанет своим бредом сумасшедшего донимать студентов.

Сагрон, впрочем, был уверен, что Толин будет здравствовать до той поры, пока он ещё кому-то нужен. Стоит только ему покинуть университет, стоит забыть о своих разработках и перестать мечтать о том, чтобы их наконец-то ввели в широкое использование, как о таком человеке, как профессор Куоки, можно будет сказать лишь "хорошо жил, да помер".

Он в последний раз покосился на лист с бакалаврами. Оставлять на растерзание пожилому заведующему Котэссу было как-то жалко, но в тот же миг, он отлично знал, что не существовало достойного аргумента для их начальства. Обычно Толин так хватался за студентов, которых едва знал, что легче было отдать ему всё на свете, написать за них бакалаврскую и навеки позабыть, предварительно одарив столичным домом, чем потом отбиться от мечтающего взывать долги Куоки.

В конце концов, заметив на себе профессорский пристальный взгляд, Сагрон буквально выбежал из их маленького зала заседаний, под который переделывали кабинет за каких-то пять минут. Нет, никакой бакалавр и никакое проклятие не могли заставить его сотрудничать со своим же заведующим.

Это слишком, даже для человека со стойкой нервной системой, а Дэрри о себе такого сказать, увы, не мог. Он всегда полагал, что может сорваться на ровном месте и натворить глупостей там, где для них нет никаких причин, но вписывать в общую статистику ещё и сегодняшний день не планировал.

Сейчас надо было просто отыскать Котэссу. Девушка говорила, что будет в библиотеке, Ойтко определила её туда на последнюю неделю, предложила помогать местным дамочкам с книгами. Тэсса не отказалась — можно было подумать, что работа дарила ей несказанную радость. Ну, облегчение уж точно. Она с такой охотой принималась за каждое задание, что придумывала Литория... И так быстро всё выполняла!

Теперь Сагрон не сомневался, что работа была для Котэссы и воздухом, и жизнью, и шансом задержаться в столице. Конечно, близился четвёртый курс, но комендант вполне серьёзно заявила, что летом комнату можно занимать только тогда, когда трудишься на благо НУМа. Честная до мозга костей Тэсса, кажется, восприняла это слишком буквально — потому что не было и дня, что она попыталась отдохнуть.

Или, может быть, ей нравился такой темп жизни, нравилось бродить по пыльным залам между книжными стеллажами и каждый раз протирать одни и те же корешки — потому что все остальные опасные, летают и кусаются.

Вчера мужчина застал её, почёсывающую пушистый животик книгокоту — Тэсса вообще, кажется, любила кошек, к этому располагало даже её имя, но в общежитии содержать их как-то не особо разрешалось.

А дома у тётки была аллергия, в этом девушка призналась уже сама, да и, кажется, не особо стремилась скрыть сии кошачьи подробности, которыми обросла её личность.

Он уже свернул в библиотеку — но замер, увидев, как впереди мелькнул край знакомого платья.

Энниз?

Разумеется, как преподаватель, она могла бы заглянуть в библиотеку в любое время дня и года. Но самим по себе было странным то, что она соизволила явиться сюда сегодня, в преддверии долгого трудового семестра. Насколько он знал Фару, та никогда особо не горела желанием учиться и добывать новые знания; да, она защитилась и работала в НУМе, но всё равно — когда это так много значило?

Мужчина остановился у двери — в библиотеке была отвратительная звукоизоляция, даже требование тишины не помогало так, как понимание — в читальском зале каждый шепоток усилится в десятки раз, а значит, библиотекарь обязательно узнает нарушителя и самым наглым образом отберёт у него читательский билет, эдакую для студента драгоценность.

— Здравствуйте, — мягкий, вкрадчивый голос Энниз доносился до Сагрона с невообразимой чёткостью. — Вы, вероятно, меня узнали? Нет? Я преподавательница с кафедры Измерительной Магии. Да-да, маг-метролог, вы совершенно правы. Нет, я у вас не преподавала и не буду, пришла скорее по личному делу, моя дорогая. Ведь вы Котэсса Арко, верно?

Сагрон понимал — надо бы войти, — но что-то его словно приковало к месту. Можно было подумать, что Энниз заколдовала его — но ведь она даже не видела мужчину, не могла и тень его заметить. И таким уж серьёзным да великим магом Фару тоже не была — самая простая волшебница, которая давно уже слишком много о себе возомнила, но некому было разочаровать её.

Нет. Он просто мысленно сам заставил себя стоять, а нынче подсознательно искал виновных в том, что не мог сдвинуться с места. А может, даже не виновных, а некое оправдание собственным действиям, если оно, разумеется, существовало. В этом-то как раз мужчина совсем не был уверен.

Он закрыл глаза, пытаясь прислушаться к разговору между Тэссой и Энниз. Что, в конце концов, могла сказать студентке его несложившаяся любовница, в глазах Сагрона такая же очередная, как и все остальные?

— Я хотела поговорить с вами относительно Сагрона, Сагрона Дэрни, — змея! Змея, а не женщина — ядовитая, скользкая, гадкая, а самое главное, что он мог ей предъявить? Сейчас показываться было бы уже слишком поздно, Энниз однозначно устроила бы скандал и вытянула на какой-то очередной подозрительный разговор.

— Да? А что вы о нём хотите мне сказать? Или, может быть, услышать? — Котэсса отвечала чуть тише, осведомлённая об отвратительной звукоизоляции, но всё равно в её голосе не чувствовалось особого напряжения и неуверенности. Можно сказать, она пыталась расслабиться и говорить ровно и уверенно, но почему-то отвратительное упрямство явившейся Энниз сбивало с толку не только её одну.

Сагрона тоже.

— Проблема в том, что у нас всё так хорошо шло... — прошептала почти что Энниз. — Но, однако, примерно в начале лета его словно подменили. Эти четыре с чем-то двадцатки я буквально сходила с ума. Если вы меня понимаете. Да, Сагрон мужчина, за которого следует бороться...

— Пожалуйста, побыстрее. Мне надо работать.

Голос Котэссы звучал суше.

— Понимаете, — продолжила Энниз, — да, Сагрон в последнее время проводит с вами слишком много времени. Если между вами что-то есть, я бы не хотела влезать, но и тешить себя глупыми надеждами тоже. Это ведь жестоко по отношению ко мне, не находите? — Котэсса молчала, но, очевидно, согласно кивнула, потому как женщина продолжила с новым приплывом вдохновения. — Я была уверена в том, что он любил меня, и его обещания меня в этом убеждали... Но сейчас, хотя я вижу в его взгляде слишком много восторга и любви, он даже не пытается прикоснуться ко мне. Это странно. Для мужчины — взрослого и самодостаточного мужчины, — этого невыносимо мало. Может быть, вы, по своей неопытности, не осознаёте...

— Вы можете не переживать, — Котэсса ответила достаточно холодно и уверенно. — Между нами и господином Сагроном ничего не случилось. А холоден он с вами исключительно благодаря проклятию, которое случайно подхватил на экзамене. Да, небольшие накладки учебного процесса, вам, вероятно, это должно быть известно.

Энниз, наверное, улыбнулась — по крайней мере, Тэссе прервал мягкий, нежный смех змеи. Сагрон был уверен — он не мог пошевелиться не только потому, что не хотел прерывать разговор. Что-то его сдерживало — неужели она и вправду наложила какое-нибудь сдерживающее заклинание на дверь? А ломать его просто смешно — вероятно, это что-то на психологическом уровне.

Психология проклятий, чтоб её!

— А какое проклятие? — уточнила Энниз.

— Увы, — Котэсса вздохнула, — но мне это неизвестно. Скорее всего, что-то из нашего курса по Боевой Магии, по Проклятиям, если точнее. Но я не уверена, что оно было программным. Знаю только, что действует год. Доцент Сагрон просто немного интересовался моими познаниями в этом плане — могу ли я снять это проклятие. Но, к сожалению, это не в моих силах. Но гарантирую, — Сагрон прямо-таки видел, как она прищурилась, — что у меня и в мыслях не было вставать между вами и вашим возлюбленным. Да и зачем? Неужели мне больше нечего делать?

— Ну, знаете, — Энниз теперь говорила уже чуточку громче, — многих греет исключительно чужое счастье. Приятно слушать, что вы не из таких людей, но ни в чём нельзя быть до конца уверенным.

— Вы можете не сомневаться во мне, — сухо ответила Котэсса. — Чужое счастье, а уж тем более господин доцент, меня совершенно не интересуют. Особенно учитывая тот факт, что вы назвали себя его возлюбленной.

— Почти невестой.

— Тем более. Что-нибудь ещё?

Сагрон скривился. Теперь, прищурившись, он видел слабое мерцание на двери — Энниз, очевидно, умудрилась наложить какое-то заклятие столь умело, что он даже не разглядел его с первой попытки. А теперь, когда понял, что оно существовало, поздно уже было что-либо исправлять.

Женщина довольно вышла из библиотеки, покачивая бёдрами, привычно соблазнительная, в одном из лучших своих нарядов. Цвет бордо, под позднюю осень, не слишком шёл к её рыжим волосам, но теперь, когда она сменила оттенок, всё выглядело куда лучше обычного.

И если бы не проклятие, может быть, Сагрон и не удержался бы — слишком привлекательной показалась бы в таком случае ему Энниз. Но сейчас все мысли были о Котэссе. Мужчина лишь заметил, как легко оторвалась та самая полупрозрачная розоватая дымка от двери, скользнув следом за Фару.

— О, милый, — она остановилась напротив него. — Проклятие на год! Какой кошмар. Твоя ученица открыла мне большой секрет — жаль, что эту тайну ты не захотел открыть ещё и мне. А ведь я не такой уж и плохой проклятийник.

— Ты маг-метролог, — покачал головой Сагрон, — а не проклятийник, Энниз. И мне очень интересно, зачем ты вообще наведлась к моим студенткам?

— Я подумала, — улыбнулась она, — что может быть очень полезно воспользоваться тем самым артефактом. Неужели ты не подумал об этом? Мне кажется, как человек профессиональный, должен был бы хоть задуматься. Нет?

Он промолчал. А что было ответить? Сказать, что он и вправду иногда вспоминал об артефакте, или, может быть, солгать, заявить, будто бы это проклятие его отнюдь не смущает, а он готов с гордостью нести эту странную ношу на своих плечах ещё очень долго — и не обращать никакого внимания на то, как его это будет притеснять? Или, может быть, совсем уж высказаться правдиво и заявить, что Котэсса — лучшее, что могло быть причиной его проклятья.

Уж не говоря о том, что она была единственным ключиком к избавлению от него.

— Мне кажется, — протянул Сагрон, — артефакт не для того привозят в НУМ, чтобы такая ерунда переползала на него. К тому же, насколько мне известно, у вас на факультете его как раз собирались внимательно изучить и попытаться сделать промышленные копии. Вот на них и можно было бы сгружать всевозможные проклятья. Почему б и нет?

Фару усмехнулась и покачала головой.

— Ты неисправим, — мягко улыбнулась она. — Мне кажется, надо немного активнее разбираться со своими проклятиями, а не просто ждать того момента, когда наконец-то истечёт год. Целое лето, Сагрон. У тебя что-то с кожей, ты позеленел? Или, может быть, у тебя страшные боли? Что за проклятье, — она сделала шаг ему навстречу, — что ты не позволяешь даже мнимого прикосновения к тебе? Или, может быть...

— Оно заразно, — сообщил Сагрон. — Невероятно заразно.

— Ты прикасаешься к людям.

— О! — он скривился. — Оно заразно исключительно для тех, кто испытывает желание к объекту

проклятия. И, разумеется, является существом порочным. Боюсь, Энниз...

— А ты полагаешь, что эта... Как её, Котэсса? Полагаешь, что она не испытывает по отношению к тебе ну совершенно никакого желания? О. Наверное, как для мужчины, это очень болезненно — признавать подобные факты о себе.

— Почему же? Я уверен в том, что на неё подобное проклятие не падет совершенно по другой причине. Скажем так, по второму пункту.

Энниз хмыкнула.

— Задумайся об артефакте. Я могла бы тебе помочь. И весьма неплохо помочь. Знаешь, ведь это мой факультет, в конце концов.

— Зато это совершенно не твоя кафедра, — возразил Сагрон. — Я вообще с трудом понимаю, как Измерительная Магия оказалась на факультете защитной, но Небеса с вами, только ещё с этим мне не приходилось разбираться. Просто не понимаю, почему ты так активно предлагаешь мне свою помощь. В этом есть что-нибудь крайне любопытное, не думаешь?

Энниз пожала плечами. Она попыталась сделать вид, что не расслышала ни единого оттенка оскорбления или заверения в собственной бесполезности в его словах, поэтому только равнодушно, ещё и гордо вскинув голову, прошла мимо, но помогло это мало. Сагрон всё равно перехватил злой, раздражённый взгляд, в её исполнении казавшийся едва ли не личной подписью.

...Вздохнув, он только переступил порог библиотеки, подумав, что с Котэссой поговорить всё-таки надо было бы — и тут же столкнулся с немного обиженным, мрачноватым её взглядом.

— Здравствуй, — промолвил он. — Как работается?

— Замечательно, — пожала плечами девушка. — Минуту назад у меня был очень любопытный разговор с одной прекраснейшей женщиной. Она представилась как Энниз Фару, ваша почти что невеста.

— Ваша?

— Ну, конечно, — согласно кивнула Котэсса. — Не хочу вставать на пути вашей любви, — она подошла к нему, солнечно улыбнулась и похлопала по плечу. — При таких условиях ей вы ведь тоже не сможете изменять, верно?

Он не успел проронить ни единого слова в свою защиту, потому что Арко просто прошла мимо и направилась к очередному стенду с книгами.

— Подожди! — окликнул её Сагрон, наплевав на то, что в библиотеке принято было сохранять хотя бы относительную тишину. — Тебе не следовало бы так серьёзно воспринимать её слова...

— Да? — удивлённо переспросила девушка. — А мне казалось, что она говорила вполне искренне. Но, так или иначе, это ведь не повлияет на моё решение. Господин доцент, — её светло-карие глаза теперь сверкали отчаянной уверенностью, — я могу казаться вам какой угодно, но одно вы должны понимать максимально точно. Я никогда не позволю никому — будь он проклят или нет, — прикоснуться ко мне без любви. А вашу будущую молодую семью, увы, разрушать не посмею. Мне очень жаль. Надеюсь, это никак не повлияет на моё обучение в НУМе.

Сагрон поперхнулся.

С одной стороны, это могла сыграть в ней ревность — и ему, как мужчине, должно быть лестно. Но... А с другой — ведь он не делал ничего такого, да и Энниз выдумала всё без исключения. Котэсса не казалась той, что пойдёт и будет рыдать в подушку, она скорее походила на девушку, что действительно сделает вид, будто бы ничего не произошло, и продолжит дальше уверенно и быстро шагать по жизненному пути. Но вот Сагрон не сомневался, что и в первом, и во втором случае он окажется именно пострадавшей стороной, а не победителем.

Разумеется, Энниз Фару понятия не имела, какого характера его проклятие. Но она вполне ясно осознавала, что Котэсса ему для чего-то нужна, и старательно это уничтожила. А ещё — она не была из тех, кто столь старательно добивался бы внимания со стороны мужчины, а значит, ей было что-то от него нужно. Знать бы только, что именно...

Он повернулся к Котэссе, намереваясь хотя бы с нею помириться для начала, но девушка уже скрылась где-то между стеллажами, растворилась в узких проходах между сотен и тысяч книг, и догонять её казалось бесполезным. Более того, Сагрон был совершенно уверен, что обыкновенного "я не виноват" девушке будет однозначно мало.

А ещё — что ему срочно нужно потребовать, чтобы бакалаврскую работу она защищала именно под его руководством.

Глава 12

Профессор Куоки рано утром уже был у себя в кабинете. Вообще-то он не был особо утренней пташкой, но сегодняшний день почему-то стал редким исключением из правила.

Сагрон осторожно постучал к нему в дверь, отлично зная, что раз уж мужчина на месте, значит, случилось что-то дома, а он совершенно не в духе. Правда, господин Толин редко пребывал в хорошем расположении духа, но вот портить людям жизнь он намеревался только тогда, когда те нагло вставали у него на пути и пытались прервать замечательный предрабочий или вовремярабочий сон.

По крайней мере, намеренно портить — потому что случайно у него получалось очень часто, очень со многими, да и вообще, невообразимо нагло. Сагрон не сомневался, что существовала по меньшей мере сотня бакалавров и две сотни магистров, что искренне проклинали профессора Куоки за все годы его трудов. Но, к сожалению, он был стойким мужчиной и на такие крики совершенно не вёлся — словно не реагировал на них, закалив свою кожу и магический щит заодно.

— Войдите, — сонно промолвил по ту сторону двери Куоки. — Кто там? Войдите!

Он вновь вернулся к своей странной привычке повторять одни и те же фразы по нескольку раз. Сагрон списывал это на глухоту — сам Толин уже давно слышал только половину того, что ему говорили, а понимал и того меньше, вот и всем пытался повторить два-три раза, дабы уж точно информация добралась до адресата.

Дверь широко распахнулась, не успел Дэрри даже прикоснуться к ней ещё раз. На пороге замер какой-то до ужаса возмущённый мужчина.

— Вы могли бы, — повернулся он к Куоки, — и уделить мне немного больше времени, а не просить войти какого-нибудь... сопляка!

По рокочущим интонациям и поддельной властности жестов Сагрон наконец-то узнал его — Жодор Ольи собственной персоной.

— Идите-идите, — замахал на него руками Куоки. — Я понятия не имею, что с вами делать. У вас жена — высшего класса боевой маг, вот пусть она вам и помогает избавиться от этого предмета. Идите-идите!

— Моя жена тут не поможет, а только усугубит ситуацию! — возмутился Жодор. — Говорю же вам, я...

— Простите, — раздражённо обратился к нему Сагрон, — но вас вполне внятно попросили уйти. Будьте добры, не мешайте господину профессору. У него и без вас полно работы!

Жодор повернулся к Сагрон. Он, казалось, был готов буквально лопнуть от гнева. Обычно мужчина находился в неплохом расположении духа, ну, по крайней мере, сравнительно с остальными представителями такого сложения и характера людей. Но сейчас будто бы пылал гневом и отчаянным раздражением, а от одного только вида Дэрри ему словно хотелось растерзать весь мир на мелкие кусочки и потоптаться по ним, попрыгать, чтобы закрепить свой отвратительнейший эффект.

Он вскинул руку, собираясь что-то пробормотать, а то и проклясть необыкновенно властным тоном, но отчего-то не вышло. От такого наглого жеста немного задрался его камзол, и хвост — точнее, два хвоста, — показались всему честному миру.

Куоки захихикал, потирая свои сухонькие ручонки. Он завертелся на своём кресле, с таким довольным выражением лица изучая следы жодоровых мучений, что Сагрон даже на миг стало того жаль.

Пока он не узнал проклятие.

— М-м-м-м, — протянул довольно он, — как это мило выглядит! Скажите, это крысиные? Или какие?

Хвосты на самом деле были длинными, чешуйчатыми, но совершенно безвредными и довольно гибкими. По крайней мере, так казалось со стороны. Сагрона не устраивали ни хвосты, ни ожоги — он бы с удовольствием обошёлся без всякого рода увечий со стороны проклятия. Но, очевидно, Ольи полагал иначе.

— Не ваше дело! — прошипел он.

— Почему же? — удивился Сагрон, справедливо полагая, что хотя бы один из хвостов был получен именно тогда, когда Хелена застала своего супруга рядом с подругой её дочери, причём вина она

в случившемся уж явно не Котэссе. — Как раз очень даже моё. Вы довольно любопытно выглядите, господин Оли. Мне кажется, всё это следует самым тщательным образом изучить...

— От этого, — прошипел мужчина, — надо просто элементарно избавиться. Изучать ничего не нужно!

— Избавиться? Нет проблем! Скажите, они очень чувствительные? — один из хвостов хлестнул по воздуху, будто бы кнут, но Сагрон, достав платок, чтобы прикрыть пальцы, поймал его за самый кончик и потянул. Жодор вскрикнул. — Как прелестно! Наверное, самым лучшим методом будет рубка. Господин Куоки, — он повернулся к заведующему, — у вас есть ножик? Можно самый обыкновенный. Для резки бумаги, да. Вон тот подойдёт. Справа, на столе... вот этот, да, да, господин Куоки, именно он. Подадите его мне? А, я сам подойду! — Дэрри протиснулся мимо Жодора, ни на миг не отпуская его хвост, взял в руки нож и примерился, собираясь уже прямо сейчас, по живому, резать. — Вот тут вот сделать тоненькую полоску. Или, может быть, чуть повыше? Скажите, господин Оли, а он сильно кровоточит?

Жодор взвыл.

— Изверги! — возмутился он. — Я отправлюсь на другой факультет и буду искать там нормальных, настоящих волшебников, а не тех, кто будет предлагать мне избавиться от проклятия путём отрезания!

— Простите, — вздохнул Сагрон, — но с проклятиями всё работает иначе. Для начала надо определить причину. А так же обстоятельства — уж поверьте, это отнюдь не помешает. Если отросток не физического происхождения, а магического, вы просто обязаны лечь в нашу лечебницу и позволить нам это отпилить. Мы должны увидеть, насколько проклятие реально изменяет ваше тело, провести дополнительные испытания... Реакция на ожоги, на воду...

На этой фразе Жодор взвыл повторно и вылетел из кабинета, едва не прищемив себе же хвост дверью. Сагрон только равнодушно пожал плечами, всем своим видом показывая, что ему абсолютно наплевать на судьбу этого самого хвоста, и повернулся к Куоки.

— Господин профессор, — промолвил он, — я к вам по очень важному делу. Разумеется, господин Жодор тоже был по важному, — мужчина ухмыльнулся, — но у меня оно не касается хвостов.

— Да? — Куоки указал своей сухой рукой на кресло. — Прошу. Присаживайтесь. Рад, рад видеть одного из своих преподавателей, а не этого шарлатана из соседней кафедры. Уверен, он просто пытался вывести у меня, как именно сотворены мои невероятные часы!

Сагрон вздохнул. Невероятные часы были сотворены точно так же, как и все остальные, самые обыкновенные, но, увы, профессор этого принимать не желал, навязывая своё мнение каждому, кто только переступал черту его кабинета.

А ещё, увы, он пришёл как раз же по подобному хвостатому делу, только, может быть, симптомы у него находились не на столь запущенном этапе. Но — всё может быть. Проклятье Элеанор проявляло себя совершенно по-разному.

Сагрону получить хвост не хотелось. Ему куда больше нравилась мысль о Котэссе — по крайней мере, проклятье не привязало его к какой-нибудь отвратительной девице, страшенькой, толстенькой, всей с ног до головы покрытой прыщами...

А могло ведь. Если это проклятье так просто срабатывает, а требует небольшого энергетического разлёта, то так можно проклясть кому угодно кого угодно. И если на проклятуемого накладываются такие страшные ограничения, то почему проклинаящий не несёт никакой ответственности? Что должно останавливать людей от использования этого проклятия в качестве обыкновенной глупой мести? О какой верности могла идти речь, если они с Котэссой первый день знакомы?

Сагрону это всё совершенно не нравилось. Ему казалось, что кто-нибудь не особо глубокомысленный мог сотворить подобное проклятье, но не Элеанор. Идеальная девушка у идеальных родителей — хорошо, идеальной матери, — не могла бы сделать ничего, чем можно было так легко воспользоваться во вред.

Идеи упорно цеплялись одна за другую, но мужчина только мотнул головой, отгоняя от себя подальше все дурные мысли.

Нет, определённо, это было просто смешно — такое простое проклятие, так легко выполняется, что Котэсса без понимания особенностей, не будучи магом высочайшей категории, так просто влила в него свою силу...

— Господин Сагрон, — кашлянул профессор Куоки, — дорогуша, вы так и будете молчать? Простите, но мне показалось, что вы пришли с каким-то делом, а сейчас просто сели и смотрите в одну точку.

Милый, я понимаю, все мы очень устаём, но это со стороны показалось мне довольно подозрительным. Вы заболели? Вы пришли просить внеплановый отпуск?

— Нет, — покачал головой Дэрри. — Я пришёл попросить вас отдать мне одну девушку в бакалавры. Вы выбрали её для себя, но...

— Ну, вы ведь знаете, что я провожу тщательный отбор студентов.

Да ничего он не проводит! Сагрон до жути хотелось выкрикнуть это прямо в лицо заведующему, но он прикусил язык, понимая умом, чем это ему грозило. Ему ведь сейчас нужен не враг, а положительно настроенный профессор, который легко и просто отдаст Котэссу.

— Позвольте, — вздохнул он, — всё-таки поменяться с вами. Один раз. Я понимаю, что буду перед вами в величайшем долгу, поэтому обещаю отдать своего лучшего студента — из тех, что сам подобрал. Но эта студентка...

— Сагрон, милый, зачем она вам настолько, чтобы вы отдавали за неё своего лучшего студента?

— Понимаете...

— Вы влюбились? — полюбопытствовал Куоки.

Сагрон вздохнул. И как на это реагировать? Что говорить? Как бы он ни ответил, это всё равно не порадует профессора Куоки, в этом мужчина был совершенно уверен. Он точно знал, что не имел никакого права сказать чистую правду. Это бы подставило Котэссу в первую очередь, потому как оскорблять преподавателей, а уж тем более проклинать их категорически запрещено. Разумеется, она бы пострадала, а от этого ни ему, ни самой девушке не стало бы лучше.

Нет — но работать вместе над бакалаврской означало проводить много времени вместе. А вот на это Сагрон, вопреки всему, надеялся. Ему казалось, что это может оказаться однозначно полезным, с любого ракурса, с любой точки зрения. Котэсса была нужна ему, хотя мужчина конкретно и не мог обосновать, что же вызывало такое удивительное притяжение. Неужели всё дело было только в проклятии? Но ведь это совершенно банально.

Нет, он был уверен, что Тэсса — это больше, чем сочетание каких-то слов и волшебной энергии. Жаль только, она сама вряд ли в это поверит. Поэтому фактический повод для пребывания вместе был ему необходим. Необходим просто-таки до безумия.

— Я прошу вас, — выдохнул он, глядя на мужчину, — прошу вас мне помочь. Вы не понимаете, профессор Куоки?

— Послушайте, для того, чтобы я отдал вам студентку, я должен иметь веские причины...

Да что за надоедливый дедок!

Сагрон посмотрел ему в глаза. Сделать это было довольно трудно — на лбу красовался всё тот же присохший осенний листок, и теперь Дэрри отлично понимал, что жена от студентов профессора Куоки не спасла.

— Однажды, — мечтательно прищурившись, вдруг протянул Толин, — я встретил свою супругу среди студентов. Вот то были прекрасные времена и достойные нравы, то была причина, что могла бы заставить кого угодно...

— Профессор Куоки! — моментально сориентировался Сагрон. — Профессор Куоки! — он попытался соорудить самое страдающее выражение лица, на которое только был способен. — Значит, вы обязательно должны меня понять. Я... Я не могу без неё дышать. Мне кажется, что когда её нет рядом, останавливается солнце, оно больше не светит, оно перестало своими благодатными лучами касаться нашего мира. Когда она не рядом, я чувствую, как перехватывает моё дыхание, как мне с каждым мгновением становится всё хуже и хуже...

— Полно вам, дорогуша...

— Нет же! — прервал его воистину театральным жестом Сагрон, поймав себя на мысли, что надо было идти в университет каких-нибудь художеств или даже на актёра. По крайней мере, проклятье бы он точно там не схлопотал — публика ещё та, но зато она совершенно не умеет волшебствовать. — Без неё мой мир становится блеклым и серым, без неё мне не хочется дышать, не хочется ходить. Я готов умереть. И тут я узнаю, что девушка, девушка, которой я могу помочь совершенно бескорыстно, девушка, о которой я мечтаю каждую ночь и каждый день, девушка, что совершенно меня не замечает... ах! Вы не представляете, какая это беда — когда вокруг вашей возлюбленной постоянно крутятся какие-то посторонние мужчины, — он позволил в голосе мелькнуть совсем уж надрывной нотке. — Когда всё это превращается в вечный круговорот

ревности, которую я даже не могу ей высказать. Потому что боюсь. И тут — и тут её, мою прелесть, бриллиант души моей, свет очей моих, выбираете вы!

Профессор Куоки опешил. Он закашлялся — хотя до этого не проронил ни слова, а болтал без конца именно Сагрон. Потом моргнул — так, словно в последний раз в своей жизни, — и только тогда наконец-то посмотрел на Дэрри.

— Позвольте, — начал он, — вы хотите сказать, что для вашей возлюбленной я буду плохим научным руководителем? Что мои инновационные часы...

— Да что вы! — замахал руками Сагрон, едва ли не попав Куоки в глаз. — Что вы! Вы не понимаете, вы не слышите меня, вы не желаете понять. Вы не желаете почувствовать весь бесконечный масштаб моей невероятной беды. Она прекрасна, моя милая возлюбленная, и она не может не оценить вашу инновационную разработку, — да, конечно, только идиот не оценит то, что никому не нужно и что инновационным на кафедре именуется ещё с той поры, когда самого Дэрри не было и в планах на рождение, — она, несомненно, загорится избранной вами темой, она бросится в неё с головой, она с ума сойдёт от того, сколько необъятной информации её окружит... и совершенно обо мне забудет. Забудет навеки. Забудет — или даже не пожелает узнать. Я думал, что буду помогать ей, что возьму тему, над которой мы будем трудиться вместе, что совсем-совсем скоро она посмеет меня заметить — и тогда всё будет хорошо. Но теперь... Теперь у меня, увы, нет ни единого шанса.

Куоки смахнул слезу. Лист теперь сполз ему на переносицу, но всё ещё не попался на глаза. Он потёр лоб, но так и не почувствовал ничего, что могло бы вызывать посторонние взгляды, а после даже позволил себе громко и довольно чутко всхлипнуть.

— Дорогуша! Что ж вы не сказали, — охнул он. — Что ж вы не сказали. Что ж вы не сказали... Что ж вы не...

— Я боялся, — прервал его Сагрон, — что вы можете меня не понять. Что вы обвините меня в эгоизме. Я готов отдать вам своего лучшего бакалавра — только позвольте мне вести её. Умоляю вас, господин Куоки. Прошу! Вы понимаете, я готов на всё, что угодно, лишь бы только...

— Ладно, ладно! — махнул рукой Куоки. — Я вас понимаю. Вы влюблённый мужчина, а ради любви я и сам готов отдать своего бакалавра. Кого вы желаете, мой дорогой?

— Котэссу Арко.

Куоки остановился. Будь он хоть немного осведомлён, может быть, и не решился б отдать лучшее из того, что выбрал, но, позабыв совершенно все имена, он только пожал плечами.

— Пускай, — вздохнул он. — Если вы её до такой степени любите, я готов отдать вам её. Но, скажите же, кого вы хотите дать мне взамен? Ведь я отдаю, как вы выражаетесь, лучшую из лучших...

— В моих глазах.

— В чьих бы то ни было, — возразил Куоки, — а всё-таки лучшую из лучших.

— Вы не представляете, кого я вам дам взамен! — Сагрон вздохнул и потянулся к списку бакалавров, что как раз лежал на столе перед Куоки — тот должен был подписаться под ним. — Вот. Только послушайте. Окор Шанук. Великолепнейший студент. Невообразимо острый ум!

— Но, — хмыкнул неуверенно Толин, — у него очень низкий средний балл за прошлую сессию. Я б не сказал, что это признак такого уж идеального студента.

— Да что же вы! Давайте мыслить вне рамок! — выдохнул Сагрон. — Вы не представляете, насколько это талантливый молодой человек! Да, он провалил сессию, и я сам полагал, будто бы он отвратительный студент, но когда узнал о том, чем именно он занимается, когда осознал всю невообразимую важность его проекта... Вы не поверите! Его интересуют именно новые системы исчисления. Вдохновившись вашими инновационными часами, он решил копать дальше и глубже в этом направлении. Он решил изучить всё, что не позволяет стрелкам двигаться в правильном ритме, что сбивает их. Силовое поле, проклятийные волны... Вы даже себе не представляете, как далеко он зашёл. Скажу вам по секрету, этот молодой человек, — Сагрон понизил голос до шёпота, подался вперёд, и Куоки тоже подвинулся к нему, прислушиваясь невероятно внимательно, — умудрился создать первый работающий экземпляр. Конечно, его часы всё ещё не точны, но они всё же позволяют...

— Ох! — кажется, Куоки был совершенно покорён. — Вы правы. Это более чем равноценный обмен. Забирайте свою Котэссу, пусть, пусть. Только отдайте мне этого Окора. Я понимаю, вы идёте на невероятные жертвы, дорогуша, но оно того стоит. Ради любви, ради...

— Ради часов!

— Именно! — закивал профессор. — Ради часов!

Сейчас он, невообразимо довольный, сияющий от счастья, буквально сливался с атмосферой кабинета. Такой же седой, как и белая мебель, такой же раскрасневшийся, как странная розовая скатерть, наброшенная на рабочую поверхность его стола, скорее всего, связанная вручную его супругой. Профессор Куоки теперь сиял от счастья — он то и дело тянулся к проплешине по голове и хлопал себя по ней, словно радовался тому, что сумел отхватить такого великолепного студента.

Сагрон заулыбался ещё ярче.

— Спасибо вам огромное, — промолвил он, поспешно внося коррективы в лист с бакалаврами. — Огромное спасибо. Я очень рад, что вы полни мне навстречу — это самый большой дар, который только кто-то когда-либо мне делал. Спасибо! Спасибо, профессор Куоки! — и он прижал лист к груди. — Вы позволите мне его повесить? Этот лист? Чтобы студенты уже знали, к кому они попали, и ничего нельзя было исправить?

— Так он висел вчера до полудня...

— Но Окор и Котэсса могли его не увидеть! А теперь они посмотрят — и представляете, как Шанук обрадуется, когда осознает, что вынужден будет работать со своим кумиром? Вынужден — да, это вышло случайно, но зато теперь ему не придётся пояснять мне, почему так произошло, почему он с вами. Он не будет бояться меня обидеть...

— Вы правы, — согласился Куоки. — Идите, мой дорогой, вы совершенно, абсолютно верно всё мне сказали. Это единственное правильное решение. Ваша возлюбленная будет рядом с вами и вскоре осознает, на что вы готовы ради неё. А я буду работать с Окорм, мы наконец-то с ним сможем понять, что именно пошло не так в часах. Нет, я уже знаю, конечно...

Но он вновь, казалось, потерялся в пространстве и говорил уже сам с собой. Сагрон тихо поднялся и направился к двери, кивая каждую секунду и держа в руках лист с распределением бакалавров. Разумеется, всё это было нечестно, а Котэсса, может быть, и хотела работать над инновационными часами, но на самом деле мужчина в этом очень сомневался.

Дэрри тихонько прикрыл за собой дверь, стараясь не разбудить, не вывести Куоки из его удивительного транса. На самом деле, обманывать старого профессора было как-то не с руки, но иначе он не мог — ему нужна была Котэсса, а получить её каким-нибудь другим способом, кроме как выдумать историю о часах и о любви, не существовало.

Он вздохнул и направился к доске объявлений. Следовало поскорее избавиться от этого листа, на котором Куоки забыл поставить свою подпись — но Сагрон, впрочем, умел подделывать её не хуже остальных представителей кафедры, может быть, даже лучше, чем некоторые.

Он поцепил её на доску и, сжав в руке волшебную ручку, появившуюся вновь из воздуха, нарисовал тот самый странный вензель, напоминающий некое не слишком лестное выражение на руническом языке. Профессор Куоки когда-то рассказывал, что идею для подписи ему дала его возлюбленная жена — и теперь, увидев на лбу у мужчины листок, он не сомневался в том, что женщина отлично знала, что именно имеет в виду.

О семье Толина было известно мало, разве что только то, что Куоки был куда старше, практически на пятнадцать лет, чем его жена, а ещё — что она совершенно не разделяла его поразительного восторга от измерительных систем и мечтала о спокойной, адекватной жизни. Увы, но не за того она для подобной цели вышла замуж, если так уж думать, и Куоки не раз и не два повторял, что его супруга не может до конца оценить всю величественность его невообразимых открытий.

Вряд ли существовал кто-нибудь, кто в самом деле мог бы всё это оценить, но люди молчали. Куоки сделал несколько полезных открытий, потому его и терпели — терпели долго и очень, очень старательно, закрывая глаза на все бесконечные глупости, которые он периодически себе позволял. Может быть, уже и величина открытий становилась несоизмеримо малой на фоне того, что он успел натворить плохого в своей жизни, во время бытности заведующим кафедрой или даже на других должностях. Но кто это скажет старому, фанатически настроенному человеку?

Сагрон наконец-то приколот лист к доске и, отступив от него на несколько шагов, полюбовался итогом своих уговоров. Не зря он взял Шанука — его было не жалко, а официант — довольно болтливое существо, как-нибудь выкрутится, когда наконец-то профессор Куоки пожелает увидеть, где же тот самый упомянутый преподавателем экземпляр работающих часов.

К тому же, почему-то Дэрри не сомневался, что с таким плутом дело с новой системой исчисления может наконец-то пойти на лад и стать чем-то более-менее приемлемым для их кафедры. Хоть не таким позорным пятном во время агитации студентов.

И зачем их агитировать, если на их специальность они всё равно идут самым настоящим валовым потоком, без конца сунутся и сунутся, будто бы удумали задушить громадным присутствием всех, кого только смогут!

— О, — удивлённо присвистнули у него за спиной. — Я и не ожидал, что ты всё-таки сумеешь его уговорить отдать Котэссу тебе.

— Пришлось постараться, — пожал плечами Сагрон. — А ты что, уже утвердил список магистров?

— Да, — кивнул Ролан, подходя поближе. Он потянулся на самый верх, чтобы повесить список, и широкие рукава его рабочего защитного халата — старого, широченного, спадающего с плеч, зато завешанного невероятным количеством волшебства и заклинаний, готовых уберечь преподавателя от проклятий необразованного третьего курса, — сползли вниз, демонстрируя запястья.

Левое было самым обыкновенным, не вызывало никакого удивления, Сагрон лишь подумал, что, может быть, у Ролана руки сильно похудели. Он и прежде не был особым силачом, но сейчас похудел ещё сильнее, превращался постепенно в кого-то вроде Куоки, только немного адекватнее.

Впрочем, Сагрон и сам избавился от всего, что можно было называть претензией на будущий, лет через десять, лишний лес. Всё сошло на нет после стараний в деканате, Литория умела выпить достаточное количество сил. Дэрри и прежде не страдал ни пузом, ни лишним жирком, теперь же знал — у него даже нужного нет, пора было бы наладить собственный рацион. А то Котэссу есть он заставлял, а сам как-то совсем уж регулярно забывал о потребности пропитания.

А вот вторая, правая рука Ролана вызвала у мужчины интерес. На фоне доски — коричневой, потёртой, забитой светлыми бумагами, приколотыми тоненькими булавочками и кнопками, — это было особенно видно.

По небольшому участку кожи, вокруг запястья, будто бы браслетом, тянулась тонкая линия чешуи.

Сагрону показалось, что он уже однажды видел нечто подобное, и только спустя несколько минут он наконец-то вспомнил, где именно.

Хвост Жодора.

Сегодня он и прикасался к нему — мягкая линия чешуек. А Элеанор говорила, что мать прокляла отца тем самым проклятием, её собственным, она даже поместила этот случай в свою диссертацию и радовалась, что могла испытать проклятие перед тем, как наконец-то запускать его в производство.

Со стороны профессора Ольи это было справедливой, заслуженной мезьей. И факт измены тоже был на лицо. Да, их с Жодором связывали узы брака и дочь, а он всё ещё не просто заглядывался на молоденьких девочек, а даже продолжал настаивать на том, чтобы они вступали с ним в связь. Сагрон примерно представлял, насколько добровольно это зачастую бывало, и от этого его ненависть к доценту Ольи не становилась меньше, очень даже наоборот.

Та ещё семейка.

Но вот в их с Котэссой случае ничего такого не было. О какой измене шла речь, если она для него была совершенно посторонним человеком? Он даже не знал толком, как она учится, что она делает по жизни, он не преподавал у неё ни дня, а видел до этого и знал имя лишь потому, что девушка оказалась старостой и приносила ему журнал на подпись. А значит, что-то не сходилось.

И реакция. Не было никаких невидимых ожогов — отрос вполне заметный, вполне явственный такой хвост.

Сагрон вздохнул. Нет, хвоста он не хотел, ожогов тоже, но вот чешуя на руке у Ролана его совершенно не радовала.

— Ты тоже проклят? — спросил он. — Ещё с той поры? Это результаты проклятия Котэссы?

— А? — удивлённо обернулся на него Ролан. — А. Да, и вправду... Ко мне приходила одна коллега, решила, что должна очень уж крепко пожать мне руку. Случайно как-то получилось.

— Ведь ты говорил, что на тебе нет проклятия.

— Ну... — мужчина на мгновение отвёл взгляд. — Я ведь не проверял? А теперь вот так вышло. Элеанор говорит, что это явный признак, да и я сам уверен в этом. Ничего страшного, пройдёт. Она говорит, что...

— Пройдёт. Если Котэсса с той же нежностью подержит тебя за руку, что это сделала посторонняя женщина.

Ролан отвернулся и сделал вид, будто бы его очень интересует список студентов, что поступили в этом году. Учитывая то, что список висел вот уж несколько месяцев, Сагрон очень сомневался в том, что его коллега прежде его ни разу не видел.

— Ну, ты ведь сам понимаешь, это особенности проклятия. Мне оно совершенно не мешает, — вздохнул Ролан.

— Тебя завязало на Котэссе? Мне казалось, что на Элеанор.

— На Элеанор, хотя она и не влиwała в него силу.

— Она его произносила.

Ролан вздохнул.

— Обычно заклинание связывает с тем, кто его реально использует. Ты, как доцент, как человек, что защитил кандидатскую диссертацию, должен это прекрасно понимать. Но её проклятие — особенное.

Вот только всё равно что-то упорно не давало покоя. Что-то не складывалось. Мужчине казалось, что он упускал невероятно важную деталь, просто сам ещё не мог до конца понять, какую именно.

Он присмотрелся к своему коллеге, но решил всё-таки промолчать. Ролан был его другом. Он не утверждал прежде, что его завязало на Элеанор, но был уверен в том, что Котэсса не имеет никакого отношения... Или он такого не говорил? Это говорила Элеанор. Да. Именно.

— И почему Элеанор тогда тебе не поможет?

— Ну, ты ведь знаешь, семейное упрямство. Она уверена в том, что я сам виноват в последствиях, вот теперь и страдаю.

— Как на неё это похоже... А между вами ничего не было?

Ролан уверенно кивнул — но всё равно в его поведении было что-то не то. Сагрон покосился ещё раз на его чешуйчатое запястье, но после пожал плечами.

— Ладно. Не буду задавать некорректные вопросы, — промолвил он. — Всё равно я на это, фактически, никакого права не имею, только смущаю тебя, вот и всё. Не стоит этого делать. Но постарайся никаких лишних коллег к себе не допускать. А то только год собьют, вот и всё.

— Я старался, — улыбнулся искренне Ролан. — Но эта особь сама пришла, думала, что сможет от меня вытребовать что-то по диссертации Ольи, — он не уточнил, о ком из семейства нынче шла речь. — Но вот, как видишь, не вышло, только метку свою, пантера, оставила. Поцарапала, кажется, а то за просто подержаться за руки не было бы никакой чешуи. Но это не имеет больше значения. Забыли.

— Забыли, — эхом откликнулся Сагрон, решив больше не влезать в чужие дела. В конце концов, ему сначала следовало разобраться с Котэссой. — Но я очень надеюсь, что ты не пойдёшь к Куоки менять списки бакалавров.

— А? Не-е-ет! — мотнул головой Лантон. — Не переживай. Всё в порядке, правда? И мы всё ещё друзья.

— Котэсса — не просто девушка, что меня проклала.

— Я понимаю, — согласился Ролан. — Я тебя прекрасно понимаю, — и как-то совсем уж загадочно улыбнулся.

Глава 13

Котэсса никогда не думала, что работа старосты может ей показаться до такой степени лёгкой. Прежде, заполняя бесконечные документы, подписывая журнал, по сотне раз наводя один и тот же список, давно уже вызубренный наизусть, она полагала, что это сложно. По крайней мере, от мучительной работы болела рука, в голове рефреном повторялись привычные, но тоже невообразимо надоедливые фразы, а ещё — она уже набила руку на характеристиках, которые сама царапала каждому из своих относительно их посещения, обучения, оценок, уровня магии — в общем, всё, что требуют. Делалось это так же регулярно, как дозаполнялись индивидуальные планы в деканате, поэтому к концу года она полагала, что уже едва-едва доедет домой и обрадуется любой работе, что подsunут родители.

Но сейчас всё изменилось.

С той поры, как родителей она уверенным жестом вычеркнула из списка ежемесячных трат, денег вдруг стало больше, чем она могла потратить. Оплатив квитанцию по общежитию, она обнаружила, что это было не за месяц, а за целый год, до следующего лета. Рассчитавшись в студенческой столовой, она поняла, что могла заказать в три раза больше, чем съела бы за день в целом, но всё равно осталась бы в плюсе. Сходив погулять с группой, собравшейся в последние недели лета наконец-то в кучу, она вдруг поймала себя на мысли, что это не разорило её окончательно, а самое главное, можно приобрести себе даже пристойную одежду, но при этом не умирать с голода и от ужаса, что вот-вот её бюджету придёт окончательный и бесповоротный конец.

Котэсса чувствовала себя до глупости счастливой.

Прежде её мучила совесть. Сейчас — излечив одной только настоячкой отца от алкоголя, — она подумала, что никогда ещё за всю свою жизнь, за все двадцать с лишком лет не была до такой степени свободной и счастливой. И единственное, что мешало этой свободе, но в тот же миг было её самым настоящим катализатором — это Сагрон. Сагрон, что никак не стремился покидать её мысли, постоянно появлялся перед глазами, в живом или эфемерном виде, Сагрон, которого она терпеть не могла, ненавидела за лживость и заносчивость, за то, что он так старательно целое лето её обманывал, Сагрон, который не шёл у неё из головы и снился по ночам, причём иногда, казалось, проклятие уже явно было позади. По крайней мере, у Котэссы возникало подобное ощущение.

Разумеется, она никому о проклятии не сказала. Маме в письме с вопросами о том, как она себя чувствует, отписала, что совесть её не мучает, а значит, денег можно не ждать. Отцу — и он вознамерился черкнуть коротенькую записку, — что самогонка больше никогда не покажется ему вкусной. А значит, старая жизнь потеряна, можно прощаться со всем, к чему он так привык, и приступать к новой, не менее увлекательной. Потом, на общее письмо, написала, чтобы ей отправили все её вещи, что она оставила дома — этого было достаточно мало, чтобы поместиться в её части шкафа в общежитии.

Соседки тоже не вызывали такого поразительного доверия. Это были её однокурсницы, причём одна из них, кажется, не думала ни о чём, кроме того же Сагрона. Её Котэсса понять не могла. Нет, не то чтобы её собственные мысли не поворачивали в ту сторону — но всё же, у неё с Дэрри была одна на двоих проблема, это случайное, ставшее уже привычным проклятие, которое и возникло то совершенно не по её или его вине. У этой же девушки, по крайней мере, по её мнению, была ну абсолютно иная проблема — она полагала, что с Сагроном у неё самая настоящая потусторонняя связь. О том, что значило это самое глубокомысленное слово, девушка даже не подозревала, да и, как показалось Котэссе, знать не хотела — просто использовала, когда было не лень, да и всё тут. Она не желала подозревать о том, что на самом деле у мужчины она была не первой, не единственной, да вообще никакой. Сагрон, насколько знала Котэсса, подобными девушками не увлекался, а конкретно с этой представительницей женского пола даже толком не был знаком.

Вторая, поумнее, постоянно вздыхала по профессору Ролану. Нет, он не казался ей идеалом красоты, она смотрела на него вполне объективно, отмечала с уверенностью, что он немного художав, в последнее время совсем уже отощал, а самое главное, абсолютно не желает социализироваться. Но это не мешало ей восторгаться его умом. Котэсса полагала, что в этой-то влюблённости ничего серьёзного и пагубного для девушки не было; стремясь понравиться Лантону, она то и дело старалась учиться всё лучше и лучше, мечтала защитить бакалаврскую на пять и совершенно не расстроилась, когда узнала о своём научном руководителе — о том, что ею займётся сам заведующий кафедрой.

На самом деле, Котэсса тоже должна была к нему попасть. Она с облегчением выдохнула, когда после появления этой отвратительной Энниз увидела в списке на доске объявлений свою фамилию в колонке профессора Куоки. Ей казалось, что пусть это и не оптимальный вариант, но, по крайней мере, никто не будет намекать ей на удачное разрешение дела с проклятием, чтобы после него успешно воссоединиться с какой-нибудь другой женщиной.

Для себя Котэсса уже давно решила — нет, не сдастся. Пусть он хоть воет, хоть бьётся головой о стену, хоть что хочет, то и делает, только больше не показывается ей на глаза в другое время, кроме, разумеется, занятий, где от доцента Сагрона было не сбежать.

Так что сегодня на занятии она упорно делала вид, будто бы не заметила его пристальный взгляд, остановившийся именно на ней. Она старательно конспектировала лекцию, не вспоминая ту молчаливую, тихую вспышку собственной ревности, не поднимала на него глаз и всё делала вид, будто бы очень внимательно слушает и понимает всё до последней строчки.

В конце концов, она и понимала — только всё же смутно. Почему-то жажда сопротивления, зародившаяся где-то в глубине души, нынче колотилась с такой силой и такой скоростью, что Котэсса просто задыхалась от её мощи. Ей хотелось бросить в лицо Сагроню обвинения во лжи, но она понимала — продержалась вдали от него неделю, сможет продержаться и ещё столько же. А потом и до двадцатки недалеко, а там уж одна за другой, и зима наступит, за зимою весна, а после весны его проклятье просто падет, и они будут свободными друг от друга.

Девушка вздохнула. Чуть отросшие волосы самым наглым образом падали на глаза. Прежде её подстригала Кэтрин — а её мать научила приводить причёску в порядок одним только щелчком пальцев, прекрасным волшебством, которое самой Котэссе никогда не поддавалось. А вот сейчас, когда Хэмум отчаянно злилась на тётку Арко, а значит, и на неё саму, спрашивать о том заклятии было нечего — и девушка терпела свои отросшие волосы и подумывала навестить парикмахерскую. Теперь-то у неё на это деньги были, так зачем экономить на собственном внешнем виде?

Можно было отправить родителям, да. Ойтко действительно не солгала, заплатила за лето, вылетевшее из жизни Котэссы. Но сказать, что она об этом жалела — нет. Давно пора было изобличить родителей во лжи, понять, что они действительно обманывали её, причём достаточно долго. Давно пора было вообще понять, что в этом мире добра нет и не будет. И Сагрон был тому очень ярким, таким себе даже солнечным в негативном понимании этого слова примером.

Так мысленно полагала девушка.

— Итак, — завершил он свой рассказ, кажется, совершенно не замечая пристальных женских взглядов, — какие выводы вы сделали из сегодняшних лекций? Хм... Вот вы, прошу, — он указал на соседку Котэссы.

Та влюблённо вздохнула. Кажется, весь урок она только и болтала о том, как прекрасно белые волосы контрастировали с чёрной рубашкой и чёрными же брюками — теперь смотрела на мужчину так, словно он задал ей вопрос, не имеющий никакого отношения к учёбе.

Что-то вроде "вы выйдете за меня замуж?"

— Да, — выдохнула она.

— Что — да? — удивлённо переспросил Сагрон.

— Да, — повторила девушка, влюблённо глядя на него, но мужчина только махнул рукой и указал на следующего студента.

Парень вскочил и поспешно оттарабанил какие-то краткие выводы по уроку. Котэсса содрогнулась. Он сказал это так автоматически и вызубренно, что могло возникнуть впечатление, будто бы парень и вправду заучил слова заранее, а теперь просто удачно ввернул их во время урока. Но, судя по довольному выражению лица Сагрона, сказал он всё правильно.

— Замечательно, — кивнул он. — Записываем домашнее — оно на доске, — Котэсса бросила взгляд на ровные буквы и поспешно переписала в свою тетрадь, — и свободы. Хм... Арко, оставайтесь.

Студенты — кто охотно, кто не очень, — потянулись к выходу. Котэсса, прижав журнал к груди, посмотрела раздражённо на Сагрона.

— У вас ещё есть сегодня какие-то занятия? — окликнул преподаватель одного из проходивших мимо парней. Тот отрицательно мотнул головой и заспешил к выходу, словно опасался, будто бы именно его и вознамерился задержать Сагрон. Но Тэсса прекрасно знала — нет, этот запрос был по её душу.

Она раскрыла журнал, поставила едва заметную точку там, где следовало подписаться преподавателю, и положила его на столе перед Сагроном.

— Подпишитесь, пожалуйста, — стараясь казаться спокойной, промолвила она. — Вот здесь, — девушка протянула ему ручку, и доцент потянулся за ней — только почему-то левой рукой, хотя писал всегда правой.

Котэсса не успела разжать даже пальцы или одёрнуть ладонь, как Сагрон поймал её за запястье.

— Я попросил остаться, а не бросить мне этот бедный документ на стол и, получив желаемое, спешно скрыться из виду, — протянул он. — У меня есть одна очень важная новость.

— И какая же? Вас опять расцеловали, несомненно, против вашей воли? — Котэсса выдернула руку из его пальцев и сердито вздохнула. — Я спешу, пожалуйста, поставьте подпись, и я пойду.

— Тэсси... — он оглянулся на дверь и щёлкнул пальцами. Котэсса с каким-то раздражением отметила, что в унисон щёлкнуло и в замочной скважине, но, впрочем, не испугалась. Во-первых, Сагрон не казался ей страшным, а во-вторых, проклятие всё ещё оказывало определённые защитные действия.

— Котэсса, будьте добры, — поправила она не менее сердито.

Нельзя было демонстрировать собственное недовольство. И свою заинтересованность в том, что у него, оказывается, есть невеста. Кто бы мог подумать! Это надо было бегать за нею целое лето исключительно, обманывать, водить за нос...

— Хорошо, *Котэсса*, — поправился он, улыбаясь, как пригревшийся на солнце самодовольный кот. — Дело в том, что профессор Куоки решил взять к себе на дипломную одного студента, безумно заинтересовавшегося инновационными часами. Молодой человек покорила нашего заведующего, и тот просто не мог отказать ему в великой чести писать бакалаврскую на тему влияния на часы химических элементов и концентрации боевых заклинаний в воздухе. Увы, но его взяли на твоё место.

Котэсса застыла. Нет, она не была сумасшедшей, мечтающей оказаться в руках Толина Куоки — никто не хотел с ним работать, и все до единого объясняли это нежелание, между прочим, исключительно инновационными часами, а отнюдь не странным поведением господина профессора. Но быть просто так вышвырнутой из списка ради...

— И кого он взял на моё место? — уточнила она, подзревая подвох в словах Сагрона.

Тот не преминул улыбнуться ещё шире, посмотреть на неё так, словно пытался уточнить, не станет ли она выть от ужаса, услышав сию новость, а после протянул:

— Помните ли вы, студентка Арко, того замечательного официанта в кафе, с которым мы познакомились летом? Ваш однокурсник со странным именем Окор. Вы помните этого гениального молодого человека?

Котэсса почувствовала, как руки сами по себе сжимаются в кулаки, и посмотрела на Сагрона так, словно мечтала превратить его в пепел. Доцент Дэрри, кажется, вполне соперничал этому желанию, даже поступил на шаг ближе, добровольно подставляясь под любые проклятия, которые только она могла придумать или вспомнить в этот знаменательный момент.

— И, позвольте угадать: именно вы, господин доцент, добровольно согласились взять меня к себе в группу и работать со мною до самого окончания бакалаврата.

— Я согласен и на магистратуру, студентка Арко, — Сагрон наконец-то поставил свою подпись в журнале и захлопнул его, а после, совершенно не вспоминая о правилах приличия, уселся прямо на преподавательский стол и хитро посмотрел на неё.

— Вы планируете настолько продлевать своё проклятие?

Котэсса пожалела, что не прикусила вовремя язык; Сагрон на мгновение помрачнел, а когда опять улыбнулся, то получилось как-то вымученно и очень устало. Тем не менее, она искренне мечтала уйти; выхватив журнал из его рук и затоптав огонёк совести в груди, девушка рванулась к выходу и дёрнула дверь, но та оставалась закрытой. Она пробормотала заклинание, обязанное разблокировать выход, но оно, так прекрасно трудившееся в общезнании, совершенно не срабатывало в корпусе самого НУМа.

Сагрон мог быть сколько угодно ей неприятен, но колдовал он профессионально.

— Я полагаю, что не всякое общение обязано заканчиваться в момент снятия проклятия, — почти ласково промолвил он у неё за спиной. — Прекрати выламывать дверь, Тэсси. Нам ещё предстоит обсудить тему твоей будущей бакалаврской.

— Ваша невеста ревновать не будет? — не отворачиваясь от двери, поинтересовалась Котэсса. — Мне кажется, она была настроена достаточно радикально. Её не порадовало бы любое обращение, за исключением формального "студентка Арко".

— Мне льстит твоя ревность.

— А мне претит ваша лживость, господин доцент. Откройте, пожалуйста, дверь, — она оглянулась, рассчитывая увидеть Сагрона у стола, но он оказался на каком-то совершенно жалком расстоянии, и отступать ей было совершенно некуда. — Вы не имеете права прикасаться ко мне без моего разрешения. И вы нарушаете моё личное пространство, — она сжала зубы. — Дверь, будьте добры.

Сагрон вздохнул. Он не отступил, хотя и не подходил ближе, и на дверь даже не посмотрел. Котэсса обернулась и дёрнула её ещё раз, но скорее для проформы, отлично понимая, что на самом деле ничего не изменилось. Она б услышала щелчок, если б вдруг он соизволил выпустить её из этой кабинетной клетки.

— Я предполагаю, что нам следует назначить первую встречу относительно бакалаврской. Приходите, к примеру, завтра... — под пристальным взглядом Котэссы он, кажется, чувствовал себя не слишком комфортно, — в сто шестнадцатую. После занятий. Я буду вас ждать.

— А если я зайду, а вас там не будет? — Котэсса тоже не собиралась отступать. — Или если я попрошу профессора Куоки сменить мне научного руководителя?

— В таком случае, он вынужден будет вам отказать. А что до того, что меня не будет, то у меня завтра свободный день, и я буду сидеть в сто шестнадцатой в ожидании вас с самого раннего утра. Или вы собираетесь прийти ночью? В таком случае, вы знаете, где меня искать, студентка Арко.

— У старшего преподавателя Энниз, полагаю, но я не уверена насчёт того, где она живёт.

Сагрон тихо зарычал, как зверь, доведённый до бешенства, и, подавшись вперёд, схватил её за плечи.

Котэсса застыла, глядя в его неожиданно тёмные, не сочетающиеся с выбеленными волосами глаза, моргнула, словно пыталась разорвать контакт, и не сумела проронить больше ни единого слова.

— Забудь это проклятое имя, — прошептал Сагрон, склоняясь к ней. — И я больше не желаю слышать о своей коллеге, просто коллеге, Котэсса, больше ни единого слова в подобном контексте. Возможно, старший преподаватель Фору просто ставила на вас эксперимент, а вы и не заметили этого?

Котэсса была уверена, что ни о каком эксперименте не шло и речи, но ответить почему-то не решилась.

— Завтра, — напомнил Сагрон. — После занятий. И, пожалуйста, не надо увиливать.

Дверь наконец-то щёлкнула, и он вышел, оставив Котэссу в полнейшем диссонансе с самой собой.

Глава 14

Котэсса застыла перед дверью сто шестнадцатой аудитории с таким выражением лица, словно её привели сюда на сворке, силком, и приковали к дверной ручке, не позволяя куда-нибудь уйти, но и зайти не давая. По крайней мере, потерянный взгляд выдавал совершенную беспомощность в сложившейся ситуации, и она с некоторой неуверенностью то заносила руку, то опять её опускала, не решаясь постучать и войти. Если б Сагрон не помнил экзамен, то он решил бы, что девушка боялась преподавателей, что могли скрываться внутри аудитории.

Но на сей раз он не сомневался: Котэсса боролась с отчаянным желанием свернуть куда-нибудь и убежать от него подальше, да хоть к профессору Куоки, лишь бы только не к нему.

— Решайся, Тэсси, — Сагрон упёрся плечом в стену и застыл по правую сторону от неё, с усмешкой наблюдая за порывами. — Внутри нет никого. Ты так напряжённо прошла мимо, что даже меня не заметила.

Она подскочила на месте и гневно сверкнула глазами.

— Вы могли бы не говорить это своё "Тэсси" на весь коридор? — отступив от двери, сердито поинтересовалась она.

— Не "вы", а "ты", — нарочито громко поправил Сагрон, почти с удовольствием заметив, как заинтересованно оглянулась какая-то студентка, проходившая как раз мимо. — Но, прошу, — он распахнул перед Котэссой дверь и склонился в шутливом полупоклоне. — Знания жаждут познакомиться с тобой лично. К тому же, я уже почти выбрал тему.

Она ничего не сказала, решив воздержаться от комментариев, только в очередной раз раздражённо сверкнула глазами и тяжело вздохнула. Сагрон отлип от стены и вошёл следом, прикрыв за собой дверь, правда, не на ключ. В конце концов, любые сплетни придутся Котэссе не по вкусу, и она с огромным удовольствием проклянёт его ещё раз или пошлёт куда подальше, если её однокурсники, а то и его сотрудницы начнут слишком много болтать.

— Присаживайся, — Сагрон отодвинул стул, и Котэсса словно нарочно выбрала другую парту, хотя секунду назад стояла возле этой.

Дэрри закатил глаза, но тоже не проронил ни слова в качестве замечания и просто устроился на соседнем стуле. Котэсса дёрнулась, но опять убежать было бы уже неприлично, потому осталась сидеть на месте, лишь раздражённо косила на него взглядом, пока Сагрон открывал папку и вытаскивал оттуда какой-то лист с перечнем тематик. Красным были вычеркнуты уже занятые, очевидно, другими его бакалаврами, и мужчина не без удовольствия отметил, как нахмурилась Арко при виде этого перечня и выделенных фамилий.

Это напоминало обострённую форму ревности на почве науки.

— Я предлагаю тебе вот эту, — Сагрон специально подчеркнул, игнорируя взгляд Котэссы, строчку, которую она явно мечтала прожечь взглядом насквозь.

— "Особенности косвенно наложенных любовных проклятий и магическая направленность на источник энергии", — прочитала Котэсса и, не подав вид, что была крайне возмущена, перешла к следующей строке. — "Влияние вкладываемого источником энергии смысла на определение субъекта проклятия", "Изменение проклятийного влияния в зависимости от концентрации раздражения и крепости связей в случае специфических, узконаправленных заклинаний"... Да вы издеваетесь!

Сагрон посмотрел на неё так, что Котэсса едва ли не поперхнулась.

— Я хочу заниматься боевой магией, а не особенностями проклятий, — уверенно ответила она. — Да лучше бы я делала инновационные часы! — она взглянула на дверь и втянула голову в плечи, словно опасалась, что там мог оказаться профессор Куоки, что тут же вбежит в аудиторию и обязательно вцепится в неё мёртвой хваткой.

И вряд ли это будет лучше, чем работать с Сагроном.

— Есть последняя тема, — Дэрри кивнул на строчку, записанную мелким почерком в самом-самом конце листка. — "Дозирование боевой магии и обращение чистой энергии в перераспределённый смысловой поток". Но эта тема сопряжена с условием.

— С каким? — Котэсса опять едва заметно покраснела, и Дэрри не сдерживал уже довольную, весёлую улыбку.

Её опасения, пожалуй, были бы потрясающе забавны, если б не проклятие. Да и вообще, если б не

проклятие...

— Я не хочу слышать ни одного "вы".

— Я не буду обращаться к преподавателю на "ты".

— Преподаватель я для тебя только на уроке или в присутствии моих или твоих коллег. Во всё же остальное время я — ну, максимум научный руководитель, — он подался вперёд и поймал её за руку. — И это не настолько страшное условие за столь прекрасную научную тему. Не сомневаюсь, что ты хотела бы ею заниматься.

— Совсем нет.

— В таком случае, вернёмся к любовным проклятиям? Могу даже предложить себя в качестве экспериментального образца. Но Элеанор обидится, если ты украдёшь её научную новизну.

— Доцент Дэрри! — она вспыхнула, как сухая трава от огня, и отпрянула, но руку, между прочим, так и не убрала. — У вас...

— Нет совести? — уточнил Сагрон. — Так мне об этом прекрасно известно.

— Нет, — Котэсса вздохнула. — Хотя совести тоже нет. У вас плечо грязное. У нас два часа назад побелили стены.

Сагрон скосил взгляд на рубашку, как обычно, чёрную — только на сей раз с занимательным белым пятном справа. Котэсса, кажется, успокоившись и уже не кипя от гнева, как это было всего несколько минут назад, протянула руку, хоть и с опаской, но достаточно уверенно, и провела ладонью по его плечу, стряхивая белое. Сагрон не сомневался, что можно было воспользоваться очищающим заклинанием, но, впрочем, упоминать об этом не стал. Котэсса редко вела себя, как обыкновенная девушка, а не ведьма, и эти мгновения следовало ловить и использовать по максимуму.

— Так что с последней темой? — почти ласково уточнил Сагрон, пока Арко увлечённо отряхивала его плечо. — Может быть, это будет не таким уж страшным условием? Ведь великолепная площадка для развития. Неужели тебе не хочется этим заниматься?

— Хочется, — буркнула Котэсса. — Но твоя невеста будет против. Она, помнится мне, довольно радикально настроенная женщина.

— Даже не сомневаюсь в этом. Но, будь она моей невестой, не кажется ли тебе, что я реагировал бы на проклятие немного иначе?

Судя по выражению лица, это показалось Котэссе только спустя долгие часы раздумий. Она больше не отворачивалась, так и застыла, и Сагрон коснулся руки, всё ещё покоившейся у него на плече.

— Значит, мир? — уточнил он.

— Эту рубашку придётся выбросить.

— Котэсса?

Она тяжело вздохнула и опустила голову в согласном кивке.

— Это исключительно ради тематики, — выдохнула она. — И мне пора.

Сагрон склонил голову набок, и Котэсса улыбнулась, кажется, вспомнив, что он так её и не отпустил. И не сдвинулась, между прочим, с места, так что Дэрри сильно сомневался относительно её спешки.

— И, я надеюсь, ты не станешь верить каждой ерунде, которую рассказывают о твоём научном руководителе?

— Не стану, если научный руководитель не будет подталкивать меня к соответствующим выводам своими действиями и их последствиями. Я не собираюсь помогать в избавлении от последствий на протяжении невероятного количества времени.

Сагрон рассмеялся, и Котэсса тоже явно расслабилась. Но, тем не менее, стоило ему только немного придвинуться ближе, девушка тут же отпрянула: его заверения относительно Энниз, кажется, прошли даром. Она поднялась, взяла лист с темами и, кажется, собиралась переписать собственную, но передумала и вернула ему список.

— Я запомнила, — промолвила она. — Я могу быть свободна?

— Да, — вздохнул Сагрон. — Через неделю или две я буду готов дать тебе список литературы.

— Хорошо, тогда я и зайду, — согласилась она, и его "можно и пораньше", кажется, было услышано исключительно закрытой дверью. Мужчина только разочарованно вздохнул; Котэсса могла притвориться, что всё в полном порядке, но всё равно была напряжена.

И обижена.

А ещё, к слову, совершенно не верила его словам относительно Энниз и была готова обвинить во всех грехах сию же секунду, стоило только Сагрону допустить маленький промах. И если у него совершенно случайно появится ещё один побочный эффект проклятия, то она точно не поверит в безвинность его происхождения.

Только зачем Энниз говорила с Котэссой об этом? Сагрон не верил в заявление о её искреннем интересе и даже влюблённости; Фору всегда казалась ему не в меру хитрой женщиной, когда дело доходило до её проблем и потребностей. И дёрнуло же его связаться с нею в тот вечер и не суметь прийти! Неужели проклятие не могло случиться на день раньше? Или хотя бы до того момента, как он вздумал заподозрить Котэссу в списывании и настроить против себя настолько, насколько это вообще возможно.

Дверь опять хлопнула, и Сагрон почти с надеждой вскинул голову — ему показалось, что вернулась Котэсса. Но нет. На пороге, помахивая своими двумя хвостами, стоял Жодор.

— Вы промахнулись кафедрой, доцент Ольи? — полюбопытствовал Сагрон, поднимаясь со своего места и бормоча очищающее заклинание. Рубашка на плече зашипела и вернула свойственный ей чёрный цвет. — Или, может быть, у вас какое-нибудь дело к вашей дочери? Она предпочитает находиться в сто восемнадцатой, можете отправляться туда. Или в сто девятнадцатой, если зашла к своему научному руководителю.

— Я пришёл к вам, — без особенной гордости заявил Жодор. — И я хочу, чтобы вы мне помогли.

— Я тоже много чего хочу, — пожал плечами Сагрон. — И наши желания, возможно, не совпадают. Помиритесь с женой, пусть она минимизирует вред, который вам нанесло её проклятие.

— Она меня прогнала.

— Обратитесь к своей дочери, — хмыкнул Дэрри. — У неё вроде бы меньше поводов вас прогонять. Она — автор этого проклятия...

— Вы тоже прокляты, — ответил Жодор. — Но у вас нет хвоста! Двух хвостов! И этого! — он раскрыл ладонь, и Сагрон едва сдержал смех — сквозь кожу проросла напоминающая кошачью шерсть. — Я совершенно уверен в том, что вы нашли способ избавиться от него как-нибудь...

— Способ есть, но вам он не подойдёт. К тому же, вы ошибаетесь, Жодор, проклятие всё ещё на мне. Но оно, вероятно, милостивее, учитывая, что за дело его получили вы, а не я, — Сагрон поднялся и подошёл к доске. Он взял кусочек мела и провернул его между пальцами, словно пытался определить структуру, а после подбросил в воздух — и мел превратился в иллюзию.

Жодор, наблюдая за лучом, сорвавшимся с рук Котэссы и ударившим Сагрона в грудь, деловито почесал затылок той самой пушистой рукой.

— Вы видите, кто меня совершенно случайно проклял? — с притворной мягкостью в голосе уточнил Сагрон... — Несомненно, вы заметили, что это было по вине вашей любимой дочери. Да ещё и в исполнении бедной девушки, к которой вы, Жодор, не сомневаюсь, приставали, за что и схлопотали своё наказание. Итак, вы хотели навредить моему единственному шансу избавиться от проклятия, а я обязан сейчас броситься вам на помощь?

Жодор сглотнул. Он попытался устроиться на стуле, но хвосты вели себя, как два совершенно автономных существа, к слову, спорящих между собою. Сагрон с удовольствием наблюдал, как медленно утончается и обвязывается вокруг стула первый хвост — очевидно, проклятие сопротивлялось всем попыткам избавиться от него.

— К тому же, насколько мне известно, этот отросток изначально был один. Проклятие прогрессирует? Или, может быть, вы в который раз нарушили ограничивающее условие? С кем же? Очень интересно знать, какая именно несчастная женщина соблазнилась на ваш гадский хвост.

Жодор вскочил, и стул с грохотом дёрнулся за ним. Хвост гордо поднял предмет мебели, помахивая им, словно флагом, и Сагрон уже не смог сдержать даже не смешок, а громкий хохот.

— Вы должны мне помочь! Это невыносимо! — возопил Ольи. — Это издевательство над мужчиной! Она должна терпеть всё тот же дискомфорт! Я читал эту диссертацию, будь она неладна, и

проклятие — двустороннее!

— Это означает лишь одно: ваша супруга вам верна, — Сагрон указал Жодору на дверной проём.

Тот, гордо вскинув голову, прошествовал к выходу — но хвост в последнее мгновение вывернул стул так, что он встал поперёк и не позволял выйти. Жодор почти что бежал на месте; его второй хвост отрастил себе зубы и, кажется, собирался укусить собственного владельца.

Ольи взвыл, но Сагрон без капли жалости лишь ударил легонько стул, превращая его в пепел — и несчастный доцент пролетел аж до следующей стены, впечатавшись в неё носом.

Где-то на коридоре громко загоготали студенты, а Дэрри, потеряв бдительность, не успел закрыть дверь. Энниз — ждала она его, что ли, — проскользнула внутрь, как самая настоящая змея, и уселась на краешек стола, закинув ногу на ногу. Длинный разрез её платья обнажал ноги, кажется, сверх меры приличия, и женщина кокетливо улыбнулась ему, покачивая соскальзывающей туфлей, такой же алой, как и её наряд или волосы.

— Ваш заведующий не накладывает ограничений на внешний вид преподавателя? — уточнил Сагрон. — Старший преподаватель Фору, пожалуйста, покиньте аудиторию.

— Господин доцент, — она протянула руку, но Дэрри опасливо отступил к стене. Если он опять придёт к Котэссе с должной дозой ожогов, то она пошлёт его куда подальше, и будет права. Даже чисто физически повторять опыт той недели среди лета ему не хотелось; боль постоянно нарастала, пока не превратилась если не в невыносимую, то по меньшей мере достаточно сильную, чтобы не давать о ней забыть.

— Энниз, — он заставил себя говорить даже без издёвки, — я серьёзно. Тебе лучше уйти, а самое главное, не возвращаться. Нас совершенно ничего не связывает, так что я не вижу повода подходить к моей студентке и забивать её голову лишними ведомостями. Ты — не моя невеста, и вряд ли когда-нибудь ею будешь.

— Я пришла за другим, — пожала плечами Энниз. — Я хотела опять предложить свою помощь. Ты столь нагло отказываешься от неё практически каждый раз, но, может быть, в этом случае условия будут более любопытны?

— Это проклятие не снимается. Помоги лучше Жодору, он будет в восторге от всего, что ты сможешь ему предложить.

— Жодор — это неинтересно, — Энниз вздохнула и вновь потянулась к нему, но Сагрон отступил ещё дальше, чувствуя себя по меньшей мере трусом. Надо было выставить её за дверь немедленно, но, к сожалению, любые прикосновения могли закончиться плачевно.

Дэрри понятия не имел, почему именно Фору казалась ему такой опасной, эдаким источником распространения проклятия, но отчего-то желание свести все риски к минимуму значительно превышало экспериментаторские порывы, сегодня совершенно не пылающие у него в душе.

— Какие у тебя есть предложения? — наконец-то спросил он.

— Я уже говорила об артефакте, который совсем-совсем скоро отправят к нам. Остались какие-то несколько недель. Ты мог бы воспользоваться им.

— Это незаконно, — отрезал Сагрон. — И мне нравится то, как работает моё проклятие. Это лучше тюрьмы, Энниз.

— Никто и не узнает. У тебя ведь нет никаких внешних признаков проклятия.

— Об этом артефакте не может идти и речи. Я не собираюсь пробираться сквозь толпу охраны и хвататься за тот бедный кристалл.

— Сагрон, я тебе помогу, — пообещала она. — Это, в конце концов, наш факультет. Я знаю, как сделать всё довольно просто. Решайся. Это наш шанс!

— Он не "наш", — возразил Дэрри. — И никогда "нашим" не станет. Потому твои предложения не составляют для меня интереса. И, более того, я понятия не имею, зачем тебе понадобилось тратить такой величайший артефакт на какую-нибудь ерунду.

Энниз нахмурилась. Она долго смотрела на него, соблазнительно улыбаясь, но, не услышав ни ответа, ни какого-нибудь элементарного возражения, соскользнула со стола — стекла с него, как самая настоящая змея, — и то ли пошла, то ли практически поплыла к двери, всё ещё коварно соблазнительная, просто до невозможности.

Сагрон тоже вышел из аудитории, закрыл её за собою на замок и увидел Жодора, сидевшего под

дверью и поглаживающего обожжённый хвост.

— Если вы хотите поэкспериментировать с научной точки зрения, — вздохнул Сагрон, — то мы можем заняться вашим проклятием. Но я не могу гарантировать результат и скорость действия.

— Спасибо, — доцент Ольи посмотрел на него с такой надеждой, словно Сагрон только что пообещал ему универсальное средство от всех несчастий. — Я буду очень, очень сильно вам благодарен!

— Просто не приставайте к моим студентам, а? Это будет отличнейший компромисс.

Глава 15

На занятиях перья да ручки скрипели не так уверенно, как на экзаменах, и бойкости в том, как студенты записывали диктуемое преподавателем, тоже не наблюдалось.

Но, что самое любопытное, в аудитории сидел студент, которого прежде не видел ни один преподаватель, да и студенты тоже.

Окор Шанук, устроившийся на первой парте, присутствовал тут явно не по собственному желанию. Но, судя по тому, как профессор Куоки ласково похлопывал его по плечу, каждый раз миную, когда ходил по аудитории, несчастный уже узнал всё о собственной страсти к инновационным часам и был готов приняться за изготовление нового образца сию секунду. По крайней мере, проспонсировать это, лишь бы только не пострадать от действий заведующего.

— Котэсса, — Куоки застыл рядом с нею, — надеюсь, вы не слишком обиделись на меня за то, что я взял этого мальчика на ваше место? — он говорил довольно громко, и в аудитории моментально зашумели, удивляясь тому, что Толин вообще захотел перед кем-то извиниться. — Вы не переживайте, Сагрон — талантливый мальчик, и вы с ним напишите отличную бакалаврскую работу. Просто... Я не мог отказать Окору в работе над инновационными часами! В тот миг, когда столько моих учеников отвернулось от меня, не желая трудиться над столь великолепным проектом, он оказался единственным, столь искренне заинтересовавшимся!

Шанук на первой парте, несомненно, услышав каждое произнесённое слово, довольно расправил плечи и вскинул голову. Котэсса сдержала смех; вероятно, студент не подозревал даже, какие именно неприятности ждут на него в последующем.

— Всё в порядке, господин профессор, — она послушно склонила голову, почти расстроившись — ну, или сделав вид, что расстроилась. — Мы с доцентом Дэрри выбрали тематику, над которой будем трудиться.

— Это очень мило, — заулыбался мужчина. — Очень мило! Я надеюсь, у вас всё в порядке с Сагроном? Такой прекрасный студент был, такой прекрасный студент!

Котэсса помрачнела, когда на неё стали оглядываться однокурсницы, и сделала вид, словно произнесённое не относилось к ней никоим образом.

— Всё замечательно, спасибо, — промолвила она.

Куоки тяжело вздохнул.

— Помнится, когда я давал ему тему по инновационным часам, профессор Ольи в самое последнее мгновение выдрала его из моих рук. О, она не церемонилась!.. За талантливыми студентами всегда стоит настоящая очередь, а они, увы, не всегда готовы посвящать университету достаточное количество времени... Ах! — он повернулся к Окору и бодренько подошёл к нему, с интересом заглядывая в тетрадь. Та, несомненно, была пустая, и Котэсса про себя улыбнулась успехам нового подопечного Куоки.

Но заведующий, кажется, проигнорировал всю абсурдность сложившейся ситуации. Он вскинул тетрадь, сжимая её так крепко, словно это было великое достояние, и замахнулся ею на Шанука. Тот лишь втянул голову в плечи, и Котэсса заметила, насколько жалко он стал выглядеть: откровенно петушинный гребень куда-то пропал, а взгляд, при всех его попытках сыграть довольного студента, выдавал затравленного инновационными часами человека.

Профессор Куоки наконец-то принялся читать лекцию. Не то чтобы его рассказ был интересен хоть немножечко, но Котэсса заставила себя сосредоточиться на тетради и записывать диктуемое. Да, не хотелось, но ловить на себе подозрительные взгляды она желала ещё меньше.

— Ты — и Сагрон? — прошипели у неё за спиной, но девушка даже не оглянулась, притворившись, что ничего не слышит. — Арко. Арко!

Она стала писать ещё быстрее. Профессор Куоки неодобрительно кашлянул, прерывая собственную диктовку, и посмотрел на студентов у неё за спиной, кажется, приказывая вести себя тише. Но не прошло и нескольких минут, как девушку кто-то нагло дёрнул за плечо.

Куоки больше не диктовал. Котэсса дотянулась до своего журнала, открыла его и принялась спешно заполнять пустующую колонку, но это не могло обмануть бдительных сокурсниц. Да и профессор Толин, как назло, сам взял перо и подошёл к ней оставить свою пометку в соответствующем поле.

— Знаете, Котэсса, — совершенно заговорщицки промолвил он, — вам следует быть с ним помягче.

— О чём вы, господин профессор? — Котэсса оглянулась. Было бы неплохо, если б её группа уже

вышла, но ведь лекция-то продолжалась.

— Милый мальчик, — почти прошептал профессор Куоки, — сходит с ума. Он влюблён до безумия! Я понимаю, женское сердце равнодушно к мужским страданиям, но разве нельзя быть чуточку благосклоннее? Возможно, ты сама не позволяешь своим чувствам открыться?

Котэсса промолчала. Она надеялась на то, что мужчина сейчас замолчит, но нет, профессор вошёл в раж. Шепот его стал более зычным и, кажется, слышимым как минимум для половины аудитории.

— Я не хотел отдавать тебя, моя дорогая, потому что чувствовал твой потенциал, и на Окора мог променять кого-нибудь другого. Но Сагрон так умолял меня... Мальчишка страдает!

— От чего страдает? — в горле Котэссы пересохло. Выслушивать рассказ профессора Куоки о том, что она обязана избавить Сагрона от проклятия, хотелось в самую последнюю очередь. Она искренне надеялась на то, что их история не станет достоянием всего университета, но это, очевидно, было невозможно.

— От неразделённой любви, дорогая! — шепот был забыт. Профессор воскликнул это так громко, что постороннего внимания было уже не избежать. — О, вы ещё здесь? — он оглянулся на студентов. — Ещё не было звонка? Мои инновационные часы вновь отстают... Идите, идите...

Но идти они не собирались. Кто-то поднялся со своего места и делал вид, что собирает вещи, кто-то откровенно глазел на Котэссу. Игнорировать посторонние пристальные взгляды становилось невыносимо; она и так прекрасно понимала, чем всё это закончится потом.

— Только не рассказывай мальчику, что я говорил тебе об этом, дорогая. Он будет оскорблён до глубины души, — профессор Куоки вздохнул, — потому что я зываю не к женским чувствам, а к женской жалости. Но разве ж это так плохо? Ведь от теплоты и симпатии до любви...

— Спасибо, господин профессор, — выдохнула она и, вскочив со своего места, умчалась. Едва не забыла журнал — прижала его к груди, словно пыталась остановить колотившееся не в меру быстро сердце.

Но, к сожалению, в коридор следом высыпали и её однокурсницы. Парням, естественно, было не до Сагрона, а вот женской половине группы...

— Котэсса? — дёрнула её за руку Эльма, глядя так, словно увидела впервые в жизни. — Мы о тебе чего-нибудь не знаем?

Толпа начинала сгущаться, и заинтересованные женские взгляды, что, как всегда, не к добру, с каждой секундой становились всё более пристальными. По правде говоря, сейчас Котэсса мечтала провалиться под землю, только бы не видеть их всех и не слышать этих дурацких вопросов.

— Это мы что-то не знаем о профессоре Куоки, — уверенно оборвала сокурсницу девушка. — Потому что его слова смутно соотносятся со словами адекватного человека.

Кажется, ей не поверили. Хитрый прищуренный взгляд стал ещё более внимательным, и Котэсса с трудом подавила отчаянное желание сбежать. Она не сомневалась, что Эльма — судя по тому, что решилась спросить, — была совершенно не заинтересована в свободе Сагрона. Те же, кто задавал вопросы не исключительно из женского любопытства, сначала предпочитал молчать.

Да и Арко была готова поклясться, что где-то за спиной прозвучало какое-то нехитрое проклятие; оно разбилось о возведённый на скорую руку щит, конечно же, но особых надежд сие не внушало. Котэсса давно уже перестала быть наивной относительно женской ревности; мало ей косящейся гневно преподавательницы с соседней кафедры, так ещё и из-за чужих экспериментов стать жертвой влюблённых в Сагрона одногруппниц!

— Мы опоздаем, — тоном, не терпящим возражений, заявила она. — И, между прочим, из-за вас. А вы знаете, как доцент Лантон негативно относится к неотчетливым группам.

Доцент Лантон таким группам не мог сказать и слова, но Котэсса не позволила окружившим её девушкам об этом вспомнить. Она с такой скоростью рванулась вперёд, громко стуча каблуками по каменному полу НУМа, что остальные были вынуждены только поспевать, стараясь не отстать ни на шаг.

Этот способ был давно испытан Котэссой; как бы группа ни знала университет, как бы ни изучила его коридоры, они всё равно мчались за старостой, словно привязанные каким-то древним магическим заклинанием, и думали головой только в том случае, когда она сбивалась с определённого пути, да и то не всегда. Если же не демонстрировать им сомнений и бежать вперёд, то дух спешки просыпался буквально в каждом, и они бросались вперёд чуть ли не наперегонки.

Котэссе это даже чем-то нравилось; она предпочитала таким образом уходить от каждого неудобного разговора. Обычно, добегая к цели, её преследовали уже забывали о собственных вопросах. Но сегодня что-то явно пошло не так; когда она влетела в аудиторию ещё за пять минут до конца перемены, пристальные заинтересованные взгляды сокурсниц никуда не делись, напротив, стали ещё более внимательными.

Благо, доцент Ролан явился вовремя — а он был знатным любителем и самому опаздывать на пары, хотя обычно не пускал никого в аудиторию после собственного прихода. Это всё сочеталось с абсолютной мягкостью во всех остальных вопросах, за исключением сдачи лабораторных работ, и студенты давно уже привыкли к тому, что их преподаватель — совершенно парадоксальная личность.

Четвёртый — нынче уже пятый, — курс он боялся и вовсе. Поговаривали, что именно он у них должен был читать какую-то сверхсложную дисциплину, да и в этом году обязан был приступить к преподаванию, но всегда менялся с кем-нибудь другим. Отвратительная группа — только так выражался о своих нежелательных подопечных Лантон, предпочитая всех, кого угодно, лишь бы только не надоедливых студентов с избранного в его глазах потока.

Но на этот раз он ступал неожиданно прямо. Котэсса даже удивилась тому, с какими усилиями он переставлял ноги и как с трудом кивнул, словно был сконцентрирован лишь на том, чтобы не свалиться с ног. Или на том, чтобы не выдать собственный дискомфорт как-нибудь иначе.

Когда он взялся за чтение лекции, то, кажется, расслабился. По крайней мере, голос с напряжённого стал вполне нормальным, взгляд — более рассеянным, как и прежде, и студенты тоже успокоились, узрев уже привычного преподавателя.

Но Котэссе всё равно не давал покоя его внешний вид. Что-то с Роланом случилось, вот только что именно?

Он словно не желал, чтобы эта лекция заканчивалась. За, доцент был человеком увлекающимся, но обычно очень сильно уважал перемены, потому отпускал группу ровно со звонком, а то и на несколько минут раньше. На сей раз он просидел почти аж до звонка на следующий урок, потом вышел на мгновение, вернулся, начал вторую лекцию раньше, чем следовало — пара без перемены, затянувшаяся до невозможности, напоминала большинству сущий ад.

Да и у Котэссы, признаться, болела рука. Привычно интересный урок превратился в сплошную диктовку, словно Ролана подменили, и он крутился на своём месте, то и дело убыстряя и без того не особенно медленный поток слов.

— Таким образом, содержание энергии в предмете равносоотносимо с концентрацией мага. Из третьего закона магического равновесия так же следует, что энергия, почерпнутая из постороннего источника, приводит к менее значительному откату при её трате, чем энергия, используемая лично, но при этом редко годится для серьёзных личностных заклинаний. Любая магия направленности человек-человек обязана производиться исключительно из внутренних резервов ради отсутствия привязки к посторонним нежелательным объектам, — выпалил он, заканчивая лекцию, и посмотрел на висевшие на стене часы.

До конца лекции было ещё целых три минуты, но студенты уже поспешили свернуть свои записи и погрузить всё в сумки.

— Господа студенты! — Ролан впервые за два часа немного оживился и, кажется, соизволил заметить их порывы умчаться прочь из аудитории. — Куда же вы? У нас ещё есть время начать следующую тему.

— Какое время?! — возмутился кто-то из толпы. — Вы нас без перемены продержали два часа подряд!

— Разве вы не желаете познать больше, чем успели за этот короткий отрезок времени?

Но студенты не желали. Котэсса обречённо подошла к Лантону с журналом, оглядываясь на поспешившую к двери группу. Ей казалось хорошим в этом всё лишь то, что можно было позволить им уйти, подписывая журнал, а после обойтись без лишних свидетелей и спокойно направиться домой.

Доцент покрутил протянутую ему наколдованную ручку, а потом поплотнее запахнулся в свою тёмную мантию. Прежде они считались обязательным атрибутом каждого мага, но в последние лет пятнадцать в университете редко кто придерживался подобных форм. Ролан не мог застать даже студентом ту бытность, когда преподаватели блуждали в развевающихся за спиной чёрных плащах или носили на себе что-то смутно напоминающее балахон.

Какова была причина натягивать на себя это сейчас, ещё и пока на улице всё ещё было тепло —

подходила к концу только первая, неполная осенняя двадцатка, задевавшая ещё и часть лета, — Котэсса не знала. Но ей что-то подсказывало, что Ролан не просто так натянул на себя этот чёрный наряд.

— О, студентка Арко! — почти обрадованно воскликнул он, поставив роспись в журнале. — Котэсса, не найдётся ли у тебя нескольких минут для разговора? Я не хотел бы тебя отвлекать...

И это говорит преподаватель, что минуту назад пытался задержать их ещё на целую новую тему!

— Да, конечно, говорите, — пожала плечами она, искренне надеясь на то, что разговор не сведётся к тому, что совсем недавно вещал профессор Куоки.

Ролан оглянулся на дверь и пробормотал себе под нос знакомое заклинание, защищавшее обычно против подслушивания.

— Котэсса, — он почесал затылок, — вы с Сагроном... Не снимали проклятие? Я имею в виду, может быть, нашёлся какой-то магический способ или... Он довольно упорен в своих действиях, мог и отыскать ключ, а потом просто забыть со мною поделиться.

— Ведь вы же с ним друзья! — воскликнула Котэсса. — Он сказал бы вам, если бы что-то нашёл. И, нет, мы не снимали с ним проклятье, что бы вы не подразумевали под этой фразой.

Ролан вздохнул. Вблизи он казался достаточно бледным и уставшим, да ещё и исхудавшим пуще прежнего.

— Просто не видно, чтобы на Сагрене отображалась симптоматика проклятия, — наконец-то промолвил он. — Элеанор должна была бы и сама задать этот вопрос, но я, как её научный руководитель, тоже имею полное право знать...

Котэсса заподозрила, что научный руководитель не сообщил своей собственной аспирантке о том, что собирается задать этот вопрос, а самое главное, что аспирантка и её диссертация в подобных сведениях совершенно не нуждалась, а Лантон и сам ту диссертацию в глаза не видел и не читал, а знал о ней только со слов Ольи.

— Да и побочные эффекты тоже не проявляются, — наконец-то закончил Ролан. — А Сагрон, насколько мне известно, обязан был ну хотя бы однажды проявить... лишнее недоверие к последствиям проклятия.

— Спросите лучше его, — повторила Котэсса. — Возможно, доцент Дэрри более сдержан, чем вам казалось. И если Элеанор нужна какая-то информация, то я готова лично предоставить ей его.

Лантон завертелся на месте, пугливо поглядывая на дверь, но потом смущённо улыбнулся и отменил заклинание против подслушивания.

— Спасибо за ответ, Котэсса. Всего хорошего, — он вымученно пожал плечами и умчался прочь, не закрыв за собою даже дверь аудитории — хотя должен был бы.

Котэсса подумала о перспективе общения с вахтёршей из корпуса и предпочла спешно ретироваться из кабинета, пока её не заставили носиться туда-сюда по НУМу в поисках доцента Ролана и, что самое главное, ключей, которыми можно было бы закрыть дверь. А то он их регулярно терял в прошлом семестре, не факт, что в этом история не повторится вновь.

Котэсса рассчитывала на то, что, вернувшись домой, сможет отдохнуть и в тишине написать реферат, загаданный — *уже!* — Сагроном на сдачу через две недели, ведь её соседки обычно не являлись домой раньше девяти часов вечера. Но всё оказалось совершенно не так радужно, как она рассчитывала: обе девушки уже сидели на её кровати, нагло смяв покрывало и сбросив на пол подушку.

Они обе сердито скрестили руки на груди и сверлили Котэссу пристальными взглядами, преисполненными совершенно искренней ненависти ко всему, что она может собою являть. Поразительно, как столько эмоций могло содержаться в этих девушках, но факт оставался фактом; они, преисполненные искреннего негодования, пытались испепелить её уже с порога.

Рейна и Сорма, как запоздало вспомнила Котэсса, были без памяти влюблены в Сагрона. Тот факт, что они обе не попали к нему на бакалаврскую, их разочаровал до того сильно, что обе девушки кричали о неразделённой любви и собирались прыгать из окна, но, в силу того, что маги такого уровня уже обладали умением левитации, к их заявлениям никто не отнёсся серьёзно.

Доцент Дэрри — тем более, потому что истерика была устроена на первом этаже, где, к тому же, красовались решётки на окнах. Рейна, худая и довольно хрупкая, могла бы между ними и пролезть, а вот у пухленькой Сормы вряд ли был шанс.

— Ты! — в один голос возмущённо возопили они, тыкая в Котэссу пальцем. — Как ты только посмела!

— Я? — переспросила Котэсса, удивившись тому, как неожиданно слабо прозвучал её голос. — А что я, простите, сделала не так?

Она, к слову, отлично знала ответ на свой вопрос, но надеялась на то, что её притворство поможет избавиться от чужого назойливого внимания и подарит фору в несколько дней длиною, чтобы она могла заставить Сагрона не трепать языком направо и налево, а профессора Куоки — не давать советы. Пусть бы Дэрри сам разгребал все те проблемы, которые у неё появились из-за его вмешательства.

Но, к её огромному сожалению, девушки совершенно не рассчитывали на паузу. Они с такой грустью, ещё и так синхронно вздохнули, что она поняла: никакой пощады не будет. Придётся всё выслушать от первого и до последнего слова.

— Ты посмела влюбить в себя Сагрона! — возопила Сорма. — Как ты вообще могла?!

— Если ты знала, что мы от него без ума?! — дополнила Рейна.

Вообще-то Котэссе следовало сказать, что она этого не делала, но она отчего-то промолчала и не оборвала соседок.

— И, между прочим, мы первые его увидели! — Сорма сотрясла воздух пухленьким кулачком.

— И первые в него влюбились!

— Мы всегда всё делаем вместе. И никто прежде не позволял себе столь нагло их прерывать!

— Как жаль, что эта синхронность не соблюдается у вас в те дни, когда надо убирать в комнате, — не удержалась Котэсса, стягивая предмет дамского белья, висевший на уголке стула — постиранный колдовством, но всё ещё не выглаженный. — И сразу видно, у кого из нас серьёзные проблемы с бытовой магией.

— Как ты смеешь с нами так обращаться! — на сей раз основную партию завела Рейна. — Ты разбила нам сердце! Мы — мы! — имели на него полное право... Нас больше!

— И как бы, интересно, вы его делили? — уточнила Котэсса, забыв о том, что собиралась сказать, будто бы не имеет к Сагрону совершенно никакого отношения. А ещё она намеревалась сообщить ему, чтобы прекратил распускать эти досужие слухи, а сейчас сама внезапно вдохновилась его ложью.

Представлять себя рядом с Сагроном было не так уж и отвратительно, как девушке сначала казалось.

— Или, может быть, мне было бы предложено выйти, когда вы привели бы его в эти хоромы? — продолжила она, мысленно приказывая себе умолкнуть.

Но серые стены, грязный пол и тот бардак, что творился на половине соседок, заставлял её говорить дальше. Летом, пока Сорма и Рейна являлись в комнату короткими набегами, Котэсса была уверена в том, что ей повезло с соседками, но с каждым днём она всё больше разубеждалась в этом.

Сейчас они две, пытаясь, словно разъярённые драконицы, смотрели исподлобья на Котэссу. Сорма даже порывалась плести коварное заклинание, но не решилась, потому что магически Тэсса была в разы сильнее их двоих вместе взятых.

— Уберите здесь немедленно, — вздохнула Котэсса. — И, пожалуйста, больше не заставляйте меня возвращаться к столь бесполезному и бесплотному разговору. И не рассказывайте о том, что Сагрон — ваша судьба. Он сам об этом не знает.

— Много-то тебе известно! Небось, сама просто по нему слюни пускаешь! — фыркнула Рейна.

"Молчи, Котэсса!" — мысленно потребовала он себя, посмотрела в лицо соседке, пытаящейся от возмущения, и протянула:

— Ну, если вы верно слышали слова профессора Куоки, то мои предпочтения никаким образом к вашим претензиям отношения не имеют. Не так ли?

Глава 16

— Прокляну! — рывкнул Сагрон на пятикурсника, нагло кривлявшегося с него, ещё и глупо повернувшегося спиной к двери. Подобную беспечность он в свои юные годы не позволял, а над преподавателями издевался только в те моменты, когда никого из них не было рядом. — Или отправлю к Литории!

Студент вытянулся и посмотрел на Сагрона испуганным, даже не так — преисполненным ужасом взглядом.

— Простите, господин доцент. Этого больше не повторится, господин доцент!

Сагрон закатил глаза, уже предвкушая беседу с Котэссой. Какая-то, простите, паскуда распускала по университету наглые слухи, и не стоит даже надеяться на то, что Тэсси о них не догадывалась. Наверняка до неё они дошли в первую очередь — это не тот случай, когда девушку оставят в покое, а станут морочить голову только безнадежно влюблённому преподавателю.

Беда была в том, что безнадежно проклятый преподаватель действительно начинал чувствовать себя влюблённым.

Энниз, что ли, где-то проболталась? От неё, конечно, можно ожидать чего угодно, но какой в этом смысл? Пыталась отомстить, поставить его на место за всё хорошее? Так он ничего ведь ей и не сделал, да, не сложились у них отношения, но когда это кого волновало? А Сагрону казалось, что она швыряла в него полные негодования взгляды до такой степени часто, будто бы он обещал на ней едва ли не жениться, а потом сбежал из-под венца.

— Записывайте новую тему, — смиловился Сагрон. — Влияние фоновых звуко-магических структур на основоположные функции заклинания.

Заскрипели перья и ручки. Он опёрся о край стола, наблюдая за студентами, и с некоторым недовольством отметил, что писали на самом деле далеко не все. Кто-то перешёптывался, косясь на него, словно в один миг Сагрон из грозного преподавателя превратился в обыкновенный объект для сплетней.

Это раздражало.

Он щёлкнул пальцами, и огненный шар взмыл в воздух, сорвавшись с его пальцев.

— Это прыгнет на того, кто посмеет сказать ещё хотя бы слово, — строго предупредил он. — Записываем новую тему.

Шепот не прекратился. Сагрон закатил глаза и прошёлся по аудитории — огненный шарик катился следом за ним, обжигая некоторых студентов, но, к сожалению, пресечь трёп сплетников не удавалось.

Ну что за напасть?

Дверь тихонечко приоткрылась, и в проёме, вместо ожидаемого опоздавшего студента, показался преподаватель Ролан. Он прошёл в аудиторию боком, косясь на пятый курс, которого, кажется, боялся до дрожи в руках и ногах, и коротко кивнул Сагрону.

— Надо поговорить, — промолвил он, и на лбу было так и дописано слово "наедине", хотя Сагрон предпочёл бы никуда из аудитории деваться.

— На какую тему? — вздохнул он.

— Обсудить учебные планы, — с деланной расслабленностью сказал Лантон. — У меня не сходятся числа, и надо уточнить нагрузку.

— Это обязательно делать сейчас? — с опаской уточнил Сагрон, зная, что добром эти "учебные планы", в устах его друга означавшие обычно какие-то неудачи, не заканчиваются.

— Да, — кивнул Ролан. — Доцент Ойтко требует сдать их как можно скорее.

— Присаживайтесь, господин доцент, — Сагрон указал на один из стульев у преподавательского стола. Зачем их там всегда стояло два, он понятия не имел — кажется, студенты любили подпиливать ножки, но, так как он всегда проверял стул на наличие всевозможных подлогов, это им редко удавалось.

Он оглянулся к студентам.

— Будете писать ректорскую контрольную или просто попишите под диктовку шара? — притворно ласково уточнил он.

За спиной загрохотало.

Подпилили ножки, сволочи!

— Полагаю, ректорскую контрольную, — принял Дэрри мгновенное решение. — Берём листочки и пишем первый вопрос.

— Но господин Сагрон! — возмутился тот самый кривляющийся студент. — За что вы так с нами поступаете?

— За длинный язык, — безапелляционно ответил он. — И за короткий напильник, который торчит у вас из кармана. Если я ещё раз увижу, что стулу или другому университетскому имуществу, такому, как доцент Лантон, нанесен вред, я *лично* займусь вашим воспитанием. И не хихикайте, студентка Пэтт, это не имеет никакого отношения к тому воспитанию, о котором вы читаете на ночь.

Девушка покраснела и, кажется, была предельно возмущена замечанием, обращённым к ней, но возражать отчего-то не спешила, из чего Сагрон сделал вывод, что относительно литературы попал как раз в точку.

Он с досадой закатил глаза и вернулся к другу. Ролан уже починил стул, и теперь сидел более-менее ровно, но всё равно так, словно палку проглотил. Учитывая его привычную страсть сутулиться, Сагрон был крайне удивлён столь ровной спине — а спустя миг осознал, что на самом деле причиной этого была попытка... Казаться сильнее обычного?! У Лантона?!

— Что стряслось? — накладывая полог молчания на преподавательский стол, спросил он. Студенты за пологом досадливо загудели, понимая, что услышать о превратностях расчёта нагрузки им не удастся, и зашуршали прошлогодними конспектами, разыскивая ответы на появившиеся на листах вопросы.

Огненный шарик, сердито зашипев, стрелой бросился к самым болтливым и активным, превращая их спасение в маленький уголёк или горстку пепла на парте.

— Я хочу поговорить с тобой относительно проклятия, — Ролан попытался расправить плечи ещё сильнее, и это выглядело ну совсем уж страшно. — И относительно того, как оно на тебя действует...

— Так говори, — безропотно промолвил Сагрон. — Только, пожалуйста, не так, чтобы об этом через пару часов знал весь университет.

— Я не имею никакого отношения к тому, что о тебе болтают! — оскорблённо воскликнул друг.

На фоне огненный шар поджёг одежду какого-то студента, и тот подскочил едва ли не к потолку. Сагрон прошептал заклинание, призванное окатить несчастного водой с головы до ног и погасить любой локальный пожар, и повернулся опять к Ролану.

— Да верю я, верю, — кивнул он. — Просто достали. Эти вон шепчутся на каждом углу, — он кивнул на первый курс, — идиоты. И что мне с этими неразумными существами делать? Мог бы — прибил... Так что у тебя с проклятием?

— Ты испытываешь к Котэссе... — Ролан запнулся, напоминая о том, насколько он на самом деле был неопытен в делах любовных, — некоторое влечение?

— Ты её видел? — фыркнул Сагрон. — Красивая девчонка. Трудно не испытывать, учитывая, что она единственная, по отношению к кому эти мысли легальны.

— Я понимаю, — послушно повторил Ролан. — Но просто... я никогда себя так не чувствовал! — он напоминал сейчас невинную девочку, разговаривающую со старшей подругой относительно первой ночи. — Меня никогда так не тянуло к женщине, и...

— Я надеюсь, речь идёт не о Котэссе, — Лантон отрицательно покачал головой, и Дэрри, прищурившись, добавил: — И, надеюсь, мой тридцатилетний друг, у тебя до этого были хоть какие-то женщины.

— Были-были! — заверил его Ролан. — И много!

— Судя по возмущённому тону, одна или две, и то крайне давно. Так кто там объект твоей страсти? — студенты попытались читать по губам, и Сагрон повернулся к ним боком. — Ай, можешь не говорить: твоя аспирантка.

Ролан смущённо отвёл взгляд.

— Я *никогда* раньше себя так не чувствовал. А потом она сняла с меня... Ну, ту чешую с руки, помнишь, что меня поцарапали? Вот, сняла, и я... Я словно прозрел, — он вздохнул. — Меня тянет к ней невыносимо. Я не могу ни о чём думать, кроме неё.

— Взрослеешь, значит, — безропотно промолвил Сагрон. — Вот пройдёшь этап первой любви, а потом, может быть, перестанешь смотреть на женщин так, словно они относятся к другой расе.

— Нет, я понимаю, что нормально — испытывать к девушке природный интерес, — Ролан почесал затылок. — Но не... Я вообще ни о чём больше не могу делать! И я уверен в том, что это побочный эффект проклятия: влечение проснулось именно после того, как она меня исцелила. Не то чтобы раньше она мне не нравилась... — судя по скромно потупленному взгляду, нравилась, да ещё и очень, — но я не думал о ней в таком ключе. Мне теперь попросту стыдно смотреть девушке в глаза!

— Вот иди и скажи ей об этом. Заодно займитесь своим проклятием, — хмыкнул Сагрон.

— А у тебя с Котэссой такого нет? Я пытался её спросить... — Дэрри закатил глаза в ответ на эту фразу, и Ролан заметно смутился. — Но, я так понимаю, девушке лучше было не задавать вопросы в подобном ключе.

— Относительно того, спала ли она с мужчиной, к которому привязана проклятием? Да, ты действительно прав, это не то, что следовало спрашивать у скромной невинной девочки. Твоя Элеанор тоже бы обиделась. Да кто угодно обиделся бы!

— Я такого у неё не спрашивал. Я вовремя остановился, — почти гордо отозвался Ролан. — Но есть или нет?

— Не знаю, что ты имеешь в виду, — наконец-то честно ответил Сагрон. — Ну... Котэсса мне нравится, и как человек, и как женщина... тьфу ты, девушка. Хотя, да, она довольно пуглива, потому, прошу, не продолжай моё гордое дело по её отпугиванию, не подсыпай хвороста в огонь. Она и так не может определиться с тем, как ко мне относится.

— А по ночам? — тоскливо уточнил Ролан. — Не снится?

Студенты, кажется, прониклись его поведением и теперь, вместо писать ответы, задавались вопросом, что же в нагрузке могло столь нагло выбить из колеи доцента Лантона.

— Предположим, иногда. Но не каждую же ночь! — он вздохнул. — Я не знаю, что у вас там намешано с проклятием, или у тебя с гормонами, друг мой, но светлый образ Котэссы не преследует меня ежесекундно. Но если у тебя такие радикальные проблемы, то обращаться следует уже напрямую к Элеанор. Она должна знать.

— Как автор проклятия?

Сагрон едва сдержал досадливый рык.

— Как девушка, от которой ты дуреешь! И сними эту хламиду! — он дёрнул за рукав громадной мантии. — Ты в ней можешь соблазнять разве что ворон на городе.

— Спасибо, — кажется, Ролан испытывал искреннюю благодарность за столь простые, элементарные даже советы, и Сагрон заставил себя не смеяться. Его другу откровенно не хватало нормального общения с девушками, но что поделать, если всё настолько печально?

— Да не за что. Иди с миром, — вздохнул он, чувствуя себя старшим наставником. Всё-таки, следовало таскать иногда Ролана за собою по девчонкам, когда они с Ирвином бросали учёбу и увлекались активной студенческой жизнью...

Но Ирвин — даром, что сын не последнего в этом университете человека, — был готов творить какие угодно глупости, а Ролан... Ролан вёл себя, как та Элеанор. Может быть, впрочем, по этой причине они с Лантоном и были до сих пор дружны, а Ирвина он не видел уже неизвестно сколько лет — и с удовольствием ещё столько с ним бы и не встречался. Они ещё на пятом курсе не поделили барышню — или на шестом? — и с той поры словно кошка чёрная между ними пробежала.

Сагрон уже не мог вспомнить имя предмета спора, потому задавался вопросом, поддерживал ли с той девицей контакт Ирвин.

Ролан, напоследок опасливо покосившись на пятый курс, по стеночке покинул аудиторию. Сагрон обернулся к студентам, подарил им сердитый взгляд и наконец-то снял полог молчания.

— Ну что, сдаваться будем? — уточнил он, и инновационные часы, стоявшие на полке, в ответ на громкие слова согласно запиликали. — Сдаём работы.

— Да ведь урок ещё не закончился! — возмутился кто-то с задней парты.

— И вы ещё не всё списали? — Сагрон выдрал лист из рук первого студента, пробежался по нему взглядом и довольно кивнул. — Вижу, что почти всё. Сдаём-сдаём, ещё не хватало, чтобы у вас всех были пятёрки.

— Но господин доцент!

Но он оставался непреклонен и нагло отбирал внеплановую контрольную работу из цепких лап надоедливого студенчества. Надо же, а совсем недавно сам был таким и возмущался тирании преподавателей, заставлявших их хотя бы иногда думать головой, работать, да и вообще, тратить дарованное на отдых дело на такие бессмысленные дела, как учёба.

Пятый курс, кажется, уже свикшийся с отвратительным характером Сагрона, но тут вдруг вновь ощутивший на себе его негативные стороны, сдавался уже почти добровольно. Студенты складывали вещи в сумки и медленно тянулись к выходу, изредка оборачиваясь и что-то едва слышно ворча себе под нос.

Он их игнорировал. Всё-таки, выслушивать бесконечное постороннее нытьё не было никакого смысла, и в такие моменты Сагрон предпочитал глушить посторонние звуки магией.

Пятикурсники покинули аудиторию, закрыли за собою дверь, и он уже собирался сесть и всё проверить, как вновь услышал тихий стук.

— Что опять? — не оборачиваясь, спросил он. — Я не дам дописывать вам эту контрольную. Сами виноваты.

— Мне нужно подписать журнал, в прошлый раз вы слишком быстро умчались из аудитории.

Он оглянулся, словно ошпаренный. На пороге — прямо на тоненькой перекладине, балансируя в попытке сохранить и внутреннее спокойствие, — стояла Котэсса. Сердитая Котэсса.

— Опять на вы? — уточнил он. — Заходи, только закрывай за собой дверь, а то эти опять вернуться, будут терроризировать меня на тему своей контрольной.

Котэсса подчинилась; дверь она за собой закрыла, в кабинет вошла и скрестила руки на груди, глядя на Сагрона так, словно он должен был немедленно признаться в совершённом преступлении.

— Я могу на ты, — она швырнула журнал на стол, и тот сам открылся перед Сагроном. — Но тебе это вряд ли понравится!

— Всё из-за того, что я забыл поставить какую-то незначительную подпись? — уже предвкушая очередную ссору, уточнил Дэрри.

— Нет, господин доцент. Всё из-за того, что из-за тебя по университету ходят отвратительные слухи, — она с трудом сглотнула, кажется, заглываясь собственным негодованием. — И меня это невероятно возмущает. Как так можно?

— А что я не так сделал?

— Сагрон! — она сделала шаг к столу, и он вдруг испытал подсознательное желание отодвинуться подальше. Котэсса, кажется, очень хорошо уяснила науку Хелены Ольи, по крайней мере, выглядела она всё так же угрожающе, как и та, когда гневалась.

— Да? — невинно моргнув, спросил он.

— Позавчера, — девушка упёрла руки в бока, — профессор Куоки минут пятнадцать рассказывал мне о твоей влюблённости на всю аудиторию!

О, так вон оно что...

— Мне нужен был хороший бакалавр, — невинно моргнув Сагрон. Он встал — перо одновременно поставило славную роспись в журнале, — и подошёл к девушке поближе. — Разве тебе хотелось бы защищаться у профессора? Поверь мне, это не самое приятное занятие на свете, да и вообще... — он сделал шаг ей навстречу, но девушка отступила к окну.

Сагрон не сдавался. В конце концов, до подоконника было не так уж и далеко, а Котэсса, кажется, пока ещё об этом не подозревала.

— Не обязательно было вещать профессору Куоки о своей безумной любви, — с невероятным возмущением в голосе ответила она. — Он теперь будет напоминать мне об этом на каждом уроке. Прилюдно! Теперь о нас болтает едва ли не половина НУМа!

— Ну и что?

— Что значит ну и что?! — Котэсса ударилась спиной о подоконник, отскочила от него и натолкнулась уже на Сагрона. — Я не согласна на такое потребительское отношение к этому проклятию.

— Давай его снимем. Хоть прямо здесь.

— Ни за что!

— Ты сама себе противоречишь.

Теперь девушка была зажата между подоконником и Сагроном и, кажется, понятия не имела, куда ей убегать. Всё её возмущение в столь затруднительной ситуации сошло на нет, зато она покраснела и, кажется, стремилась отвести взгляд.

Потрясающая женщина.

Спасибо, что его не привязало к Элеанор! А то слушал бы часами рассказы о науке.

— Меня теперь донимают мои соседки, — в голосе Котэссы возмущения было уже чуточку меньше, чем прежде. — Объявили бойкот, превратили комнату в свинарник и делают вид, что я увела тебя у них.

— Переезжай ко мне.

— Чтобы ты вытолкнул меня за дверь сразу же, как только получишь свою свободу от проклятия? — сердито уточнила она. — Я похожа на наивную дуру?

— На дуру — нисколько, — искренне ответил Сагрон. — Скорее на невинное дитя, которое не слишком хорошо ориентируется в этом трудном взрослом мире. Но поверь мне, дорогая, я — последний, кого тебе следует бояться. Я желаю тебе исключительно добра... — ну, по крайней мере, после этого проклятия стал желать. — Ты можешь себе представить, что бы случилось, если бы меня привязало да хотя бы к Ролановой аспирантке? Я бы сошёл с ума. А в нашей ситуации даже есть нечто притягательное.

— Например? — почти заинтересованно переспросила Котэсса. — Лично я не вижу в этом всём ни капельки интересного или положительного!

— Ну, — он вздохнул, — например, о нас распускают премилые сплетни, значить, теперь вполне можно их подтвердить.

Он наклонился к ней, чтобы поцеловать, но Котэсса каким-то образом в последний момент умудрилась вывернуться из его рук.

— Когда мне можно зайти за книгами по бакалаврской? — уточнила она с такой серьёзностью, словно минуту назад не стояла в миллиметре от него.

Сагрон почувствовал, как раздражение, уже почти растворившееся в воздухе, возвращается к нему вновь.

— Тэсси, прекрати, — он примирительно протянул к ней руки. — Я правда не собирался устраивать всё это. Профессор Куоки не должен был ничего говорить...

— Книги, — строго ответила Котэсса. — А потом, возможно, доцент Сагрон, вы получите то, на что минуту назад посягали.

— А что тебе надо пообещать за снятие проклятия? — поинтересовался он.

— Супружескую верность до гроба. Можно сразу в гроб, я не откажусь, — то ли шутливо, то ли серьёзно заявила Котэсса. — Так что насчёт книг?

— Через недельку. Но просто так обязательно приходи и пораньше, — протянул он.

— Может быть, — кивнула Котэсса и ускользнула за дверь прежде, чем Сагрон успел проронить ещё хотя бы слово.

Вот же!

Глава 17

Стопка книг заботливо покоилась на преподавательском столе, и Котэсса, разумеется, прекрасно догадывалась об их назначении. То, что Сагрон затянул выдачу литературы больше чем на несколько недель, её явно не радовало, но, к сожалению, ничего поделать с этим он не мог; дел навалилось в последнее время море. Если б, конечно, девушка осталась после лекций и хотя бы раз напомнила ему о том, что надо бы отдать ей литературу...

Подходила уже середина второй осенней двадчатки, и Сагрон вспомнил о собственном обещании, пусть и запоздало. Литературу он искал тоже несколько дней кряду, и теперь, когда всё подготовил, девичий взгляд, искренне серьёзный и немного раздражённый, преследовал его с особенной уверенностью.

Впрочем, Сагрон действительно выглядел странно. Вчера вечером, воюя с зельем, он умудрился обжечь себе руку, а волосы могли быть на тон темнее от копоти. Если о его экспериментах узнает комендант, то это, конечно, будет конец, но ничего поделать Сагрон не мог. Ночью на работе сидеть тоже не разрешали, а ему надо было где-то работать и экспериментировать.

— Студентка Арко, — закрывая свои предлекционные записи, промолвил он, — оставайтесь, пожалуйста, минут на пятнадцать. Все остальные могут быть свободны.

Большинство студентов, кажется, вскочило со своих мест почти с облегчением, но Сагрон отчётливо слышал несколько раздражённых голосов и даже одно проклятие. Он и не подозревал, что Котэсса говорила настолько серьёзно о девицах, которые обиделись и устроили ей бойкот; она не казалась такой уж и несчастной, да и с коллективом вроде бы общалась нормально.

Только ему в последнее время предоставлялась возможность только наблюдать. После того разговора Котэсса не разговаривала с ним ровно две недели, и Сагрон уже явно чувствовал себя жертвой чужого наглого заговора.

— Котэсса, — обратилась к девушке одна из однокурсниц, — ты не можешь так поступить с нами. Помни об этом.

— Студентка Шафт, — Сагрон посмотрел на задержавшуюся девицу, пухленькую такую, хотя довольно приятную, и глядевшую на него до того влюблённо, что аж тошно становилось, — я, кажется, просил всех, кроме студентки Арко, покинуть аудиторию.

— Господин доцент! — возмутилась девушка — имя её Сагрон вспомнить не мог, — но попятилась к двери и, кажется, решила больше его не дразнить.

Котэсса стала мрачнее тучи. На фоне серого осеннего неба, красовавшегося за окном, она казалась ещё одним маленьким последствием дурной погоды, тем самым, что северные ветры пригнали откуда-то из соседнего государства.

Но девушка при этом ещё и делала вид, что совершенно не злится.

— Это была моя соседка по комнате, — отметила она наконец-то. — Безумно в вас влюблённая, доцент Дэрри.

Она так и прыгала с "вы" на "ты" и обратно, не определившись с тем, как именно должна к нему обращаться, и Сагрон даже одёргивать её перестал, решив, что рано или поздно Котэсса лишится этой дурной привычки.

— Нас уже никто не слышит, — сообщил он и выглянул из двери в коридор. Там, разумеется, стояло как минимум трое студентов, но он пригрозил им кулаком и закрыл аудиторию прямо перед носом у страждущей толпы, привычно накладывая несколько защитных заклинаний и как минимум одно безмолвствующее. В последнее время это стало уже необходимостью; никогда ещё Сагрон не чувствовал такое пристальное внимание, обращённое к его скромной персоне.

Разве что тогда, на пятом или шестом курсе, когда они поскандалили с Ирвином. И было бы из-за чего — не поделили девчонку, которую он сейчас даже и не помнил. Устроили магическую дуэль. Ну, собирался Ирвин на ней жениться — так она ж сама к Сагрону полезла. А он пьян был и смутно что понимал, зачем за тот невинный поцелуй было бросаться заклинанием...

Как же её, заразу такую, звали? Уничтожила ведь хорошие отношения, а потом и сама куда-то делась, оставила Ирвина у разбитого корыта. Он даже из НУМа тогда убежал, перешёл на индивидуальный график. И до сих пор, наверное, дуетя.

Вот пусть бы ту невесту и проклинал верностью, между прочим.

— Я подобрал тебе литературу, — он указал на стопку книг. — Можешь забирать.

Котэсса покосилась на дорогие магические издания, кажется, представляя себе, сколько они все могут весить.

— Не могу, — наконец-то ответила она.

— Не донесёшь? — почти заботливо уточнил Сагрон. — Не переживай, я тебе помогу. Только зайду на кафедру, там Литория просила какую-то подпись поставить, и сразу...

— Донесу, я ж магичка, — оборвала его Котэсса. — Просто у меня в комнате не слишком опасно, а я не уверена, что мои магические замки на них сработают. Они ж тоже колдовские, — она расстроено вздохнула. — Меня мои соседки уже достали.

Она говорила до того грустно, что Сагрон мгновенно осознал: проблема была серьёзнее, чем Котэссе хотелось то продемонстрировать.

Впрочем, у студенток всегда обострялись любовные чувства в преддверии великого дня всех влюблённых, происходившего в прелестный двести девяносто девятый день годового цикла. И ничего, что до него ещё полторы двадцатки, когда б то молодёжь останавливало?

— Если хочешь, я могу оставить пока что, — предложил он. — Возьми только вон ту, верхнюю, считаешь на досуге. Или, может быть, ты хочешь переселиться?

Котэсса подошла к окну и устало упёрлась ладонями в твёрдую гранитную поверхность. Казалось, соприкосновение с холодным её успокаивало, равно как и вид дождя, на который она сейчас смотрела, но всё равно не окончательно.

Сагрон подошёл к девушке поближе, обнял её за плечи и тихо, куда-то в волосы пробормотал:

— Совсем достали? Может быть, ты переедешь ко мне?

— И как это будет выглядеть? Студентка отправляется в комнату к преподавателю? — прошипела она. — И будет объяснять всем вокруг, что их связывает проклятие? Не надо со мной играть, пожалуйста. К тому же, прошла уже достаточно серьёзная часть года, разве это так трудно — дождаться до конца проклятия?

— Дело не только в нём, — Сагрон опустил руки ей на талию, не отступая, и Котэсса всё-таки не вырывалась, хотя и не сменила доселе гнев на милость. Он мог предположить, что в её дурном расположении духа виноваты в первую очередь надоедливые сокурсницы, достававшие вопросами и даже попытками объявить бойкот, но не хотел бы оказаться причиной её проблем.

— А в чём ещё? — Котэсса тяжело вздохнула. — Сагрон, может быть, ты и не виноват в том, что профессор Куоки слишком громко упоминает определённые детали личных разговоров, в том, что это проклятие случилось, и... Во всём, что происходит сейчас, но от этого легче не станет.

— Я понимаю, — кивнул он. — Но стало бы, если б ты перестала от меня сбегать. Хуже, между прочим, всё равно не будет.

— Будет, — безапелляционно ответила Котэсса. — Меня уже как минимум три преподавательницы, и Литория два раза, предупредили о том, что я должна быть с тобой поосторожнее. И ни в коем случае, цитирую, "не поддаваться соблазну".

Сагрон мысленно пожелал Ойтко всего хорошего и провалиться где-нибудь на лестнице.

— Ты ходишь, как осеннее небо, — протянул он. — Слушай, когда наказывают за какое-то нарушение, всегда приятнее всё-таки его совершить, чем ходить невинной жертвой людской молвы.

— Я не буду с тобой...

— Я не говорю о... назовём это процедурой снятия проклятия, — рассмеялся Сагрон. — Я говорю о том, чтобы немного оттаять, снежная принцесса, и перестать сбегать от меня в коридорах. Может быть, иногда заходить на огонёк.

— Я просто студентка.

— И что с того? Профессор Куоки женился на первокурснице, а ему было тридцать три! — об этом, между прочим, весь университет гудел, но об этом Сагрон предпочитал не упоминать. — И она ещё не достигла совершеннолетия, когда между ними, скажем так, завязались отношения. И что с того?

— Мне никто не предлагает замуж, — отметила Котэсса.

— Это ты плохо меня слушаешь.

Она промолчала.

Сагрон предпочёл не уточнять, что юная супруга профессора Куоки стала его женой только по причине одной неосторожности. Толин в молодости был крайне неограничен в собственных запросах к женщинам, и, между прочим, не думал головой, приставая к молоденьким и легко сдающимся девушкам.

И ничего. Вон, уже больше тридцати лет вместе, двое детей — чем они плохо живут? Да, с детьми немного не ладится, но у профессора Куоки и характер паршивый, так что тут дело не в скоропалительном браке.

— Котэсса? — тихо обратился к ней Сагрон. — Мы уже больше сезона друг от друга бегаем с этим дурацким проклятием. Давай попробуем о нём просто забыть?

— Не получается, — ответила она. — Особенно учитывая тот факт, что ты ведёшь у нас два предмета.

— Я могу отдать их Лантону.

— Не надо! — она содрогнулась. — Ты хочешь, чтобы повторилась прошлая ситуация, но на этот раз тебя проклял кто-нибудь другой и чисто из вредности?

— Я хочу, чтобы ты от меня не сбегала, — уверенно ответил он. — Не вела себя так, словно я просто твой научный руководитель.

— Не могу.

Он покачал головой.

— И то, и другое не можешь?

— Не сбегать — могу, — наконец-то сменила гнев на милость девушка, между прочим, так и не сбросившая его руки с талии. — Поверить тебе, а уж тем более позволять себе... некоторые вольности — нет, не могу. И мне пора идти на следующее занятие, отпусти, пожалуйста.

Сагрон разжал наконец-то руки. Котэсса подхватила верхнюю книгу со стопки и оглянулась на него.

— Господин доцент, оставьте книги, пожалуйста, на кафедре, мне действительно в комнате некуда их девать. Я буду приходить туда заниматься, если вы не против, в установленное время.

— Завтра вечером подойдёт? — почти без надежды в голосе спросил он.

— Да, конечно, — Котэсса кивнула. — И, господин доцент... — она сделала шаг ему навстречу, подошла почти вплотную, опустила ладонь ему на плечо и, несмело улыбнувшись, привстала на цыпочки и поцеловала в уголок губ. — Не злитесь, пожалуйста.

— Не буду, — искренне улыбнулся Сагрон. — Только, пожалуйста, не опаздывайте завтра, студентка Арко.

В преподавательской кто-то кричал. Полог безмолвия, между прочим, довольно прочный, призванный сдерживать все посторонние звуки, кажется, совершенно не оказывал необходимую помощь. По крайней мере, чужие возмущённые крики и взаимные обвинения было отлично слышно.

— Брысь отсюда, — отогнал прочь любопытных студентов Сагрон. — И чтобы глаза мои вас не видели. Нашли цирк!

— Но господин доцент! Вы ведь тоже будете слушать! — возмутился один из второкурсников. — Это нечестно! Вы перекрываете доступ к информации.

— Ещё одно слово, и я перекрою вам доступ к сдаче зачёта, — отрезал Сагрон. — Кому сказал, вон!

Студенты, возмущённо ворча, подчинились и потихоньку разбрелись по аудиториям. Но крик за это время и без того уже притих; Сагрон осторожно вскрыл полог, но за тем тоже красовалась относительная тишина.

Он и не шёл бы в преподавательскую, если честно, но надо было поставить книги. Те смирно летели у него за спиной, и Сагрон уже устал держать их магией на весу; следовало бы отправить к себе в комнату, но Котэссе почему-то обманывать не хотелось.

С той поры, как она отдалилась от него, с невероятным старанием скрываясь по углам коридоров, Сагрон чувствовал себя, признаться, совсем не в своей тарелке. Да и опыт Ролана и его слова о проклятии давали о себе знать; он подозревал, что отдаление объекта проклятия действительно

влияло как-то на взаимное влечение.

По крайней мере, теперь, когда менять девушек как перчатки было как минимум опасно для здоровья, мысли возвращались к Котэссе слишком часто. Сагрон подозревал, что верность войдёт в привычку, и через год, когда проклятие падет — или раньше, если девушка сменит гнев на милость, — у него не будет уже ни малейшего желания искать себе кого-нибудь другого.

Отмахнувшись от назойливых мыслей, он открыл было дверь, но осторожно — потому что книжки приземлились на свободную ладонь, — и застыл на пороге.

В преподавательской стояли Ролан и Элеанор — и они вряд ли были готовы заметить кого-нибудь вокруг.

...Тихоня Лантон, боявшийся обнять девушку! Хоть постыдился бы, прежде чем *так* обнимать свою аспирантку... И подумал головой. Закрыл бы преподавательскую, например, пока у них не зашло дальше. И, пожалуйста, хотя бы не на том столе, за которым они обычно празднуют какие-то даты на кафедре!

Конечно, было желание окликнуть их и напомнить о правилах приличия, но Сагрон просто чуть шире приоткрыл дверь, пропуская книги в преподавательскую, отправил их на стол и осторожно отступил на шаг назад, перекрывая вход в комнату всем, а не только особо обнаглевшим студентам.

Им, несомненно, понравится такой вид преподавателей, но хватит с их кафедры слухов о Сагрене и Котэссе, ещё и этим будут морочить голову.

По правде, он намеревался сейчас тихонечко уйти прочь, но был самым наглым образом прерван за какое-то короткое мгновение до успешного осуществления побега.

— Доцент Дэрри! — закричали за спиной. — Подождите, пожалуйста! Мне необходимо немедленно с вами поговорить!

К нему, весь из себя такой громадный — как, впрочем, и обычно, — приближался доцент Ольи.

Насколько было известно Сагрону, профессор Хелена выставила мужа за дверь и отказала ему в праве жить в её доме. В том, что жилище принадлежало именно ей, Дэрри даже не сомневался. Это было так типично для Жодора: не иметь ничего своего и упрямо лезть к чужому.

Впрочем, если б не он, то Котэсса до сих пор бы мучилась под крышей мадам Ольи и сбегала от него. Можно подумать, она сейчас не сбегает...

— Я вас внимательно слушаю, — Сагрон оглянулся на коллегу и попытался выглядеть спокойным. Даже в полумраке коридора выглядел Жодор по меньшей мере странно; два его хвоста вились за спиной, рог, выросший на голове где-то справа, мешал спокойно пройти в дверь, а пушистые ладони теперь дополнились на менее пушистыми плечами, хотя об этом можно было только догадываться по топорщившейся мантии.

Неужели существовала женщина, подпустившая к себе нечто такое? С кем он умудрился ещё разочек изменить своей супруге, точнее, совершить попытку, чтобы появилось ещё несколько атрибутов проклятия?

— Вы обещали мне помочь, — не тратя время на долгие разговоры, промолвил Жодор. — Обещали сделать что-то, чтобы я избавился от этого!

— Я обещал попробовать, — устало отметил Сагрон. — Но то, что это избавит вас от хвоста... К сожалению, нет никаких гарантий.

— Давайте поговорим об этом более детально, — Ольи дёрнулся было к дверям кафедры, но Сагрон успел в самое последнее мгновение встать на его пути. — Что такое? Почему вы не пускаете меня в кабинет?

— Там... — там его дочь целовалась с каким-то непонятным, по крайней мере, для Жодора непонятным мужчиной, и довольно страстно. — Профессор Хелена. Ведь вы не пожелаете при ней обсуждать такие дела?

Жодор кивнул. В конце концов, Хелена была виновата — косвенно и в глазах супруга, — во всём том, что с ним случилось, и мужчина пытался избегать её настолько, насколько мог.

Где-то вдалеке слышались голоса. Кто-то спускался по ступенькам; один голос точно принадлежал доценту Ойтко, а второй...

— Пойдёмте, — Сагрон дёрнул Жодора за рукав и утянул его в соседний кабинет. Студентов там, благо, не было, только Ольи устало оглянулось. — Послушайте, вы и так уже непонятно насколько продлили себе это наказание. Я пытался сварить соответствующее зелье, но пока что не могу сойтись на чём-то едином.

— Придумайте заклинание!

— Да зачем мне это?! — возмутился Сагрон. — Я привык к своему проклятию и прекрасно с ним сосуществую. Стараться ради вас и выворачиваться наизнанку не входит в мои планы.

Жодор обиженно поджал губы.

— Вы много себе позволяете, доцент Сагрон.

— Ваша дочь не дала мне прочесть формулу заклинания, — ответил он. — Я могу судить только по симптоматике. Мне не хватает компонентов, и всё это — довольно скрытое дело. Мне приходится притворяться, словно я ничего не делал, а из моей квартиры откровенно тянет дымом.

— Но помогите мне!

— Как?! — Сагрон попытался подавить отчаянное возмущение. — Вам некуда спешить, Жодор. Если вы дадите мне... Скажем, немного шерсти, то я попытаюсь усовершенствовать то, что получилось, и тогда мы попробуем зелье.

— Сколько времени? — обречённо поинтересовался Жодор. — Я устал от этого. Надо мною издеваются все студенты. Они наступают на мои хвосты! Они дёргают меня за этот хвост! Редко какая женщина смотрит в мою сторону...

— Скажите им за это спасибо.

— Я не могу так! Сколько, Сагрон? Я заплачу вам! Я отдам всё, что смогу... — да, но не всё, что у него есть, как же.

— Полторы двадчатки, — отрубил он. — Может быть, к тому времени я сумею что-нибудь придумать. Если не выйдет, то, уж простите, это была исключительно добровольная исследовательская работа.

В тот момент, когда Котэсса, казалось, сменила гнев на милость, а он сошёлся на том, что не слишком-то и ущемлённым чувствует себя от проклятия, желание помочь Жодору значительно уменьшилось.

— Вы уже промучили меня полторы двадчатки! — возопил Жодор. — Вы изводите меня! Я мог бы обратиться к другому специалисту!

— Но боитесь рассказать миру о том, что эти хвосты — не последствия коварного нападения, а ваше наказание за измену. Да-да, я знаю, — кивнул Сагрон. — Потому, будьте добры, прекратите свой бессмысленный шантаж. У меня совершенно нет на вас времени.

Жодор опять притих. Сейчас он походил на загнанного в угол зверька, потерянного и не знающего, что же ему всё-таки делать с его тяжкой судьбой.

— Я пойду, — наконец-то сказал он. — Спасибо за то, что хотя бы взялись за эту проблему. Никто больше не хочет...

Сагрон в этом даже не сомневался. Он и сам не знал, зачем решил готовить зелье и пытаться разбирать проклятие, формулу которого никто выдавать ему не хотел. Но, однако, в последнее время он думал уже не так о собственных неудобствах, как о проклявшей его девушке.

И нельзя сказать, что ему эти мысли не нравились.

Глава 18

Котэсса открыла книгу, которую дал ей Сагрон — это была уже вторая, первую она преодолела достаточно быстро, — и попыталась вникнуть в смысл представленного текста. Казалось, мысли вот-вот должны были зацепиться за какую-то смысловую конструкцию и броситься поглощать следующие строки, но в тот момент над ухом что-то совершенно невыносимо хлопнуло, и она подскочила на месте.

Сорма налаживала магический приёмник.

— Прекрати! — возмутилась Котэсса. — Ты мешаешь учиться!

— Она не послушается, — ответила с третьей кровати Рейна. — Потому что она не желает тебя прощать.

Рейна в последнее время успокоилась. Она нашла себе, кажется, молодого человека, забыла о Сагрене и признала в Котэссе не только соперницу в борьбе за мужчин, а ещё и хороший источник конспектов и знаний. Но Сорма не сдавалась. Она не говорила с Тэссой с самого начала семестра, да и исправляться, кажется, совершенно не собиралась.

С её приёмника доносились какие-то отвратительные звуки и хрипы. Рейна сама не испытывала особого удовольствия от того, что творилось совсем рядом с нею, но с подругой, даже если не такой близкой, как прежде, спорить не желала. Дружить против Котэссы им вообще было прежде очень удобно.

— Знаешь, — сказала она, обращаясь к девушке, — когда тебя тут не было, она, — это уже относилось к Сорме, — вела себя намного спокойнее. Её светлые мечты о Сагрене ограничивались какими-то ласковыми улыбками и попытками написать ему любовное письмо. А она влюблена в него с самого первого курса!

— Было бы во что влюбляться, — проворчала Котэсса, за что была одарена ещё одним возмущённым, полным негодования заклинанием и уже привычно отбила его в произвольном направлении. За стеною взвыли и громко заматерились — их комната была граничащей с мужской половиной, и, кажется, попало в кого-то из старшекурсников. Сорма взвыла ещё громче, а её приёмник выдал какую-то совершенно невразумительную, дикую ноту, и ребята за стеной решили не рисковать собственным здоровьем и не приходить сюда на разборки.

Котэсса их нежелание вполне понимала. Чужие боевые заклинания и даже проклятия были не так неприятны, как постоянное нытьё её соседки.

В комнате было грязно. Точнее, не так: в Сорминой трети комнаты было грязно.

Рейна прекратила этот гадкий бойкот, вредивший чистоте общежития, уже давно. Ещё когда комендант в первый раз навестила их комнату, она отметила, что Котэсса — единственная, кто следит за порядком, а ведь остальных неплохо было бы и выгнать за столь откровенно плохое поведение.

Сорма не одумалась. Когда Рейна, ворча, выгребала грязь из-под кровати и проклинала почему-то Сагрона на чём свет стоит, та лишь молча наблюдала за нею и всем своим видом показывала, что не одобряет такую пассивную, такую правильную реакцию.

Котэсса, решившая тогда помочь сокурснице, внезапно обрела в её лице неожиданную поддержку. Наверное, ополчение коменданта против Сормы в этом помогало: когда та приходила к ним и вновь повторяла угрозы выселить студентку Шафт из общежития, две её соседки только равнодушно пожимали плечами и соглашались принять новую девочку в комнату, если будет нужно.

Но комендант была доброй женщиной. Она отказывалась так легко разрушать чужую судьбу из-за одной только грязи. Наверное, именно по этой причине Сорма до сих пор жила в их комнате, до сих пор сорила где могла, а кровать её превратилась в нечто совершенно невразумительное, дикое и неопрятное.

— И она собирается приводить сюда мужчин, — подытожила с грустью Рейна, прислушиваясь к тому вою, что доносился из приёмника. — Сорма, имей совесть!

— Это она не имеет совести! — ткнула девушка пальцем в Котэссу. — Она увела у меня любовь всей моей жизни!

Она сжала серое — в прошлом белое, — покрывало и сердито отвернулась. Магическая техника, невероятно глючившая и до этого, выключилась окончательно, издав тихий писк, и Сорма

швырнула её на пол.

Котэсса с благодарностью подобрала бедный приёмник и спрятала его в тумбочке, надеясь, что тот не выдаст протяжный писк, как инновационные часы.

Теперь можно было опять сосредоточиться на смысле книги, раскрытой прямо у неё перед носом. Она склонилась чуть ниже, вчитываясь в замысловатые руны, описывающие что-то довольно заковыристое, но в тот же момент довольно интересное, но Сорма внезапно выдала ещё один громкий, слишком громкий звук, напоминающий протяжный вой.

— Да сколько можно! — девушка захлопнула книгу. — Прекрати, и уберись здесь немедленно!

Сорма меланхолично пожала плечами. Её серое от грязи покрывало, пыль, лежавшая на всём вокруг, участок ковра, загрязнённый до невозможности, тарелка, немытая и покрытая слоем пыли, благо, хотя бы без объедков — всё это превратилось в одну сплошную и неистребляемую картину.

— Если тебе что-то не нравится, — провозгласила Сорма, — ты всегда можешь переселиться. А ещё лучше — убраться прочь из НУМа!

Котэсса с грустью вспомнила о том дне, когда впервые увидела соседок и подумала, что они нормальные. Тогда Рейна показалась ей более глупой и заносчивой, Сорма же проявляла чудеса понимания, рассказала, что да как, как следует себя вести и чего надо бояться. Но с того заявления профессора Куоки она превратилась непонятно во что — в злую, но не слишком умную ведьму.

Котэсса не понимала, почему её так задевало чужое отношение. Наверное, она просто не чувствовала за собою никакой вины, вот и не желала нести наказание за то, чего не совершала. Но Сорма полагала иначе, вот и преследовала её своим гневным взглядом каждый день.

Другие однокурсницы давно уже успокоились, прекратили эти ненормальные издевательства и расспросы о Сагрене. Слухи в университете тоже утихли, не одержав никакого подспорья. Котэсса приходила на кафедру, когда им надо было заниматься бакалаврской, но, хотя и не переходила на формальное "вы", не позволяла ничего лишнего. Сагрон тоже вроде бы успокоился, не допускал никаких грязных намёков, пресёк всю болтовню профессора Куоки.

Вероятно, только Сорма помнила высказывания их заведующего.

— Так же нельзя, — попыталась она обратиться к соседке. — Ты превращаешь в кошмар в первую очередь свою жизнь. И из-за чего?

— Пусть тебе всё-таки будет стыдно! — Сорма скрестила руки на груди и воззрилась на девушку. — Пусть ты страдаешь из-за того, что причинила мне боль — и продолжаешь её причинять одним своим существованием!

— И что мне сделать, чтобы тебе стало легче?

Котэсса подозревала, что услышит что-то вроде "умереть", но Сорма не была столь радикальна. Она задумалась на мгновение, а после выдала:

— Уговори доцента Дэрри взять меня в бакалавры вместо тебя. Он обязательно послушается, если что-то к тебе чувствует. А потом я его завоюю. Если он тебе не нужен, то почему бы не отдать его мне?

Рейна рассмеялась, а приёмник внезапно запел — мягкий мужской голос, доносившийся откуда-то из глубин тумбочки, заставил Котэссу окончательно отложить учёбу.

Она не сомневалась, что, даже если магией заставит его умолкнуть, ничего уже не поможет. Тем более, Сорма, услышав знакомую мелодию, принялась подпевать, и Рейна, не скрывая удовольствия, тоже взяла высокую ноту, довольно неприятную на слух.

В стену заколотили кулаками, но когда её соседки прислушивались к постороннему негодованию? Их соседям по этажу доведётся страдать от громких звуков точно так же, как страдала от них Котэсса.

Очередная встреча с Сагроном состоялась на сей раз не в одиночестве. Котэсса привыкла к тому, что на кафедру частенько кто-то забегал, но никогда не было постоянно присутствующих людей. На сей же раз профессор Куоки усадил Окора за соседний стол и что-то упрямо ему рассказывал.

Кажется, это вызывало улыбку у Сагрона. По крайней мере, он, периодически оглядываясь на размахивающего руками заведующего, тихонько хмыкал и опять оборачивался к Котэссе.

— И тут нет ни намёка на тишину, — покачала головой она. — Мне кажется, я скоро сойду с ума от окружающих меня громких звуков.

— Такова уж судьба людей в коллективе — постоянно терпеть присутствие посторонних, — согласился с нею Сагрон. — Если хочешь, мы можем выбрать другую аудиторию.

— Не стоит, — ответила Котэсса. — Мне и здесь удобно. Окор и профессор Куоки куда тише моих соседей по комнате.

Сагрон, наверное, расстроился из-за этого ответа, но, по крайней мере, виду не подал. Он только открыл книгу на какой-то формуле и тихо, стараясь не отвлекать заведующего и его студента от работы, принялся её объяснять.

Котэсса тоже склонилась поближе к книге; ей казалось, что таинственные символы, когда оказаться на минимальном расстоянии от них, сами по себе начинали перемещаться и переплетаться между собою. В полумраке кафедры это было особенно заметно.

За соседним столом что-то грохотало. Обычно они с Сагроном сидели там, ближе к окну, да и на более почтительном расстоянии. Тот стол был большим, стулья — удобными, да и простора хватало.

Этот же, крохотный, предназначался исключительно для одного человека. Узенький диванчик, приставленный к нему, перекрывал доступ любой другой мебели, потому сесть на что-нибудь иное не предоставлялось возможности.

Да это было практически кресло!

Котэссе не покидало ощущение, что она почти что сидела у преподавателя на коленях. Сагрон, кажется, тоже это чувствовал, но отодвинуться было некуда — их окружали громадные, напоминающие стены подлокотники дивана.

Девушка вздохнула и искренне попыталась сосредоточиться на том, что было написано в книге. Получалось не настолько плохо, как в комнате, и даже покоившаяся на талии рука Сагрона — она списывала это на всё ту же пресловутую тесноту, — практически не мешала.

— Не отодвигайся на самый край, — прошептал он ей на ухо, — не то свернёшь шею. Я не кусаюсь, моя дорогая.

— Я тебе не дорогая, — отозвалась Котэсса, но ближе всё-таки придвинулась. Тут и вправду было удобнее, но только хватка его стала ещё крепче, а рука сползла чуточку ниже. Котэсса сделала вид, что ничего не заметила; примерно так же притворился и Сагрон, когда увидел её не в привычных брюках, а в платье, за которым было куда легче спрятать фигуру.

Его, кажется, увеличила заклинанием Сорма, но Котэсса не обращала на это внимания. Она понимала, что на встречах с доцентом Дэрри уж точно не должна выглядеть красиво; маниакальное желание избавиться от его внимания преследовало её в последнее время с удвоенной силой.

— Итак, инновационные часы, как ты уже понял, одно из высочайших достижений человечества, — раздалось нудное за спиной. — А теперь, мой дорогой, попытайся определить, какие из представленных перед тобою деталей лишние для часов?

Окор как-то неопределённо замычал, и Котэсса едва сумела сдержать хихиканье. Шанук не понимал в часах ровным счётом ничего, тем более в инновационных, но профессор Куоки отказывался принимать эту простую истину. Он всё ещё надеялся на то, что гениальность Окора прорвётся на свободу совсем-совсем скоро.

Как жаль, что этого всё не случилось.

— Дети мои, — раздалось вдруг над самым ухом, и Котэсса почувствовала, как чужая тяжёлая ладонь легла ей на плечо. — Я так рад, что вы больше не ругаетесь. Как приятно видеть, что мои действия позволили создаться такой великолепной паре!

Сагрон сглотнул. Он явно чувствовал себя неловко; что уж говорить о покрасневшей, не знающей куда себя деть Котэссе.

— Очень жаль, что, хотя это дало толчок вашим отношениям, оно совершенно не помогает бедному Окору, — покачал головой профессор Куоки. — Сагрон, может быть, ты сумеешь повлиять на этого мальчика? Он кажется совершенно растерянным.

— Шанук! — послушно окликнул напоминающего уже не петуха, а мокрого воробья Окора Сагрон. — Тебе не кажется, что ты должен больше сил вкладывать в инновационные часы? Я надеюсь, ты избавился от своего лишнего увлечения?

— Какого увлечения? — уточнил Куоки.

— Он прежде трудился в одном заведении, — пояснил Сагрон. — Магическом. Именно потому и забросил учёбу. Но теперь отчаянно пытается наверстать! И если у него не будет получаться, мне придётся посетить то самое место...

Окор с удвоенной внимательностью уставился на детали часов и принялся даже что-то складывать. Котэсса тихонько хихикнула; профессор Куоки списал это, впрочем, на восторг влюблённой барышни.

Заведующий отступил к своему подопечному и внезапно вскрикнул от ужаса.

— Окор, мой мальчик! — воскликнул он. — Что ты собрал! Это ведь обыкновенные часы, и они не имеют никакого отношения к инновационным!

— Я использовал лишние детали, — нашёлся Шанук. — Ведь разве вы не предоставили два комплекта, для инновационных и для обычных часов, чтобы продемонстрировать между ними мне радикальную разницу?

— О, ты понял это, мой дорогой! — Куоки от переизбытка чувств даже погладил студента по голове.

Тот скривился. Политые доброй дозой магического закрепляющего зелья волосы, кажется, после действия профессора Толина потеряли свой товарный вид. Котэсса не сомневалась в том, что Шануку вечером было ещё выходить на смену в своём ресторанчике, и он сидел тут, проклиная на все лады ненавистного профессора за задержку, но выдать недовольство не мог. Всем нужен диплом — не то обязательно утащат в войска, без промедления, ну, или хотя бы просто выгонят с работы. Даже в ресторане подавать еду должен дипломированный боевой маг, ну что за порядки?!

Хотя, Котэсса не отрицала возможность принятия Окора на работу исключительно из-за его профессии. Все уважающие себя заведения хотят иметь как минимум одного мага, ради мер безопасности, а Шанук ещё и выполнял двойную работу. Чем не выгода?

— А теперь собери инновационные часы из того, что осталось, — Куоки ласково улыбнулся. Котэсса прямо чувствовала эту мягкую, приятную улыбку, застывшую на губах профессора, и задалась вопросом, сколько ему было лет. Толин был старым в глазах студентов, да и только, а о его настоящем возрасте никто и не спрашивал.

Котэсса вспомнила внезапно о тридцати годах брака. Лет шестьдесят пять, не больше, верно? Выглядел Куоки немного старше, может быть, потому, что не соответствовал классическому образу пожилых боевых магов, обычно выглядевших лучше обыкновенного народа благодаря горе навешанных на них заклинаний. Для профессионала-чаровника возраст в принципе не преграда, они и чувствуют себя лучше обыкновенного народа, потому что физическая нагрузка и вечные бега, с которыми связано боевое волшебство, содействуют хорошей сохранности организма.

— Сосредоточься на работе, — прошептал ей на ухо Сагрон, и Котэсса едва заметно содрогнулась. Легко сказать — сосредоточься, а чего ж он тогда придвинулся к ней так близко, да ещё и прижимает к себе, словно какую-то собственность! Можно подумать, что сюда сейчас кто-то вбежит и попытается вырвать Сагрона из загребущих преподавательских лап.

Котэссе хотелось бы сказать, что она и не возражала бы, вознамерься кто-то её спасти от участи сидения с Сагроном в одном кабинете на этом кресле-диванчике, но лгать девушка не любила. Она мечтала его возненавидеть, с удовольствием испытывала бы отвращение, но подсознание, совершенно женское, обладающее, воистину, каким-то странным желанием получить лучшее из представленного и утереть всем завистницам нос, прочно уцепилось за Сагрона и не желало отпускать его ни на шаг. Да что там, даже на полшага не хотело!

Неприятно признавать, но к его вниманию было как-то очень легко привыкнуть, что ли. И сколько бы девушка ни воевала за собственную свободу, от этих встреч она тоже получала какое-то странное удовольствие, и не во всём объёме оно было сопряжено с наукой.

— Вот очень интересное заклинание, — Сагрон перелистнул несколько страниц. — В принципе, мы можем основать наше исследование на общих принципах, а можем на направленности каких-то одиночных чар. Ты хочешь работать с качественным или с количественным показателем? Количественный легче будет измерить...

— С помощью инновационных часов!

Сагрон едва ли не подпрыгнул на месте, и Котэсса тоже содрогнулась от громкого голоса, прозвучавшего практически над ухом. Профессор Куоки со сверкающими от довольства глазами смотрел на своего бывшего выпускника и нынешнюю выпускницу, так, словно уже придумал, как именно заставит их присоединиться к его научной школе.

— А ещё мне кажется, — заговорщицким тоном промолвил он, — что у вас получится прекрасное сотрудничество с Окором. Сейчас он соберёт инновационные часы...

Котэсса вперила взгляд в книгу, сделав вид, что увлечённо читает, и Куоки повернулся к Сагрону, не менее требовательно, чем мгновение назад смотрел на девушку. Мужчина тоже явственно побледнел, хотя обычно это было незаметно, и кашлянул, словно пытался придумать предлог — и сбежать поскорее.

— Господин профессор, — начал он неуверенно, — инновационные часы, конечно, очень чувствительны к магии, но ни я, ни студентка Арко не способны опуститься до такого уровня детализации. Полагаю, мы будем работать с качественным показателем, да, моя дорогая?

И, словно намекая профессору Куоки на то, что пора бы и удалиться, Сагрон осторожно погладил её по спине.

Тэсса содрогнулась. Собственно, за такое своеволие она должна была вспыхнуть от возмущения и оттолкнуть мужчину, но, вероятно, сделано это было для дела. Профессор Куоки, хмыкнув и почесав лысый лоб, отступил обратно к своему студенту.

— Ну, значит, качественный, — согласилась она, и Сагрон, оживившись, принялся рассказывать о деталях будущего проекта.

На кафедре стало ощутимо жарче. Котэсса не знала, чем это объяснить, но чувствовала, что из неё разве что не шёл пар. Сагрон тоже, казалось, испытывал определённый дискомфорт, хотя и делал вид, что всё в порядке. Он закатал рукава своей рубашки, стандартно тёмной, как и почти весь состав его гардероба — она своими глазами видела, — и опять потянулся, чтобы перелистнуть страничку книги.

Через правую руку тянулся длинный, узкий ожог странной изогнутой формы.

Котэсса застыла, сверля его взглядом. Сагрон, казалось, не обратил внимания на знак на своей коже и продолжил увлечённо рассказывать о тематике, но она никак не могла отвести взгляд от его раны, уже наполовину зажившей.

Неужели... Неужели это то, о чём она думает? Какая-то женщина?

На самом деле, это могло быть просто случайное прикосновение. Мало ли. Она помнила, как в самом начале Сагрон страдал от случайных нападков со стороны студентов, а сейчас ещё и охотно верила в то, что такое могло быть возможно. Она ведь видела одержимость Сормы, так зачем желать от всех остальных логики и скромности поведения?

Вот только ревности было всё равно, кто именно стал причиной такого знака на его руке. Она всколыхнулась с неожиданной яркостью, и Котэсса сжала зубы, стараясь игнорировать собственные чувства.

Какое у Тэссы было право ревновать? Никакого. Она просто прокляла его, ещё и случайно, а не преследуя какую-нибудь цель, она сама едва ли не испортила ему жизнь, а может, и испортила тоже, а теперь будет предъявлять претензии?

— А это, — она протянула руку и коснулась его шрама, но тот не спешил пропадать. Сагрон покосился на рану и только равнодушно пожал плечами.

— Обжёгся о край котла, — пояснил он. — Всё-таки, не следовало мне...

Он не договорил, потому как в следующее мгновение температура в комнате подскочила до невообразимых высот. Дышать в какой-то миг стало и вовсе невозможно. Сагрон, будто предвосхитив это, напрягся, как тот дикий кот на охоте, а после ринулся на пол, увлекая Котэссу за собой.

Краем глаза она заметила, что где-то там же лежал и профессор Куоки, с довольной улыбкой закрывающий голову руками. Она сама, застыв в объятиях Сагрона, боялась даже пошевелиться — над ними что-то сверкало, вытесняя воздух.

Прошёл миг, и всё успокоилось. О случившемся напоминала лишь обгоревшая полоса, тянувшаяся на уровне метра от пола по всем стенам. Тоскливо шелестели странички открытой книги, пережившие огненное нападение почти что удачно.

Окор сидел на столе, пугливо поджав к груди, и оглядывался с таким видом, словно не понимал, что произошло. Рядом с ним, у самого края стола, оказались инновационные часы в собранном варианте.

— Замечательно! — воскликнул Куоки, поглядывая на обгоревшие волосы своего ученика практически с восторгом. — Просто великолепно! Теперь инновационные часы исполняют ещё и защитную функцию...

— Ещё пара сотен экспериментов, и они наконец-то станут показывать время, — заключил Сагрон, поднимаясь и протягивая руку Котэссе. — Вставайте, студентка Арко.

Шрама на его коже больше не было.

Глава 19

"Качественная мера магии зачастую определяется соотношением магического результата и количеством вложенной в него энергии. Особенно лёгким считается определение дозировки в том случае, если полученное легко измерить или рассчитать. Особенно интересным считается просчёт минимальной дозировки определённых заклинаний, дающих в итоге стабильный, ни от чего не зависящий результат, не пропорциональный магическим вложениям. Направленная на исследование таких заклинаний работа позволяет в будущем составлять мерки и экономить энергозатраты при использовании вышеупомянутого вида волшебства".

Котэсса выдохнула. Абзац получился красивым. Писать спецкурсовую, впрочем, оказалось не так прекрасно, как о том говорил Сагрон, но, по крайней мере, она была свободна от лишней работы и могла тратить своё время на тематику, которой занималась, а не на очередную ерунду профессора Куоки. Как он согласился заменить тему с инновационными часами на тему с магическим дозированием, девушка понятия не имела, но, однако, Сагрон и его песни о чувствах явно имели на заведующего немалое влияние.

Она уже даже ругаться с ним перестала. Терпеть Сагроновы изречения приятнее, чем профессора Куоки, а темы у него в разы адекватнее. Да и... Сколько б Котэсса не отрицала свои чувства, они были. И ревновала она, и иногда даже радовалась тому, что, хоть и случайно, прокляла его тогда, а теперь он действительно никуда не мог от неё деться. Наверное, что-то было такое в Сагроне, что трудно игнорировать любой нормальной девушке. Нет, она искренне пыталась, делала вид, что не замечает и фамильярностей, на которые он её подбивал, и цепких заинтересованных взглядов, а всё равно не получалось.

Мотнув головой, Котэсса вновь склонилась над листом бумаги, продолжая запись актуальности.

"Таким образом, исследования в области..."

За спиной что-то с ужасающим треском разбилось.

Котэсса тоскливо посмотрела на календарь. День всех влюблённых! Двести девяносто девятый день года. И кто только придумал такое? Поиздеваться они, что ли, решили над всеми теми, кто не страдает особенными чувствами.

— А я хочу, чтобы вы немедленно ушли отсюда!

Котэсса оглянулась на Сорму. Та, как обычно, свято уверенная в собственном исключительном праве на комнату, на требование Рейны только сердито поджала губы.

Рейна схватила вторую тарелку и занесла её над головой. На самом деле, бить что-либо было строго запрещено, но её это сегодня не волновало. А что? Котэсса потом всё склеит, всё починит, наколдует до измождения, а её соседки повторят опять свой концерт по заявкам, требуя очередных благ, которые им никто бы в своём уме никогда и не позволил.

— Я требую, чтобы вы покинули комнату! — повторила она. — Я никогда ещё не приводила к себе своего молодого человека, но мы с ним сгораем от любви и просто не можем больше ждать. Я не могу больше ждать! Я устала от одиночества!

Сорма взвыла. Громко так, с чувством, с толком, с расстановкой, она чётко взяла ноту и не собиралась прерываться ни на секунду. Магический приёмник, реагирующий на девичий голос словно на приказ включиться, тут же заиграл. Ещё и мелодия попала такая противная, что Котэсса даже прониклась сочувствием ко всем, кто мог это услышать.

— Вон! Вон! Вон! — скандировала Рейна, бросаясь из одного угла во второй. — Я хочу, чтобы никто не посмел испортить мне этот вечер!

Котэсса попыталась сосредоточиться на уже написанном. Она должна закончить сегодня вступление, иначе это никуда не годится. Дописать хотя бы эти несколько строк... Ведь как она без этой курсовой будет продвигаться дальше в бакалаврской? А с такими криками, что раздавались у неё за спиной, можно было сойти с ума от раздражения, если честно.

— Вон! — прогрохотали прямо над головой, и девушка окончательно осознала, что добра не будет.

— Ну куда, по-твоему, мне идти? — она вскочила со своего места и обернулась на Рейну.

В комнате творился самый настоящий хаос. На полу валялась целая гора стеклянных осколков, поверх них — на воздушной подушке, разумеется, чтобы не пораниться, — лежала ленивая и ещё больше поправившаяся Сорма, вытянувшая свои не шибко длинные ноги так, чтобы Рейна, пытаясь добраться до своей части комнаты, обязательно зацепилась и упала. Вещи — среди них Котэсса

узнала и свою блузку, — валялись на полу безумным комом.

— Мне нужна свободная комната ровно до полуночи, — ласково улыбнулась Рейна. — Разве у тебя нет кого-нибудь, с кем бы ты могла погулять?

Котэсса закатила глаза. Погулять? Да она хотела работать, а не терпеть требования своей влюблённой соседки.

— Ага, она сейчас пойдёт, будет охмурять моего бедного Сагрона! — вклинилась в разговор Сорма. — Оплетёт его своей паутиной, проклятая ведьма, затащит в свои любовные сети. Бедный, бедный, он так страдает от того, что меня нет рядом.

— Всё, с меня хватит, — Котэсса достала сумку, с которой обычно ходила на занятия, и швырнула в неё уже написанную часть курсовой, несколько чистых листов и книгу, с помощью которой осваивала теоретический материал. — Хотите, чтобы я ушла — пожалуйста.

— Э, а убрать?! — возмутилась Рейна. — Ты должна привести комнату в порядок.

— Сама приберёшься, — огрызнулась Котэсса. — Не я била эти тарелки, не я разбрасывала вещи и не я выла весь вечер.

— Но Тэсси!

— И я вам не Тэсси, — девушка буквально вылетела из комнаты, надеясь на блаженную тишину коридора или хотя бы улицы, пусть там и было холодно да подходила к концу осень, но нет.

День влюблённых, само собой, повлиял не только на состояние её собственной комнаты. В коридоре тоже было очень шумно. Всюду витали какие-то алые, розовые и голубенькие сердечки, под ногами раскрылся портал, предназначенный, очевидно, для поимки красной девицы в качестве компании на следующую ночь. За окном взрывались фейерверки, кричали какие-то люди, вопили правоохранители. Выходить туда было, наверное, опасно, и Котэсса почувствовала себя пленницей сложившейся ситуации. И возвращаться в комнату тоже не хотелось; она всё равно ничего не успеет сделать.

Пересидит в какой-то кафешке, наверное, в укромном уголке. Там тоже будет отнюдь не тихо, но, по крайней мере, никто не будет её трогать.

Котэсса с лёгкостью перепрыгнула через портал, пытавшийся её поймать, отмахнулась от влюблённой парочки, целующейся в соседнем углу, и бодро направилась к выходу. Но, чем ниже она спускалась по ступенькам, тем громче становился шум. Внизу, собравшись плотной толпой у проходной, стояли студенты. Кто-то уже дрался, кто-то зализывал раны, но в большинстве своём они пытались прорвать защитную цепь, висевшую на двери.

— Не велено! — кричала комендант, и её громкий, зычный голос перекрикивал цветастую толпу. — Сказано же вам: не велено покидать общежитие! Все остаются в университете, во избежание...

Котэсса не стала слушать предостережение до конца, она только опёрлась спиной о каменную стену, тяжело вздохнула и закрыла глаза, пытаясь отыскать в себе силы вернуться обратно к соседкам. Из общежития сегодня точно не выйти. Она так легко переживала эти дни влюблённых прежде, когда жила у тётки, а сегодня — ну просто кошмар! Три предыдущих курса надо было просто запереться в своей комнате, скрываясь от других жильцов, навестить звукоизолирующих заклинаний да спать себе спокойно. Но сегодня куда деваться? Окружить кровать пологом темноты, чтобы не видеть, не слышать того, что происходит за гранью тонкой начертанной полосы? Да ещё и сделать его непроницаемым, чтобы и её никто не видел?

Да, замечательное решение, конечно, но забирает слишком много сил. Праздник того не стоит.

— Эй, красавица! — окликнул её кто-то, и Котэсса вмиг пожалела, что вообще вышла за границы собственной комнаты. — Тебе грустно? А не хочешь составить нам компанию на вечер?

— Не хочу, — огрызнулась Котэсса. — Мне есть кому составлять компанию.

— А может, подумаешь?

Она зло посмотрела на прицепившегося к ней молодчика. Тот был явно курсом или двумя младше, темноволосый, всколоченный, словно какая-то птичка не особо крупных размеров, и бесконечно наглый на вид. Но руку уже протянул, и Котэсса, прошипев сквозь зубы заклинание и оглянувшись на троих его компаньонов, подступивших к ней с другой стороны, рванулась по коридору.

Она так и не выучила толком общежитие, вероятно, для этого надо было стать его жительницей ещё с самого первого курса, но помчалась по ступенькам вверх, свернула куда-то наугад, опять

перепрыгнула через очередной портал, отогнала взмахом руки фейерверк, залетевший в окно, и оказалась внезапно среди тишины.

Преподавательские коридоры!

Она оглянулась. Тут было темно, почему-то светильники, стандартно светившиеся у каждой двери, угасли. Преподавателей, казалось, не было даже на месте, и за дверьми тоже ничто и не шелестело.

Шумело только в одной квартире. Знатно шумело; что-то падало, что-то подпрыгивало, что-то звенело.

Комната Сагрона.

Котэсса застыла у двери и оглянулась. Преследователей не было видно, но она ен сомневалась, что ошалевшие младшекурсники, выпившие больше, чем было им положено, нагонят и явятся в этот коридорчик тоже. Не то чтобы она их боялась, но ведь её обязательно накажут, если что-нибудь пойдёт не так — обожжёт, например, или кого-нибудь проклянет сильнее, чем следовало. А ведь проклинать невинных наказуемо!

Она протянула руку и, отбросив все сомнения прочь, постучала в дверь.

Опять что-то загремело. Рухнуло. Послышалось раздражённое шипение, ворчание, а потом дверь осторожно приоткрыли, так, чтобы была только щель.

Сагрон сквозь эту щель словно просочился, перекрывая собою весь обзор, и Котэсса почувствовала, как почти забытая ревность вновь проснулась и зарычала, будто раненный, загнанный в угол зверь.

— О, Тэсси, это ты, — неловко улыбнулся он.

Доцент Дэрри нынче совершенно не оправдывал собственное научное звание, по крайней мере, внешне. Рубашки на нём не было, только какие-то штаны — с дыркой на колене, между прочим, — и цепочка ожогов, тянувшаяся через всю грудь.

Обращать внимание на красоты мужской фигуры Котэсса не стала; она смотрела на него уже даже не с подозрением, а почти с ненавистью. Неужели даже проклятье не способно остановить его от...

Впрочем, что она устраивает? Зачем вообще пришла? Чтобы увидеть его барышню, ради которой Сагрон готов даже переступить через боль?

Он имеет на это полное право. А она...

— Я думал, это комендант, — с облегчением выдохнул мужчина. — Она уже трижды обещала меня выселить, а после такого обязательно привела бы угрозу в действительность... Ты заходи, заходи, — он посторонился и шире открыл дверь. — Так что случилось?

Она заглянула через его плечо и удивлённо моргнула. Посреди комнаты стоял здоровенный котёл, кипевший на магическом огне, и, кажется, в нём что-то варилось. Это что-то разбрасывало брызги в разные стороны с невообразимой наглостью и упорством, да и, к тому же, совершенно не скупилось на шипение и болотистого цвета капли, покрывшие стены неплотным слоем.

Котэсса не успела и отшатнуться, когда Сагрон втянул её в комнату за руку и заклинанием закрыл дверь. Она только удивлённо оглянулась.

— Значит, эти ожоги...

— Да я как не пролью его на себя, так что-то ещё сделаю! — Сагрон раздражённо пнул ногой котёл. Тот выдержал и, кажется, решил не переворачиваться на обидчика до поры до времени. — У меня по зельеварению никогда пятёрки не было, всё время делал что-то не так. А ты о чём подумала?

Котэсса отвела взгляд в сторону, стараясь не выдать собственное смущение, но, кажется, Сагрон успел заметить.

— Ты можешь одеться? — попросила она. — Или это обязательно — готовить зелье без... хотя бы элементарной одежды?

— А? Я ж в штанах, — пожал плечами Дэрри. — У меня рубашка просто сгорела, а я не хочу новую портить.

— Нет-нет, всё в порядке, — Котэсса попыталась было поднять на него глаза, но опять покраснела и решила больше не повторять эксперимент. — Я пойду?

В коридоре слышался чужой топот. Обнаглевшие младшекурсники явно хватали через край,

отправившись уже в преподавательское крыло и дёргая за дверные ручки. Сагрон хмыкнул и притянул Котэссу к себе.

Дверь распахнулась настежь. Юнцы застыли на пороге, глядя на неё — и на него заодно, — с подозрением.

— Видите ли, молодые люди, — довольно протянул Сагрон, — эта девушка — не свободна. Боюсь, вы немного опоздали со своим приходом. Вам следовало найти её примерно полгода назад. Или вы хотите вызвать меня на дуэль? Я готов, — он протянул руку и коварно забормотал какое-то страшное заклинание.

Юнцы закричали, с ужасом переглянулись и бросились прочь. Вероятно, в гневе доцент Дэрри был очень страшен; Котэсса же не сдержала смех. Отразившийся на лицах парней испуг был крайне живописным; следовало бы запечатлеть на магической фотографии, но она, увы, не успела.

— Теперь они тоже будут распускать слухи о нашем романе, — вздохнула Котэсса. — А что это такое? — она указала на котёл, и тот в ответ чихнул в её направлении зелёной жижей.

Сагрон вовремя оттянул её от пенящейся жидкости и стряхнул с её брюк — может быть, очень нагло стряхнул, — лишнюю грязь.

— Это заказ Жодора Ольи. Он очень сильно хочет избавиться от своего хвоста, потому попросил придумать что-нибудь от его проклятия. От нашего, точнее. Но это только от симптоматики, так что лучше не рисковать с нарушением. И я не знаю, сработает ли. Для верности нужен ещё один компонент.

— Какой? — Котэсса опять заглянула в котёл. На сей раз зелье вело себя дружелюбнее и в неё практически не плевалось.

— Смеяться будешь: кровь невинной девы. Так что ты, повторюсь, очень удачно зашла.

Сагрона, казалось, совершенно не волновало то, что он был практически раздет. Котэссе же это заботило, и очень; когда мужчина сделал шаг к ней навстречу, она попятилась и едва ли не угодила в котёл.

— Да капельку! — неправильно истолковал он её испуг. — Я ж не собираюсь пить из тебя кровь, как какой-то упырь. Тебе даже больно не будет.

Котэсса отрицательно мотнула головой.

— Ради Жодора?

— Ради меня, а? — Сагрон улыбнулся так искренне, что она даже в какой-то момент поняла влюблённость Сормы и посочувствовала ей. Это же надо — полюбить такого, как доцент Дэрри.

Котэсса это состояние отлично... Осознавала.

Он подошёл вплотную и наконец-то поймал её руку, раскрыл ладонь и осторожно уколол непонятно откуда появившейся иглой палец. Алая капелька, скатившаяся по коже, упала в котёл, и жидкость тут же успокоилась. Казалось, даже цвет её из отвратительного болотистого оттенка стал светло-салатовым, и то, стремительно бледнеющим. Секунда-вторая, и жидкость окончательно побелела, разве что сохранила за собою мягкий полутон зелёного.

Сагрон склонился к Котэссе и коснулся губами почти незаметной ранки. Она вздрогнула; место укола тут же зажило.

— Если у тебя, — хриловато прошептала она, сама не зная, куда пропал голос, — будет такая уж потребность снять последствия проклятия, то, в конце концов, на это есть я.

— Да, — согласился Сагрон, — но я очень надеюсь не испытать на себе побочный эффект этой гадости опять. Посему, так как обратного заклинания нет, буду хранить тебе верность до самого последнего дня.

— Дня проклятия?

— Может быть, немного дольше, — Сагрон мягко улыбнулся. — Так что, почему ты почтила мою скромную обитель в такой прекрасный для всех влюблённых день?

— Я... — Котэсса запнулась. — У меня соседки устроили в комнате непонятно что, вот я и решила, что...

— Можешь прийти ко мне? Не верю.

И правильно делал. Котэсса сама себе сейчас не верила.

— Я думала уйти куда-то, — наконец-то призналась она, — но у нас общежитие уже закрыли. Вернулась в коридор, а там эти идиоты. Решила сбежать куда подальше, вот и пришла к тебе, совершенно случайно. Я думала, что смогу где-то пристроиться и спокойно дописать раздел курсовой...

Сагрон вздохнул. Казалось, в его глазах даже мелькнуло некое разочарование, хотя он, несомненно, пытался перевести всё в шутку.

— А я-то надеялся, что ты прилетела ко мне на крыльях любви.

Она только коротко хмыкнула и отвернулась от него, пытаясь спрятать взгляд. Сагрон ответил ещё одной неподражаемой улыбкой, и девушка отступила на шаг назад.

На сей раз она действительно что-то перевернула. Полыхнуло, едва не сожгло всю её одежду, причём сразу вместе с Котэссой, и девушка интуитивно отпрыгнула прочь от источника опасности, угодив сразу в преподавательские руки.

Мужчина прижал её к своей груди, сжимая до того крепко, что вывернуться из его цепких объятий она уже не смогла.

— Я, в принципе, не против, если ты останешься у меня переночевать. Или пожить, — он улыбнулся. — Или просто навсегда. Но ты ведь не согласишься, верно? Так или иначе, идти тебе сегодня некуда.

— Это ты виноват.

— Я? Я — несчастный влюблённый, которого так нагло отшивает его вторая половина, — фыркнул Сагрон. — А она сейчас стоит и смотрит на меня так, словно ни в чём не виновата, как будто ничего и не произошло.

— Поползут слухи.

— Они и так не шибко медленные.

— Но Сагрон!

— Что — Сагрон? Я ведь не настаиваю на чём-нибудь особенно тебя пугающем, — он усмехнулся. — Я предлагаю свою кровать тебе совершенно бесплатно, даже без снятия этого проклятия. В конце концов, я к нему почти привык.

И зачем она сюда пришла?

— Если всё это исключительно для снятия проклятия, — прищурилась Котэсса, — то почему ты тогда не можешь просто сварить какое-нибудь зелье?

Она ожидала, что Сагрон скажет, будто такое зелье в принципе невозможно создать, или, может быть, придумает что-нибудь ещё, но он только улыбнулся, перехватывая её поудобнее и прижимая к себе ещё крепче.

— Я, конечно, могу сварить зелье или даже подождать целый год, — хмыкнул он, — или, в конце концов, заняться коварным соблазнением своей прекрасной студентки, но почему ты так нагло отрицаешь тот факт, что мне может быть просто приятно находиться рядом с тобой?

— Элеанор говорила, что проклятый испытывает влечение к той, что его прокляла, — пробормотала она. — Это всё из-за этого. Как только проклятие спадёт...

— Меня оно в этом плане вполне устраивает.

— Я отказываюсь снимать его... Тем способом, который предлагает Элеанор.

— Я ж не настаиваю, — Сагрон подался к ней, не позволяя увильнуть, так, что их губы практически соприкасались, и выдохнул: — Но неужели за своё великолепное терпение я не заслуживаю один короткий, невинный поцелуй? Тэсси, ведь я готов бросить к твоим ногам едва ли не весь мир, а ты так старательно отрицаешь все мои шансы.

— Ничего я не отрицаю...

— Нет во мне веры в твои слова.

— Да?

Котэсса смутилась окончательно. Спорить с Сагроном, если честно, всегда было невыносимо, и она практически не сомневалась в том, что рано или поздно он окончательно задурит ей голову.

Девушка поклялась себе держаться до последнего.

— Тэсси, — и когда это она оказалась у стены? — я действительно ни на чём не настаиваю. Но, моя дорогая, разве мы не можем попробовать?

— Снять проклятие? Нет, мы не можем.

— Зачем сразу снимать проклятие? — Сагрон коварно и, наверное, соблазнительно улыбнулся. — Это совершенно лишнее — бросаться с моста в реку. Но если весь университет болтает о нашем романе, почему бы не сделать их слухи реальностью?

— Я с тобой... не буду, — слово, особенно пугавшее её, Котэсса мудро упустила. Сагрон вздохнул.

— Тебе некуда идти, — отметил он, так и не убрав, между прочим, руки. — Я предлагаю... временную крышу над головой, раз уж ты не хочешь сегодня возвращаться к своим соседкам, и, предположим, немного более неформальные отношения. Или, может быть, ты в кого-то безгранично влюблена?

Он склонился чуть ниже, и теперь дыхание нагло щекотало её шею. Котэсса, сама того не желая, тихонько хихикнула и попыталась опять вывернуться из чужих объятий, но выглядело это уже как скорее попытки мышки стянуть сыр, но не попасться в мышеловку. Неудачные попытки.

— Нет, — наконец-то сказала она. — Но это не даёт тебе права... — девушка тихонько вскрикнула, когда чужие губы коснулись её шеи. — Не даёт тебе права ко мне приставать! Может быть, я всё ещё мечтаю встретить своего принца на белом коне?

— Я могу одолжить белого коня. Я подойду?

— Нет! — Котэсса ударила его по руке, но это, кажется, тоже не возымело должного эффекта. — Ну Сагрон, прекрати!

— Тебе ведь приятно? — рассмеялся он — и, продолжая свои действительно бесчеловечные эксперименты, легонько укусил её за шею. Котэсса взвилась так, словно зубы на её горле сжала как минимум коварная змея.

— Прекрати!

— Если ты согласишься забыть о модели отношений научный руководитель-студент, я сию же секунду тебя отпущу.

— Хорошо, — почти безвольно выдохнула она. — Я согласна. Отпускай.

Сагрон отступил на четверть шага назад и посмотрел на неё так, словно впервые в жизни увидел.

— Ты красная, словно мак, Тэсси, — протянул наконец-то он. — Слушай, ты хоть с кем-то встречалась?

— С маминими кандидатами на мою руку и сердце, — буркнула она. — В полтора раза старше, ниже и шире. Ты, между прочим, тоже в полтора раза старше!

— Меньше, — безропотно улыбнулся Сагрон. — И точно не ниже.

Девушка шмыгнула носом, явно порываясь обидеться, но промолчала. Посмотреть ему в глаза она так и не решилась, и Дэрри вновь приобнял её, уже мягче, почти трепетно, словно боясь спугнуть.

— Я тебе обещаю, что никаких лишних слухов не будет, — шепнул он Котэссе на ухо. — И что я не переступлю грани дозволенного, пока ты не будешь к этому готова. Но перестань наконец-то смотреть на меня, как на обыкновенного преподавателя, это, признаться, задевает мою гордость.

Котэсса, кажется, успокоилась и обняла его в ответ, даже опустила голову на плечо и устало закрыла глаза, смирившись со своим положением пленницы. Мужчина поцеловал её куда-то в висок — она не концентрировала на этом внимания, — и оглянулся.

— Я полагаю, нам всё-таки лучше перебраться в спальню, — сообщил он и, прежде чем Котэсса вновь успела возмутиться, дополнил: — Во-первых, там чисто и не плюётся зелье, а во-вторых, ты явно хочешь спать. Не на диване же тебя укладывать, верно?

Она спорить не стала. Возвращаться к соседкам не было никакого желания, воспоминания о широкой и мягкой кровати Сагрона, сохранившиеся ещё с лета, были однозначно приятнее, чем те,

что касались Рейны и Сормы, да и с ним Котэсса чувствовала себя почти что под защитой. Надёжной, а не шаткой и неуверенной.

— Хорошо, пойдём, — подчинилась она. — Но ничего лишнего! И никаких попыток...

— Снять проклятие?

— Именно.

— Хорошо, — кивнул Сагрон. — Не буду. Клянусь.

Котэсса, хоть это и было глупо, позволила себе поверить.

Глава 20

Жодор топтался на одном месте с видом оскорблённого медведя и смотрел на Сагрона так, словно тот задолжал ему душу в недавней схватке. Сагрон этот пристальный взгляд упрямо игнорировал, да ещё и с таким видом, словно не понимал, зачем вообще доцент Ольи переступил порог его скромной подсобки. Необходимое зелье, впрочем, не прошедшее клинические испытания, покоилось в его кармане, и мужчина не спешил выдавать Жодору его месторасположение.

— Вы что-нибудь хотели, доцент Ольи? — уточнил он, переставляя бумажки с места на место.

— Я хотел своё зелье. Или как вы собираетесь освободить меня от хвоста? Может быть, это какое-то заклинание?

Хотя Сагрон и вызывался помогать доценту Ольи, признаться, он испытывал страстное желание заставить его хоть немножечко помучиться, выстрадать эту маленькую бутылочку. Может быть, оттого, что Жодор никому в жизни ничего хорошего не сделал, а может, просто из вредности. Он задержался бы и на дольше, но, увы, время поджимало, и мужчина собирался отправиться сегодня к Котэссе, так что...

Избавиться поскорее от надоевшего коллеги и отправиться по своим делам.

— Вы обещали мне помочь! — голос Жодора зазвучал совсем уж тонко. — Неужели все старания зря?

— Ай, ну вас! — досадливо махнул рукой Дэрри. — у меня что-то получилось, но я на себе эксперименты не ставил, так что не знаю, сработает или нет. Побочные эффекты вроде бы должно снять, но...

Он вынул было из кармана бутылочку и собирался отмерить Жодору в стакан несколько капелек, но не успел. Тот протянул свою пушистую руку, едва не оцарапал новообразовавшимися когтями его плечо и выхватил-таки пузырёк, откупорил его — коготь знатно разрезал бутылочный корок, — и выплеснул себе в рот всё содержимое.

— Вообще-то, — отметил Сагрон, — я предполагал, что это зелье будет для внешнего применения. Но уж если вы его выпили...

Жодор икнул и тут же пугливо схватился за живот.

— Оно ядовитое? — спросил он дрожащим голосом.

— Нет, — отмахнулся Сагрон. — Там нет ничего вредного. Но, если вы не знаете, для зелья такого характера используется интересный список ингредиентов... Наколдуйте себе, будьте добры, тазик, я не хочу, чтобы отходы мышьиной жизнедеятельности оставили следы на моём полу.

Жодор зажал рот ладонью — и в тот же момент поражённо уставился на вторую свою руку. Медленно, но верно шерсть начинала расти.

— Мне стало только хуже! — взвыл он. — Что ты наделал, глупец!

— Не стоит так радикально выражаться, — безропотно пожал плечами Сагрон. — Мне кажется, надо подождать.

За спиной замотылялся хвост. Дёрнувшись пару раз в предсмертных конвульсиях, он наконец-то соизволил отпасть, и Сагрон проводил его пристальным, холодным и совершенно равнодушным взглядом.

Второй был более устойчивым. Для начала он вырос в полтора раза, достиг ширины крокодильего, а после стрелой ринулся вперёд, утягивая за собой и Жодора, и отпал только в нескольких сантиметрах от противоположного окна, кончиком коснувшись стекла.

Это действительно был крысиный хвост — надо же, а ведь их на самом деле в последнее время большой дефицит! Сагрон не сомневался, что такое приобретение следует сохранить; мало ли, вдруг ему где-то пригодится. Или сдать это чудо на кафедру Зельеварения, там в последнее время хвосты и крысы были в почёте.

Рог, появившийся на голове у Жодора неделю назад, тоже зашатался, закрипел и упал наконец-то ему под ноги. На голове осталась только шишка, словно кто-то очень сильно ударил его по голове, но это как раз-таки можно было нивелировать коротеньким заклинанием.

Шерсть тоже выпала. Она осыпалась горкой на пол, благо, не на книги, а после превратилась в пепел под строгим взглядом Сагрона, сама себя подмела и пропала куда-то.

— Вы мой спаситель! — Жодор благодарно посмотрел на бутылочку. — Я свободен! На мне больше нет этого отвратительного проклятия!

— Я бы не ручался... — начал было Сагрон, но его явно не слушали. Едва ли не подпрыгивая, Жодор бросился прочь. Он проигнорировал и собственную дочь, вошедшую в подсобку, едва не сбил с ног несчастного Ролана, задержавшегося в дверном проёме, да и вообще, напевал песни не слишком цензурного содержания. Сагрон поражался, как обыкновенный человек мог так сильно радоваться новообретённой свободе.

— У него пропал хвост, — отметила Элеанор. — Странно, мама вряд ли позволила бы ему так легко отделаться.

— Это ваши семейные дела, — Сагрон не стал рассказывать ей о зелье. — Когда свадьба, влюблённые?

Ролан и Элеанор, как по команде, отступили друг от друга в разные стороны и сделали вид, что не услышали вопрос. Лантон, между прочим, ещё и шагнул так, чтобы оказаться подальше от своего друга.

Дэрри перестал удивляться его поведению уже давно. С той самой поры, когда он застал их — пусть и не подал виду, что что-то заметил, — на кафедре, Лантон стал сам не свой. Отношения Элеанор и Ролан, несомненно, скрывали, как и всякие научный руководитель и его подчинённая, Сагрон и сам так делал, но вот зачем было разрывать все контакты с внешним миром...

Так или иначе, Лантон, прежде довольно общительный, теперь разговаривал с кем угодно, но только не со своим другом. Он боялся его, словно огня, всякий раз сбежал на противоположный конец не слишком широкого НУМовского коридора, делал вид, будто бы не слышит, когда к нему обращается, и степенно отворачивался, стоило только Сагрону пройти мимо.

Дэрри не обижался. Ну, не хочет общаться человек — пусть и не общается.

— Да ну вас, — совершенно равнодушно пожал плечами он и покинул подсобку, оставив на столе все свои рабочие книги, которые при Жодоре столь уверенно и упорно искал. Сагрон подозревал, что сегодня наука ему точно не понадобится; например, по той причине, что был последний рабочий день недели, и он не сомневался в хорошем его завершении.

Главное задание — не попасться на глаза профессору Куоки. Но тот, впрочем, до того увлёкся Окором и своими инновационными часами, что не обращал ни на кого больше внимания. Порой Сагрону казалось, что на заседаниях господин профессор смотрел сквозь них и считал баранов в воздухе. Но это было, впрочем, тоже не его дело.

...Он успешно миновал кабинет заведующего, хотя пришлось промчаться мимо него, ещё и бесшумно — он не хотел быть приглашённым на очередной эксперимент с часами. В любом случае, в последнее время механизмов в жизни их кафедры стало слишком много. Сагрон уже почти поверил в собственную свободу, но после узрел то, что испугало его даже больше профессора Куоки: доцент Ойтко, держа Котэссу за руку, упорно втолковывала ей какие-то прописные истины.

— Литория! — Сагрон заставил свой голос звучать бодро, хотя видеть её хотелось меньше всего на свете. — Что-то случилось? О чём идёт речь?

— Собираю студенческую делегацию, что повстречает наших гостей с артефактом, — сообщила гордо Ойтко. — Мне надо, чтобы все туда пошли!

— Это аж через двадцатку, — удивился Сагрон. — Зачем же так рано искать добровольцев?

— Чтобы они не сказали, что заняты, и не успели как-нибудь открутиться, — пожала плечами Литория. — Я уже стрелянный воробей, прекрасно знаю, чем это обычно заканчивается. Ходят, крутят носом, рассказывают, что их слишком поздно предупредили. В этот раз так не будет! Так что, Котэсса...

— Простите, Литория, но студентка Арко мне нужна. Срочно, — Сагрон сделал такое серьёзное лицо, что Литория даже испугалась его строгого внешнего вида. — Я обязан переговорить с нею наедине.

— Это не может подождать? — грустно уточнила Ойтко. — У нас, между прочим, тоже деловой разговор.

— Это дело государственной важности! — возопил Сагрон. — Если мы не разберёмся с нашей проблемой, то на сессии будут проблемы у всей группы. Так что вы не имеете никакого права сдерживать Котэссу. Мне необходимо обсудить с нею определённые вопросы.

— Но...

— Доцент Ойтко, — он скрестил руки на груди. — Это не обсуждается. Студентка Арко, пойдёте.

Котэсса сделала вид, что очень расстроилась, низко склонила голову и поплелась за ним с таким лицом, словно её отправляли на казнь. Платье — девушка редко их носила, а вот сегодня предпочла женственный наряд уже привычным брюкам, — кажется, очень хорошо содействовало образу невинной жертвы.

Сагрон открыл перед нею дверь другой подсобки, пропустил вперёд, вошёл следом — и закрылся изнутри на ключ. Доцент Литория, несомненно, уже устроилась под дверь. Она не то чтобы очень любила подслушивать, но, казалось, испытывала определённую страсть к преподавателям, что освобождали своих студентов от лишней работы в деканате. По крайней мере, она была готова стоять часами, сгорбившись, у двери и прислушиваться к чужим разговорам, если они были сопряжены с подрывной деятельностью, способной навредить студенческой дисциплине.

— Студентка Арко, — не громко, но и не шёпотом начал Сагрон, — во-первых, у меня серьёзные вопросы относительно посещаемости вашей группы... Студенты ходят хуже, чем пятый курс, а это, извольте, показатель.

— Из пятого курса, доцент Дэрри, занятия посещают практически все, за исключением больных, — пожала плечами Котэсса. — Разве вы не считаете, что наши четверо отсутствующих не могут быть последствием болезни?

— И почему же эта болезнь растянулась уже как минимум на несколько двадцаток? Я не выношу прогульщиков, Котэсса, и вы обязаны передать им, что ни о каком зачёте не стоит и думать. Они будут сдавать на одном уровне со всеми остальными, и, позвольте, вряд ли действительно сдадут.

Он склонился к девушке и тихо, так, чтобы этого Литория точно не услышала, прошептал:

— Почему ты в этом платье?

— Простите, но я никак не могу повлиять на состояние здоровья своих сокурсников! — возмутилась Котэсса. — А что, — это было сказано в разы тише, — разве мне оно не идёт?

— Брюки мне нравятся больше... — они просто прелестно ложились по фигуре, а платье — старательно эту фигуру прятало, и Котэсса об этом прекрасно знала. — Разве вы не проходили курс целительства? И, если они так больны, то почему я не вижу никаких документальных подтверждений! Позор, позор! Они могли бы придумать ложь поинтереснее.

Котэсса отступила к столу и покосилась на дверь. По её взгляду было видно, что она отлично знает о пагубной привычке доцента Ойтко и тоже не собирается попасть в её загребушие руки.

— Я не готова брать на себя ответственность за здоровье этих людей, — повела плечами Котэсса. — Но гарантирую, что делаю всё возможное, чтобы остальные в полном составе присутствовали на занятии.

— Этот вопрос придётся обсудить с господином деканом. Или с господином ректором, если уже встанет вопрос об отчислении! — он воскликнул последнее особенно громко. — Что она от тебя хотела?

— Переписать индивидуальные дела, — беззвучно, одними губами ответила Котэсса и криво усмехнулась. — За зиму. Если вы желаете, то имеете полное право навестить этих студентов. Я отведу вас к каждому лично, сию же секунду.

— Молодец, — тихо усмехнулся Сагрон, притягивая девушку к себе, но она уверенно вывернулась из его рук и кивнула на дверь.

Дэрри не сомневался, что в поцелуях, когда под дверь стоит доцент Ойтко, есть что-то особенное, по крайней мере, кровь кипит, но Котэсса была куда более строгих правил, и он не собирался портить ей репутацию.

Удивительно, как это за последние дней десять никто не стал распускать о них слухи с удвоенной активностью, обычно в НУМе это происходит радикально быстро. Но, очевидно, интерес вокруг Сагрона и Котэссы утих с начала осеннего сезона, а теперь, ближе к зиме, все переключились на обсуждение новых пар, образовавшихся после дня влюблённых. И если Ролан и Элеанор полагали, что об их отношениях никто не догадывается, то они очень сильно ошибались.

Сагрон махнул рукой в направлении выхода, жестом поманил Котэссу за собой, а после открыл дверь так резко, что Литория вжалась в стену, делая вид, что её там нет.

— Кстати, студентка Арко, — нарочито громко, косясь на хихикающую толпу третьекурсников, протянул Сагрон, — у вас случайно нет собаки? У меня с детства аллергия на пуделей, а сейчас так и хочется чихнуть. Это не на вас случайно шерсть?

Доцент Ойтко, стоявшая под стенкой, возмущённо зашипела, но своё присутствие никак не выдала. Она понимала, что о её грешке, вероятно, догадываются едва ли не все, но всё равно не собиралась так легко сдаваться. Ведь сколько интересной информации можно было узнать, скрываясь за дверьми!

Сагрон только усмехнулся и бодрым, быстрым шагом направился к выходу. Их кафедра располагалась на первом этаже, у самого выхода, в отличие от спрятанного в глубинах корпуса деканата, и путь на свободу был достаточно коротким.

Стоило только оказаться на улице, как Сагрон вздохнул с облегчением. Литория вряд ли пошла за ними сюда — она, конечно, обидится на пуделя, но да какая разница? Это ведь сказал он, а не Котэсса.

Она выскользнула в холодную осень следом за ним, всё ещё тихонько посмеиваясь.

— Ты что, в одном платье? — он оглянулся на девушку, а после неодобрительно посмотрел на жёлтые листья, лежавшие у него под ногами.

— Да, — вздохнула она. — Утром было теплее.

— Теплее, но не настолько, — он снял собственное пальто и набросил его Котэссе на плечи. — Пойдём.

— Я не замёрзну. До общежития не так и далеко, — повела плечами она. — Не стоит.

— Стоит-стоит, — вздохнул Сагрон. — Ещё простудишься, а я в целительстве полный ноль. Так что там с отсутствующими студентами?

— Да что с ними станется? — Котэсса закатила глаза. — Прогуливают, естественно. Ты ведь не веришь в то, что они действительно болеют третью двадцатку кряду?

— Нет, я не настолько наивен, — рассмеялся Дэрри и, оглянувшись в последний раз на университет, отобрал у Котэссы её сумку, довольно тяжёлую и, как обычно, набитую учебниками.

До общежития, на самом деле, было не так уж и близко, около двадцати минут, если идти достаточно медленно. Котэсса, конечно, порывалась ускорить шаг, но Сагрон знал: их, как обычно, не заметят. То ли старые отталкивающие чары так действовали, то ли на самом деле все давно уже растеряли свой интерес, но их отношения перестали быть такой себе заслуживающей повышенного внимания диковинкой.

Он даже радовался тому спокойствию, к которому пришлось привыкнуть в последние дни. Поразительно, как легко было жить в отсутствие наглых, мешающих людей, стремящихся всунуть свой длинный нос в чужие отношения.

— Как там Куоки? — поинтересовался Сагрон у Котэссы. — Ведь у вас сегодня была лекция?

— Окор продолжает совершенствовать инновационные часы. Из-за этого ему пришлось бросить работу, и теперь профессор Куоки доплачивает ему за то, что тот прилагает такие усилия, трудясь над часами. Он сумасшедший! — последнее относилось явно не к Шануку. — Мне кажется, он душу из-за этих часов готов продать.

— Увы, но почти так и есть, — кивнул Сагрон. — Он очень сильно поругался со своим сыном из-за этой разработки.

— Ты знаешь его сына?

— Да, было дело, — вспоминать о том не хотелось. — Только он сейчас отказывается признавать профессора Толина своим отцом, носит другую фамилию и не желает в глаза видеть ни отца, ни мать. Довольно радикальное отношение. Не скажу, что причиной всему были именно часы, но и они отыграли свою роль в этом деле. Да давно уже было, нечего и вспоминать...

Котэсса не стала уточнять, что именно тогда случилось. Взгляд её на мгновение стал мечтательным, а после вновь приобрёл привычный оттенок реалистичности.

— Ты на празднование нового года отправляешься домой? — уточнил Сагрон. — Пять дней всё-таки...

— Два туда, два назад, один там? Тут останусь, — улыбнулась она. — Мне всё равно нечего у

родителей делать. Они до сих пор уверены в том, что я просто обязана их простить. Да и в НУМе в это время интереснее, можно наконец-то за бакалаврскую сесть. А ты едешь домой?

Сагрон был родом из довольно большого города, не такого уж и далёкого от столицы — два часа езды на дилижансе, — и частенько навещал родителей по праздникам. Но в этот раз не собирался: он только отрицательно покачал головой.

— Нет, просто отправлю поздравительную телеграмму. Что я там не видел? — на самом деле, ехать он не собирался в первую очередь из-за Котэссы, но говорить ей об этом нельзя. В любом случае откажется, заставит отправиться к родне, разрушит ещё всё то, что у них получилось выстроить. Куда безопаснее было перевести разговор в другое русло. — А что там хотела Ойтко? Какое это у вас собрание?

Котэсса мечтательно возвела глаза к синеющим над головой небесам, кажется, поздоровалась с тучей над головой и хрипло рассмеялась — вот они, прогулки в одном тоненьком платье.

— Да так, — протянула она. — Ведь скоро к нам в университет, на соседний факультет, привезут какой-то потрясающий артефакт. Говорит, что мы все должны присутствовать при его прибытии. Великое событие ведь!

— А, этот артефакт, — порой Сагрон даже забывал о его существовании. — Да, я помню. Сколько шума из-за него, прямо дурно...

— А потом зимние защиты, — Котэсса вздохнула. — Столько всего сделать надо.

— Да, Элеанор защищается. Придётся послушать?

— У неё закрытое заседание, она сама сказала. Мол, жаль, что я не смогу присутствовать.

— Хочешь, я попрошу для тебя именное приглашительное?

— Не надо, — отмахнулась Котэсса. — Я всё равно мало что пойму. Да и, наверное, в это время я буду как раз сдавать экзамен. Конец последней двадчатки, как ни крути.

Сагрон кивнул. Действительно, Элеанор выбрала время не слишком удачное. Правда, в тот период защищались практически все — подходил конец первой ветви аспиранстких наборов, зимней, и надо было либо предоставить работу, либо выплатить неустойку.

Редко кто выбирал второй вариант. Даже самые безнадёжные умудрялись найти способ что-нибудь продемонстрировать. Ведь неудачная защита означала просто доработку, а не уплату немаленькой суммы денег. У Сагрона самого однокурсник трижды на доработку ходил, а потом всё-таки защитился, хоть и со скрипом и, кажется, довольно большой суммой взятки.

— У тебя руки ледяные, — отметила Котэсса, вырывая Сагрона из его раздумий. — Слушай, не надо было мне...

— Мы уже у общежития, — Сагрон ускорил шаг, увлекая её за собой.

Вахтёрша даже не подняла на них взгляд, только поплотнее завернулась в свою шаль.

— Холодает, — промолвила она, как заправский синоптик.

— Да, — согласился Сагрон, подталкивая Котэссу вперёд. — Очень.

Он не сомневался, что если б она оторвала свой взгляд от книги, которую читала, то обязательно обогатилась бы как минимум на одну хорошую сплетню о неформальных отношениях студентов и преподавателей. Но, так как женщина посчитала это лишним, он не стал напоминать ей о возможности интересных ситуаций прямо на проходной и увлёк Котэссу за собою.

Та не особенно и сопротивлялась. В последнее время, по крайней мере, после дня влюблённых, она перестала подпрыгивать от каждого его прикосновения, сбегать и краснеть от каждого внимательного взгляда, да и вообще, проявляла просто-таки чудеса терпимости. Сагрону это нравилось, как правило, и то, что он сам рядом с Котэссой почти — а иногда и не почти, — забывал о проклятии.

И зачем было хамить ей тогда, на сессии? Может быть, если б он вёл себя более культурно, она сейчас не вела б себя, словно заправский кактус?

— Как там у тебя с бакалаврской? — Сагрон свернул в сторону своей комнаты. Котэсса проводила у него почти всё своё время после занятий, по крайней мере, когда Дэрри был не на работе.

Отличный повод для сплетен, если б кто узнал, но на самом деле девушка просто сбегала от

собственных соседок. Эти отвратительные барышни, которых Сагрон едва-едва терпел на занятиях, нарушали все мыслимые и немыслимые правила, которые только существовали в общежитии, а их добрейшая комендант до сих пор не подала бумаги на выселение.

Очень зря.

Котэсса предпочитала в том балагане не участвовать. Сагрон знал, как она ненавидела бардак, крики, как мешали громкие звуки работать. Может быть, если б не соседки, то в их отношениях никогда и не было бы потепления, так что, в принципе, ему следовало испытывать по отношению к ним чувство благодарности.

— Вроде бы всё получается, — ответила Котэсса, словно не показывала ему вчера свои результаты. — У меня получилось что-то странное со вступлением, ты считаешь?

— Почитаю, — согласился Сагрон. — Давай. Ты голодна?

— Нет, спасибо.

Вот уж это "нет, спасибо", словно он собирался накормить её любовным зельем! А следовало бы, может, тогда перестала бы бегать от него со скоростью гепарда, узревшего лань.

— Я тебя не отравлю, — с усмешкой пообещал Сагрон. — Клянусь, Тэсси.

— Я верю, — улыбнулась она. — Но я правда не хочу есть. Так считаешь вступление?

— Хорошо, — согласился Дэрри. — Давай сюда своё вступление и иди хоть тёплой водой руки помой, ты вся дрожишь.

Она поспешно вытащила из сумки, брошенной им у порога, вступление и всучила ему. Сагрон покорно уткнулся носом в убористые строчки — почерк у Котэссы был неплохой, хотя и довольно мелкий. Что ж, по крайней мере, он был в силах разобрать каждое слово.

Вступление оказалось хорошим. Он даже вспомнил грешным делом о собственной кандидатской, о том, как мучился над нею — у Котэссы таких радикальных проблем со словами, как у него, не наблюдалось. Повезло: сочинительство у Сагрона было на самом низшем уровне из всех возможных.

— Ну, как? — спросила она, выскользнув из ванной. — Не всё так плохо, как я предполагала?

— Всё прекрасно, — улыбнулся Сагрон. — Мне нравится твой стиль. Надо будет написать статью. У меня есть материал, оформишь?

— Конечно. Надо было раньше сказать, я бы давно сделала, — она присела на краешек дивана, на котором сидел мужчина. — Точно всё нормально?

— Я тебе это как научный руководитель заявляю. Или ты мне не веришь? — он оглянулся на девушку и подвинулся к ней поближе. Котэсса вновь порывалась вскочить, но не стала, может быть, вспомнила о том, что этап её побегов они давно уже прошли.

По крайней мере, попытались пройти, хотя Сагрону до сих пор казалось, что она могла сбежать в любой момент. Вот так просто раствориться в воздухе, и поминай, как звали.

— Верю, — выдохнула Котэсса. — Но не...

Договорить Сагрон ей не дал. По крайней мере, поцелуи отлично действовали от любых женских возмущений, если это, разумеется, не был форменный скандал. Но скандалов ему Котэсса никогда не закатывала, а невинных — и не очень невинных, — поцелуев вроде бы перестала пугаться, хотя он всё ещё удивлялся, как можно в двадцать один год ещё никого себе не найти.

Она обвила руками его шею — впервые, между прочим, за последние десять дней, что вообще к себе подпускала, и Сагрон уже почти поверил в какую-то взаимность, но дверь самым наглым образом хлопнула, между прочим, в совершенно неподходящий момент.

На пороге стоял Жодор.

Его хвост, на сей раз уже павлиний, не позволял ему пройти в дверь. Мужчине пришлось повернуться боком, как-нибудь смять перья, чтобы пролезть всё-таки в квартиру Сагрона.

Взгляд у него был откровенно потерянный.

— У тебя есть ещё зелье? — спросил он срывающимся голосом.

— Вы же выпили его несколько часов назад! — возмутился Сагрон. — Какое ещё зелье?

— Я попытался поцеловать женщину! — вспыхнул Жодор. — Я наконец-то перестал их отпугивать своим внешним видом, у меня пропали эти гадские хвосты, и вот оно — опять...

— Потому что моё зелье не сняло проклятье. Оно просто помогло избавиться от последствий. И если продолжать действовать в том же духе, то может вылезти целых двадцать новых хвостов. За каждую женщину. Хотя хвостик симпатичный.

— Дай зелье! — взвыл доцент Ольи. — Не то я... Не то я...

Котэссу он не замечал. Девушка сидела на месте, как будто приклеилась к тому дивану, и, кажется, боялась сдвинуться с места, чтобы не привлечь к себе внимание. Жодора она явно боялась, или, может быть, просто испытывала к нему отвращение. В любом случае, чувства Котэссы Сагрон понимал.

Если б не она, то, конечно, грех было бы не поиздеваться над надоевшим Жодором. Но всё же мучить девушку Сагрону не хотелось.

— Есть у меня ещё зелье, есть, — вздохнул он. — Будем мазать хвост или принимать внутрь?

— Внутрь, — уверенно ответил Жодор. — В прошлый раз помогло.

— И мышинные отходы вас не смущают?

На самом деле, насчёт мышинных отходов Сагрон шутил. Ну, было там два или три хвоста или пучок шерсти, но это ведь ерунда.

— Хвост меня смущает больше! — уверенно ответил Жодор.

— Как знаете, — мужчина едва сдержался, чтобы не рассмеяться, но в бутылочку, найденную на полке, всё-таки зелья набрал. Котёл, прикрытый громадной крышкой, уже давно стоял в углу его комнаты, и Сагрон предпочитал не выливать его содержимое. — Но это всё равно не позволяет изменять супруге. Терпите. Просто будете без хвоста.

— Да-да, спасибо. Я как-нибудь потерплю, — послушно выдохнул Жодор. Он опять отобрал у Сагрона бутылочку и выпил её залпом, не думая о дозировке, и застыл, считая секунды.

На сей раз действовало хуже, но хвост тоже отпал. Красивые, громадные перья приземлились на землю такой славной кучкой и в пепел не превращались — Сагрон посчитал их красивыми и пожалел. В отличие от крысиных хвостов, это можно было даже никому не отдавать, а подарить... Литории, например, вместо цветочков, если Жодора с его новым хвостом ещё никто не видел.

Не благодаря, Жодор добыл флягу. Оглянувшись, он заприметил окно, открыл его и выплеснул наружу всё содержимое, проигнорировав возмущённое восклицание Сагрона, а после, дорвавшись до котла, самовольно наполнил фляжку зельем.

— Если вдруг что, — пояснил он, — то я чтобы тебя не отвлекать...

— Хорошо-хорошо, — кивнул устало Сагрон. — Берите хоть половину, только уходите отсюда поскорее.

— Понял! — Жодор лучезарно улыбнулся и бросился прочь. — А по сколько надо пить? А! сам разберусь!

Сагрон закатил глаза.

На сей раз за надоедливый гостем он закрыл дверь на ключ: меньше всего хотелось, чтобы к ним опять кто-то заглянул.

Но когда мужчина оглянулся к Котэссе, она уже добыла из сумки ещё какие-то бумажки и уверенно протянула ему.

— Почитай ещё первый раздел, — безапелляционно заявила девушка. — Мне кажется, тут надо многое редактировать.

— Нас прервали не на курсовой, — раздражённо отметил Сагрон, но она, кажется, проигнорировала его слова и, добыв из воздуха наколдованную уже давно чернильную ручку, принялась спешно писать что-то на чистом листе.

От красивой надписи "Раздел Четыре" Сагрону почему-то стало не по себе.

Глава 21

Литория была права, когда заставила собрать студентов и уведомить их о том, когда и где надо быть, ещё за целую двадцатку до предполагаемой даты. Они и так умудрились заявить, что у них есть планы, а что было бы, если б Котэсса пришла к ним хотя бы за неделю?

Из группы стояло всего пятнадцать человек. Ещё семеро — семеро! — проигнорировало её требование. Четверо просто не услышали его, ведь они отсутствовали на занятиях на протяжении всего семестра.

Котэссе хотелось бы стоять рядом с Сагроном, если честно. Она уже так привыкла к нему и к его вниманию за последние дни, что не представляла себе вечеров в комнате, с соседками, в этой сумасшедшей атмосфере постоянного требования чего-нибудь.

Теперь, когда она контактировала с Сормой и Рейной по минимуму, те, казалось, стали ценить её присутствие.

Может быть, им просто очень нравилось издеваться над кем-то, а Котэсса была идеальным вариантом?

Вот теперь, гадина, взяла и сбежала.

— Ты всё ещё не хочешь мне его отдать? — прошипела за спиной Сорма, но Тэсса только сделала шаг вперёд, подступая ближе к линии. Лучше уж терпеть Окора и его болтовню, чем своих соседок. Она и спать-то неохотно приходила в комнату.

Признаться, обе сокурсницы были уверены, что она нашла себе кого-нибудь другого и забыла об их Сагрене навсегда. Рейна уже рассталась со своим парнем, а теперь вновь вернулась к мечтам о доценте Дэрри, в преддверии сессии, очевидно, вдохновившись его пресветлым образом.

Последняя учебная неделя давалась им с трудом. Котэссе даже нравилось; она умудрилась закрыть большинство предметов ещё раньше, а теперь просто подставляла зачётку.

Как приятно, когда ставят оценки автоматом, не дожидаясь экзамена, не издеваясь над старательным студентом!

Все бы так делали.

Сагрон, например.

Впрочем, в том, что с ним всё сложится хорошо, Котэсса даже не сомневалась. Она, во-первых, всё знала, а во-вторых...

Во-вторых, девушке хотелось бы сейчас отогнать от него подальше старшую преподавательницу Фору, что-то коварно шептавшую мужчине на ухо, но, к сожалению, она не имела достаточных полномочий, чтобы стоять там. Благо, Сагрон отошёл и сам.

— Как твоя бакалаврская? — ядовито поинтересовались у неё.

Девушка едва не подпрыгнула на месте от удивления — Окор, молчавший всё это время, заговорил — и вдруг на такие серьёзные темы!

Обгоревшие светлые волосы уже вернулись в былой вид, и сам Шанук был всё таким же бесконечно гордым. За прошедшую двадцатку он трижды едва не подорвал кафедру и, кажется, научился получать удовольствие от научной деятельности. К тому же, профессор Куоки платил ему деньги, и, очевидно, столько, сколько нерадивый студент у него просил.

Котэсса поражалась, как только у него хватало совести вести себя так потребительски с уважаемым человеком. Даже если их заведующий немножечко не в себе, может быть...

— Прекрасно моя бакалаврская. А твоя как поживает? — не удержалась от вопроса Котэсса. — Кафедра совсем скоро будет уничтожена?

— Я влюбился в эти инновационные часы! — гордо ответил Шанук. — Нет ничего прекраснее, чем их стрелки...

— Которые стоят.

— Ну и что! У них столько полезных функций! Господин профессор придумал новую систему исчисления!

Ойтко, стоявшая в рядах преподавателей, предупреждающе зашипела, и Шанук вынужден был говорить чуточку тише.

— Да и вообще, — продолжил он, — я рад, что не с Сагроном. По крайней мере, лучше слушать безумного дедка, чем спать со своим научным руководителем.

— Вероятно, это ты рассказываешь по своему предыдущему опыту. А где это ты получал своё прежнее образование? — уточнила Котэсса. — Не буду спрашивать, знаю же: *нигде*. У нас с Сагроном исключительно деловые отношения.

— Насколько мне известно, ты наложила на него любовное проклятие.

— Я хотела бы увидеть этот источник информации.

Шанук вздохнул, кажется, с досадой, и попытался сконцентрировать своё довольно рассеянное внимание на простелённой дорожке. Коврик, который установили посреди улицы и прибили гвоздями, явно пострадал от дождя, и Литория, подсушивающая его каждые десять минут, никак не могла догадаться поставить завесу от воды.

А ещё доцент!

— Да ладно тебе, — проворчал Окор. — Вы же под ручку ходите. И с чего б ты ещё его заинтересовала, если б не с приворотного зелья? Две твои соседки мне уже тридцать версий рассказали, как именно ты его готовила.

— Больше верь моим соседкам. Они так же надёжны, как и инновационные часы.

Окор почесал затылок. Светлые волосы, прежде укладываемые с помощью магии, сейчас торчали в разные стороны совершенно непослушно. Вероятно, после того, как они отросли, у Шанука больше не было повода приводить себя в идеальный порядок.

— Совсем скоро, — поделился он, — мы будем ставить новый эксперимент. Так что советую в это время отсутствовать на кафедре.

— Когда?

— Послезавтра.

— Хорошо, спасибо, — кивнула Котэсса. — Обязательно воспользуюсь твоим советом. Что вы будете делать?

— Проверять инновационные часы на водостойкость. Да их вообще невозможно разбить! — Шанук опять превысил ограничение по громкости и опасливо оглянулся, но Ойтко была увлечена разговором с кем-то другим и его проигнорировала. — Ты себе не представляешь, какие они крепкие. Я уже и так, и сяк пытался. Собрал на свою голову. Я думал, что если накосячить, то он оставит меня в покое, но этот чокнутый дед вообще ненормальный... Хуже твоего Сагрона.

С этим заявлением Котэсса была совершенно согласна. Действительно, связываться с профессором Куоки себе же дороже. Она не сомневалась в том, что работа с ним ещё никого до добра не доводила, но делиться этим с Шануком не хотелось.

— Скоро внесут артефакт. Так что помолчи, пожалуйста.

Коврик, растянутый с помощью магии, тянулся от входа в факультетский корпус и аж до самой проезжей части, по которой колесили кареты, повозки да дилижансы, а иногда скакали и всадники на одиноких лошадях. Край его, затоптанный копытами и изорванный колёсами, уже явно не был пригоден к тому, чтобы опять занимать почтённое место в зале учёного совета, но Котэсса знала: постирают, магией заштопают и опять вернут на место.

Как это всегда и происходит в НУМе, никто не будет выбрасывать хорошую вещь. Она им безумно дорога — как память, что ли?

Артефактологи запаздывали. Говорили, что транспортировать то, что они везли, было довольно опасно — вдруг скорлупа разобьётся, и таинственное проклятие падет на всех?

Но совсем скоро старая магия должна была исчерпать себя, а артефакт — открыться для всеобщего использования. Тогда-то им и воспользуются учёные: попытаются создать копию.

Сагрон рассказывал ей об этом довольно подробно, но Котэсса не вникала. Признаться, она почему-то не очень интересовалась спасительными артефактами, хотя должна была бы.

Эта штука могла лишить их общей головной боли, освободить Сагрона — и тогда всё было бы

кончено.

Котэсса не понимала, почему она так сопротивлялась этой возможности. Впрочем, было понятно, что никто не позволит Сагрону использовать эту вещь. Он — слишком незначительная фигура на всеобщем плане, чтобы легко, безропотно воспользоваться столь могущественным артефактом.

И, что самое странное, это было единственным, что могло успокоить Тэссу. Она не хотела отпускать его — сама не знала почему, но не хотела. И это собственническое, эгоистичное желание с каждым днём становилось всё сильнее.

Принимать простую истину — то, что она влюбилась, — Котэсса не хотела. Она убеждала себя в том, что чувство собственности было обычным, базировалось исключительно на привычке и могло быть вытеснено более сильными отношениями с кем-нибудь другим.

И в тот же момент, девушка отлично знала, что вряд ли сумела бы кого-нибудь другого полюбить. Все мужчины, окружавшие её, казались на фоне Сагрона более... Блеклыми, скучными, неинтересными. Глупыми.

Да даже менее привлекательными.

Но она отрицала логику, отрицала собственное шестое чувство, а сейчас пыталась сконцентрироваться на ожидании.

— Слушай, а ты не хочешь попристутствовать на эксперименте? — склонился к ней Шанук. — И, может быть, если у тебя нет ничего с Сагроном... — шёпот его стал более вкрадчивым, — мы...

— Какие мы? Я не испытываю никакой симпатии к столь глупым людям, как ты! — возмущённо прошипела она. — Отодвинься от меня, будь добр.

— Я, между прочим, похож на Сагрона! — гордо расправил плечи Шанук. — У нас даже цвет волос одинаковый!

Котэсса едва сдержала возмущённый возглас. Одинаковый, как же! Шанук, хоть и блондин, обладал волосами тёплого оттенка, у Сагрона же были выбеленные — он со смехом рассказывал о том, что когда-то какое-то случайное заклинание выпило кусочек его жизненной силы. Насовсем выпило, оставив по себе этот цвет, даже не седой. Что б он потом ни делал, прежние — русые, — волосы так и не вернулись, оставалось только привести в порядок полученное.

Родители его даже не узнали, когда впервые увидели — а потом с ужасом младшая сестрёнка тянула за прядки и пыталась понять, что с ним такого случилось.

Сейчас, спустя лет десять после инцидента, Сагрон вспоминал о нём со смехом, и Котэсса тоже позволяла себе весёлую улыбку в ответ.

— Когда уже будет этот артефакт? Дождь достал! — опять заворчал Окор, но Котэсса уже не поддавалась на провокацию и отказывалась поддерживать разговор.

Нечего ей делать — болтать с Шануком, всё так же не блещущим особенным умом. Можно подумать, он действительно заслуживал великой чести работать с сумасшедшим Толином Куоки! Даже если профессор и творил сейчас непонятно что, прежде у него были достойные работы, и он отнюдь не заслуживал, чтобы какой-то глупый студентиска вытирал о его личность ноги.

Дождь пустился сильнее, и Котэсса почувствовала, как над головой разворачивается чужая защита. Окор моментально гордо выпятил грудь, показывая, что это он сделал, но Котэсса, скользнув взглядом по преподавательским рядам, поймала весёлый взгляд Сагрона.

И зачем? Уж от воды она могла защитить себя и сама! Только им запретили использовать магию, в отличие от преподавателей...

Музыка заиграла внезапно. Торжественная, практически похоронная, заставившая тех, кто недавно терял родных или близких, низко опустить головы, поклоняясь перед всеильной смертью... Ассоциации, для Котэссы чуждые, охватили многих; казалось, все до единого слышали лившиеся из неизвестного источника ноты.

Артефакт несли на подносе. Мелодию излучал именно он — грустную, тяжёлую. Котэссе казалось, что эта вещь должна быть огромной, но на самом деле артефакт оказался лишь маленькой музыкальной шкатулкой, заведённой несколько минут назад. Игра оборвалась на самой верхней ноте, и тишина, пришедшая ей взамен, не предвещала беды.

Маг, которому выпала честь держать в руках поднос с бесценным даром чар прошлого, казался недовольным. Он сердито посмотрел на ряды студентов, смотревших с восторгом на артефакт, на

уставшие лица преподавателей, на ковровую дорожку у себя под ногами, и помрачнел так, словно съел что-то очень-очень кислое. Он окинул взглядом присутствующих во второй раз, явно надеясь, что людей станет меньше, но студенты, окружённые пологом, запрещающим им и колдовать, и покидать определённые зоны, не могли сойти с места.

— Что это за бардак? — не стесняясь присутствия ректора и проректоров, возмутился он. — Мы собирались просто переместить артефакт в более надёжное хранилище!

Два стражника у него за спиной, тоже боевых мага, вскинули руки, явно собираясь открыть портал сию же секунду.

Толпа раздробилась, словно по ней ударили ряды драконов. Кто-то возмущённо зашумел, кто-то, намокнув под дождём, принялся колдовать, стоило лишь упасть ограничивающим чарам. Котэсса почувствовала, как толпа возмущённо хлынула прочь от дорожки, как по приказу. И почему их университет должен превратить в цирк самое хорошее начинание?

Она и сама не знала, куда бежать. Маг с артефактом, раздражённо фыркнув, прошёл мимо оставшихся людей так, словно ничего и не произошло. Он не держал голову гордо поднятой, а следил за тем, чтобы шкатулка на подносе не сдвинулась с места. Ректор бросился за ним, и обрывки разговора выдавали крайнее недовольство главы НУМа подобным пренебрежением к красивой встрече.

— Какой позор, — охнули где-то справа, и девушка, повернув голову, увидела профессора Куоки. — А ведь я говорил: нет ничего особенного, ничего более необычного, чем те артефакты, которые создаём мы сами. Подумать только, музыкальная шкатулка! И ради неё под холодный осенний дождь выгнали весь университет! Против желания транспортировочной компании и мага-передатчика. Какая прелесть...

— Ты не промокла? — второй голос прозвучал уже ближе, и Котэсса обнаружила Сагрона в полуметре от себя. — Окор, марш отсюда, — он взмахом руки отогнал надоедливого студента и подступил к ней вплотную, обнял за плечи и привлёк к себе. — Пойдём, занятия всё равно уже отменили.

Встревоженным мужчина не казался. Словно всё так и должно быть: этот позор с выстроившейся толпой и краснеющим, будто свекла, ректором.

— Нет, спасибо, — отозвалась Котэсса. — Но что это было?

— Да, как обычно, — махнул рукой преподаватель. — Ты что, не знаешь, как всё происходит в НУМе? Попросили люди их встретить, поместить артефакт в безопасное место, а тут устроили представление.

Котэсса вздохнула. Ей казалось, что у этого торжества было больше смысла, чем просто быть изгнанными по велению какого-то чужого мага, но она, вероятно, была слишком высокого уровня об организационных способностях своего университета.

— Пойдём, занятий сегодня всё равно уже не будет. Мы ж их не соберём, — он обвёл взглядом студентов. — Отвратительно получилось, не так ли? — улыбка на губах Сагрона была искренней, а не вымученной и уставшей, как у Ойтко, к которой помчались разгневанные преподаватели и студенты. — Я даже не удивлён таким педагогическим провалом.

Девушка только коротко хмыкнула; не в её праве было судить родной университет, хотя, впрочем, и спорить с Сагроном повода не было. Он прав: не следовало устраивать весь этот цирк.

По ковру теперь ходили все, кому не лень, но Дэрри почему-то увлёк Котэссу прочь. Доцент Ойтко что-то колдовала, зывала своих коллег поскорее убрать драгоценность, призванную украшать НУМ, со двора. Увы, мало кто был готов слушать её вопли; большинство студентов, да и преподавателей тоже, сбежало, оставив Литорию наедине с её же выдумками.

— Это вы виноваты! — обвинил её кто-то из начальства. — Это вы предложили на ректорате устроить торжественную встречу!

Котэсса в последний миг, прежде чем они покинули-таки двор университета, оглянулась на Ойтко и даже почти пожалела её. Литория, промокнув под дождём, действительно напоминала несчастную собаку, которую выгнали из её дома и обругали за несодеянное собственные же хозяева. Но, впрочем, эта жалость мигом испарилась, стоило только заместительнице декана перевести взгляд на Тэссу и Сагрона. Предчувствуя, чем закончится подобное повышенное внимание к их скромным личностям, они почти пробежали оставшиеся метры.

Хотелось смеяться. Это, конечно, было совершенно нелогично, да и дождь зачастил, прорываясь сквозь защитный полог, но Котэсса почувствовала себя обыкновенным ребёнком — а это чувство

давно уже покинуло её, наверное, с той поры, как она покинула родителей и переехала в столицу.

— Ты кажешься счастливой, — довольно отметил Сагрон. — Наверное, всё это того стоило, как считаешь?

— Моего смеха? Нет, слишком много энергии и сил потрачено, — покачала головой Котэсса. — Мои улыбки не так дорого стоят.

— Да? В таком случае, это была плата за вид Ойто, — мужчина опёрся спиной о колонну, ряд которых и становил собой основу забора. Серое громадное здание НУМа отсюда казалось не таким уж и большим и совершенно не грозным; студенты, выходя за ворота, обычно оглядывались на университет с лёгкой улыбкой, признавая, что уже преодолели то время, когда оно казалось страшным. Переплетение коридоров, сеть корпусов и связующих их переходов, грозные преподаватели — все они отсюда были чем-то прошлым.

Сагрон тоже не казался одним из доцентов; он скорее был закончившим только-только обучение студентом, вдохнувшим дух свободы, и яркая, счастливая улыбка, застывшая на его губах, совершенно не ассоциировалась с мрачными лекторами, прятавшимися там, за каменными толстенными стенами.

Котэсса в какой-то момент даже забыла о том, что их связывало просто проклятие. Ей захотелось, чтобы это было просто так, без лишних условностей, без условия, сковавшего по рукам и ногам. Без обязательств, которые возложили на их плечи.

Без причины, по которой он находился рядом с нею.

— Ты хотел бы воспользоваться этим артефактом? — спросила внезапно Котэсса, хотя и не собиралась задавать этот вопрос. Она думала, что это окончательно разрушит весёлую идиллию, но Сагрон только равнодушно пожал плечами, не выдавая ничем собственного удивления или возмущения.

— Нет, зачем?

— Чтобы снять проклятие, — удивлённо ответила она. — Ведь артефакт освободится в новогоднюю ночь, не так ли?

— Освободится, — согласился Сагрон. — Но, во-первых, это преступление — пользоваться им, а во-вторых... — его взгляд стал на миг особенно задумчивым, а после вновь приобрёл странный смешливый оттенок. — Знаешь, если б меня привязало проклятьем к какой-нибудь жабе или кому-то вроде Энниз, то в этом был бы смысл. Но ты, Тэсси, награда для любого мужчины, особенно такого паршивого, как я.

Она отрицательно покачала головой, явно не поверив ни единому слову, и Сагрон больше ничего не сказал, хотя, наверное, должен был.

Если Котэсса отказывалась верить в то, что она сама, без заклинаний и без проклятий, могла нравиться кому-то, то вряд ли он способен был несколькими фразами это исправить.

Хотя, вероятно, стоило бы попытаться.

Но Тэсса на него уже не смотрела; её взгляд вновь был прикован к университету, к Ойто, носившейся вокруг ковровой дорожки, к потокам дождя, от которого её саму защищала непробиваемая магическая сфера, благо, прозрачная.

И она не знала, чем объяснить странное, дикое желание забыть о том, что между ними действительно стояло проклятие, и ничего больше. В объятиях Сагрона было что-то... домашнее, особенно уютное, но только до той поры, пока Котэсса вновь не напоминала себе: у всего этого была только одна причина, и она никаким образом не относилась к его чувствам.

Думал ли так сам Сагрон?

Что ж, Котэсса всегда была отвратительным эмпатом.

— Сагрон! — воскликнули совсем рядом, и мужчина едва ли не подпрыгнул от неожиданности. Он оглянулся и мрачно посмотрел на Жодора Ольи, запыхавшегося и выглядевшего так, словно на него что-то совершенно недавно опрокинули.

Котэсса сама не знала, что в доценте с соседней кафедры так её настораживало или пугало, но предпочла отступить чуть поодаль; Сагрон же, заметив её попытки сбежать, властно привлёк к себе, обнимая за талию, и посмотрел на посмеявшегося прервать их коллегу. Жодора он тоже на дух не переносил, и это, признаться, всегда чувствовалось, словно по воздуху от напряжения

распространялись в разные стороны маленькие искринки.

— Здравствуйте, доцент Ольи, — поприветствовал он мужчину. — Чего желаете? Ещё зелья? Не часто ли вы пытаетесь изменить собственной супруге? Боюсь, совсем скоро у меня к концу подойдут все стратегические запасы зелья.

— Ты что за гадость мне дал?! — взревел Жодор так, что по ту сторону оградки подскочили студенты, принуждённые сворачивать удлинённый ковёр. — Почему она на меня так действует?

— Помнится, у вас пропали все хвосты.

Котэсса хихикнула. Павлиний, который Сагрон вручил ей, до сих пор стоял в комнате в вазе и очень нравился Сорме и Рейне. Они, правда, понятия не имели, откуда тот взялся, и предполагали, что он был подарком доцента Дэрри. Технически — да, хотя взрастил его на себе совершенно другой маг.

— Пропали! И шерсть выпала! — кивнул Жодор.

— Вместе с шерстью у вас выпало что-нибудь ещё? То, что позволяет вам изменять своей супруге? — ласково уточнил Сагрон.

Ольи отрицательно покачал головой.

— Так в чём же тогда проблема?

— Меня к ней тянет! — воскликнул Жодор. — Как магнитом тянет! Я думать ни о чём больше не могу, кроме этой... Женщины. Она мне снится по ночам. Я пытаюсь найти другую, потом пью опять это проклятое зелье, и она начинает преследовать меня ещё более упорно, чем прежде. Она, она, она... Я с ума скоро сойду от её присутствия в моей жизни.

— Простите, но о ком речь? — ласково уточнил Сагрон, сделав полшага вперёд, так, чтобы Котэсса оказалась у него за спиной. Она сама не стала спорить с этими мерами предосторожности, предпочитая находиться на максимальном расстоянии от Жодора.

А ведь она по глупости дала свою кровь, позволила добавить её в зелье. А вдруг это привязало Жодора к ней?

Мало было Сагрона!

Но нет, кажется, взгляд доцента Ольи был направлен именно на Дэрри. Котэссе он не замечал и вовсе, кипел от гнева весьма натурально, а под "она" имел в виду кого-то крайне важного в собственной жизни.

— О Хелене! — наконец-то воскликнул он. — Целыми днями она мерещится мне. Она преследует меня. Эта женщина не даёт мне жить, не даёт мне спать, не даёт мне, в конце концов, даже дышать спокойно. Мне кажется, что совсем скоро она вылезет откуда-то из-под пола и бросится на меня...

— Она вас преследует?

— Она от меня скрывается!

— Ну так в чём же проблема?

— Я не могу без неё жить! — возмутился Жодор. — Я никогда не испытывал к своей жене особенно тёплых чувств, даже в первые годы после свадьбы это вряд ли было серьёзным влечением. А теперь её образ для меня — как образ святой. Я молиться на неё готов. Да я на всё на свете готов, лишь бы только она согласилась... До зелья этого не было. Я хочу немедленно перестать любить свою жену.

— Мне кажется, легче было бы с ней помириться, — мягко отметил Сагрон, но Жодор только взвыл.

— Эта женщина хочет подать на развод! Она выставила меня из дома, она меня искренне ненавидит. О чём только может быть речь? Она же мечтает убить меня, как только видит — сразу же сжимает зубы и бормочет свои стандартные проклятия. Я устал от того, что вынужден выносить в её присутствии. Это невероятно. Помогите мне, голубчик. Это вы во всём виноваты, только вы. Никогда прежде я не испытывал к своей супруге ни единого положительного чувства, — Жодор внезапно стал невыносимо многословным. Он устало опустил голову прямо на каменную дорожку, точнее, на край ковра, торчавший из-за ворот, и обхватил голову руками. — Я больше не могу, — по его щекам катились искренние слёзы, вот только Котэссе почему-то было совершенно его не жаль. Жодор заслужил все те наказания, что свалились ему на голову, и даже больше. — Мне кажется, что каждый новый день всё больше и больше приближает меня к концу...

— Так и есть, — утешил его Сагрон. — Это отнюдь не галлюцинация. Так что, я наконец-то могу быть свободен?

— Слезьте с ковра! — это восклицание уже относилось к доценту Ойтко. Она выскочила из ворот университета так, словно её кто-то пнул в спину, и посмотрела на Жодора с искренней неприязнью.

Его, впрочем, все женщины недолюбливали. Котэсса даже удивлялась, как этот человек умудрялся находить себе любовниц на фоне всеобщего раздражения и ненависти.

— Доцент Ольи, — сиплым, змеиным голосом протянула она, — а вы считаете себя сильным мужчиной?

Хелена была забыта. Жодор вскинул голову и с интересом посмотрел на Литорию, будто бы примерялся и к ней.

Госпожа Бойцовский Пудель — волосы её высохли, ибо дождь прекратился, и теперь торчали в разные стороны ещё больше, чем прежде, — казалась настроенной радикально. Ей явно было не до милого флирта; женщина сжала зубы, косясь на нерадивых студентов, которые никак не могли скатать ковёр.

— Да, моя дорогая, — Жодор встал и подбоченился. Ковёр под ним опасно задрожал, но он предпочёл проигнорировать его преступные действия и всё ещё взирал на Ойтко так, как взирают герои на невинных дев.

Ойтко не была невинной девой, она являлась кровопийцей в глазах студентов, да и вообще, была замужем — и родила то ли двоих, то ли троих здоровых, хороших детей. Но, кажется, господина Ольи это не волновало.

Его вообще ничего не волновало, за исключением его супруги, и то только потому, что Хелену было трудно игнорировать.

— А хороши ли вы в бытовой магии? — ласково уточнила Литория. — Ведь вы трудитесь на соответствующей кафедре.

— Несомненно! — подтвердил важным кивком Жодор. — В боевой магии, может быть, я и не особенный спец, но когда дело касается быта...

— В таком случае, вы — именно то, что мне нужно, — согласно кивнула она. — Тут есть коврик, видите. Так вот, его надобно уменьшить, только не пропорционально, а только по длине, и желательно так, чтобы рисунок на нём — видите, по краям тут есть цепочка, — не испортился, а просто ужался до соответствующих размеров. Справитесь?

— Само собой!

— Ага, — кивнула Литория, радуясь тому, что Жодор никогда не сталкивался с нею в обыкновенной жизни. — Что ж, польщена, польщена... А сможете ли вы скатать его в рулон? Эти нерадивые студенты не способны справиться со столь простой задачей, они только всё мне испортят.

— С лёгкостью, доцент Ойтко! — Жодор расправил плечи, вновь почувствовав себя невообразимым красавцем и мужчиной в самом расцвете сил.

Давно, что ли, хвостов не было?

— Просто прелесть. В таком случае, вы уж и подавно донесёте этот ковёр и расстелите его тоже сами. Это ведь ваша специализация? Вы должны уметь обустроить быт в лучшем виде. Что вы так скривились? — доцент Ойтко хлопнула его по плечу. — Если вы со всем справитесь, вы получите великолепную награду: не будете мыть под этим ковриком потоки краски.

— Но ведь я не... — запнулся было Жодор, но, сражённый наповал ласковой улыбкой Литории, напоминающей скорее грозный оскал, счёл нужным подчиниться.

— А вы, Сагрон, чего стоите? — уточнила Ойтко. — Надеетесь оказать посильную помощь доценту Ольи?

— Отнюдь нет, госпожа Литория, — покачал головой Сагрон. — Мне просто интересно, просила ли вас профессор Хелена провести определённые воспитательные работы.

— Нет. Но если студентка Арко обратится ко мне с такой просьбой, то я её обязательно исполню, — Литория улыбнулась Котэссе и, расправив плечи, гордо зашагала следом за Жодором, намереваясь поскорее расправиться со всеми работами с ковром.

Глава 22

Закрытые защиты были редкостью. Сагрон вообще считал это излишеством; ему больше нравилось видеть наполненный людьми зал, будь они хоть профессионалы, хоть обыкновенные студенты, решившие почерпнуть немного знаний из опыта своих старших коллег. И если в случае с докторскими это было оправдано, ведь часто представлялись опасные для юных умов результаты, то для кандидатских, не относившихся к аспектам особенно сильной боевой магии, запира́ть на ключ зал и проводить тайное голосование по всем его правилам было странно.

Три оппонента считали точно так же. Один из них был из их спецсовета, но приехал из другого города; серьёзный такой седобородый мужчина, не разговаривавший до сих пор ни с кем, кроме Хелены. Но это и не удивляло; госпожа профессор сделала всё, чтобы защита её дочери прошла максимально успешно, и отступить от намеченного не собиралась ни под каким предлогом.

Эта женщина могла добиться чего угодно и от кого угодно, даже если кто-то пытался установить ограничения. Что ж до родного НУМа, то вряд ли тут существовали люди, готовые спорить с Хеленой Ольи или с её дочерью. Да она даже научного руководителя выбирала себе методом тыка, так, чтобы тот не особенно мешал в работе. Но, впрочем, Ролан был не таким уж и плохим выбором, если забыть о его извечно влюблённом взгляде, направленном исключительно на Элеанор. Имела ли место в его любви причина в виде страсти к науке, или, может быть, всё оказалось куда проще, и дело было во внешней привлекательности, Сагрон не знал. В последние несколько двадцаток друг только то и делал, что сбегал от него, и с каждым днём всё дальше и дальше.

Дэрри знал, что все они — единогласно! — подтвердят право Элеанор на запрашиваемый статус. Не может быть такого, чтобы не подтвердили. Она, во-первых, действительно хороша в своём деле, а во-вторых, иначе их просто съест Хелена. Или уволит. Да, голосование было тайным, и многие из спецсовета работали не на их кафедре и не на их факультете, хотя, так или иначе, всё равно подчинялись профессору Ольи, но действительно в безопасности были лишь те, кто явился из другого учебного заведения.

Это же надо — так отчаянно бороться за благополучие собственной дочери, что не давать ей и шанса на ошибку. Однажды это точно не доведёт до добра.

Сагрон не сомневался, что, если вдруг он посмеет не проголосовать, то его съедят с потрохами. И Элеанор с удовольствием присоединится к собственной матушке, а драгоценнейший Ролан обязательно поддержит их тем, что станет в сторонке и будет смирно наблюдать за тем, как терзают на кусочки его лучшего друга.

Два других оппонента, более молодые, чем тот, который из спецсовета, переговаривались между собой, но так тихо, что невозможно было расслышать ни единого слова. Сагрон искренне пытался; представителям совета никто работу читать не давал, а хотелось же узнать хотя бы в общих чертах о том, что ещё наизобретала Элеанор. Впрочем, ему-то что задаваться вопросом, о чём пойдёт речь?

Вероятно, он будет фигурировать в списке тех, на ком испытывалось проклятие, скорее всего, под именем "госпоина Икс", но разве это меняет суть дела?

Мужчина оглянулся на пустой зал за спиной. Оббитые бархатом откидные кресла, выстроенные стройными рядами, были неестественно свободны; обычно, когда что-то происходило, тут было не продохнуть от студентов. Конечно, когда он учился, желание познавать у коллег по цеху было всё же сильнее, чем сейчас, но стоило и сейчас кому-то защищаться по денежным или любовным темам, как сидели даже на ступеньках повыше.

Покачав головой, он перевёл взгляд на сцену. Тут иногда проводили демонстрационные представления, показывая, как именно правильно использовать проклятие, но, в силу характерных и мало кому известных особенностей конкретно этого, вряд ли кто-то собирался раскрывать весь спектр его действия на себе.

— Вы читали работу? — спросили вдруг у него. Сагрон оглянулся и воззрился на самого молодого оппонента, едва ли старшего его самого лет на пять. — Мне интересно узнать мнение других. Довольно интересное проклятие, вам не кажется? Так ловко обойти правила его отмены!

— Нет, к сожалению, не читал, — покачал головой он. Признаться о том, что он сам же стал его жертвой, было по меньшей мере глупо. Все до единого члены спецсовета с того же самого момента стали бы смотреть на него, как на живую игрушку, а потом попросили бы привести ещё и Котэссу, чтобы удостовериться в том, что проклятийница действительно существует и не делала ничего особенного. — И проклятия не относятся к моей научной тематике.

— Вы маг-практик? — полубопытствовал мужчину, потеряв гладко выбритый подбородок. Он весь был такой напояженный, такой идеальный, что даже становилось смешно; явно никогда в жизни не присутствовал не то что в бою, а даже на практике со студентами! — Я чаще исследую

теоретические глубины нашей профессии...

— Я преподаю в этом университете, — ответил Сагрон. — К сожалению или к счастью, это не имеет прямого отношения ни к теории, ни к проклятиным особенностям.

— Вы не испытываете уважения к теории проклятий?

— Почему же? Я просто не хочу этим заниматься, — пожал плечами он. — О представленной сегодня работе я имею только общее представление, и этого мне достаточно для того, чтобы отметить её как достаточно качественную.

— О, это весьма слабая оценка, как на то, что сегодня продемонстрирует нам аспирантка Ольи, — отметил оппонент. — Мне кажется, вы даже недооцениваете работу, проделанную этой девушкой. Я поражён количеством экспериментов и тем, какое широкое использование у её проклятия вопреки его узкой направленности! А вы очень зря пренебрегаете теорией, молодой человек, очень зря.

— Извольте, вы не настолько старше меня, чтобы величать молодым человеком, — совершенно безэмоционально ответил Сагрон. — А что до знания проклятия, то, пожалуй, вряд ли кто-то может понимать его аспекты более детально, чем тот, на кого оно было наложено, вы не находите?

— Да, вы правы, — соглашался мужчина, очевидно, со вторым тезисом. — Но, к сожалению, мне не предоставилась возможность пообщаться с подопытными. Вероятно, в силу подписания договора о неразглашении или нежелании демонстрации собственных семейных проблем они решили не явиться на защиту, а у меня не было времени отыскать их лично. Да и, предполагаю, аспирантка Ольи не навела их имена в списках...

— Охрана информации всегда имеет высокое значение, — ответил Сагрон таким постным голосом, что интерес к нему был утерян окончательно. Совет уже собрался, и все ждали аспирантку. Элеанор всё ещё пряталась за занавесой зала, может быть, поправляла что-то, а Дэрри только принял от главы совета — профессор Куоки цвёл и пах на этом месте, — автореферат и пролистнул его довольно спешно, зная, что презентация будет в разы любопытнее.

Ролан, настроив наконец-то магический проектор, щёлкнул пальцами, запуская отображение, и Элеанор показалась перед ясными очами совета. Сагрон посмотрел на бланк для голосования, который поставили перед каждым из членов совета, и равнодушно поставил галочку напротив короткого "за". Какая разница, что там внутри? Не то чтобы Элеанор не заслуживала на это звание, но под столь злым взглядом её матери голосовать хотелось пораньше, чтобы избавиться от напряжения и спокойно дослушать до конца.

Элеанор улыбнулась и — Сагрон был готов поклясться в этом! — особенно пристально посмотрела на него, прежде чем наконец-то начала свой рассказ.

И уже на третьем слайде он понял, что причины у неё были.

Обычно банкет был поводом для искренней радости всех членов совета. Сагрон относился к этому этапу чужих защит отнюдь не пренебрежительно; когда результат был уже оглашён, истязаемый аспирант переходил в состояние кандидата наук и получал свои поздравления от родных и близких, все официально приглашённые на заседание совета отправлялись в соседний зал на фуршет, вкушать пищу, столь щедро предоставленную самим защищаемым.

Сагрон подозревал, что иногда "за" голосовали только потому, что очень уж сильно хотелось на банкет. Некоторые аспиранты предоставляли такие столы, что ради них особо голодные члены совета были готовы броситься с крыши — и прилететь на крыльях любви к столам, первыми, дабы поглотить всё, что успеют, ещё до прихода конкурентов.

Но ему было не до еды. Мужчина не сомневался, что сейчас ему кусок в горло не полезет; Дэрри вообще собирался уйти сразу же после разговора с Элеанор. Единственным его желанием было её придушить — немедленно и как можно быстрее, до того, как успеет вмешаться её драгоценная мать. Потому что услышанное на защите не вписывалось ни в какие рамки разумного; та бесцеловечность, с которой аспирантка Ольи провела свой великолепный эксперимент, могла поразить и опытного боевого мага — а те по своему определению довольно циничны.

— Доцент Сагрон, — Элеанор остановилась рядом с ним. Лантон маячил у неё за спиной, старательно отводя глаза, и Дэрри сделал единовозможный вывод: ему тоже отлично было обо всём известно, возможно, не с самого начала, но большую часть времени так точно. — Надеюсь, вам понравилась моя защита. Очень бы не хотелось разочаровать такого опытного боевого мага, как вы.

— О, я просто в восторге! — протянул он нарочито медленно, а после вновь перевёл взгляд на Ролана. — Скажите, не участвовали ли вы в проектировании экспериментов для своей подопечной? Или это была исключительно её идея?

— Это был экспромт, — ответил Ролан. — И я изначально даже не догадывался об истинном положении дел. Но, вероятно, к лучшему то, как всё сложилось.

— Да что вы говорите! — Сагрон холодно прищурился и смерил презрительным взглядом своего коллегу и его уже бывшую аспирантку. — Как странно, что подобные научные достижения получаются у вас случайно. Но ведь вы, госпожа Ольи, отлично знали о том, как действует ваше проклятие? С самого начала?

— Верно, — кивнула Элеанор. — И, как я уже говорила во время защиты, подтвердила свой опыт несколькими любопытными экспериментами. Это было бесценно.

— Ладно я, — Сагрон отбросил в сторону свой официальный тон, не в силах сдерживать раздражение. — Но ведь она-то ни в чём не виновата! Не посмела довести ваше королевское высочество на лекциях, не оказалась её самым ненавистным преподавателем, не встала на пути... Просто подвернулась под руку, да, Элеанор?

Ольи не казалась расстроенной или смущённой. Она только повела плечами, а единственным красным осталось её тёмно-бордовое платье. Щёки не побледнели, не заалели от негодования или желания оправдаться.

Действительно, а зачем ей оправдываться?

Сагрона поражала скорее та поразительная безнаказанность, в которую беззаветно верила Элеанор. Она даже не подумала о том, что могла причинить кому-то боль. То, что было совершено, делалось с единственной целью: получить дополнительный опыт и понаблюдать за реакционными цепями людей.

Что ж, ему следовало догадаться об этом ещё по названию диссертации. Оно не сулило ничего хорошего и уж точно ен могло иметь отношение только к проклятийной теории. Действительно, она провела очень широкий анализ психологии проклятий и их действенности, вот только имела ли право на подобные эксперименты?

Ответ был логичен: если б Элеанор не была дочерью самой госпожи проректора, то она не рискнула бы проверить подобное. Но привычная безнаказанность, вероятно, впиталась с материнским молоком. Она даже не задумалась о том, что может быть наказана, а когда обстоятельства сложились так, что появилась возможность кое-что испытать, Элеанор ухватилась за неё мёртвой хваткой, как это столь хорошо обычно делала её мать.

Может быть, следовало посочувствовать профессору Куоки, когда его так нагло подмяли и отобрали всю реальную власть. Вероятно, он тоже противился этому, равно как противился однажды решениям своего сына, и всё это, как обычно, было зря.

— Ничего плохого не произошло, — наконец-то промолвила Элеанор. — Никому не был причинен вред. Физически никто не понёс никакого ущерба. Да и, к тому же, моя защита прошла достаточно рано для того, чтобы были совершены какие-то непоправимые действия.

— Да, однако, — кивнул Сагрон. — Куда уж раньше... а ты, Лантон, когда ты это узнал? Дай угадаю, примерно три двадцатки назад? Когда ещё вы столь бурно выясняли отношения на кафедре, что туда было опасно пускать других людей?

Ролан, в отличие от своей подопечной, покраснел. Может быть, ему и неприятно было оказаться замешанным в подобном деле, но Сагрон отказывался подбирать выражения.

— Что, нет? — он прищурился. — Или да?

— Да, — кивнул Лантон. — Да, ты прав, я тогда узнал правду. Но ничего страшного бы не случилось, если б мы продолжили научный эксперимент...

— Вы могли предупредить её, если на меня так уж наплевать.

— Это повредило бы чистоте эксперимента, — вперив взгляд в пол, ответил Ролан.

— Теперь я даже не удивлён тем, что ты прятался от меня по углам, — безэмоционально ответил Сагрон.

Подобное опустошение — и горькое чувство предательства, — он испытывал, наверное, когда впервые получил серьёзный откат от заклинания и потерял друга. Меньше надо было пить; он запомнил тот смешной, почти детский урок практически на всю жизнь — и до сих пор чувствовал себя виноватым перед Ирвином. Вон, и волосы так и не вернули свой естественный цвет; для всех остальных он придумал сказочку о том, что напоролся на какое-то заклинание и пересыпал в него энергии, а для себя — навеки запечатал реальность и закрыл её на замок, навесил на него самый

большой подсознательный ключ, который только смог сыскать, и старался не вспоминать.

Но то, что случилось между ним и Ирвином, касалось только их двоих, было глупой юношеской размолвкой, за которую друг друга давно уже пора было простить. Тогда Ирвин сгоряча, как любой талантливый боевой маг, ещё не научившийся себя контролировать, швырнул своё проклятие о предательстве, а вернулось оно только сейчас. Что ж, ограничительное условие было выполнено; Сагрон мог чувствовать себя свободным.

Окончательно свободным.

Но тогда в это не вмешали постороннего человека. А в этот раз Котэсса, сыгравшая главную роль в чужой пьесе, даже не догадывалась о собственном актёрском предназначении.

— Если вы скажете хотя бы слово ей, — протянул Сагрон почти с удовольствием, чувствуя, как перекатывается на языке угроза, — то о том, насколько любопытные эксперименты на людях проводила аспирантка Элеанор, может узнать больше людей, чем стоит. И даже научное звание окажется под угрозой. Котэсса не должна ничего слышать об этой защите. Ничего!

— Но почему? — неуверенно спросил Ролан. Элеанор только склонила голову в согласном кивке и вновь расправила плечи и гордо вскинула голову. — Почему ты не хочешь, чтобы она знала правду? Ведь в ней нет ничего страшного!

— А это уже не твоё дело. Ты, помнится, терпеть не мог, когда я вспоминал об Ирвине? — Сагрон повернулся было к двери, но оглянулся на Ролана и договорил. — Так вот, не хотелось бы мне этого говорить, но он бы себе никогда такого не позволил.

Он слышал, как просипел что-то неслышно Ролан, но пропустил все его извинения мимо ушей. В конце концов, это не имело уже значения.

Никакого.

Глава 23

Новогодняя пятидневка всегда приходила внезапно. Тэсса помнила, как ещё в далёком-далёком детстве любила эти дни — вся страна отправлялась по домам, и все до единого наслаждались тем самым смутным, едва-едва ощутимым в воздухе привкусом чуда. Близилась последняя ночь в году, дарившая обычно непередаваемое счастье, неизвестное для тех, кто не привык к системе догоняющих друг друга будничных двадцаток. Эти пять дней, не считающихся в общий цикл, вылетающие из трёхсотшестидесятидневного круговорота, всегда выделялись на общем фоне.

Это было её детство: даже в бедном доме в эти дни становилось ярко и весело, родители забывали о переживании и о жалобах, на улице было бело-бело, солнечно и снежно одновременно, а редкие тучи, прятавшие от людей дневной свет, вызывали разве что радостные улыбки. И они, словно потерявшиеся во времени, радостно плясали, приветствуя новый год, водили хороводы вокруг громадной ёлки на главной площади, тащили домой подарки от богатых — пряники и конфеты. Она, разгорячённая, раскрасневшаяся от странной праздничной атмосферы и морозного воздуха, поражалась тому, как звонко звучал собственный снег среди молчаливых домашних комнат.

Три последних года она проводила новогоднюю ночь в дороге, возвращаясь из дома в НУМ. А в этот раз осталась — и впервые увидела громадную столичную ель, сверкающую от низа до самой верхушки. И звезда, громадная, будто бы сорванная с неба, пылала в разы ярче, чем та, что была в её родном городке, и детворы было намного больше — и толпа казалась тоже счастливее. Они легче сбрасывали полог грусти, избавлялись от ежедневных забот и убегали плясать на главной площади.

Котэсса никогда не думала, что в городе оставалось так много студентов, но столица буквально взрывалась от молодого смеха. Все они в один миг высыпали со своих университетских корпусов; сессия осталась за плечами, будь она плохой или хорошей, и остался только весёлый, радостный танец и традиционные наряды.

Сверкали костры, факелы и магические светлячки. Где-то вдалеке фокусник отчаянно жонглировал пылающими углями, умудряясь оставлять свои пальцы целыми, чуть поодаль кто-то пел, не попадая в ноты — но ему всё равно бросали монетки в протянутую шапку. Смех и радость, смевшиеся воедино, сплелись в одну красивую зимнюю сказку, и Котэссе казалось, что её заворожил блеск и радость столичного праздника.

— Не жалеешь, что осталась? — коварным шёпотом поинтересовался Сагрон, буквально выпадая следом за девушкой из бурного хоровода. — Помнится, ты собиралась всё-таки отправиться к своим родителям: ну, оно того стоит, разлука с родными?

— Стоит, — сегодня было не до воспоминаний о том, почему она не поехала на самом деле. И холод не возвращался, и грусть — тем более; среди всеобщего веселья Котэсса не могла заставить себя плакать по забытому или не очень прошлому.

— Вот видишь.

Сагрон традиционный зелёный не шёл; он отказался от этой идеи ещё тогда, когда кто-то пытался нахлобучить ему на голову новогоднюю яркую шляпу. Алая новогодняя лента и так свисала с его плеча, словно жалкая петлица; мужчина, впрочем, предал традиционный чёрный цвет своих нарядов, и Котэссе казалось, что его тёмно-синее пальто было праздничнее всего остального.

Она и сама хотела выбросить прочь это длинное зелёное платье, но Сагрон настоял, чтобы оставила: смеялся, что оно было ей к лицу. Девушка не сомневалась, что лицо в этом случае волновало его меньше, чем слишком глубокий по её мнению вырез, но не стала спорить. Ей и самой нравилось сверкание зелёной ткани, то, как платье легло по фигуре, словно было на неё шито. Она даже на цену не обратила внимания, хотя не собиралась принимать никакие подарки; Сагрон же позволил вручить ему тот трактат, который отказывались продавать мужчинам, а ему было дико интересно, правда?

И трактат даже не кусался, когда Котэсса была рядом, а ласково урчал, если чесать его по обложке. Читать его Сагрон мог, впрочем, только в её присутствии, когда девушка гладила бедную книжку по корешку, а Дэрри ещё и нагло смеялся, что сам с удовольствием занял место этого подарка и устроился бы рядом с нею так близко, как позволено этой несчастной книженции.

Она не слушала, то всё были просто шутки.

— У меня никогда не было такого хорошего нового года, — призналась Котэсса, не зная даже, почему её вдруг потянуло на искренность. — Я в детстве чувствовала себя счастливой, но потом...

— Потом магия праздника угасает, — Сагрон обнял её за талию, увлекая за собой, и девушка поддалась. — Если только над его атмосферой не трудятся лучшие маги страны!

Словно подтверждая это, он протянул руку, и с пальцев в небо полетели вихри искр; Котэсса даже вспомнила о том фейерверке, что видела на день всех влюблённых. Но бесшумные вспышки волшебства, потоками поднимавшегося в темнеющее небо, были красивее; они разгоняли тучи, и, хотя солнцу больше не было места среди ночи, пылали так ярко, что освещали добрую треть площади.

Сагрон, наверное, не хотел собирать вокруг себя толпу — это получилось само по себе. Следя за его колдовством, со всех сторон набегали дети. От ладони Дэбби отлетали и более мелкие искорки, обращающиеся снежинками, не тающими, а стеклянными — игрушками, приземлявшимися в чужие руки. Котэсса сама не удержалась и, подпрыгнув, поймала одну, ало-зелёную, в цветах нового года.

— Она не растает? — спросила она, улыбаясь тому, как праздничные искры застыли ярким фейерверком внутри волшебного стекла.

— Нет, — улыбнулся Сагрон. — Детский фокус: заключить энергию в физическом сосуде и запечатать её, обратив форму. Можешь занести пометки в свою бакалаврскую.

— Не занудствуй, — Котэсса весело рассмеялась, хотя, казалось, не должна была. Это она всегда больше внимания, чем оно того стоило, уделяла учёбе, а сегодня вдруг почувствовала себя по-настоящему свободной. Свободной от соседок, отправившихся праздновать домой, от проклятия, о котором оказалось так легко забыть, от предрассудков, потому что в новогоднюю ночь можно было с кем угодно и сколько угодно.

Да даже время благоволит людям, желающим насладиться обществом друг друга! Оно всегда замедляется в такие моменты, позволяет им застыть, прочно запечатлеться в чужой памяти, отбивается странными фигурками снежинок.

Смеющиеся дети побежали следом за подпрыгивающим потоком магии, оторвавшимся от руки Сагрона. Тот, словно весёлый зверь, олень или лань, мчался по снежным горам, рассыпая снежинки во все стороны, и ребятня ловила их, хватала, набивала карманы, чтобы вернуться домой и там тоже поцепить на ель кусочки чужого волшебства.

Котэссе хотелось просто сказать спасибо, но она не могла отыскать слова. Сагрон вновь притянул её к себе, склонился ниже, и она поцеловала его первой, не позволив выдохнуть ни единого слова. Впервые за всё время их знакомства, наверное, девушка чувствовала себя действительно счастливой, без ограничений и косых взглядов, бросаемых на них, и...

Влюблённой.

Как же на самом деле ей не хотелось это признавать! Понимать, что она уже сдалась чувствам, против которых так воевала с самого начала.

Но, может быть, Сагрон был не настолько плох, как ей казалось?

— Знаешь, — выдохнул мужчина в её приоткрытые губы, — это действительно великолепный новый год. Жаль только, что я прежде терпеть его не мог, даже не с чем сравнивать.

— Ты? Не любил новый год?

— Не-а, — хмыкнул он. — В этот день, много лет назад, я умудрился повздорить со своим лучшим другом, а мы с ним, между прочим, до сих пор не разговариваем. Хотя, и не виделись тоже довольно давно. А родители верили в другое, им тоже было не до празднеств. Я как-то привык не обращать на этот праздник внимания, сидел себе в общепите и наслаждался тишиной, там это редко бывает.

Котэсса хотела что-то ответить, но не успела; толпа, покинувшая снежинки и угасающий уже поток магии, помчалась к следующему магу, подарившему праздник, и увлекла и их за собой. Сейчас можно было либо подчиниться, либо просто уходить прочь; никто в своём уме не стал бы сопротивляться громадному потоку людей, метаящихся от одного волшебника к другому.

Ярким светом взорвалась ель. Казалось, каждая её иголочка излучала чары — теперь всё светилось изнутри, сверкало, и снег, повалившийся ни с того ни с сего, тоже был не белым, а серебристым, лучащимся в огнях нового года.

Котэссе опять ухватил кто-то за руку; она в один миг оказалась от Сагрона дальше, чем он мог ожидать. Чужой круговорот закрутился с неожиданной быстротой; она не успевала запоминать лица людей, с которыми плясала, чьи горячие ладони сжимала. Кто-то был в перчатках, кто-то — в кусающихся шерстяных варежках, кто-то, позабыв о холоде, избавился от лишней одежды, и чужие рукавицы, пальто, тяжёлые шубы и платки лежали на соседней снежной горке.

Ей и самой хотелось избавиться от своего плаща, позволить магии огнём пробежаться по жилам, вдохновить её — и наполнить жизнью изнутри, — и Котэсса поддалась, сбрасывая накидку в общую

грудю и даже не задаваясь вопросом, как потом её найдет. Сегодня это было неважно.

Она никогда не умела петь, а теперь вдруг поняла, что вместе со всеми остальными повторяет запомнившуюся мелодию. И новогодняя музыка, светлая и чистая, будто бы те огни на ёлке, разносится по всей площади, поглощая всё больше и больше людей.

Хоровод отпустил её так же быстро, как и поймал; девушка почувствовала, как сменилась мелодия танца, как притихли в один миг дети, уступая кусочек своего праздника детям, а музыка стала медленной, мягкой...

Будто бы для влюблённых.

Тот крик и шум, который сопровождал день любви, такой недавний и такой смешной, был забыт. Котэссе казалось лишь миг, что она потерялась в толпе и опять стала чужой столичному городу; кто-то танцевал с кем-то, люди вставали в пары, забывая о мужьях и жёнах, что уж там говорить о просто любимых.

В этот миг, помнила она ещё из своего детства, легко было встретить таинственного незнакомца и влюбиться, но почти невозможно — найти того, с кем пришла.

Но стоило только оглянуться, как она натолкнулась буквально на Сагрона, улыбающегося, весёлого, тоже счастливого от этого удивительно тёплого зимнего праздника.

Он обнял её, властным жестом привлекая к себе, и девушка обвила руками его шею, почувствовав вдруг, как замёрзла.

Сагрон от своего пальто не избавился, только распахнул полы, наверное, в предыдущем танце, и она только теперь заметила: нет, надел всё-таки ту проклятую зелёную рубашку, от которой так старательно отворачивался в магазине.

Она ещё так смеялась...

Мужчина обнял её ещё крепче, и Котэсса прижалась к нему всем телом, радуясь неожиданному теплу. Она не знала, было ли дело в магии или, может быть, в огне вспыхнувших чувств, но доверяла ему сегодня больше, чем когда-либо прежде. Мелодия, завораживающая и мягкая, окружила их, будто бы укутала тёплым одеялом, и Котэсса улыбнулась, чувствуя, как утягивает куда-то вперёд странная волшба звуков.

Сагрон был таким родным, таким близким... даже не верилось, что совсем недавно она добровольно сбежала от него. Теперь Котэсса даже не считала преступным прижаться к нему, так, что было даже слышно гулкие удары его сердца. Он улыбался и шептал что-то ей в волосы, и, хотя девушка не слышала ни единого слова, ей казалось, что это были какие-то приятные признания, нежность и любовь, в которую не верилось при свете обыкновенного дня.

— Ты замёрзла, — промолвил он, прорываясь сквозь всеобщий шум. — И потеряла свою накидку!

— Ничего страшного, — рассмеялась Котэсса совсем по-детски, хотя это была единственная её верхняя одежда. — Я потом куплю себе новую!

За стипендию, которую теперь не нужно отправлять родителям, за деньги, которые удаётся экономить, потому что в общежитии не так уж и дорого жить. Конечно, купит: теперь она может себе хоть что-то позволить!

Сагрон закружил её быстрее, повинаясь убыстряющейся мелодии, и потянул куда-то прочь, предчувствуя новый хоровод. Их вновь потянули следом, но он оказался более прытким; Котэсса даже не поняла, когда они успели свалиться в сугроб, но это было поводом разве что для смеха — отнюдь не для возмущения.

Холод снега не приводил в чувство; она только смеялась и смеялась, чувствуя, как промокает спешно зелёное сукно платья.

— Надо проводить тебя домой, — прошептал Сагрон, но так и не встал с сугроба. Котэссе самой не хотелось; детское безрассудство так охватило её, что она забыла и о склонности к простудам, и о том, что Дэрри был всего лишь её преподавателем.

Если до сих пор можно было так говорить о нём.

Он выбрался из снега крайне неохотно и с трудом; вокруг белых гор, сверкающих, будто драгоценные, собралось уже много желающих в них поваляться. Кто-то играл в снежки, руками загребая снег и швыряя его в кого ни попадя, и Котэсса сама была готова поддаться и ответить обидчикам, но Сагрон, забыв и о накидке, ни о том, что мог высушить их одежду щелчком пальцев,

потянул их прочь.

...Общежитие безмолвствовало. Котэсса даже не успела поразиться, как тут было тихо, когда оказалась у дверей в собственную комнату — и ей всё ещё было трудно разжать пальцы, сжимающие мужское запястье, и всё ещё не хотелось, чтобы он уходил.

В этой вспышке безрассудства, признаться, она была готова даже увлечь его за собой, помня о пустующей комнате, о том, что соседки вернутся только к утру, но перехватила вовремя предупредительный взгляд; будто бы и Сагрон в один миг перестало быть важным проклятием.

— Мы завтра увидимся? — спросила она одними губами, зная, что шёпот очень тих для того, чтобы звучать, как полноценный вопрос.

— Конечно, — улыбнулся ей Сагрон. — Конечно, увидимся.

Котэсса поверила — она почти упала в свою комнату, но так и не отпустила его руку, пока били колокола, оглашая о начале нового года. И лишь после последнего удара разжала пальцы и провалилась в холод ледяного платья.

Глава 24

Весь НУМ шумел — точнее, даже гудел на одной низкой ноте. Звук исходил откуда-то из подвалов; Сагрон услышал его ещё в тот момент, когда зашёл в университет.

И принесла же его неладная, в выходной-то день!

Но это поражало. Гул, стойкий, сильный, напоминающий толпу ругающихся людей, притягивал к себе, словно магнитом. Сагрон никогда прежде особо не доверял плохому предчувствию, но сегодня буквально ринулся вниз по ступенькам, чувствуя, что случилось что-то плохое. Очень плохое.

Ступеньки под ногами едва ли не летели. После вчерашнего новогоднего счастья остался только странный осадок, благо, не алкогольный, не то он списал бы на него странные звуки, но чувства всё ещё были обострены от переизбытка магии в воздухе, и Сагрон буквально чувствовал, как мощное постороннее волшебство пыталось вырваться из наброшенной на него клетки.

В подвалах оказалось не так уж и много народу. Прежде здесь было множество артефактов, по крайней мере, так вещала история магии и её преподаватели, забивавшие никому не нужной ерундой головы студентов, но сейчас нельзя было найти ничего толкового. Только пустые застеклённые камеры, совершенно беззащитные и не заколдованные.

Совершенно недавно в одну из таких поместили артефакт, втягивающий в себя чужие проклятия. Музыкальная шкатулка, перестающая играть, когда её никто не дёргал, красовалась на своём постаменте, и стекло вокруг неё пылало с такой силой, что даже прикоснуться было страшно.

Сагрон отлично знал, как такое снимается, но не сомневался, что морочиться пришлось бы долго. Да и внутри, вероятно, присутствовало немало дополнительных заклинаний, которые обязаны были защитить шкатулку, вот только разве хоть одно из них активировали? Должны были сделать это сегодня утром, когда артефакт наконец-то освободится от уже использованного проклятия, изжившего своё.

Он, говорили, отлично работал с теми заклинаниями, что имели специфическое условие. Артефакт не был живым, потому всевозможное "пока один из вас не полюбит" или "через несколько поколений один из вас умрёт" он уничтожал на раз. Только чёткие "на год" и "на тридцать лет" занимали его на отведённый срок, и потому с такими проклятиями к магическому чуду не подпускали.

Много лет назад кто-то один прорвался. Ещё во время магической войны слил сюда проклятие на несколько поколений, вот оно и крутилось до новогодней ночи, а несколько часов назад должно было угаснуть и освободить артефакт. Тот бы исследовали, может, и размножили бы...

Но не успели.

Один из стражников-магов, призванный охранять артефакт и справляющийся с этим делом вот уж довольно долгое время, лежал с разбитой головой. Над ним крутилось два или три целителя; судя по спешке, мужчине пришлось вытаскивать с того света. Он потерял много крови, но дышал, и это внушало надежду.

Второй был просто мертвенно бледен, то, впрочем, тоже жив. Он сидел, пошатываясь взад-вперёд, и бормотал что-то, смотрел на свои руки, на пальцы, чесался, будто бы пытался избавиться от чего-то, стряхивал с себя невидимых насекомых...

Проклятие иллюзии, одно из самых противных, окутало его сплошной пеленой, и опытный маг, склонившийся над ним, пытался вытянуть в маленький камень последствия чар.

Но самое страшное было дальше. Стекло лежало под ногами — осколками и мелкой крупницей. Осталось несколько кусков и внутри камеры-клетки, и те всё ещё пылали огнём, только уже совсем слабым. Черта вспыхивала, только когда через неё кто-то переступал, потому женщины деловито поднимали юбки.

Колдуньи-боевики, две, впрочем, были в брюках, заправленных в высокие сапоги; они переступали через пламя, не боясь обжечься, командовали друг другом и то и дело обращались к человеку, застывшему у самого артефакта.

Это был мужчина, высокий, весь в тёмном, как и все королевские боевые маги. На его рукаве красовалась эмблема королевской защиты, яркая, словно то знамя. Он склонился над музыкальной шкатулкой и изучал её, словно было непонятно: кто-то занял артефакт своим проклятием.

И самое отвратительное, что не было даже шансов узнать, каким именно. Сколько лет подряд бились над предыдущим! Артефакт, защищая человечество от собственного влияния, закрывался

так прочно, что до истечения срока его невозможно было вскрыть. В прошлый раз слили что-то пустяковое, чисто вредительства ради, а теперь...

Сагрон мог только предполагать.

Он почувствовал, как за него зацепились чужие взгляды, пристальные, внимательные. Как окликнули мужчину, стоявшего у артефакта. На фоне говорил что-то громко профессор Куоки, призывая к спокойствию, Хелена Ольи тоже что-то требовала, то ли воды, то ли объяснений...

Сагрон смотрел на мага.

Он действительно напоминал тёмного колдуна, как ложно свидетельствовала его мрачная одежда. Статный маг, темноволосый, загоревший от постоянного пребывания на солнце и на ветру во время выездных заданий, с чёрными глазами — и непроницаемым выражением лица. С одной узкой, в несколько волосков, светлой прядью, откатом от того самого заклинания — надо же, даже не прячет за иллюзией.

Ирвин Сияющий, работник Следственного Бюро, глава отдела Борьбы с Магической Преступностью собственной персоной. Человек известный в широких и в узких кругах. Принципиальный до жестокости, самоуверенный, могущественный маг, способный остановить кого угодно в схватке.

Боевой маг, в котором от природы не было ни капли этой магии. Целитель, забывший о собственном призвании.

И его бывший друг.

Сагрон сглотнул, но сделал несколько шагов вперёд. Ирвин почему-то пугал его одним своим видом, да и тем, как смотрел на всех вокруг, с какой гордостью и злостью. Особенно на профессора Куоки.

— Доцент Дэрри, — он переступил через огненную преграду и подошёл поближе к Сагрону. — Не ожидал, что вы спуститесь сюда. Что ж вас привело в подвалы к артефактологам и боевому отряду?

— Исключительно подозрительный гул, — покачал головой Сагрон, понимая, что, если у Ирвина будет возможность, он зацепится за любую мелочь. — Что случилось?

— Кто-то воспользовался артефактом, — пожал плечами Ирвин. — Вырубил двоих высокочастотных боевых магов, что под силу только крайне опытному специалисту, прорвал это стекло, переступил через неактивированную сеть боевых заклинаний, а потом влил своё проклятие в неокрепший артефакт. Теперь мы даже не можем вскрыть его и узнать, что там.

Сагрон присвистнул. Если б кто-то просто воспользовался артефактом, это уже было преступлением. Но с таким прорывом...

— Есть подозрения? — спросил он, но Ирвин только таинственно усмехнулся, всем своим видом показывая, что не только имеет право, но и будет игнорировать этот вопрос.

Вокруг носились сотрудники факультета Защитной Магии. Сагрон понимал, какова это была для них потеря, да и удар по репутации. Ведь они должны были следить за тем, что тут происходило, никого не допускать, ограничивать круг тех, кто знал о существовании артефакта...

А потом доцент Ойтко взяла и подала ректору идею встретить новоприбывших так пышно, чтобы это точно никто не пропустил.

— Я полагаю, — Ирвин обернулся на профессора Хелену, — что это совершил кто-то из своих. Вряд ли посторонние так легко бы вошли в НУМ. Или у вас тут защита ухудшилась в разы с того времени, как я учился?

— Нет, — Ольи сжала зубы, глядя на своего бывшего ученика. — Прежде, впрочем, студенты были не столь дерзки со своими преподавателями.

— Они того заслужили, — Ирвин смерил взглядом Сагрона. — А что же вы, доцент Дэрри, так ошеломлённо смотрите на побоище? Неужели вы никогда не видели последствия серьёзных магических атак, сидя здесь, в университете? А ведь вы тоже мечтали стать боевым магом...

— Я им и стал, — сжав зубы, ответил Дэрри. — И не моя вина в том, что с меня не вышло такого хорошего следователя, как с вас.

Не его вина в том, что он ещё два года не мог избавиться от отката. Не мог колдовать так, как хотелось. Защищал теоретизированную магистерскую. Так и не вернул былой уверенности в чарах нападения.

Не его вина в том, что он тогда сдержал собственный порыв и взрывом силы едва сам себя не

выжег.

Но его — что эта дуэль вообще случилась.

— Да, жаль, — щёлкнул языком Ирвин. На какое-то мгновение Сагрон показалось, что он хотел было уже и смягчить тон, но чужие шаги заставили его вновь выпрямиться и вспыхнуть непреодолимой злостью.

— О, Сагрон, — тоненьким голосом, полным испуга и ужаса, прошептала Энниз. — Какой кошмар. Ты уже знаешь? Видишь, если не ты, то кто-то другой...

Воспоминания вернулись сплошным потоком.

Энниз. Это ведь она была тогда, много лет назад, камнем преткновения. Она собиралась стать супругой Ирвина. Она смеялась, улыбалась ему, пьяному, она даже не подумала тогда оттолкнуть...

Он забыл её, потому что Ирвин ото всех прятал свою невесту и даже имени её никому не называл. Энниз пришла тогда безымянной и осталась такой же на долгие годы памяти, пока не вернулась опять в его жизнь в качестве... Кого? Просто коллеги, благо, любовницей так и не стала.

— В каком смысле "если не ты"? — зацепился за фразу Ирвин. — Что вы хотите этим сказать, госпожа Форү?

По его взгляду, по прищуренным тёмным глазам и плотно сжатым зубам было видно, что он всё прекрасно помнил и до сих пор ненавидел её за ту измену. Или, может быть, до сих пор любил и хотел вернуть. Так или иначе, пророненные этой женщиной слова имели значение куда большее, чем сказанное кем-нибудь другим.

— Ведь доцент Дэрри был проклят, — протянула Энниз. — И довольно серьёзно. Да, это любовное проклятие и всего на год, или сколько там ему осталось, но крайне неприятное, и, я полагаю, он очень хотел бы избавиться от своего клейма раньше, чем то велит срок. Вероятно, девушка, проклавшая его, отказалась лечь с ним в постель, — это прозвучало так громко, что, казалось, даже содрогнулись потолки. — Что ему ещё оставалось?

Сагрон не успел даже возразить, сказать, что всё это ложь: Ирвин успел принять решение раньше. Он протянул руку, опустил её Сагрон на плечо, зажмурился на какое-то мгновение, а после отпрянул и презрительно скривился.

— Он не проклят, — проронил мужчина. — Тут нет ни единого магического следа.

— Доцент Дэрри! — возмутилась Энниз. — Так значит, вы... — Сагрон дожидался слов о том, что он обманул её, но Форү превзошла все его ожидания. — Так значит, это вы воспользовались артефактом! Вот почему вы теперь не прокляты, потому что он впитал в себя силу вашего проклятия. Как вы посмели лишить множество людей спасения на долгий год или полгода. Как вы... Как вы посмели напасть на стражу?!

Колдуньи, что крутились вокруг артефакта, поспешно пересекли черту. Одна из них носком отбросила в сторону кусок стекла, и Сагрон как-то отстранённо услышал громкий звон.

Профессор Хелена застыла рядом с Ирвином, не проронив ни слова: она была шокирована. Неужели тоже не знает?..

— Я не пользовался этим артефактом, — выдавил из себя Сагрон, чувствуя, как от шока перепутались все слова. — Я не...

— До выяснения обстоятельств вы задержаны, доцент Дэрри, — прервал его Ирвин. — Оллада, Ребекка, прошу вас...

— Это бред! — возмутился Сагрон. — Я даже не прикасался к вашему артефакту, и, тем более, я не был...

— Послушайте, — Ирвин, казалось, с трудом сдерживал гнев. — Я не хочу бросать вас в камеры. Но в ваших же интересах подчиниться.

— Я не виновен, — прошипел Сагрон. — И у меня есть неопровержимые доказательства.

— Вы можете предъявить их потом. Если в этом нет вашей вины, вы будете свободны, — пожал плечами Ирвин. — Вперёд.

Сагрон не успел проронить ни единого слова — полог молчания обрушился на него, словно гроза среди ясного неба. Он пытался сказать, что на самом деле никакого проклятия не было, что это всё ошибка и чужой эксперимент, что об этом просто никто не знает, но не мог. Слова просто

растворялись в воздухе, а губы отказывались шевелиться — челюсти свело судорогой, словно он очень крепко сжал зубы.

Ирвин, казалось, смотрел на него с сожалением. Что ж, радости в его взгляде точно не было; он только покачал головой, оглянувшись на профессора Хелену.

— Сагрон, мне жаль, — совсем тихо промолвил он. — Я бы не хотел подтверждать твою вину. Но я вынужден задержать всех подозреваемых. Других тут больше нет.

Дэрри даже не мог возразить. Он был нем, он мог стать и недвижимым, если б оказал сопротивление колдуньям.

Они схватили его за руки с двух сторон, но Сагрон и не думал сопротивляться: только глупец попытался бы вырваться, онемев, из цепкой хватки двух могущественных колдуний с опытом боевых действий. Вероятно, они остановили бы его при попытке бегства, а если б сопротивлялся — обездвигили и потащили бы по полу, словно мешок с какими-то овощами. Потому Дэрри предпочитал идти сам, расправив плечи и ступая так, словно ничего и не произошло.

За спиной тихо охнула Энниз. Краем глаза Сагрон заметил, как она попыталась схватить за руку Ирвина, объяснить ему что-то, но тот только раздражённо отряхнул рукав, там, где к нему прикоснулась Фору, и двинулся следом за колдуньями.

Если б тут был любой другой боевой маг, может быть, всё и обошлось. Но Ирвин вряд ли вообще захочет его слушать; обвинят, а потом никто и не заподозрит, что это было ложно. Лишат дара речи или отсекут магию.

Ну и что с того?

Его выбросят без суда и следствия на свалку, превратят в непригодного, и спасибо ещё, если не закроют в какой-нибудь тюрьме. После того, как они с Ирвином расстались когда-то, больше шести лет назад, трудно ждать другого подхода, не говоря уж о справедливом суде.

Они поднялись из подвала в молчании; колдуньи вообще, казалось, не смотрели друг на друга и не интересовались личностью пленника, Сагрон не мог проронить ни слова, а Ирвин за спиной хранил трагическое молчание. Впрочем, Дэрри чувствовал на себе его тяжёлый взгляд, ещё в юности совершенно не сочетающийся с врождённой магией.

А ведь они когда-то были друзьями!

...Сагрону хотелось, чтобы никто его больше в таком состоянии не увидел. Даже если и осудят, может быть, удастся избежать хотя бы публичного осуждения. Тех, кого лишали магии, обычно после не преследовали, но они редко после этого проживали долгую и счастливую жизнь.

Но ему не повезло. В коридоре оказалась целая группа студентов-двоечников, ожидавших преподавателя — Куоки, наверное, — для пересдачи. Он как-то отстранённо вспомнил о том, что это был четвёртый курс, а после увидел в толпе и Котэссу, явившуюся, впрочем, для того, чтобы заверить какие-то документы.

Она ему об этом говорила. Он даже предлагал сходить потом куда-то, после того, как она получит желанную подпись. И она согласилась.

Тэсси застыла от шока, глядя на него, скованного магией, с таким ужасом, словно это её саму сейчас вели по коридорам НУМа, будто последнюю пленницу.

Сагрону хотелось, чтобы она осталась там, среди своих, но девушка растолкала двоечников и бросилась к нему.

— Что произошло? — требовательным, хорошо поставленным тоном спросила она у Ирвина. — За что его задержали?

— Девушка, пожалуйста, не мешайте выполнять работу, — вздохнул боевой маг. — Нам надо доставить подозреваемого в отделение.

— В чём его подозревают? — Котэсса вновь встала на пути у Ирвина, глядя ему в глаза с такой уверенностью, словно была готова превратить его в пепел. Весь её магический потенциал против его опыта ничего бы, разумеется, не значил, но отступить девушка не собиралась. — Это государственная тайна, или вы просто не желаете ответить?

Ирвин вздохнул. Он застыл напротив Котэссы, казалось, пытаясь подобрать правильные слова, покосился на Сагрона — но тот, при всём желании, не мог проронить ни единого слова.

— Сегодня ночью была разрушена защита вокруг артефакта, — сообщил Ирвин таким тоном, словно просил у Сагрона извинения за правду. — Доцент Дэрри подозревается в том, что воспользовался им в своих корыстных целях. На нём не замечено ни следа проклятия, хотя оно, по утверждению свидетеля, должно быть.

Словно они спрашивали кого-то другого!

Но Элеанор и Ролан, что могли подтвердить его невиновность, сейчас уехали куда-то на научную конференцию, а когда вернутся, может быть уже поздно.

Впрочем, что же он. Уже и так поздно.

— Нет, — выдохнула Котэсса. — Он не мог этого сделать.

— Это та самая девушка, которая проклала вас, доцент Дэрри? — Ирвин с сочувствием посмотрел на неё. — Простите, как вас зовут?

— Студентка Котэсса Арко, — она расправила плечи и, кажется, даже стала выше, а её смешное каре, напоминавшее Сагрону прежде о вредном котёнке, теперь легло так, что Тэсси напоминала профессионального боевого мага.

— Котэсса, если я верно понимаю, у этого проклятия нет отменяющего заклинания. Вариант только один: артефакт, — пожал плечами он. — Доцент Дэрри свободен от магического влияния сейчас, и ни о каких отголосках даже проклятия не идёт и речи.

— Всё правильно, — кивнула она. — У этого проклятия нет заклинания-отмены, но, в соответствии с правилами, есть долженствующий набор действий. Доцент Дэрри не может быть проклят не потому, что воспользовался вашим артефактом, а потому, что избавился от него... легально.

Преподаватели, вышедшие следом за боевыми магами и Сагроном, застыли. Признание, произнесённое постороннему мужчине в лицо, даже в их не слишком консервативном обществе могло разрушить репутацию любой девушки.

К тому же, судя по восклицанию, её соседки присутствовали в толпе двоечников.

— Это правда? — спросил Ирвин. — Вы позволите мне проверить ваши воспоминания?

— Да, — кивнула Котэсса.

Сагрон зажмурился. Зачем она солгала? Чтобы сейчас оказаться соучастницей преступления?

Она протянула руку, и Ирвин сжал хрупкую девичью ладонь, несильно, но любого контакта хватило бы для того, чтобы добраться до её мыслей. Она, наверное, сняла барьеры или пыталась его обмануть, Сагрон не знал, но всё закончилось слишком быстро. Быстрее, чем должно было длиться сканирование периода большего, чем несколько дней.

— Что ж... — Ирвин нахмурился и взглянул на неё. — Вы довольно смелая девушка, — он оглянулся на остальных и громко огласил: — Госпожа Котэсса не лжёт. Оллада, Ребекка, снимите полог молчания и освободите доцента Сагрона. Он невиновен. Он не мог воспользоваться этим артефактом.

Сагрон потрясённо смотрел на него. Ирвин знал, что Котэсса солгала. Он понял это, только-только заглянув в её мысли.

Но предпочёл солгать и сам.

Это было...

Попыткой его спасти? От чего, от совершённого преступления, от того, в чём Сагрон на самом деле был невиновен? Но Ирвин так старательно порывался арестовать его минуту назад, и так легко при этом сдался сегодня.

Он жестом увлёк за собою боевых колдуний и вновь вернулся к преподавательскому составу. Те, собиравшиеся было разбежаться, вынуждены были возвращаться обратно, в подвалы, и, переговариваясь между собой, направились вниз по широким, высоким ступенькам, углубляясь в холодные переплетения ходов НУМа.

Студенты никуда не делись. Напротив, их шёпот становился всё сильнее; даже когда от толпы отделился профессор Куоки и погнал их в направлении аудитории, те, казалось, всё ещё пытались обсудить новость.

Поняли ли они, что сказала Котэсса? Судя по взглядам, более чем. Сагрон вдруг вспомнил, что о

проклятии Элеанор ходили в последнее время слухи, и, вероятно, о том, что именно оно упало ему на голову, четвёртый курс догадался самостоятельно.

Или Энниз слишком громко возмутилась, стоя рядом с толпой. От неё можно было того ожидать.

Они остались в коридоре вдвоём. Котэсса смотрела на Сагрона широко распахнутыми глазами, словно пыталась найти слова. Он — тоже молчал, не зная, как и реагировать.

— Тэсси, я... — начал было мужчина, сделал даже шаг в её направлении, но Котэсса испуганно отшатнулась от него и взглянула так, словно увидела перед собой самое настоящее чудовище.

— Как ты мог? — прошептала она и громко шмыгнула носом — в глазах уже блеснули слёзы. Сагрон хотел было сказать что-то, спросить, отчего столько обвинения в её взгляде, но не успел. Котэсса утёрла рукой глаза и, повернувшись к нему спиной, бросилась прочь.

Дэрри даже не успел её окликнуть: неожиданное осознание ударило его, словно обухом по голове.

Котэсса спасла его, да. Растоптала собственную честь, если такое понятие ещё есть в современном обществе, призналась в том, что была его любовницей — хотя на самом деле это оказалось ложью, — пережила вторжение в собственные воспоминания.

И при этом она была уверена в том, что он был проклят.

И воспользовался артефактом, чтобы избавиться от этого проклятия.

Глава 25

Котэсса пробормотала сквозь слёзы короткое заклинание, облегчая вес сумки, и швырнула туда книгу, попавшуюся под руки, вторую, третью. Одежда неаккуратными стопками валялась на кровати, грозясь не поместиться, но девушка даже не думала об этом. Она бросала её поверх литературы, не мысля о том, как после будет закрывать. Тэсса забыла и о расширяющем заклинании, и о том, что могла ограничить объёмы путём уменьшения собственной поклажи.

Последним под руки попало зелёное платье. Она застыла, глядя на красивую, сверкающую ткань, такую праздничную — символ её вчерашнего счастья, сгоревшего, словно мотылёк, полетевший на огонь. Да что там, она сама чувствовала себя всего лишь глупым насекомым, поверившим... Во что? Сагрон ведь даже не тронул её; он просто дождался того момента, когда артефакт освободится, и воспользовался им. Но как же это было низко!

Зачем она сказала, что Сагрон невиновен? От чего его спасла? Всё равно, если это его рук дело, к нему вернуться. А если не его — куда ж тогда могло пропасть проклятие? Она помнила магический откат, помнила ударивший его в грудь луч, но теперь всё это было лишь жалкой подделкой воспоминаний.

Она хотела сжечь это платье. Растерзать на мелкие кусочки. Выбросить его подарок вместе со всеми мыслями о Сагрене.

Но куда собиралась? Куда собиралась бежать? Котэсса знала, что её ждёт, стоит только соседкам вернуться. Истерика, обвинения, бесконечные крики... Она отказывалась проходить через это ещё раз.

Девушка шмыгнула носом. Ей хотелось сдержать слёзы, но те, непослушные, сами текли по щекам, оставляя невидимые солёные полосы на коже.

Тэсса бережно сложила зелёное платье и опустила его в сумку. Та не закрывалась; она даже выложила остальную одежду, но этот проклятый подарок опустила прямо на книги, чтобы ничего не помялось. Сверху — сбросила всё, что осталось, бормоча под нос заклинания, может быть, и необоротные, и не заботясь о том, что будет дальше. Схватила сумку и помчалась прочь из общежития.

Пойти к тётке? Или бросить университет, уехать к родителям? Она устала бороться; она чувствовала себя разбитой, будто бы кто-то нарочно расколотил её на мелкие кусочки, оставив по себе только выжженное поле.

Котэсса игнорировала холод. Тот подбирался из каждого угла коридоров общежития, и девушке следовало бы остановиться, набросить на плечи накидку — но ведь она оставила её в аудитории, когда ждала профессора Куоки. Да и кого теперь это волновало? Гори она пропадом! Последнее, что ей хотелось — возвращаться в университет и видеть, как соседки терзают бедный плащ, пытаясь вытрясти из неё рецепт приворота для Сагрона или что-то вроде того.

Что они скажут? Приворожила преподавателя, сама же потом распрощалась со всем, что могло называться гордостью и честью.

Потому ли ей было так больно? Котэсса хотела сказать, что да. Но, хотя сознание и отрицало это, дело было в Сагрене. В том, что она влюбилась, а теперь чувствовала себя ненужной, выброшенной на улицу собачонкой, которую уже некому гладить. Даже против шерсти. Или котом, когда функция его уже выполнена, ребёнок наигрался и больше не желает смотреть на надоевшее животное. Она брела по снегу — хотя снег и был всего лишь камнями коридора, — с трудом переставляя ноги, и чувствовала, как фантомный снег падал на фантомную кошачью шерсть.

Всё закончилось.

Сколько б она ни сопротивлялась мысли, что влюбилась, сколько б ни отрицала свои чувства, это было так легко отбросить! И сдалась же всего несколько дней назад, позволила себе поверить в то, что и ему она важна — зачем?

— Тэсси? — она почувствовала, как чужие руки крепко сжали плечи, и, не разбирая дороги, рванулась вперёд. Мужчина оказался сильнее; он рывком притянул её к себе, сдерживая, не позволяя сделать и шагу. — Послушай, Тэсси...

— Если тебе так мешало это проклятье, — она попыталась оттолкнуть Сагрона, — то ты мог бы... Да будь ты проклят!

Из уст проклятийницы это обычно звучало особенно грозно, но сегодня оказалось лишь жалким, тихим писком испуганной девчонки. Она шмыгнула носом, и мелкие слезинки впитались в его

пальто, не оставив за собой и следа.

Как не оставят и следа воспоминания о ней через несколько дней. Он же теперь свободен.

— Мне пора, — она вновь дёрнулась, но Сагрон только отобрал сумку и отрицательно покачал головой. — Замечательно, значит, я уйду так, — Котэсса бросилась вперёд, уже почти увидев выход, зная, что он за следующим поворотом.

— Без тёплой одежды, вещей и денег? — окликнул её Дэрри. — Тэсси, будь разумной, пожалуйста.

Она застыла на повороте, не зная, бежать ли вперёд или всё-таки остановиться. Оглянулась на него и с трудом сглотнула, чувствуя, как подступает к горлу комок.

— Я и так была достаточно разумна, — прошептала Котэсса. — Теперь я имею право делать всё, что захочу, доцент Дэрри. Всё равно уже хуже не будет.

— Всегда есть что-то, что хуже, — он примирительно улыбнулся. — Подойди ко мне.

Она сжала пальцами острый угол поворота, словно надеялась вернуться в реальность. Эти улыбки — это просто уловка. Его мягкий тон — попытка заговорить ей зубы, чтобы не сказала Ирвину правду.

— Я не собираюсь отрицать то, что заявила сегодня утром, — ответила Котэсса, заставив себя расправить плечи и взглянуть на него со всем возможным достоинством. — Пусть они считают так, если это будет им удобно. Но я не собираюсь оставаться здесь ни на минуту. Верните мне сумку, господин доцент.

— Тэсси, — он подошёл вплотную, и девушка попыталась выдернуть вещи из его рук, но — безуспешно. — Нам надо поговорить. Я всё тебе объясню.

— Нам не о чем разговаривать, — если б не эти проклятые слёзы, прозвучало бы более правдоподобно. Как же она хотела не плакать! — Я хочу уйти.

— И куда ты пойдёшь? — когда Сагрон успел подойти настолько близко? — Один разговор, Тэсси. Пожалуйста, позволь мне... Не здесь?

— Какая разница где? — голос Котэссы звучал хрипловато. Она знала, что истерика притихла ненадолго, на несколько минут, а потом вернётся новым взрывом. Сагрон тоже это чувствовал; он взял её за руку, так и не вернув, впрочем, сумку, и повёл куда-то за собой.

Полгода прожить в общежитии — и не знать его толком! Сколько раз она прибегала из своей комнаты к нему, а до сих пор не могла запомнить дорогу от самого входа. Но сейчас Котэсса могла только смаргивать слёзы. Коридор превратился в размытое серое пятно, окружившее её яркими вспышками заснеженных окон. Она позволила Сагрону открыть дверь, буквально втолкнуть его внутрь — и едва не упала, зацепившись за валявшийся под ногами котелок. Он опять варил какое-то зелье?

— Зачем я сюда пришла? — спросила она, чувствуя накатившую следом за слезами слабость. Надо быть более чёткой, проигнорировать его слова, но что-то подсказывало девушке, что не получится. — Я просто хочу уйти.

Сагрон опустился на ковровую дорожку, валявшуюся у подножия дивана, и сжал её ладони. Почти что на одно колено; от странной ассоциации с губ Котэссы сорвался горький смешок. Он держал её руки так, словно пытался вдохнуть в них тепло, и девушке внезапно стало стыдно за собственную дрожь.

— Куда ж ты пойдёшь? — мягко промолвил Сагрон. — Или ты спешишь сбежать из университета, вернуться к своим родителям и жить жизнью, которую будешь ненавидеть? Тэсси...

— Зачем было пользоваться этим артефактом? — выдохнула она. — Если ты настолько хотел избавиться от этого проклятия... Да ты мог остаться этой ночью со мной! — Котэсса попыталась освободить ладони. — И не нападать на тех несчастных. Или это тоже было ради меня? — последние два слова сочлись ядом. — Да?

— Я не нападал на тех стражников, — покачал головой Сагрон. — И уж тем более я не пользовался артефактом.

— Но...

— Выслушай, — прервал её мужчина, — а потом будешь говорить. Не было никакого проклятия. Оно просто не подействовало. Элеанор в формулу включила множество ограничительных деталей; это проклятие можно использовать только по отношению к своей семейной паре, максимум к жениху-невесте. И, да, она была права, когда говорила о том, как его снять: но речь шла об обручённых,

которые ещё не добрались до брачного ложа. Я уж молчу о обязательном факте измены, без которого проклятие просто не сработает!

Котэсса застыла.

— Элеанор провела эксперимент, — Сагрон говорил быстро, сбивчиво. — Когда ты случайно вложила силу в её слова, но ничего не вышло, она решила проверить, насколько сильно работает психология проклятий — продвигаемая её безумной мамочкой теория, что если поверить в действие проклятия, то оно само вернётся откатом. Она наложила на меня какое-то реагирующее на чужие прикосновения заклинания, подарила тот первый ожог. Может быть, и второй, я не знаю. А дальше меня уже ни к кому и не тянуло. У Жодора вырос хвост, потому что он был действительно проклят; нас с тобой связывала только чужая ложь.

— И как давно ты об этом узнал? — во рту пересохло. Котэссе казалось, словно она не пила воду уже много-много столетий.

— На защите Элеанор, — ответил он. — Чуть меньше двадцатки назад. Она представила научному совету свои результаты и там крайне чётко описала ограничительные формы проклятия. И навела в пример эксперимент по психологии проклятий, — Сагрон протянул руку, стирая последнюю слезинку с её щеки. — Улыбнись, Тэсси.

— Но если ты знал, почему не сказал мне? Зачем было продолжать всё это, если проклятия больше не было?

— Котэсса, ты правда считаешь, что мужчина может ухаживать за девушкой только в том случае, если от её согласия зависит, будет он проклят или нет? Тем более, такого рода проклятием? — Сагрон улыбнулся. — Солнце, когда Элеанор раскрыла свой великий секрет, было уже поздно.

— Поздно что?

— Делать вид, что ты — просто способ избавиться от проклятия, — пожал плечами он. — Никогда не думал, что дочь Хелены Ольи поможет мне в нелёгкой задаче поиска возлюбленной, но она, кажется, с этим справилась.

— Ты мог мне сказать, — Котэсса вновь попыталась встать, но Сагрон поймал её и усадил обратно на диван.

— Я хотел, — почти смущённо ответил он. — Но всё никак не мог найти подходящее время. Да и ты бы сбежала, заявив, что мне уже проклятие снимать не надо. Оно мне надо? Я думал, что выберу момент, скажу тебе... когда-нибудь потом. Но, Тэсси, не трогал я тот артефакт! Зачем он мне был нужен, снять с себя вчерашнее "чтоб ты сдох" от вахтёрши, когда слишком поздно ключи брал? — его улыбка показалась девушке искренней. — Ну, так это слишком мелко, чтобы так собой рисковать. И вправду мог бы сдохнуть.

— Но, получается, тебя оклеветали? И почему следователь не проверил тогда твои воспоминания? Почему согласился с моей ложью?

— Мы с Ирвином когда-то были очень хорошими друзьями, но сейчас, вероятно, у нас есть все поводы ненавидеть друг друга, — вздохнул Сагрон. — Но он не сволочь. Может быть, увидел что-то в твоей голове и решил пожалеть. А ко мне он не полез бы. Он до сих пор боится того заклинания... — мужчина запнулся. — В общем, это не имеет значения. Он не глуп и занимает свою должность не просто так. Может быть, заподозрил что-то?

Котэсса отстранённо кивнула.

— Но мне теперь, — наконец-то промолвила она, — всё равно некуда идти.

— Если я предложу тебе остаться у себя, ты ведь не станешь опять отказываться? — Сагрон поднялся и стянул её с дивана, заключая в объятия.

— Если уж теперь между нами не стоит проклятие, то зачем всё это? — она попыталась выдавить из себя хоть слабую улыбку, но получалось плохо. — Я просто сниму квартиру где-нибудь в городе и... Мы забудем об этом.

— Нет, — покачал головой Сагрон. — Мы об этом не забудем. И если я ещё раз услышу о твоём "после проклятия ничего не будет", Тэсси, то вспомни: уже как минимум пятнадцать дней что-то было. Зато теперь ни одной задней мысли о том, что я тебя использую, а?

Возразить она не успела — Сагрон склонился к ней и поцеловал, куда более страстно, чем полагалось для обыкновенного примирения.

Впрочем, Котэсса никогда ни с кем не встречалась, откуда ж ей знать, как это на самом деле происходит?

В дверь что-то ударило.

Сагрон нехотя открыл глаза. На улице была уже ночь — или вечер, потому что зимой темнело рано. Котэсса дремала рядом, прижавшись к нему всем телом. Нахохлившуюся воинственную птичку она уже больше не напоминала, только волосы всё ещё были в самом настоящем форменном беспорядке.

— Ты спишь? — шепотом спросил он. В дверь стукнуло во второй раз, ещё громче, но девушка не проронила ни единого слова. — Ну спи... — он оглянулся в поисках хотя бы одеяла.

В спальне было, мягко говоря, не жарко, и кожа Котэссы наощупь оказалась ледяной. Он нашарил на полу плед и тихо выбрался из постели.

Стучали крайне активно.

Сагрон укрыл её — девушка во сне подтянула подушку поближе и что-то пробормотала, — поцеловал в плечо, почти невесомо, чтобы не разбудить, и досадливо оглядел комнату. Ну вот какая зараза припёрлась на ночь глядя? И где эти проклятые брюки?

Последние обнаружились под кроватью, немного мятые, но в целом в довольно пригодном состоянии. Сагрон надеялся на то, что пока он будет одеваться, то гость передумает и уйдёт, но нет, стучали ещё громче, чем прежде.

— Дэрри, я знаю, что ты там! — в гостиной можно было услышать и голос незваного гостя, и Сагрон мигом отбросил в сторону идею натягивать ещё и рубашку.

Ирвин.

Держать его на пороге, особенно в контексте всего случившегося, это последнее, что сделал бы любой нормальный маг. Поскольку Дэрри предпочитал не выпадать из класса адекватных, к двери он бросился настолько быстро, насколько мог, правда, вновь едва ли не зацепившись за уже большой котёл, стоявший в углу — и как его туда занесло.

Ирвин, мрачный и раздражённый, стоял на пороге. Он как раз занёс было руку, чтобы постучать в очередной раз, когда Сагрон распахнул дверь, и с трудом успел отскочить, дабы не одержать неприятную локальную травму носа.

— Скажите мне, доцент Дэрри, что можно было делать в восемь часов вечера, чтобы пятнадцать минут не открывать следователю дверь? — раздражённо пробормотал он. — Может быть, ты дашь мне войти?

— Ты себе не представляешь, как приятно, обворовав родной НУМ и воспользовавшись нелегально артефактом, сейчас вкушать все удовольствия свободной жизни, — проворчал Сагрон, но посторонился.

— Судя по тону, ты действительно не имеешь к нему никакого отношения.

— А ты как думаешь?

— Я думаю, — Ирвин покосился на кровать, виднеющуюся из приоткрытой двери спальни, и Сагрон поспешил захлопнуть внутреннюю дверь, — что после того, как та бедная девочка, рискуя своей репутацией и свободой, так отчаянно мне солгала, ты мог бы и не спешить прыгать в постель к другим женщинам. Кстати, — Сияющий раздражённо покосился на котёл и кастрюли на полу и устроился на диване, — как ты всё-таки без неё снял это проклятие? И мне надо будет поговорить с твоей барышней, или кто там спит?

— Ты уже говорил сегодня с моей барышней, — Сагрон неожиданно поймал себя на странном и совершенно неуместном уколе ревности и раздражения. — И не было никакого проклятия. Дочь Хелены просто очень удачно пошутила. Это у них семейное — отличное чувство юмора в сочетании с замечательным колдовским даром!

— Я надеюсь, — помрачнел Ирвин, — ты имеешь в виду не Энниз?

— Я похож на сумасшедшего?

— Да, — искренне согласился Сияющий. — И на последнего гада ты тоже похож. Эта змея была бы тебе отличной парой.

— Я даже не помнил, что это она, — мрачно отметил Сагрон, — была твоей невестой.

— Как это мило! Так кто там? — Ирвин встал и шагнул было к двери, но Сагрон уверенно встал на его пути. — Слушай, может быть, ты очень сильно хочешь в тюрьму? Ребекка уже трижды попросила меня арестовать-тебя всё-таки. Для профилактики. Ей уж больно не понравилась твоя мнимая покорность, так обычно ведут себя те, кто очень быстро сбегает.

— Не трогай девочку. Она точно к артефакту никакого отношения не имеет, — Сагрон опёрся спиной о дверной косяк и скрестил руки на груди. — Не вздумай её в это втягивать.

— Это та самая студентка, что львицей бросилась тебе на помощь? — Ирвин, кажется, стал помягче. — Я не намерен, конечно, верить тебе на слово.

— Ирвин...

— Да или нет? — Сияющий вновь вернулся на диван. — Только, пожалуйста, честно. В твои воспоминания я не полезу, а мучить ребёнка во второй раз мне не хочется.

— Да, — кивнул Сагрон, стряхивая со стула кастрюлю с ингредиентами и устраиваясь поудобнее. — И не такой она уж и ребёнок.

— Сколько ей, двадцать?

— Нормальная разница в возрасте, — Сагрон скривился. — Ты ведь не за этим пришёл, верно? И не за тем, чтобы подозревать меня в том, чего я не делал.

— Кто тебе сказал, что я уверен в твоей невиновности?

— Ты знал, что она лжёт, и отпустил меня.

— У тебя ровная аура, — вздохнул Ирвин. — По-человечески ровная, тихая такая, с легкими вспышками ерундовых проклятий в стиле "чтоб тебе пусто было". После артефакта такого точно не могло быть. Он если б и оставил по себе тишину, то такую, что там ничего б и не шелохнулось.

— А раньше ты сообщить об этом не мог? До того, как меня связали и навесили на меня проклятие немоты?

— А то, что со мной в группе дочь начальства, тебя не смущает? И что я ей скажу? Олллада, Ребекка, мои дорогие, я не могу выразить это в количественном соотношении, но, поверьте мне на слово, у него не то с аурой. Да, я боевой маг, который похоронил свой врождённый дар вместе с хорошими отношениями с родителями, вы не знали? Да, я вижу чужие проклятийные поля и в них разбираюсь, вы мне не верите? Подержал бы три дня до выяснения обстоятельств и выпустил. А там, может быть, и настоящего преступника нашли бы.

— И Котэсса сломала тебе весь коварный план.

— Ничего страшного, придумаю новый, — пожал плечами Ирвин. — Ты видел ауру Энниз?

— Я ж в них не разбираюсь, — раздражённо отозвался Сагрон. — А к твоей невесте... Бывшей невесте подходить не желаю.

— И правильно делаешь. Гладкая, даже не шелохнётся, — согласился Ирвин. — И странным образом перечислила мне половину проклятых в университете. Догадайся, кого она пропустила?

— Кого?

— Супруга госпожи Хелены. А над его хвостом всё следственное бюро ржало, когда он пришёл писать заявление на свою жену, между прочим. У нас даже фотография его висит на доске особо смешных потерпевших. То, что он мог избавиться от симптоматики — это одно, но как обстоит дело с проклятием?

— Ты думаешь, Жодор?

— Я думаю, Сагрон, что там что-то куда серьезнее, — покачал головой Ирвин. — Иначе ноги моей бы здесь не было. Но я и проклятия — это нечто не слишком совместимое, я их чувствую, но в них не разбираюсь. Это твоя парафия. Вот и скажи мне, что именно может выдавать один сплошной звук на низких нотах, напоминающий гул? Ты его, наверное, слышал. Артефакт сообщает таким образом о том, что в нём закрыто. Предыдущая ерунда играла похоронным маршем, а там, кажется, было проклятие выжигания. Это — хуже.

— И ты подозреваешь...

— Да, — кивнул Сияющий. — Там не может быть какая-то любовная гадость. Там в принципе не может быть простое проклятие. Там что-то не факт что длительное, но очень, очень страшное. И

оно мне не нравится. Если музыкальная шкатулка лопнет — а она рано или поздно это сделает, поверь следственному опыту, — то накроет весь университет. Надо, чтобы ты завтра посмотрел, что там может быть. Я сам не разберу.

— Попроси Хелену. Или Ролана.

— Может быть, ещё Куоки? — Ирвин поднялся. — Я верю, что ты не виновен, Сагрон, и мне нужен хороший проклятийник. Практик. Человек, знающий толк в боевой магии. Ролан побоится подойти к этой шкатулке. Хелена... Не тот вариант, другая направленность. А все остальные — просто не справятся.

— Я не пользуюсь боевой магией, — ответил Сагрон. — Не после того, чем это закончилось в предыдущий раз. Но, хорошо, я посмотрю завтра утром, что там можно сделать. Надеюсь, это будет легально?

Ирвин усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Боюсь, у нас с тобой будет неофициальное расследование, — ответил он. — И... — мужчина застыл на пороге, обернулся и протянул руку. — Перемирие?

— Перемирие, — кивнул Сагрон, пожимая чужую ладонь.

Глава 26

Актриса из Котэссы получилась бы отвратительная. По крайней мере, притворяться спящей у неё не получилось; девушка поняла это уже по тому, как Сагрон, сердито скрестив руки на груди, застыл над кроватью. Она попыталась дышать ровнее, но мужчина только откашлялся и присел рядом.

— Тэсси, я знаю, что ты не спишь.

— С чего ты взял? — голос звучал по меньшей мере не сонно, но Котэсса проигнорировала этот факт. — Я дремала...

— В одежде?

— Я замёрзла, — Котэсса почувствовала, что стремительно краснеет. Сагрон вздохнул и придвинулся ближе; девушка зажмурилась и предпочла не замечать, как он дёрнул на себя одеяло. — Если комендант придёт и не увидит меня в комнате...

— Она увидит там твоих соседок, — отметил Сагрон. — Ты уверена, что хочешь с ними повстречаться?

Котэсса промолчала. Естественно, она не хочет, но кого и когда это интересовало? Рейна и Сорма обязательно устроят истерику, а теперь будут ещё и очень даже правы.

— Тэсси, — мужчина придвинулся ещё ближе, и она почувствовала даже его дыхание — и опять сделала вид, что ничего не заметила. — Разве я кусаюсь?

— Да! — выдохнула она прежде, чем успела прикусить язык. — То есть, не в том смысле, конечно, но да.

— Это было неведомо сколько дней назад, и ты до сих пор помнишь, — подытожил мужчина. — Почему ты тогда не можешь запомнить другую простую истину: девушки не бегают по коридорам от своих избранников, не возвращаются к своим соседкам среди ночи... — он солгал — был ещё довольно ранний вечер, — и, того более, ведут себя куда более нескромно, чем ты. Тэсси?

— Что?

— Я тебя не выпущу.

Она повернулась на другой бок — и опять проигнорировала его слова. Сагрон только вздохнул.

— Кто приходил? — этот вопрос было задано таким тоном, что любой бы понял: она отчаянно желала сменить тему на какую-нибудь не столь... смущающую.

— Если я скажу, что, к примеру, очередная моя барышня, ты будешь ревновать? — молчание. — Ирвин приходил. Относительно совершённого преступления. Ты же почти всё слышала, наверное.

— Я не имею привычки подслушивать чужие разговоры.

— Ирвин не умеет говорить тихо, хочешь ты или нет, всё равно услышишь. Я надеюсь, мои соседи не стали свидетелями этого разговора.

Он обнял её — и Котэсса раздражённо зашипела, когда мужские пальцы скользнули по спешно застёгнутым пуговицам её рубашки.

— В этом неудобно спать, Тэсси, — отметил Сагрон. — И, поверь, то, как рьяно ты искала в сумке вещи, тоже заметно. У меня на торшере прежде никогда не висели женские платки.

Спасибо, что не панталоны — хотя их, впрочем, нынче носили только особо отсталые и особо богатые дамы, не выбиравшиеся почти никогда из высоких, неприступных замков. Котэссе стать такой никогда не светило; она и сама не имела никакого отношения к дворянству, и всё её окружение — тоже. Маги же были обыкновенными людьми, разве что зарабатывали не в пример лучше, потому и наплыв такой. Да, считалось престижным среди аристократов обладать хотя бы шепоткой дара, но на приём в университеты это обычно не влияло. Разве что кто-то старательно пытался приправить совсем хиленький дар крайне неограниченными денежными средствами.

— Мне всё равно нужно уйти, — она попыталась отодвинуться, но дальше был только край кровати. — Если я не вернусь до ночи...

— Тэсси, поверь, ты и так имеешь крайне подозрительный вид, — Сагрон избавился-таки от её рубашки и сердито посмотрел на тонкую сорочку, натянутую под неё. — Как ты собиралась

заправлять это, — он дёрнул за бретельку, и Котэсса, вскрикнув, нырнула под второе одеяло, — в штаны?

Отвечать она не решилась. Отчаянное желание побега всё равно уже было очевидным, равно как и то, что из комнаты раньше утра ей не выбраться.

— Мне надо будет уйти рано утром, — промолвил Сагрон. — А когда я вернусь, то надеюсь тебя застать на месте. Или я слишком много прошу?

— Куда ты идёшь? — Котэсса, казалось, заинтересовалась. — Это связано с тем, что случилось с артефактом?

В глазах вспыхнуло любопытство. Кажется, она даже передумала уходить — или, может быть, вовремя осознала, что с соседками общение получится не слишком приятным. Сагрон только усмехнулся и потянулся к ней, явно намереваясь избавиться от всех лишних вопросов, но Котэсса вовремя вывернулась из его рук.

— Да, это связано с тем, что случилось с артефактом, — послушно кивнул он. — Если кто-то это всё-таки сделал, то там должны остаться проклятийные следы.

— Почему тогда Следственное Бюро само этим не занимается?

— Это к Ирвину, не ко мне, — Сагрон откинулся на подушки и вновь утянул её следом за собой. — И перестань меня мучить этим, Тэсси.

НУМ среди ночи был не самым приятным местом. Да и позиционируемый Ирвином рассвет был где-то в часу пятом, а не тогда, когда по-настоящему вставало солнце. Сагрон это прекрасно понимал; не могут же они при студентах прорываться к уже хорошо защищённому артефакту.

Внутри было темно. Котэссе он оставил одну в комнате, даже не воспользовавшись защитными заклинаниями и искренне надеясь на её благоразумие — или на то, что Тэсси просто не проснётся до его возвращения.

Коридоры университета ему не нравились. Не то чтобы в них что-то особенно изменилось с момента прошлого посещения, но надоедливый гул никуда не исчез. Напротив, он стал сильнее, будто бы пробирался под кожу, и уже даже на достаточном расстоянии Сагрон чувствовал, что долго с таким внутри несчастный артефакт не протянет. А если рванёт, надо знать, что именно там спрятано.

Ирвин ждал его у входа в подвальные помещения. Мрачный, словно чёрная туча посреди погожего летнего дня, он, казалось, едва стоял на месте, то и дело срываясь на быстрый шаг. Носиться туда-сюда было не слишком полезно; во-первых, артефакт явно реагировал на людей, а во-вторых, не с меньшей активностью реагировал на них сторож.

— Как ты пришёл? — спросил Ирвин, скрестив руки на груди. — Наш тайный ход перекрыли.

— Перекрыли, — не стал спорить Сагрон. — Но я, в конце концов, ведущий доцент, и по этой причине знаю, на какое заклинание закрывается окно нашей кафедры.

— В тебе с молодости было слишком много преступных наклонностей...

— А ты? Надеюсь, через дверь и с предъявлением пропуска?

— Через крышу, — покачал головой Ирвин, — подсобных помещений. Велика преграда — всего-то какие-то три несчастные проклятия. Нам дают соответствующие амулеты, так что гадость средней тяжести должна пролететь мимо.

— Там защита только против особенно шустрых студентов младших курсов, — кивнул Сагрон. — Для магистров уже не поможет, надо что-то посложнее вешать. Но почему всё так тайно? У вас разве нет нормальных проклятийников, вы не можете вызвать спеца?

— Пока мы будем оформляться, пройдёт слишком много времени, — поёжился Сияющий. — Можем даже не успеть. Если оно рванёт — а оно рванёт! — то никакой проклятийник нашей столицы уже не поможет.

Сагрон не стал задавать вопросы по второму кругу. Ирвину нужен был быстрый результат — и не только ему.

Дэрри шагнул по лестнице вниз первым. Свет зажигать не хотелось; он подозревал, впрочем, что тут до сих пор не поставили стражу. А вот охранных заклинаний было более чем достаточно — мужчина только отмахивался от назойливой паутины. Ирвина она принимала за своего, на него же реагировала, но достаточно смирно, может быть, проверяя мысли и диагностируя уровень опасности.

Чем ниже они спускались, тем хуже светили факелы на стенах. Кромешная темнота, окружившая несчастный артефакт, выдавала негативную ауру, и Ирвин содрогнулся.

— Вот и почему ты сидишь среди следователей? — оглянулся на него Сагрон. — Если тебе так паршиво, когда ты подходишь к проклятийному источнику.

— Нечего мне делать в других местах, — буркнул Ирвин. — Я работаю у них, как живой детектор опасности.

— Для живого детектора у тебя слишком высокая должность.

Ему не ответили. Сагрон переступил тонкую черту темноты и почувствовал, как перехватывает дыхание — в один миг, так, словно весь мир вокруг умер. Мрак, со стороны казавшийся чем-то страшным, изнутри напоминал что-то густое, набивающееся в лёгкое — будто бы то масло. Дэрри сделал ещё несколько неуверенных шагов, протянув руки, и почувствовал поверхность музыкальной шкатулки.

Она была ледяная — и даже на большом расстоянии, даже в этом поле можно было ощутить отвратительный, кислый запах. Словно в несчастную шкатулку запихнули что-то сгнившее.

Сагрон присел на корточки рядом с постаментом для артефакта и приложил к боковым стенкам шкатулки ладони. Предмет завибрировал, и гул на мгновение усилился, а потом — вроде бы даже стих, позволяя ему добраться до скрытого внутри проклятия.

Дэрри вздрогнул.

Запах куда-то пропал. Теперь его самого словно захватила в плен чёрная, постоянно перемещающаяся по шкатулке масса. Она колотилась о стенки, пытаясь вырваться на свободу, била его о ладони...

Сагрон попытался мысленно пролезть сквозь ограничительную сетку артефакта — и едва не отпустил его. Ослаблять хватку было нельзя. Артефакт и без того был не слишком послушным, теперь же и вовсе будто взбесился.

А потом стенки шкатулки словно пропали, и его пальцы коснулись комка энергии, сосредоточившегося внутри неё.

Он знал это проклятие. Никогда не сталкивался с ним вживую — но сейчас сквозь дурно пахнущую смесь чувствовал аромат жасмина и слышал весёлый женский смех. Темнота сгустилась над головой, а проклятие затягивало внутрь, открывая перед ним свои ворота.

А потом раздражённо вытолкнуло его наружу, и всё прекратилось.

— Что такое? — спросил Ирвин. — Сагрон?

Темноты больше не было. Ирвин стоял над ним; гудящий артефакт втянул в себя все остатки мрака, а шкатулка осталась нетронутой.

— Ты знаешь, что это? — спросил он.

— Знаю, — кивнул Сагрон. — Но там есть примесь. Кто-то впихнул сюда простенькое гаденькое проклятие, потом выпил его сам и влил сюда своё. Пытался замести следы и затереть ауру: у неё это получилось.

— Это женщина? С чего ты взял?

— Это "Мёртвая Невеста", — покачал головой Сагрон. — Из разряда ненакладываемых проклятий, помнишь, нам Ольи рассказывала?

Ирвин кивнул.

"Невеста" цеплялась только к женщинам. Прочное, сильное проклятие — одно из немногих с комбинацией свойств, способных переступить через ограничительные линии. Сагрон скривился от одного воспоминания о жасмине — приятном запахе чужих духов или, может быть, просто кустов у чужого дома. Аромат лип к коже, к волосам, пропитывал насквозь с завидной старательностью.

— Но ведь её нельзя сюда сливать, — покачал головой Ирвин. — Она должна перевариться максимально быстро. Там, кажется, смертное ограничение стоит — артефакт такое проглатывает в секунду.

— Артефакт такое не принимает. Это внутреннее проклятие, и избавиться от неё не получится, — Сагрон поднялся на ноги и брезгливо отряхнул пальто от пыли и следов проклятия. — Оно, как ты

помнишь, накладывается с внутренним ограничителем, при стыке и попытке остановить серьёзный магический всплеск. "Невеста" обязательно идёт за дурными помыслами. Она относится к классу неснимаемых, потому что даётся в качестве наказания за грехи. Артефакт бы отказался от неё, но сюда сначала подсунули что-то слабенькое, заставили его открыться, а потом произвели стремительную подмену. Сработано не очень чисто, но теперь бедный пытается переварить то, что в него влили. Это, к сожалению, невозможно. И если проклятие отсюда не вытянуть, то оно зальёт этой чернотой всё вокруг.

— А если вытянуть?

— Пойдёт в кого-то одного. Или в что-то одно. Заговорённый артефакт на стыке сил — или женщина, которая это сделала.

— Но оно её убьёт.

— Тебе действительно жаль ту, что сумела заработать "Невесту" себе на голову? — раздражённо спросил Сагрон. — Это смертница, и она прекрасно знала о своей судьбе. Она подговорила кого-то ей содействовать. В конце концов, она осознаёт, что может похоронить весь университет под камнями, и ей на это наплевать. С "Невестой" можно жить, её можно искупить, но не так.

Ирвин нехотя кивнул. Казалось, он очень сильно не хотел признавать правоту своего друга, но другого выхода тоже не видел.

— Надо провести ритуал, — кивнул он. — Ты знаешь, как?

— От того, что я знаю как, мы не найдём ту, что слила эту гадость в артефакт, — Сагрон вздохнул. — У нас есть не больше трёх дней, чтобы найти её. Иначе будет конец, а "Невеста" в лучшем случае поразит кучу невинных незамужних девушек. Или ты хочешь, чтобы у нас под венец в столице приходили живые осознающие себя мертвецы?

Ирвин содрогнулся, то ли от ужаса, то ли от высшей степени отвращения, и отрицательно покачал головой. Казалось, все тёплые чувства по отношению к несчастной, решившей найти себе спасение, окончательно растаяли.

Сагрон повернулся к артефакту спиной и направился к ступенькам, что вели к выходу из подвалов. Ирвин в последний раз посмотрел на музыкальную шкатулку, притихшую на время, и пошёл следом. Он мог бы предложить перевезти куда-то артефакт, но знал, что, скорее всего, вытащить его за пределы столицы они не успеют.

— Ты знаешь кого-то из проклятых? — спросил Сияющий, не оборачиваясь на мрак, опять сгущающийся за его спиной.

— "Невестой"? Нет, конечно, никогда в жизни не встречал никого с такой заразой. Она в человеческом теле очень трудно диагностируемая, надо снимать много личин.

— Там ведь не только "невеста" была, а и то, что скрыло артефакт, — возразил Ирвин. — Значит, по университету сейчас ходит человек, который очень сильно хотел избавиться от своего проклятия и сделал это.

— Его проклятие, — продолжил за бывшего друга Сагрон, — довольно слабое или, по меньшей мере, безобидное, но нелегко снимается. Оно не смертельное, но его откровенно раздражает.

— При этом оно имеет ограниченный срок действия, — кивнул Ирвин, — не слишком долгий, так как неизвестная согласилась отбыть его, но и не слишком короткий, иначе этот человек — мужчина, — мог бы сам перетерпеть. Есть кандидаты?

— Неприятное проклятие на ограниченный срок, от которого очень хочется избавиться? — Сагрон прищурился. — Моё подойдёт?

— Ты не проклят, — отметил Ирвин.

— Я — нет, — усмехнулся он. — А вот супруг Хелены, доцент Ольги — очень даже да. И выхлебал у меня почти целый котёл зелья против симптомов проклятия.

На самом деле у Сагрона в комнате была кухня. Полноценная такая, с плитой на волшебном огне, вселенным туда магом-бытовиком лет тридцать назад, с раковиной и толковым водопроводом, с двумя шкафами — для обыкновенных продуктов и холодильным, для скоропортящихся... И чем он их забил?

Любящими холод артефактами, проклятийными зельями, литературой, горшками, котелками и ещё какой-то ерундой, которую никогда туда не впихнула бы настоящая хозяйка. Но никаких

хозяйственных девушек в доме Сагрона никогда не наблюдалось — тут никаких вообще не наблюдалось, — потому он с удивлением осознал среди коридора, что жаренным мясом тянуло именно из его квартиры.

Открывая дверь, он уже почти ждал какого-то ужаса — Энниз, например, — но на кухне оказалась Котэсса — в своей домашней одежде, то бишь в знакомых уже брюках и рубашке. Его приход она не заметила, так увлеклась мясом, смиренно покоившемся на сковородке. Откуда тут взялось мясо, Сагрон не знал, что до сковородки, то он подозревал, что мог жарить на ней что-то, например, шерсть для какого-то заклинания...

Но еда, уже стоявшая на столе, выглядела аппетитно. И салат, и тот десерт, название которого он мог только предполагать — что-то симпатичное и явно национальное, с приятным запахом, но Сагрон был самым отвратительным кулинаром на свете, которого только можно придумать, и не мог вспомнить даже первую букву, — и даже мясо на сковороде, румяное такое и источающее великолепные ароматы.

— Тэсси, где ты взяла продукты? — спросил он.

— А ты не рад? — оглянулась на него Котэсса. — Не переживай, оно не отравлено.

— Да я понимаю, но у меня в холодильном шкафчике лежала только мёртвая консервированная мышь.

— Она испортилась, кстати, — вздохнула Тэсса. — Это служба магической доставки, мы иногда вызываем в общежитие телепортацией готовые блюда, но они работают и с продуктами. Достаточно дёшево, между прочим.

— Никогда не пользовался, — признался Сагрон. — Даже не знал, что такое бывает. У нас тут в корпусе все в основном стандартно, на рынок...

— Как артефакт?

— Какой артефакт?

— Тот самый, к которому ты сорвался спозаранку, — повела плечом Котэсса. Она ткнула в мясо ножом, явно довольствовалась полученным результатом и наконец-то задула магический огонь, а еду переложила на тарелку.

— А как тебе спалось? — Сагрон подошёл поближе, поймал девушку за талию и улыбнулся, искренне надеясь на то, что вопрос об артефакте отпадёт сам по себе. Втягивать Котэссу в него не хотелось. — Ничего не болит?

— Я — боевой маг, а не герцогская дочь. Ничего у меня не болит, — студентка со вчерашнего утра откровенно осмелела, и Сагрон почему-то почувствовал мальчишкой-негодником, которого положено отчитать и выставить за дверь. — Так что с артефактом?

— Оно тебе надо?

— Надо-надо, — кивнула Котэсса. — Или я, может быть, зря давала ложные показания, а ты действительно замешан в преступлении?

— Да в каком преступлении? — закатил глаза Сагрон и, выпустив-таки её, устроился на стуле и посмотрел голодным взглядом на свою тарелку. — Выглядит очень вкусно. Это уже можно есть?

— Доцент Дэрри!

— Да всё в порядке с тем артефактом, стоит пока! — отмахнулся он. — Сдался он тебе. Вот когда рванёт...

— "Когда"?

Сагрон закатил глаза. Котэсса была слишком внимательной, как для студентки, не получившей ещё даже бакалавра. И как для любовницы она тоже была *излишне* внимательной.

— Вчера ты не задавала столько вопросов, — вздохнул он.

— Вчера я была соблазнена коварным преподавателем, решившим нарушить границы субординации подчинённого и научного руководителя. Сагрон, я имею право знать, что случилось, — Котэсса подалась вперёд и упёрлась ладонями в стол, и Дэрри вспомнил почему-то соседку-магичку. Его родители либо не обладали даром, либо похоронили его ещё в молодости, а вот бравая мадам Мари, заглядывающая иногда за солью и за крысами, что нагло плодились в отцовском подвале, никогда не унывала и никому не позволяла себя одурачить. Он ещё в детстве так вдохновился её

способностями, что так и не сумел избавиться от навязчивой идеи стать магом...

— В артефакт засунули "Невесту", — сдался Сагрон, вспомнив сдурю ещё и искренне детскую — ему было лет семь! — влюблённость в мадам Мари. Она вон и стриглась, как Котэсса... — Засунули явно обманом.

— "Мёртвую невесту"? — почти восторженно переспросила Тэсса. — Да ведь это невозможно!

М, и глаза сверкают, как у Хелены или той же соседки из далёкого прошлого.

— Возможно. Сначала артефакт открыли с помощью какого-то простенького проклятия, причём открыл явно мужчина. Потом обладательница "Невесты" выпила его в себя и отдала собственное. Артефакт теперь в плачевном состоянии и трясётся. НУМ, по-хорошему, надо было бы перекрыть, или хотя бы отогнать оттуда студентов, и провести ритуал, но Ирвин не спешит почему-то делиться информацией с начальством и предпочитает действовать самостоятельно.

Почему Сияющий так поступал, впрочем, Сагрону было понятно. Ирвин не искал всемирной славы, нет. Он просто понимал, что сразу же поступит приказ перевезти куда-нибудь артефакт и взорвать его по-тихому. Это мало что будет означать выброс "Невесты" в воздух — ну а что, селянка какая-то подхватит, беды-то? — и уничтожение уникального магического антипроклятийного явления, которое столько лет уже не может повторить, так ещё и крайне рискованно само по себе. Стоит только магическому фону дрогнуть в радиусе нескольких сотен метров, как артефакт взлетит на воздух. Относительно подбрасываний и физического влияния Сагрон тоже сомневался, он понятия не имел, что именно может спровоцировать всплеск.

— И что делать? — Котэсса подвинула к нему тарелку, сама заняла соседний стул, и Сагрон задумчиво потянулся к неожиданно свежему салату и к мясу.

Он и сам не знал, что делать. И сколько б он не пытался оттянуть момент ответа, старательно увлекаясь поглощением пищи, Котэсса отворачиваться не собиралась — да и правильно, собственно говоря, делала. Вопрос она задала более чем существенный, жаль только, что он действительно не мог дать на него толковый ответ.

— Это однозначно очень проблемно, — наконец-то промолвил Сагрон. — Вам же давали в теории "невесту", наверное. Надо ставить магический круг, сливать силы воедино, и вытягивать проклятие в его первую обладательницу. Мы с Ирвином, наверное, вдвоём бы справились, но надо ещё узнать, кто именно был владелицей. Не факт даже, что эта женщина из нашего университета.

— Но ведь у "невесты" есть серьёзный повод для возникновения. Трудно поймать такое проклятие просто так, и эта женщина явно была неслучайна.

— Да, но мы понятия не имеем, кто она такая. Кстати, действительно очень вкусно, — Сагрон устало вздохнул. — Давай не будем об этом? Мне и так не следовало тебе говорить об этом. Мы бы сами с Ирвином разобрались.

Котэсса недоверчиво покачала головой, но возражать не стала.

— В НУМе скоро должны начаться занятия, — как будто они только что говорили просто о расписании, отметила она. — Будут?

— Вряд ли. Студенты будут максимально удалены, хотя бы под личиной розыска преступника. Ирвин договорится с ректором.

— У него получится? — недоверчиво уточнила Котэсса. — Наш ректор ведь не умеет думать головой. То есть...

— Да ладно, я тоже так думаю, — отмахнулся Сагрон. — Но вряд ли существует человек, которому Ирвин, по крайней мере, такой, каким его знаю я, не заговорил зубы.

Котэсса, может быть, и не поверила, но спорить не стала.

Глава 27

Когда Котэсса только проснулась, одна в его постели, она действительно думала, что правильно было бы бежать. Через минут двадцать она вспомнила о том, что должна сражаться со своими трудностями не путём позорного побега, а когда Сагрон вернулся, подумала: она ж боевой маг, в конце концов.

А не дура, которая будет бояться собственных соседок и не заходить в собственную комнату только по той причине, что у неё роман с преподавателем. У них, Сагрон прав, не такая уж и большая разница в возрасте — что там тех девять лет, ерунда, особенно для магов, они живут дольше, — и что плохого в том, что они любят друг друга? Котэсса, конечно, ручаться могла только за себя и мысленно повторила — раз двадцать, — в то, что в тихий шёпот Сагрона верить не надо...

Махнула рукой и поверила. Хуже всё равно уже не будет. Боевые маги часто собирались парами на почве работы, а потом оставались вместе на всю оставшуюся жизнь. И Сагрон прав: глупо прятаться по углам, как это делали Элеанор и Ролан. Весь университет уже шептался об их отношениях, и даже Хелена, кажется, участвовала в обсуждении, но на людях они едва ли не делали вид, что совершенно незнакомы.

В комнату всё равно надо было вернуться. Котэсса забыла там часть своих наработок, когда собиралась, и вещи тоже, и магические предметы, амулеты и прочие учебные элементы. Её соседки одолжили у неё все конспекты, которые только могли, и ещё кучу всяких мелочей, и Тэсса больше не собиралась делать им такие щедрые подарки.

Рейна валялась на её кровати — она всегда ей больше нравилась, — скрестив руки на груди, и что-то насвистывала себе под нос. Сорма растащила свой бардак по всей комнате, распространила его всюду, не тронув лишь кровати, и выглядела ещё более несчастной, и Котэсса неожиданно почувствовала, как в ней всколыхнулся гнев, хотя, казалось, она пришла просто забрать свои вещи.

— О, пришла, — хмыкнула она, отрывая голову от какого-то листа бумаги. — Чтоб тебе пусто было!

— Ты не боишься, — ядовито продолжила Рейна за свою вновь обретённую подругу, — что тебя выгонят из университета за отношения с преподавателем? Страшный прецедент, где ж такое видано!

— Если б кто-то читал статут НУМа, то знал бы, что это не наказуемо, — пожала плечами Котэсса вместо того, чтобы покраснеть, хотя сначала очень хотелось развернуться и сбежать куда-нибудь. — А под наказание подпадают исключительно ситуации, в которых отношения формируются ради получения выгоды. Но то пункт о взяточничестве.

— Ты ещё скажи, что вы любите друг друга! — всхлипнула Сорма, но Котэсса на сей раз не прониклась трагизмом ситуации.

Она переступила через валяющуюся книжку, встала в центре комнаты и оглянулась, пытаясь определить, где валяются остатки её вещей.

— Я скажу, что это не ваше дело, — ответила она. — Я пришла забрать остальные свои вещи. Где они?

— Обойдётся, — Рейна обиженно отвернулась к стене. — Ты у нас любимого увела, а мы тебе вещи должны отдавать?

— Должны, потому что они вам не принадлежат.

— Сагрон тебе тоже не принадлежит.

Котэсса оглянулась. Можно было закричать, потребовать всемирной справедливости и обидеться, но... Бездейственно это было. Она только равнодушно хмыкнула и, решив не спорить, пробормотала сто лет знакомое заклинание.

Вся комната пришла в движение. Выбирались из-под кровати листки, вылетела из шкафа книга. Из бардака, среди которого восседала царицей Сорма, змейкой выползла какая-то одежда и самодельная сумка. Котэсса подумала, что зря не воспользовалась этим заклинанием, когда убегала, сберегла бы себе нервы, но и сражаться с такими, как её соседки, иногда было полезно.

В окно постучался конспект — он, оказывается, валялся в снегу, ревниво выброшенный на улицу Сормой или Рейной, но всё ещё целый, живой. Рама, заклеенная на зиму, не поддавалась, и внушительная, толстая книжечка с записями разогнала и врезалась изо всех сил в прозрачную поверхность, пробивая себе путь.

— Прекрати! — Рейна сорвалась с места и бросилась открывать окно. — Что ты тут устроила, сумасшедшая?

— Я не сумасшедшая, я забираю свои вещи, — пожала плечами Котэсса. — Или вы предполагали, что будете вытирать о меня ноги, чесать свои длинные языки и продолжать пользоваться всеми моими вещами?

— Да ты только посмотри на неё! — Рейна ткнула в Котэссу пальцем и, кажется, забормотала какое-то проклятие, но стандартно сбилась на середине. — Какая недотрога стала, как прыгнула в постель к преподавателю!

— И отобрала нашего Сагрончика, — всхлипнула Сорма. — Не могла три дня подождать! Да я тебя...

— Да-да, продолжайте, мне тоже очень интересно услышать, что бы вы сделали, студентка Шафт, — раздался за спиной мягкий, вкрадчивый голос, и Котэсса тоже едва ли не подпрыгнула от удивления.

Рейна и Сорма застыли на месте, побледневшие до невозможности, и только открывали и закрывали рот, не выдавив из себя при этом ни единого слова.

Тэсса осторожно оглянулась. Во всеобщем бардаке, окружавшем её бывших соседок, было что-то величественное; кажется, это заметила и гостя, заглянувшая к ним то ли на огонёк, то ли на невообразимый шум.

— Третий раз, — доцент Ойтко сделала шаг вперёд, брезгливо поморщилась, глядя на окружающий жителями комнаты хаос, — я получаю сигнал от госпожи коменданта о том, что она находит среди мусора что-то похожее на плохо приготовленное приворотное зелье, и отмахиваюсь от неё, заявляя, что наши студенты просто не могут тратить время на подобную противозаконную деятельность. И когда у меня обрывается терпение, и я выхожу с обыском, что я вижу? Я вижу беспорядочную, разваленную комнату с двумя двоечницами, не способными закрыть сессию и, — она ткнула пальцем в пучок трав, который висел над кроватью Сормы, — противозаконные ингредиенты для приворота. А ещё, — она склонилась, пошарила рукой в горах вещей и вытащила на свет завернутый в какую-то тряпку пузырёк, — я обнаруживаю тут приворотное зелье, вероятно, предназначенное для доцента Сагрона! Котэсса, моя дорогая, вы куда-нибудь собираетесь?

— Я собиралась попросить госпожу коменданта о другой комнате, — пожала плечами Котэсса. — Я больше не могу жить с этими девушками на одной территории.

Литория бросила злой, возмущённый взгляд на Рейну и Сорму, взяла Тэссу под руку и вывела её в коридор.

— Я хотела бы поговорить с тобой относительно переселения, — немного неуверенно промолвила она, едва заметно прищурившись. — И относительно того, куда ты пожелаешь... переехать, — говорила Литория вкрадчиво, мягко, словно прощупывала почву. — Мне, конечно, принесла на хвосте сорока о ваших отношениях, и это не воспрещается, и доцент Сагрон — молодой привлекательный мужчина, но, Котэсса...

— Единственная моя цель сегодняшнего визита к коменданту — просто попросить другую комнату. Я не желаю жить с конкретными двумя девушками, — перед Литорией не краснеть уже не получалось. — И я не собираюсь, если вы об этом, перебираться к господину доценту: это же...

— О, — Ойтко заулыбалась, — это очень правильное решение. Я поговорю с комендантом сегодня же, и мы подберём тебе замечательную двушку с какой-нибудь порядочной девочкой. Давно пора было это сделать... как приятно слышать о благоразумном подходе к отношениям! — Литория поправила свои не в меру кудрявые волосы. — Котэсса, моя дорогая, ты должна понимать, что каждый сам строит свою судьбу. Ты талантлива в магии, и...

— И я не собираюсь бросать учёбу, — промолвила Тэсса. — Или вам что-то об этом кто-то уже наговорил?

— Нет-нет! Но, при всём уважении к доценту Саггону, чтобы разбрасываться столь щедрыми предложениями, ему придётся сначала всё-таки на тебе жениться.

— Какими предложениями? — нахмурилась Котэсса. — Да нашли кого слушать! Он же сначала скажет, а потом подумает головой и поймёт, что ляпнул что-то не то! То есть, я хотела сказать, что, конечно, очень уважаю его как мага и как своего научного руководителя...

— Но как мужчина он — сущий ребёнок, — продолжила за неё Литория, — который не знает, с какой стороны хвататься за серьёзные отношения. Я знаю Сагрона больше десяти лет, я преподавала у него, и ни за одной девушкой он не бегал больше месяца. Предполагаю, кафедра вздохнёт с облегчением, если мы его женим.

— Зачем вы мне это рассказываете?

Глаза Ойтко как-то преступно забегали, словно её поймали на горячем, и она вновь попыталась приветливо улыбнуться, но Котэсса уже слабо в это верила.

— Я засомневалась ещё в те дни, когда он так покорно сидел в деканате и что-то писал, — протянула Литория. — Он даже студентом этого не делал, хотя мы их собирали и отправляли на помощь кафедре и деканату... Я не думала, что буду говорить об этом, но, Котэсса, если доцент Дэрри остепенится, это будет просто замечательно. А ты на него очень хорошо влияешь. И профессор Хелена, может быть, заставит его сесть за докторскую. У нас жуткие проблемы с аккредитацией! Декану нужен зам по науке, а это должен быть человек соответствующего уровня, да и вообще... Ничто не влияет на влюблённого мужчину так, как предмет его обожания. Я так рада, что у вас всё наладилось! — Ойтко говорила быстро-быстро, не позволяя её перебить. — Потому было бы просто чудесно, если бы эти прекрасные полгода, за которые на кафедре пропали толпы страждущих по мужскому вниманию студенток, продлились на более серьёзный срок. А лучше — вообще навсегда!

Котэсса улыбнулась.

— Извольте, мы сами разберёмся с нашими отношениями, доцент Литория. И спасибо большое за предложение помочь с комнатой, это очень ценно для меня.

Ойтко только покачала головой, но больше ничего говорить не стала. Может быть, подумала, что действительно лезла туда, куда её не звали, а может... Мало ли?

Бумагу на переселение надо было заверить у Ойтко официальной печатью, а потом ещё и получить подпись декана, потому Котэсса всё-таки направилась в НУМ. Контактировать с деканатскими сотрудниками ей не хотелось, но Литория, усадив девушку на скамью и убежав по делам с её документами, велела ждать, а отказать Ойтко было, как и всегда, впрочем, невозможно.

Тэсса ждала. На третьем этаже, где и располагался их деканат, было тепло, магия, обогревающая корпуса, трудилась на славу, хотя центральное отопление, как всегда, сломалось. Котэсса предполагала, впрочем, что скоро от волшебства придётся избавиться. Её всё ещё терзали мысли о "Невесте", укрывшейся в артефакте; даже сюда, хотя подвалы находились достаточно далеко, доносился тихий, ровный гул магии.

Но это было не единственным звуком, прерывающим тишину. Девушка отчётливо слышала чужой чеканный шаг; она пыталась сосредоточиться на преподавателях, носившихся туда-сюда по кафедре — тут было несколько не деканатских аудиторий, которые обычно занимали бытовики, хотя они и относились к другому факультету.

Но проигнорировать гостей не удалось. Они — все трое в тёмных одеяниях Следственного Бюро, — остановились рядом с нею. Женщины, имена которых Тэсса не знала, казались мрачными, злыми и нелюдимыми; магия на их пальцах так и искрилась, словно они прибыли сюда на боевой захват, а не для какого-нибудь допроса или даже рядового задержания.

Ирвин казался спокойным.

Котэссе, впрочем, стало не по себе. Она вспомнила, как эти же две магички уводили Сагрона, и внутренне содрогнулась, даже не зная, почему с таким ужасом реагировала на мысль о его пленении. Ведь он точно ничего не сделал!

— Здравствуйтесь, Котэсса, — поздоровался Сияющий, словно они были если не друзьями, то хотя бы добрыми знакомыми. Ну, или он просто не помнил её фамилию. — Вы не подскажете, — он присел рядом с ней на скамью, вытянул ноги и взглянул на двоих своих подчинённых, ставших вмиг ещё мрачнее, — нет ли где-нибудь здесь Жодора Ольи?

— Он должен быть в крайней аудитории, — ответила Котэсса. — А что случилось?

— Доцент Ольи подозревается в том же, в чём был обвинён доцент Дэрри, — отчеканила одна из колдуний. — Шеф, вы пойдёте с нами?

— Ведите его сюда. Будет вырываться — можете использовать магический блокатор.

— В таком случае, вы не сможете считать ауру, — с уверенностью ответила вторая. — Магические блокаторы понижают частоту до невоспроизводимой для боевого мага. Только целители...

— Я знаю, Олллада. Я справлюсь. Выполняйте указание, — он упёрся спиной в подоконник и закатил глаза. — Котэсса, я сожалею, что подозрения, павшие на доцента Сагрона, могли повредить и вашей репутации.

— У меня всё в порядке, спасибо, — сглотнув, ответила девушка. — Я полагаю, в НУМе уже уладили вопрос с ненужными сплетнями.

— Искренне надеюсь на то, что за последние годы тут многое изменилось, — кивнул Ирвин. — В моё время, кажется, за любую мелочь были готовы уцепиться с акульей хваткой, а теперь спускают столь интересные новости с рук.

— Нам с доцентом Дэрри, наверное, очень с этим повезло.

Сияющий только вздохнул. Воспоминания, связанные с Сагроном, явно не приносили ему никакого удовольствия, но мужчина всё равно старался держать себя в руках. Его взгляд был сконцентрирован на противоположном окне, и когда из дальнего кабинета, в котором скрылись Оллада и вторая магичка, донёлся разъярённый рык, он даже не сразу понял, что происходит. Только вспышка волшебства заставила его сорваться с места; Котэсса, не долго думая, бросилась следом за Ирвином.

Вход в кабинет перекрыла дымящаяся парта. Сияющий пробормотал под нос заклинание, и она осыпалась пеплом и лужицей расплавленного железа к его ногам.

Жодор Ольи, заметив ещё одного противника, вытянул левую руку — нерабочую, между прочим, что для магов всегда имело большое значение, — и попытался плести параллельно оба заклинания. На правой у него теплился уведомитель-светлячок; он тут же подскочил и впитался в стены НУМа, не позволяя определить адресата.

Одна их колдуний сидела в углу, ошеломлённо покачиваясь, и явно пыталась прийти в себя. Вторая тоже плела заклинание, но оно получалось каким-то кривым. Котэсса видела по тому, как неровно завязывались узлы магической цепи, что Жодору хватит одного рывка для разрыва связей.

Тэсса поймала свободно болтающийся край волшебной цепи — энергетические сгустки послушно отозвались на её зов, — и вплела в ажурный узор свою силовую нить. Жодор обернулся — теперь уже две его руки пылали от боевых заклинаний, — и швырнул в сеть то, что сформировалось на левой. Магическое плетение содрогнулось, но выдержало, хоть и с трудом; заклинание восстановления, сорвавшееся с губ помощницы Ирвина, кажется, действовало крайне медленно без посторонней подпитки, а Котэсса не могла вливать в чужую сеть столько собственной силы, хотя и пыталась.

— Бегите! — крикнула покачивающаяся в углу волшебница — Оллада? — Ирвину. — Это не ваш профиль!

Котэсса вспомнила слова Сагрона о том, что Ирвину переломали всю жизнь, не дав ему пойти по его специализации. Что он не боевой маг, и соответствующими заклинаниями пользуется через силу. Он талантлив, но не в том...

— Не мой профиль? — презрительно фыркнул Сияющий. — А Бюро я возглавляю за хорошие связи? — он обернулся на Жодора, вскидывая руку, и атака разбилась о прочный, гладкий щит.

Котэсса никогда не видела боевую магию в действии — по крайней мере, такую яркую и с необычным вплетением чужой ауры. Он — кто? Бытовик? Защитник? Чья это была яркая сероватосиняя жилка, от которой обычно алые заклинания нападения приобретали фиолетовый оттенок.

Ирвин поймал вторую атаку рукой, алую, красиво полыхающую звезду — она обжигала ему ладонь, оставляя заметные следы на коже, но он, казалось, не обращал внимания на боль. Вторая часть не завершённого Жодором заклинания дополнилась тем самым пурпурным цветом, и мужчина, замахнувшись, швырнул в Ольи собственным сгустком.

Он дёрнул сеть рукой, набрасывая её на преподавателя безо всякого сомнения, без сопротивления со стороны чужой магии. Волшебство действительно сверкало, подтверждая его прозвище — Котэсса не сомневалась в том, что это не фамилия.

— Поразительно, — прошептала она, отпуская сеть. — Я такого ещё никогда не видела.

— Мои подчинённые в меня не верят, — грустно подытожил Ирвин. — Уволю, обеих! — он оглянулся на всё ещё сидевшую в углу Олладу. — Ребекка, помоги подруге, потом соберите этого и в участок. Впрочем, мне и так всё понятно.

— У вас такое хорошее сплетение с чужой силой, — не удержалась Котэсса. — Она отзывается, как будто ваша родная!

— По природе дара, не могу конфликтовать с магией посторонних. Если сработает защита, не будет действенно, — равнодушно пожал плечами Ирвин. — А эти две, — он кивнул на подчинённых, — прочитали мою рабочую карту и решили, что я безнадёжен. Боевые магички! Кому они нужны,

такие боевые? Бездари, только со смирными и справляются, — он зло передёрнул плечами. — У вас, Котэсса, получилась очень красивая сеть. Тугие узлы. Вы практиковали это заклинание?

— Я читала о нём, — покачала головой Тэсса. — И... запомнилось. У нас полноценная защитная магия будет только в этом семестре.

— Просто прелесть, — хмыкнул Ирвин. — Когда вам нужно будет найти работу, приходите ко мне. Мне нравится, как светится ваша сила: там есть большой потенциал для работы.

— Спасибо за предложение, — Котэсса почувствовала укол смущения, но попыталась отогнать наваждение. Подумаешь, предложил работу: она всё равно всегда хотела остаться в университете.

Ирвин улыбнулся. Вопреки собственной довольно мрачной внешности — тёмные волосы, глаза, смуглая кожа, — он казался добрым, а от широкой улыбки действительно будто светился изнутри.

— Не смотрите на меня так, — хмыкнул он, — у меня светлый источник силы. Но, пользуясь тем, что обычно принимают за своего — стереотипы мышления! — я часто бегаю по некромантским логовам. Заразы, как же они меня достали... — Ирвин покосился на Жодора. — Этого вырубил как минимум на сутки. Теперь пока дойдёт дело до вопроса... А нить следящей магии мы утеряли. Понятно только, что эта женщина где-то в НУМе. Но пока я опрошу всех — это пройдёт куча времени.

Котэсса ничего не ответила. Она и так вмешалась в это дело по самое "не хочу", а о "невесте" знала довольно мало. Что она могла советовать двум опытным магам, особенно если за Ирвином стояло целое Следственное Бюро?

— Сагрон у передавайте привет, — усмехнулся Ирвин. — И скажите, что мы ищем. Если найдём — понадобится срочная помощь.

— Да, конечно, передам, — кивнула Котэсса, хотя меньше всего ей хотелось бы, чтобы Дэрри вмешивался в такого рода дела.

Она чувствовала себя выпитой изнутри. Не до дна, конечно же, но сеть всё равно забрала больше, чем следовало. И Ирвин не мог этого не заметить; он суровым взглядом смерил её — точнее, её ауру, — и протянул руку, будто бы хотел помочь, но не успел. Котэсса тоже ни принять его энергию, вспыхивающую на кончиках пальцев, ни отпрянуть от неё не смогла; в кабинет, словно реагируя на воцарившуюся тут тишину, влетели методистки из деканата, возглавляемые Литорией.

Шум, поднявшийся вокруг скованного магической сетью Жодора, опять разрушил то хрупкое равновесие, воцарившееся несколько минут назад. Котэсса отшатнулась к двери, но там было слишком много народу, чтобы пробраться на свободу, и отступила в угол, надеясь, что хоть там-то никто её не заметит.

— Ты в порядке? — она не знала, откуда появился Сагрон, но прижалась к нему почти с благодарностью, чувствуя, как чужие силы — нейтрального оттенка, предназначенные для передачи, — постепенно вливаются в её тело.

Гул стал сильнее. Артефакт было слышно даже за постоянно говорившей, кричавшей толпой; Котэсса почувствовала, как перехватывает дыхание от осознания того, что таилось там, внизу. Магический взрыв вряд ли навредил бы присутствующим тут мужчинам, а вот каждая незамужняя женщина подвергалась опасности. Невеста была близко, и в воздухе витал её гнилой запах.

— Да, — ответила Котэсса, стараясь обрести утраченную было твёрдость в ногах. — Спасибо.

Сагрон тяжело вздохнул. Тэсса не знала, винил ли он себя в том, что отсутствовал здесь в момент битвы; судя по тому, как гулко колотилось в груди его сердце — она чувствовала удары, проходившие рефреном по её коже, — он бежал откуда-то с кафедры или с улицы, услышав звуки битвы.

Доцент Дэрри поднял голову, отыскал взглядом Ирвина, будто бы молча спросил у него что-то — и коротко кивнул, но Котэссе было не до бесед.

— Мы можем уйти отсюда? — попросила она, чувствуя, что головокружение наконец-то отступило.

— Да, сейчас, — ответил Сагрон, но не сдвинулся с места.

Толпа расступилась. Профессор Ольи, вызванная, наверное, кем-то из деканата, подступила к валяющемуся на земле мужу и смерила его тело презрительным взглядом.

Все ждали чего-нибудь. Слез, крика, требований отпустить благоверного — или обвинений в адрес недвижимого Жодора, — но женщина оставалась совершенно равнодушна. Она повернулась к следователям и холодно спросила:

— Я надеюсь, я могу получить развод без его прямого согласия в случившейся ситуации? Мне не хотелось бы привязывать себя к чему-то столь низкому, как уголовник, поставивший под вопрос существование могущественного артефакта.

— Да, вы имеете на это право, — подтвердил Ирвин. — Обратитесь к моим помощникам, они подскажут список документов, необходимых для расторжения брака с неблагонадёжным гражданином.

— Вы так уверены в его виновности? — крикнул кто-то из толпы, но вопрос был сам по себе смешон.

— На нём нет проклятия, — ответила Хелена вместо Ирвина. — Ни единого следа. А значит, он избавился от него единственным возможным путём: влил в артефакт и подействовал этим ещё одному году задержки работы над его копией.

Ольи не знала!

Котэсса только сейчас поняла: да ведь никто не знал, кроме неё, Ирвина и Сагрона. Они даже не подумали сообщить руководству, потребовать у ректора отправить студентов подальше под логичным поводом. Всё это хранилось в тайне, опасной, между прочим, для всех мирных студентов и преподавателей НУМа.

Тэсса не успела возмутиться; Сагрон почти что выволок её за дверь, не прислушиваясь к тихим возражениям. Во всеобщем гуле, впрочем, никто и не мог расслышать её слова; Котэсса чувствовала себя пленницей, вынужденной хранить опасный, да ещё и абсурдный секрет.

— Но почему вы ничего не сказали? — возмутилась она уже в коридоре. — Сагрон! Да ведь то, что устроил доцент Ольи, могло поставить точку в существовании всего университета...

— Если та, кто вселил проклятие в артефакт, поймёт, что о "невесте" знают, она сбежит. Мы узнаем личность, да, но в таком случае мы рискуем потерять след. А для проведения ритуала её необходимо узнать.

Котэсса нахмурилась. Она осторожно отстранилась от Сагрона, почувствовав себя вдруг не в своей тарелке. Такие тайны казались ей недопустимыми.

— Пойдём домой? — спросил Сагрон, и Тэсса вспомнила, что ей пообещали комнату только после того, как оттуда переселится двоечница. И куда комендант предлагает деться на следующие три или четыре дня?

Впрочем, Котэсса отлично знала ответ: торчать со своими соседками в одном помещении, терпеть их придирки или отмахиваться от них боевыми проклятиями. Просто гениально, а главное, до великолепия безопасно!

— Мне ещё нужно сдать книги в библиотеку, — сказала Тэсса. Остаться у Сагрона — единственный выход, и он будет, мягко говоря, не против, но пока что девушка к этому была не готова.

— Я надеюсь, ты вернёшься вечером? — спросил он. — Ты ж не собираешься жить со своими двумя идиотками?

— Не собираюсь, — послушно согласилась Котэсса. — Да, я обязательно приду. Мне просто надо расквитаться с долгами.

Сагрон не успел ни возразить, ни назначить время; она помчалась по коридору, забыв и о слабости, и о том, что слишком глубоко забралась в свой внутренний магический резерв.

Никакую книгу Котэсса сдавать не собиралась. Она миновала студенческие первые этажи, равно как и этажи общего доступа, пока не добралась до закрытого отдела. Ей надо было узнать о "невесте" — проклятие упорно не давало девушке покоя. Ведь не могло же оно взяться просто так у какой-то случайной женщины! Нет, тут явно было замешано что-то нечистое.

Внутри было темно, только изредка сверкали раскрытые книги, лежавшие на постаментах. Те, что хранились на полках, особенной активности не проявляли, только некоторая литература равнодушно порывивала.

Библиотекарь, строгая женщина в очках, высокая и чуть полноватая, свой пост никогда не покидала. Она стояла в проходе у длинной магической ленты, не пропускающей внутрь никого лишнего, и следила за тем, чтобы никто не посмел переступить линию защиты и добраться до запретных книг.

— Студентам тут не место, — проронила она, только-только завидев Котэссу. — Занадились сюда...

Можно было свернуть, конечно.

Тэсса заставила себя расправить плечи. Сагрон вспоминал о чём, когда рассказывал ей о "невесте"? Где-то тут должны быть книги, и он вряд ли их читал.

— Следственное Бюро, отдел Борьбы с Магической Преступностью, — отчеканила она. Ну, Ирвин ведь предлагал отправиться к ним, обещал найти рабочее место. Можно считать, что он уже выполнил своё обещание.

Библиотекарь засомневалась.

— А вид как у студентки, — она почесала затылок и опять смерила Котэссу взглядом. — Откуда ж я должна знать, что это правда?

— Хелена сказала, что проблем не должно быть. Мы работаем под прикрытием, — Котэсса сделала шаг вперёд. — Вы замужем? — она бросила взгляд на руки женщины. — Очень зря, если нет. Следственное Бюро подозревает "невесту".

— Куда! — возмутилась библиотекарь, когда Тэсса обошла её и уверенно шагнула к стеллажам по боевым проклятиям. — Не положено же!

Котэсса знала, что не положено. И знала, что всё это дело добром не закончится.

Она уверенно оглядела книги, с таким видом, словно поступала, как должно, и библиотекарь за спиной поперхнулась и вновь попыталась возмутиться и схватить её за руки. Девушка была неумолима; если она сойдёт в своей роли, то добром это не закончится. Выгонят, а то и вправду к профессору Хелене отправят.

— Они ж кусаются! — возмутилась библиотекарьша, когда Котэсса схватила редкий справочник по проклятологии. — Они ж опасные! Нельзя! Где ваш пропуск?

Тэсса ускорила шаг, махнув рукой. Несколько книг, примагниченных заклинанием, полетели следом за нею, шевеля маленькими крылышками за корешком. Одна оглянулась на библиотекаря и зло зашипела на женщину, продемонстрировав два ряда зубов. Котэсса поймала её за ленту-закладку и открыла оглавление. Надо было остановиться и почитать внимательно, но она знала, что в тот же момент её проверят на предмет правды и лжи — и вытолкают отсюда, да и правильно сделают. Нет, допускать оплошность было опасно, она не собиралась покидать библиотеку с позором.

"Невеста" в заглавии оказалась. Котэсса ухватила взглядом страницу и принялась листать книгу, довольно неосторожно. Библиотекарь подпрыгивала в унисон стуку каблуков; она была не слишком молодой и с трудом попевала за Котэссой.

— Прекратите мешать следственным действиям, — Тэсса повернулась и направилась прямо на женщину. — Кто у вас интересовался относительно "Мёртвой невесты"?

— П-п-преподаватели, — выдохнула она, окончательно стушевавшись. — Р-разные. С з-защитной магии.

— Кто?

— Н-не помню.

— Очень плохо, — Котэсса бросилась к лестнице, что вела на другой этаж. Библиотекарь спешно ринулась за нею, но девушка уже ударила ладонью по защитному заклинанию, и тонкая огненная линия разделила её и женщину. Она наконец-то нашла нужный раздел в книге и, не замедляясь ни на минуту, бросилась по ступенькам вверх, к новым стеллажам — с запретными заклинаниями.

"Невеста, — поймал намётанный на учёбу взгляд, — одно из перечня уникальных проклятий, имеющих свойство самоналожения. Феномен этого магического явления состоит в том, что оно характеризуется как единосправедливое и падает на незамужнюю женщину исключительно в том случае, если она стала причиной серьёзных разногласий и ссор, специально направленных друг на друга. "Мёртвая невеста" — стандартное проклятие, которым наказывали женщин, по собственному желанию служивших яблоком раздора, провоцирующих стыки. Тем не менее, в отличие от обыкновенных, "невеста" требует серьёзного всплеска ненаправленной магии".

— Слезь оттуда немедленно! — завопила библиотекарь. — Следовательно ты или нет, я сейчас охрану позову!

Да, вперёд.

Котэсса свернула куда-то между стеллажей. Одна из книг, потеряв управление, рухнула вниз, и

библиотекарь, забыв о лишнем весе, бросилась её ловить. Кусачая литература вывернулась из её рук и щёлкнула зубами над ухом.

— Слезай! — завопила женщина. — Немедленно слезай!

Нить охранного заклинания подбиралась к другой лестнице, и Котэсса действительно ускорила шаг, не отрывая носа от книги.

"Причиной "невесты" является несанкционированный всплеск магии и использование сильных боевых чар или проклятий. Обычно сопровождается попыткой фигурантов магических дуэлей или стычек остановить заклинание. "Мёртвая невеста" — это сублимированная, переработанная энергия, что выплёскивается в виновницу случившегося. Возможен незначительный откат для участников проклятия. Зачастую фигуранты действия не догадываются о наложении "невесты". Случай наложения этого проклятия для мужчин редок в силу отсутствия магических дуэлей среди женщин, но в последнее время современные тенденции приводят к вырождению этого уникального магического явления, так как в приоритете ставится мирное выяснение отношений".

Котэсса хмыкнула. Что-то это ей напоминало — но времени задумываться не было. Она бросилась вниз по ступенькам и в последнее мгновение перепрыгнула через огненную черту защитной магии. Библиотекаря, отбившаяся в противоположном углу громадного зала от кусачей книжки, бросилась за Тэссой следом, но вряд ли могла поспать, преодолев препятствия в виде остальной литературы.

"Снять это проклятие можно исключительно путём выжигания чистой магией, что часто приводит к смерти проклятой, либо моральным искуплением или не-запуском триггер-части. Если проклятие переселено в неживой предмет, что осуществимо путём определённых ритуалов для энергоёмких артефактов, то для ритуала требуется максимально возможное число магов, минимум шесть человек, во избежание рассеивания "невесты" между фигурантами ритуала. Переселение обратно в виновницу часто приводит к непредвиденным последствиям".

— Стоять! — завопила библиотекарь. — Я уже вызвала охрану!

Но Котэсса не позволила себе оглянуться. Она выскользнула за ограничительную ленту — и только тогда увидела в проёме Ирвина.

Тот посмотрел на неё, кажется, весьма одобрительно, и повернулся к библиотекарю, гневно скрестив руки на груди.

— И как это понимать?! — возмутился он. — Моя сотрудница подходит к вам за рабочим материалом и выслушивает ряд совершенно бессмысленных претензий?!

Библиотекарь встала на границе, покрасневшая, словно рак, сваренный в кастрюле, и с ужасом воззрилась на Котэссу.

— Пойдёмте, моя дорогая, — Ирвин подал ей руку. — Нам следует проанализировать то, что вам удалось узнать. Наш коллега уже ждёт нас в подсобном помещении.

— А документы? — крикнули им в спину, но Ирвин почти помчался по ступенькам, со скоростью куда большей, чем должен уходить важный человек в Следственном Бюро.

— Гениально, — оглянулся он на Котэссу. — Но что вы там искали?

— Информацию, — пожал плечами она, с трудом поспевая за мужчиной. — Может быть, я хочу реализовать уникальный эксперимент при работе над своей бакалаврской?

— Где-то я уже слышал, — хмыкнул Ирвин. — Не от вашего ли проклятого?

— Это не имеет значения, — девушке не было когда смущаться. Они почти выбежали из здания библиотеки. — Вы знаете, как появляется "невеста", в общих чертах?

— В очень общих. Сагрон знает.

— Да Сагрон ничего не помнит! — они остановились у подсобки, и Сияющий взмахом руки снёс защитное заклинание. Дэрри и вправду оказался внутри, проверял какие-то работы, и только с удивлением поднял на Котэссу и Ирвина взгляд. — Послушайте, эту девушку должно быть реально вычислить.

— Она никогда не была замужем, — пожал плечами Сагрон, — и оказалась где-то под действием серьёзного отката. Вот и всё.

— Она была причиной раздора, — возразила головой Котэсса, — между двумя достаточно одарёнными мужчинами, и привела к чему-то вроде магической дуэли с прерыванием боевого

действия. Причём фигуранты проклятия, предположительно, считали, что сами впитали действие отменённого заклинания, потому что получили откат, но куда меньший, чем был бы, если б магия вернулась к ним в полной мере. И эта женщина, должно быть, до определённого момента даже была рада этой стычке, сама её спровоцировала.

Сагрон и Ирвин переглянулись. Дэрри как-то неуверенно потянулся к собственным волосам, сжал одну прядь и поднёс её к глазам.

— Частичный откат, — пробормотал он. — Я год потом не мог использовать боевую магию, у меня руки тряслись. И вот это...

— У меня ничего не было, — сглотнул Ирвин, — хотя я использовал то же самое, только отозвал чуть позже.

— Энниз, — выдохнули они уже хором.

— Энниз! — ошеломлённо повторил Сагрон. — Я знаю, где она. Мы сегодня же проведём ритуал. Пойдём, Ирвин...

— Да куда же вы?! — возмутилась Котэсса. — Нельзя ведь меньше чем вшестером!..

Но мужчины её не слушали — они оставили её одну посреди подсобки, успешно умчавшись куда-то.

Глава 28

Котэсса понимала, что не может позволить себе просто стоять и ждать. Она застыла только на мгновение, пока не осознала достаточно чётко, что ни Ирвин, ни Сагрон не остановятся в своём желании немедленно провести ритуал, о котором они ничего не знают, и что объяснить им, что на самом деле может случиться, она не успеет, и выскочила в коридор.

Там было уже пусто. Не мужчины — дети! Не обдумав, не создав никакой толковый план, они убежали куда-то и даже не помыслили о последствиях.

Решение пришло моментально. Котэсса ринулась на кафедру — единственное место, где к её мнению могли хотя бы прислушаться.

...Профессор Куоки, как всегда, чинил свои инновационные часы. Рядом с ним сидел Окор, внимательно слушающий каждую фразу, но это, кажется, не особо помогало ему понимать, что именно происходит. Хелена спешно заполняла какие-то документы; Ролан и Элеанор сортировали по двум стопкам неизвестного происхождения бумаги и раскладывали диссертацию, скопированную не в порядке страниц, по конвертам для запросивших текст исследователей-проклятийников.

— Моя дорогая, что-то случилось? — подняв голову, спросила профессор Ольи.

— Ритуал, — выдохнула Котэсса, чувствуя, как от постоянного бега по ступенькам перехватывает дыхание. — Они собираются провести ритуал.

— Кто? Какой ритуал? — Хелена поднялась из-за своего места. — Что произошло?

— Ирвин и Сагрон, — Котэсса отмахнулась от предложенного Роланом стула. — Они хотят вытянуть проклятие из артефакта.

Услышав об Ирвине, вскочил с места Куоки, но так и не выпустил из рук инновационные часы.

— Там ведь Жодорово, оно всего на год, — покачала головой профессор Ольи. — Не такая уж и великая проблема.

— Там "невеста", они проверяли. Преступница воспользовалась вашим мужем, чтобы вскрыть артефакт, и он вселил в него своё проклятие, а она произвела подмену. Это позволяет с точки зрения магического замещения. Но артефакт не предназначен для самовоспроизводящихся проклятий, и по этой причине всё так и гудят.

— И что они хотят сделать? — почти равнодушно спросила Хелена. — Вероятно, если им не хватит силы, просто ничего не получится.

— Они хотят вытянуть оттуда это проклятие. И если артефакт не выдержит и взорвётся, то накроет всех. Для того, чтобы провести ритуал и вернуть энергию в её первую обладательницу, необходимо минимум шесть человек.

Хелена вздохнула.

— Это опасно. Мне следует заняться эвакуацией университета... Нас не хватит для того, чтобы провести ритуал. Надо дать объявление, а это заберёт много времени, а потом...

— Мама! — возмутилась Элеанор. — Да как ты можешь! Если мы все присоединимся, нас получится шестеро. А ты можешь отправить магическое письмо или заговорить рупор, чтобы тот сам всех выгнал. Велика беда — активировать защитные полосы университета...

— Нельзя, — покачала головой Котэсса. — Любое лишнее колдовство может нарушить магический фон.

— Мы не можем туда пойти, — возразила Хелена.

— Можем! — вмешался Куоки. — И мы именно это и сделаем, моя дорогая. Окор, мальчик мой, ты должен отправиться к ректору и всё-всё ему рассказать. Немедленно. Пусть он делает всё, что нужно. Передай ему от меня магический знак, — Куоки вырисовал что-то крайне непонятное в воздухе, — и пусть он верит в наши слова. Пойдёмте скорее...

— Это действительно опасно, — замялся Ролан.

Элеанор мрачно покачала головой. Она посмотрела сначала на своего научного руководителя, потом на мать, и сделала шаг вперёд:

— Мы виноваты перед Сагроном, — её сухой тон оказался строже, чем обычно у матери. — И мы

должны пойти.

— Ты не имеешь права его заставлять, — покачала головой Хелена. — Каждый человек имеет право выбора.

Элеанор только сверкнула глазами.

— Я сто раз пожалела об этом эксперименте. Будет возможность извиниться, — она шагнула к двери. — Профессор Куоки, вам будет лучше самому отправиться к ректору, он скорее вас услышит. Не рискуйте, не подвергайте свою жизнь неоправданному риску. Мы прекрасно справимся и сами. Мама?

Хелена замялась, но сделала всё-таки шаг вперёд. Всё-таки, отпустить дочь одну туда, в такую опасность, для неё было равно смерти, и сейчас женщина не была готова на такие антиматеринские подвиги.

— А ты, Ролан? — нашлась она, оглядываясь на мужчину. — Что ж ты не идёшь следом за своей невестой? Или ты собираешься повторить опыт Жодора? Будь уверен, моя дочь никогда тебе этого не простит. Профессор Куоки, моя дочь права, — Хелена выпрямила спину и гордо посмотрела на Котэссу. — Вперёд. Если ты говоришь правду, нам следует поспешить, моя дорогая. Окор... что ж, Окор, убирайтесь отсюда поскорее и уводите всех, кого встретите по дороге.

В подвалах было темно, артефакт пролил собственную силу — с удвоенной активностью он выплёвывал излишки проклятия, а оно продолжало самовосстановление и постоянно увеличивалось в объёме. Сагрон опасливо посмотрел на постамент с музыкальной шкатулкой и содрогнулся от внутреннего отвращения.

— Ты уверен, — с сомнением протянул Ирвин, — что она всё-таки сюда придёт?

— Я видел Энниз в последние годы, — ответил с уверенностью Сагрон. — Она получила магическую именную метку с уведомлением о том, что проклятие будет возвращено ей через несколько минут. Ты правда полагаешь, что она не клюнет?

— Как ты влез в Жодорово волшебство? Даже у меня не выходит, а ауры — это моя парафия, — Ирвин скривился. — Гадость какая...

— Я ему зелье варил, там не так уж и трудно сделать слепок ауры, — ответил Сагрон так, словно это было что-то очень обыденное.

— Ты? Зелье?! Ты ж всё время на себя их переворачиваешь, — Ирвин нахмурился, а потом бросил взгляд на постамент. — Я сомневаюсь в том, что у нас получится всё удачно.

— Я тоже, — Сагрон вздохнул.

Темнота, излучаемая артефактом, становилась всё более и более явственной. Казалось, что они тонули в чёрной густой массе, пробиваясь сквозь неё к шкатулке, хотя на поверку воздух оставался прозрачным. Странное явление, как для современного волшебного источника, ни Сагрон, ни Ирвин никогда не сталкивались с таким — но сегодня, очевидно, был день открытия.

— Твоя Котэсса — юный гений, — вдруг промолвил Сияющий. — Если она захочет, работа в Следственном Бюро ей обеспечена. Импровизирует просто великолепно, да и боевые задатки хороши. Получше нашего с тобой, между прочим.

Дэрри взглянул на бывшего друга почти ревниво.

— Если ты её...

Он не успел договорить. Боевое заклинание прорезало мрак пространства неожиданно яркой вспышкой, и Сагрон едва успел отскочить в сторону. Над его головой что-то загрохотало, посыпались мелкие камушки, а потом всё стихло, но выглядело это, если откровенно, как затишье перед бурей.

Энниз стояла в дверном проёме. На кончиках её пальцев сверкала магия, свежая, чистая, словно девушка наконец-то смогла раскрыть свой магический потенциал, избавившись-таки от ограничителя — "невесты".

Да, это была всё-таки она. Сагрон и Ирвин не ошиблись — хотя, наверное, обоим хотелось бы увидеть здесь кого-нибудь другого. Любую другую женщину.

Ну, или не любую.

— Здравствуй, моя любимая невеста, — прошепел Ирвин, вскидывая руку. Магический щит,

полыхнувший кольцом вокруг него, вызвал у Энниз только раздражённую улыбку. — Ты, я вижу, страшно соскучилась.

— Ты тоже, — Энниз посмотрела на Сагрона. — Это всё вы виноваты, вы оба!

— Да что ты говоришь? — Сагрон ступил в сторону, позволяя вспышке волшебства едва-едва задеть пряди волос — те даже не почернели от огненной энергии, совершенно статичные после того дурацкого отката. — Разве ж не ты виновата в том, что всё это вообще случилось?

— Ну, конечно, — хохотнула Энниз. — Всегда легче обвинить женщину, чем принять вину на себя, правда, Дэрри.

— Несомненно, — согласился он, вскидывая руку. Проклятие, короткое, зато действенное, ударило её в щит, но тот даже не пошёл трещинами. Защита, оставшаяся от "невесты"! И как она только умудрилась удержать его?

— Вы даже не сможете причинить мне вред, — пропела она, словно предвкушая победу. — Я чиста от проклятия, я свободна, я со щитом, который не может пробить ваша боевая магия. Зачем же сражаться? А артефакт ваш взорвётся и польёт темнотой всех вокруг, и это будет правильно. Не мне же одной страдать и мучиться!

Она сделала несколько шагов вперёд, приближаясь к тьме, и та благодарно прильнула к её волшебному щиту. Энниз только ласково улыбнулась проклятию, точнее, тем его частям, что уже вылились из артефакта, и влила в щит чуть больше силы. Он заискрился, отгоняя от себя мрак, и в подвале сразу же стало в разы светлее.

Музыкальная шкатулка заиграла, но совсем тихо и ненадолго. Сила артефакта утекала, словно песок сквозь пальцы, стремительно и слишком быстро.

Энниз улыбнулась, так красиво и искренне, что даже стало не по себе.

Ей в спину — в щит, впрочем, — врезался ещё один сгусток энергии. Она оглянулась — в дверном проёме стояла Хелена. За её спиной можно было различить силуэты и других людей, но неясные, довольно размытые.

— Он не пропустит никого и ничего, что может мне повредить, — пожала плечами Энниз. — Я для этого щита — как родной ребёнок, и он защищает меня с невообразимой силой. Видите, как приятно и удобно получать "невесту" и красиво избавляться от неё?

— Сволочь, — прошипела профессор Ольи, проходя в подвал. Следом за нею буквально влетели Элеанор и Котэсса; Ролан немного неуверенно ступил вперёд, вскидывая руку с пылающим огненным шаром.

Энниз только сделала шаг вперёд, и линия щита, соприкоснувшаяся с пламенем, погасила его.

— О, госпожа проректор, — пропела она. Артефакт загудел сильнее, выражая своё недовольство, но Энниз не обратила на него внимания. — Как это прекрасно, что вы тоже здесь... Вы знаете, ваш муж — самый последний олух на свете.

Она швырнула заклинанием в Хелену. Та не отпрянула, воспользовалась защитным заклинанием, но оно зашипело, с трудом останавливая то, чем воспользовалась Энниз.

Сагрон сглотнул. Она использовала силу артефакта — привязка, что ли? Оттуда столько и проблем, и эта её практически абсолютная непобедимость.

— Он, дурак, так хотел избавиться от своего желания, от мечтаний о жене, что был готов на какое угодно преступление, — Энниз хихикнула. — О, любимая доченька тоже здесь? Отец ненавидит тебя даже больше, чем свою ненаглядную жёнушку! И моя прелестная соперница, студентка Арко, подумать только... Увы, вы все проиграли. Вероятно, вы получите эту невесту, как те, кто решил стать свидетелями взрыва артефакта, — Энниз дёрнула на себя энергетическую нить, и тьма вновь стала в разы насыщеннее. — И мой любимый Ирвин. Это ведь было твоё проклятие.

Сияющий застыл. Энниз шагала к нему уверенно и быстро, а он смотрел на неё, как замороженный. Сагрон, сметённый щитом, буквально отлетел в сторону; заклинания на колдунью не действовали, только истощали музыкальную шкатулку.

— Ирвин, проклятие! — крикнул Сагрон, но Сияющий, казалось, не слышал ни единого слова.

Щит пропустил его.

— Энниз, — прошептал он, когда та вскинула руку, собираясь направить на него очередное заклинание. — Знаешь, а ведь я всё ещё люблю тебя.

— Это из-за тебя я получила "невесту". Это твоё заклинание тогда не сумело дать на тебя откат. Сагрон ещё год без сил ползал, а ты — как ни в чём ни бывало, только эта седая прядь, — презрительно фыркнула Энниз. — И думал же, что это прошло просто так!

— Я был страшно зол, — Ирвин зажмурился, и по его щекам, казалось, потекли слёзы. — Я понимаю, что не должен был так поступать. Нам надо было поговорить и просто простить друг друга.

— Я всё равно мечтаю о твоей смерти.

— У меня есть право на последнее желание?

Энниз поднесла руку с огненным шаром к его сердцу.

Котэсса ахнула, не сумев сдержаться. Огонь должен был промчаться по крови, сжигая изнутри. Выжить после этого проклятия не удавалось ещё никому — а артефакт держался на последней магии. Пламя отобрало бы и её.

Ирвин застыл. Он, казалось, совершенно не боялся смерти, а направленный на Энниз влюблённый взор мог бы покорить любую женщину.

— И чего же ты хочешь? — скривилась Фору. — Чего ты от меня попросишь?

— Один поцелуй, — выдохнул он. — Прощальный. Это будет... Ты даже не поймёшь, как это произошло, а мне будет приятнее умирать.

— Какой же ты наивный дурак, — скривилась Энниз. — Мне казалось, ты был умнее тогда, когда мы собирались пожениться. А теперь вижу, что такой же, как и все. Такой же, как и этот твой надменный дружок.

Фору смерила его презрительным взглядом и, потянувшись к Ирвину, прильнула к его губам. Он обнял её за талию, крепко-крепко, притягивая к себе, и Энниз невольно поддалась соблазну. Она запустила пальцы в его волосы, позволяя заклинанию угаснуть, и даже щит стал полыхать менее ярко...

Элеанор, бросив взгляд на Сагрона, резко, звучно засмеялась. Доцент Дэрри тоже поднялся на ноги и хмыкнул себе под нос. Он отряхнулся от пыли и втянул носом воздух, будто бы пытался успокоиться.

Ирвин прервал поцелуй и отступил на несколько сантиметров.

— Я надеюсь, тебе понравится, моя дорогая, — протянул он с ядовитой улыбкой. — Если это представление пришлось тебе по вкусу, значит, я не просто так выполняю свою работу. Поймаем мы ту банду некромантов.

Энниз не успела даже удивиться. Раздался треск — платье поддавалось физическому влиянию, — и на свободу прорвалось целых три крысиных хвоста. Волосы на голове в ту же секунду стали дыбом, и девушка с ужасом схватилась за лоб и воззрилась на ставшие пушистыми ладони.

— А на память, — протянула Элеанор, — временная дисфункция магии. Не надо забывать о всех проклятиях.

— Быстро, ритуал! — Ирвин бросился к артефакту. — Пока она не одумалась.

Энниз с ужасом обернулась. Крысиные хвосты метнулись к её рукам, оплетая запястья, и даже к горлу, и как она ни отбивалась, действовали весьма стремительно.

— Мы справимся вдвоём, — Сагрон оглянулся на остальных. — Вам незачем рисковать. Уходите отсюда.

— Не справитесь, — уверенно ответила Хелена. — И не диктуйте мне, что делать, доцент Дэрри...

— Хелена!

— Мальчик мой, — она прищурилась, — у меня в разы больше опыта. Я на двадцать лет вас старше, — она встал напротив музыкальной шкатулки и поймала за запястье Ирвина. — В круг, бегом, — вторая её рука сжала ладонь Котэссы. — Я занималась этим проклятием в магистратуре — и хорошо помню, как эта зараза снимается.

Тэсса протянула руку Сагрону, почти с надеждой, и он, сжав зубы, кивнул. Это было

неоправданным риском с их стороны, да, но он уже не имел сил спорить. Он сжал девичью ладонь — и оглянулся на Ролана, оказавшегося по другой бок ритуала.

— Прости, — прошептал Лантон. — Мне действительно не следовало скрывать от тебя правду. Я был не прав.

— Потом это обсудим, — мотнул головой Сагрон. — Бери руку, у нас мало времени. Она сейчас одумается.

Энниз уже постепенно приходила в себя. Магия вновь отзывалась на её воззвания, ещё минутка — и окончательно сорвётся с цепи.

Ирвин поймал Элеанор за запястье, замыкая круг.

Первую ноту заклинания задала Хелена, и мелодия древнего песнопения метнулась к артефакту стрелой силы. Под ногами вспыхнули невидимые линии, знаменуя приход волшебства.

Сагрон сжал зубы. Он много лет подряд почти не использовал такого рода заклинания. Когда-то одно из этого класса выпило его до дна, оставив лишь одну капельку, чтобы вновь восстановиться, и сейчас он чувствовал, что вновь ступает за прочерченную другими людьми грань. Но мужчина делал это осознанно, зная, что назад пути не было.

Он плохо помнил слова ритуала, но пение Хелены задавало тон всем. Котэсса, наверное, не знала формулы и вовсе, но она не допустила ни единой ошибки, повторяя за госпожой проректором — и Сагрон почувствовал, как и сам вливается в общий поток.

Его силы не существовало больше по-отдельности. Они отдавали всех себя на угоду артефакту, впитывая "невесту" и не позволяя произойти громадному взрыву.

Энниз уже отошла от проклятия. Она смирилась, казалось, и с хвостами, и с пушистыми ладонями, ведь год — какой это срок, — и рванулась к артефакту.

Сагрон не заметил, как именно она пролезла внутрь круга — прошла ли под руками или вновь почерпнула магию артефакта и телепортировалась внутрь. Это не имело значения; Энниз стояла в их кругу, сжимая в руках какой-то нож — и откуда он только у неё взялся?

Ни один из них не мог сдвинуться с места. Тьма дрожала, отказываясь поддаваться влиянию ритуального круга, и пыталась выбраться за его границы. Сагрон чувствовал, как першило в горле, напоминая о том, что пора бы и умолкнуть, но ни на секунду не позволял себе сомкнуть губы.

Музыкальная шкатулка открылась, и мелодия, тревожная, как в тот раз, когда артефакт только-только доставили в НУМ, разнеслась по всему помещению. Энниз занесла кинжал над Ирвином, будто бы и вправду винила во всём только его, и не обращала внимания на тонкую струйку силы, что впитывалась в её тело.

Нож тянулся к его горлу, но Сияющий словно ничего не замечал. Для него не существовало сейчас внешнего мира, только плетение заклинания, яркое, сильное, могущественное. Он все свои силы положил на то, чтобы вытащить из артефакта его мрак.

Сагрон заставил себя не думать о смерти друга. Он попытался — хотя бы мысленно, — подступить к артефакту, представил, как сжимает его стенки, как пытается выдрать "невесту" на свободу. Приток силы стал больше; он видел, как побледнела Котэсса, как сжал зубы Ролан и тяжело дышала Элеанор, как пошатывалась поющая Хелена, но они сейчас уже не имели значения.

По коже Ирвина стекла первая капелька крови. Энниз преодолевала сопротивление магического круга, волшебную защиту, всё, что они только смогли установить, и убивала, медленно, но уверенно.

— Отойди от моего сына, неверная ведьма!

Энниз обернулась, скорее от неожиданности, чем потому, что соотнесла эти слова с собою.

Профессор Куоки застыл у самой границы круга. Он сжимал в руках свои вечные инновационные часы, маленькую сферу на золотой цепочке, и смотрел на Форю полным ненависти взглядом. Куда-то пропала и сгорбленная спина, и смешные движения; сейчас он казался величественным и почти страшным.

— Ничтожный старикан, — злобно выдохнула Энниз. В один миг Ирвин потерял значение в её глазах — она видела, как Куоки вплетал и свою силу в заклинание, как тьма "невесты" переплеталась с её собственной аурой, всё быстрее и быстрее возвращаясь на место. — Сумасшедший часовщик!

Она метнула нож — и тот ударил Куоки в сердце. Его смешной серый балахон почти вмиг просочился кровью у раны — алые капельки превратили непримечательную ткань в поле боя.

Куоки промахнулся.

— Это по докторской я — сумасшедший часовщик, — прохрипел Толин, и на его губах выступила кровь. — А по кандидатской — проклятийник. Теория случайных проклятий... — он захрипел и вымученно улыбнулся. — Чтоб оно работало, как мои инновационные часы!

Он с трудом поднял руку — и швырнул сферу в самый центр круга, в музыкальную шкатулку.

Магия достигла своего пика — и сильнейший взрыв силы собрался внезапно в пределах одной маленькой, незаметной сферы. Энниз бросилась к часам, сжала их руками, и тьма "невесты", уже скопившаяся в ней, хлынула наружу. Пропали куда-то и хвосты, и гниlostные следы на руках, уже начавшие проявляться — и она упала без сознания.

Волшебство схлестнулось — и в тот же миг затихло, осыпавшись мелкими осколками им под ноги.

Музыкальная шкатулка выдала весёлую, светлую мелодию свободы. Инновационные часы ответили ей тихим скрипом возле недвижимой Энниз.

Ирвин первым разорвал прочный круг. Он выдернул руки из пальцев Хелены и Элеанор и, оттолкнув Сагрона в сторону, рухнул на колени рядом с Куоки.

— Ты не можешь, — прошипел он, выдёргивая кинжал из его груди. — Ты не можешь так просто умереть.

— Что он делает? — Котэсса рванулась вперёд. — Надо звать целителя!

Сагрон вовремя поймал её за локоть и рванул на себя, не позволяя сделать и шагу. Остальные стояли, словно так и надо было — и смотрели на Ирвина со смесью восторженности и ужаса.

— Он целитель, — прохрипел Сагрон. — Он по природе дара целитель. И если он ничего не сможет сделать, то уже никто не сможет.

— Он... — Котэсса застыла. — Он...

— Он — его сын, — кивнула Хелена, сделав шаг вперёд. — Старший.

Она не проронила больше ни слова, только с какой-то болью во взгляде смотрела, как Ирвин бормотал заклинание за заклинанием — и ничего не действовало.

Он в отчаянии прижал руки к ране и прошептал, зло, почти с ненавистью:

— Это ты виноват, папа. Это из-за тебя я — боевой маг и не могу тебя спасти.

Куоки с трудом открыл глаза и попытался прошептать что-то, но вышло только что-то на подобии хрипа. Ирвин склонил голову, вжимая руки в рану — и сдался, отпуская волшебство на свободу.

Магия полыхнула неожиданно. Яркое, внезапное сияние, сорвавшееся с его ладоней, пробило профессора Куоки насквозь, словно копьём, и вырвалось на свободу. Свечение распространялось по всему подвалу, и в ответ ему раздавалась игра маленькой музыкальной шкатулки.

Волшебство сдалось. Боевое заклинание щита, вложенное в руки целителя, растеклось по телу Толина, напитывая его жизненной силой. Он открыл глаза вновь — и, слабо улыбнувшись, протянул руку, чтобы потрепать Ирвина по голове.

— Сынок... — прошептал он. — Какой ты у меня взрослый стал, — и закрыл глаза.

Ирвин отшатнулся от него, с неверием посмотрел на свои руки — а потом перевёл взгляд на Сагрона, потерянный, опустошённый, уставший.

— Всё закончилось, — с трудом выдохнул он. — У нас получилось.

Сагрон оглянулся на Энниз.

— Что с ней? — спросил Дэрри, чувствуя, как дрожит и его голос. — Проклята?

Она разжала пальцы, и часовая сфера покатилась к Куоки и застыла прямо у его руки. Ирвин заставил себя подняться и, пошатываясь, подошёл к Энниз.

— Нет, — она распахнула глаза, всё ещё лёжа на земле. — Всё выгорело. Все выгорело... Я теперь свободна!

— Боюсь, — Ирвин оглянулся на Котэсса, — насчёт свободной придётся повременить. Котэсса, вы можете мне наложить на неё сеть?

Тэсса только слабо, едва заметно кивнула, но так и не выскользнула из объятий Сагрона, лишь плотнее прижалась к нему — и подумала, что, наверное, совершенно не хочет просить коменданта искать ей какую-нибудь комнату.

— Если ты будешь, — почти с угрозой промолвил Сагрон, — делать столь неоднозначные предложения моей невесте, я лично наложу на тебя проклятие в стиле невесты. И мне плевать, что это невозможно.

— Невесты?! — возмутилась Котэсса, но Дэрри проигнорировал её, только, кажется, ещё более собственнически прижал к себе.

Ирвин бросил взгляд на спящего — но живого, — отца и обессиленно вздохнул.

— Перемирие закончилось, — пожал плечами он. — Но, мне кажется, нам с тобой давно уже было пора примириться, — он устало протянул руку. — Мир?

Сагрон вздохнул, глядя на чужую, залитую кровью ладонь, и протянул:

— Извини, я её сейчас никуда не отпущу, мне нужны обе мои руки. Но мир.

Ирвин засмеялся. Он оглянулся на Ролана, бросившегося к Элеанор, на Хелену, с интересом поглядывающую на своих бывших студентов, и сел возле постамента с артефактом.

— Точно попрошу об отпуске, — вздохнул он. — Не то я сдурею с этой магией.

Воцарившуюся на короткие несколько секунд тишину прервало громкое, радостное восклицание.

— Ирвин, сыночек! Они заработали!

Профессор Куоки сидел на холодных камнях, гордо вскинув вверх сферу с инновационными часами.

С инновационными часами, показывающими правильное время.

Эпилог

Лето выдалось на диво жарким и солнечным. Многие зелья бакалавров с кафедры зельеварения скисали, какие-то проклятия боевиков отказывались срабатывать, силовые вспышки поджигали там, где следовало замораживать. Особенно активные мертвяки, разбуженные бандой нелегальных некромантов, воняли сильнее, чем следовало, и Ирвин чувствовал себя загнанной лошадей.

— Это не год, — вздохнул он, — а какое-то сумасшествие. Вот правда, как встретишь, так, мать его, и проведёшь!

— Ну, не знаю, — пожал плечами Сагрон. — Лично мне всё нравится. Мы Шанука выпустили наконец-то, будь он не ладен! И двоечников разгребли раньше, чем обычно. Ты не представляешь себе, какая это удача...

— Эти дурацкие некроманты — вот моя удача! — Ирвин взял стакан в руки, принялся к жидкости в нем и отложил в сторону. — Что за дрянь?

— Бакалаврская одного из моих, — ответил Сагрон. — Тэсси, ты не помнишь, чья именно?

— Не помню, — отозвалась Котэсса. — Не мешай.

— Ну вот, — Сагрон вздохнул. — Не мешай. Почему я каждый раз на работе слышу это "не мешай"?!

— Мне ещё на работу, — Тэсса склонилась над какими-то листами. — И мне надо исследовать улики. И я ж не ною, когда ты лезешь ко мне со своей докторской!

Ирвин закатил глаза. У него три года — *три!* — не было отпуска. И тут ещё эти двое. И отец с его новыми инновационными часами. А он уж надеялся, что эта тема закрыта, когда предыдущие начали корректно работать.

— Между прочим, я на твою кандидатскую тоже не жалуюсь, — огрызнулся Сагрон. — И на то, что эта аспирантура отбирает у тебя времени едва ли не больше, чем твоя работа. И это ты, — он оглянулся на Ирвина, — виноват в том, что она полезла в Следственное Бюро. Кто тебя просил предлагать ей заниматься расследованиями? Сидели бы смирно в науке...

— Она — отличный импровизатор, — вздохнул Ирвин. — Но я, так уж и быть, принёс ей лист с отпуском. И сам схожу. Давно уже пора. Между прочим, это мой подарок вам на свадьбу.

Котэсса и Сагрон хмыкнули в один голос.

— Мы поженились три года назад, — напомнил ядовито Дэрри. — Ещё до её магистратуры. Тебя не смущает, что подарок немного запоздал?

Ирвин только пожал плечами, явно не страдая угрызениями совести. Он вообще ими довольно редко страдал, когда речь шла о работе.

Он устроился поудобнее на свободном стуле, не уточнив, не был ли тот каким-то заколдованным, и протянул:

— Ну, разве работа — это не интересно?

Котэсса и Сагрон встали уже рядом друг с другом, и Ирвин заметил, что взгляд у них обоих был одинаковый — учёно-маниакальный. Хелена, что ли, их покусала? Вон, даже Элеанор после свадьбы, казалось, потеряла интерес к науке, но обрела его к детям, а вот Тэсса умудрялась отрабатывать ставку и в Следственном Бюро, и тут, в университете — сначала в магистратуре, а потом и в аспирантуре.

— Нет, — уверенно ответил Дэрри. — Работа — это не интересно. Ты уже достал всех своей работой, Куоки...

— Не называй меня так!

— Хорошо, — он скривился. — *Сияющий*, ты уже достал всех со своей работой. Потому моя жена действительно уедет со мною в отпуск. И, — он скосил взгляд на Котэссу, — я даже не возьму с собой докторскую.

Котэсса радостно улыбнулась.

— Посмотрим, — хмыкнула она, — как ты её с собой не возьмёшь. Посмотрим-посмотрим...

Сагрон только пожал плечами. Чтоб он — и не взял докторскую? Как же, как же! Когда б то такое в

последний раз было.

— Но это только на недельку, — предупредил Ирвин. — Я, как глава Отдела по Борьбе...

— Слушай, глава, — Сагрон скрестил руки на груди, — а ты жениться не хочешь? Может быть, отстанешь от нас. А то твоя работа уже как навязчивая идея.

— Мне некромантов поймать надо.

— Потомймаешь, — отмахнулся Дэрри и притянул к себе жену. — Когда-нибудь через пару месяцев. Ну, не повезло тебе с Энниз, так она давно уже на магических пожизненных исправительных работах, вместе с Жодором, забыть её давно пора. Найди себе кого-нибудь другого.

— Кого?!

— Какую-нибудь хорошенькую некромантку. Вон, раз уж они такие неконтролируемые. С самыми неуправляемыми подчинёнными бороться стоит иначе, — Сагрон улыбнулся. — Ну-ка, поклянись, что с сегодняшнего дня идёшь в отпуск?

Котэсса недоверчиво хмыкнула и на всякий случай отобрала собственный отпускной лист.

— Хорошо, — склонил голову Ирвин. — Как только решу дело...

— Сейчас же!

— Ладно, — сдался он. — Сейчас же. А когда я наконец-то увижу ваших детей?

Сагрон скривился. Он терпеть не мог, когда их спрашивали о детях.

Котэсса только улыбнулась.

— Скоро, Сияющий, скоро. Но только если ты пойдёшь в отпуск и оставишь нас в покое хотя бы на месяц!

БОНУС

— И это они будут здесь жить? — в вопросе отчётливо звенело что-то очень ядовитое. — Уж я-то думала, что столичные жители предпочитают условия получше. Ни природы, ни минимального комфорта...

— Какой кошмар! — возмутился второй голос, уже мужской. — Сколько ты предлагала хороших, обеспеченных барышень! Но ты же знаешь, Мими, что это совершенно бесполезно! Он изволил выбрать себе необразованную *деревенщину*, у которой за душой ни гроша...

— Молчали бы, богачи! — чуть визгливо возразила другая женщина. — Посмотрели бы, кого подсовываете! Больной, скрюченный, а дети наверняка получатся невесть какие. Если вообще получатся!

— И это мне рассказывает женщина, которая последнее десятилетие вместо воды принимает исключительно алкоголь? Это я должна переживать, какая у детей будет наследственность!

— Дамы, прошу вас, не ссорьтесь... Возможно, мы сможем что-нибудь придумать...

Ирвин щёлкнул пальцами, и подслушивающее устройство моментально замолчало.

— Ну что, — хитро протянул он, — скрюченный и больной и необразованная деревенщина, хорошей идеей было позволять Литории вмешиваться в устройство вашей свадьбы? А я говорил, что она *обязательно* пригласит ваших родственников. И, Сагрон, видят небеса, ты прекрасно знал, чем всё это закончится.

Доцент Дэрри лениво прищурился, потянулся, закинул ноги на свободный табурет и с интересом посмотрел на Котэссу.

— Ты под впечатлением, дорогая? — ядовито поинтересовался он. — Или ждала, что такое отвратительное существо, как я, могло родиться от белой и пушистой женщины?

— Это наверняка по залёту! — донёсся возмущённый голос госпожи Дэрри сквозь поставленную в режим сна прослушку. — Не мог мой дорогой мальчик выбрать *такое* себе в жёны!

Тэсса уверенным движением отключила прибор окончательно и, чтобы не было соблазна потянуться к нему вновь, набросила сверху полотенце, не преминув скривиться. Полотенце было не особенно чистое, и Котэсса подозревала, что Ирвин вытирал им тарелки, при этом их ещё и пачкая, уже как минимум месяц. Хоть бы заклинание какое-то очищающее применил, что ли...

— Зато как я, такая белая и пушистая, могла родиться у двух алкоголиков, ума не приложу, — фыркнула Котэсса. — И перестань пачкать чужие табуреты, Сагрон. Ирвин, ты пробовал изредка мыть тарелки?

— Я делаю это раз в неделю, — совершенно спокойно ответил Сияющий. — И вообще, не надо их мыть.

— Ну, как же. На что ещё способна необразованная деревенщина? — усмехнулась Котэсса, откручивая вентиль крана. — Только мыть посуду и убираться за почтенным супругом. Несомненно, ни на что, кроме удовлетворения самых примитивных потребностей, я не гожусь. И, нет, Сагрон, я совсем не обиделась на твою маму. Не следовало ожидать ничего другого.

Дэрри бы не поверил, но Тэсса говорила правду. Об этом свидетельствовало то, насколько вальяжно она принялась перемывать тарелки. Высыхали те уже на лету, самостоятельно, и выстраивались ровными рядами на полках.

Вообще, у Ирвина Тэсса была впервые. Они в основном встречались на нейтральной территории, Сияющий по понятным причинам не слишком-то радостно звал к себе гостей. Но когда пришлось срочно бежать из преподавательской части общежития, где последние несколько месяцев жила Тэсса и все года своей карьеры — Сагрон, другого убежища не оказалось.

С родителями Котэссы Сагрон был знаком весьма отдалённо. Видел их год назад, когда считал себя проклятым, а Тэсса пригрозила родителям, что каждая капля алкоголя может стать для них последним, а для вида ещё и прокляла несуществующим проклятием. Несомненно, маме это помогло. Отцу, видимо, не очень, раз уж он не приехал.

Семейству Дэрри Тэсси была представлена двадцатку назад. Надо сказать, пока Сагрон рассказывал о том, что его будущая супруга — лучшая на своём потоке, собирается работать в Следственном Бюро, отлично сдала выпускные экзамены и планирует строить научную карьеру, всё было не так уж и плохо. По крайней мере, Котэсса не вызвала серьёзных претензий.

Но когда матушка Сагрона совершенно случайно узнала о происхождении Котэссы — ну, как случайно, сделала запрос в университет и получила выписку из её личного дела, — всё тепло из голоса будущей свекрови мигом куда-то пропало. С той поры она уверилась в том, что Тэсса — брачная аферистка, забеременевшая где-то на стороне и собиравшаяся свалить все свои проблемы её Сагрончику на голову. А он, наивный дурак, глупец и вообще последний олух, собирается такую отвратительную девицу терпеть, жениться на них, ввести в их славный род!

Доводы Сагрона о том, что Тэсса не могла ждать ребёнка от кого-то другого — потому что он, в конце концов, был *единственным* её мужчиной, не помогали.

Доводы Тэссы о том, что она, собственно говоря, не беременна, впечатлили и успокоили исключительно Сагрона, не желавшего, чтобы на него повесили ярлык коварного соблазнителя.

Ах да, ещё эти доводы порадовали Ирвина, случайного свидетеля сцены — но не потому, что он имел какие-то планы на Котэссу или собирался помешать её с Сагроном семейному счастью. Просто, как ребёнок, мать которого вышла замуж, будучи уже глубоко беременной, он не хотел, чтобы кто-нибудь ещё повторил его не слишком приятную судьбу. Даже если Тэсса и Сагрон были уже достаточно давно помолвлены и ждали выпуска, чтобы пожениться без обвинений в коррупции. Впрочем, впереди ждала ещё магистратура, и Котэсса осторожно предлагала жениху, что, может, после неё...

Эти требования Сагрон уже пресёк — подозревал, что за магистратурой последует аспирантура, потом возникнет докторантура, а там уже и до пенсии недалеко.

Так или иначе, о свадьбе прознала Ойтко и взяла это под свой контроль. И Сагрон и Котэсса, намеревавшиеся сегодня просто прийти в регистрационный пункт, поставить подписи в пухлой книжице, надеть друг на друга на запястья венчальные браслеты и счастливо вернуться домой, чтобы романтично, при свечах, сварить какое-то зелье и обсудить новоизобретённое на кафедре проклятие, за день до свадьбы узрели на своём пороге двух матушек и одного отца.

Что ж, Тэссу радовало уже то, что её собственный дорогой родитель решил не расставаться с родным домом. Кажется, срок исправительного проклятья истёк, и он опять взялся за старое, очень активно уменьшая запасы алкоголя, хранившегося в деревне.

— Это отвратительно, — поделилась Котэсса, подталкивая последнюю свежевывмытую тарелку ближе к положенному ей месту. — Наши родители — настоящие звери, и связываться с ними себе дороже. Они весь вчерашний день морочили нам голову! Понятия не имею, что делать с сегодняшней свадьбой. Они же просто не дадут ей состояться! Может, отложим? — покосилась она на Сагрона.

— Не боишься, что сбегу? — поинтересовался Дэрри, в этот момент как раз терзавший ножом найденный на столе у Ирвина фрукт. Судя по всему, представлял, что перерезает любимой будущей теще горло. — Мало ли, невест-то в столице полно, и не у всех у них такая приду... Странная мама.

Тэсса вздохнула. Вот согласился бы Сагрон наложить на волосы иллюзию, чтобы те не были такими белыми, и не было бы никаких проблем, её мама даже ничего бы не заметила!

— Может быть, — протянула она, — ты хочешь к Энниз? Так я могу устроить?

— Ирвин, а где Энниз отбывает свой срок?

Ирвин, в этот момент перенастраивающий прослушку, бросил на Сагрона предупредительный взгляд. Тема Энниз до сих пор оставалась для него очень болезненной, даже когда упоминали о ней исключительно с усмешкой.

— На севере, — коротко ответил он. — Не советую, там условия не очень. Но, если ты так хочешь, могу отправить туда кого-то из ваших родственников.

— Его мать, — тут же высказала пожелание Котэсса. — Она назвала меня *необразованной!* Необразованной, ты можешь себе такое представить?

Ирвин только развёл руками. Котэсса, всегда фанатично относившаяся к учёбе, действительно имела на что обижаться, но он понимал, что материнское сердце, столь чутко реагировавшее на всё, что происходило с дражайшими детьми, отказывалось внимать доводам рассудка. Вероятно, мать Сагрона в этот момент чувствовала себя какой-нибудь спасительницей.

И мама Тэссы — тоже.

— В общем, если Ойтко сообщила им время свадьбы, то нам конец, — сообщил Сагрон. — Потому

что мои родители даже не знают, кого хотят больше убить, Тэсси или меня самого. И мы понятия не имеем, что с этим счастьем делать. Вот, делись идеями, если они есть.

Ирвин вздохнул.

— Ну... Если очень постараться, можно договориться о смене регистрационного пункта. Но тогда это будет совсем не торжественно, пришли, расписались, и ушли... И это будет несколько нелегально...

— Давай! — в один голос воскликнули жених и невеста. — Идеально!

Регистратор оказался молодым мужчиной, не старше тридцати лет, с вороватым взглядом и с трудом подавляемым желанием втянуть голову в плечи при виде боевого мага. Продемонстрированное же Ирвином удостоверение окончательно отбило у него всякое желание сопротивляться, выражать сомнения или отказывать в предоставлении услуги.

— Как вы узнали о нашем местонахождении? — печально поинтересовался он. — Обычно, чтобы попасть сюда и сделать всё *по-тихому*, пары вынуждены сделать серьёзный взнос...

— Коррупционные действия, — отметил Ирвин.

— Встать в очередь...

— Отказ в законных правах.

— И обосновать, разумеется, почему выбрали именно наш регистрационный пункт. Ваши проблемы должны быть соответствующего уровня, — припечатал регистратор. — Без этого никак. Даже представитель власти, — кивнул он на Ирвина, — не в силах заставить меня нарушить закон. Или вы, — мужчина засмутился, — собираетесь жениться втроём?

Котэсса, до этого стоявшая несколько отстранённо, на всякий случай придвинулась чуть ближе к Сагрону. Тот же властным движением привлёк её к себе и так крепко обнял за талию, словно в порыве ревности собирался не просто защитить от каждого постороннего взгляда, а заодно и немножечко придушить. Не то чтобы Тэсси после такого заявления не понимала благородный порыв супруга, но всё равно — не оценила.

— Я — свидетель. И друг семьи, — сухо промолвил Ирвин. — И не заставляйте меня вызывать подмогу.

— Это будет так страшно? — уточнил на всякий случай регистратор.

— *Очень*, — таинственно пообещал Ирвин, не уточняя, что подмога в первую очередь пожелает убить начальство. Сегодня он взял первый отгул в своей жизни, и если в этот святой день явится на работу, надумавшие было расслабиться подопечные точно не простят...

Но Сияющий подозревал, что даже гнев его дражайших подчинённых не сравнится с воплями матери Котэссы и родителей Сагрона. Он с подозрением покосился на друга, словно задавая ему вопрос, не пройдёт ли его матушка по следам сыновьего дара в регистрационный пункт, будто бы понял что-то и коротко, серьёзно произнёс, обращаясь к регистратору:

— Если вы хотите, чтобы дело разрешилось мирно, соглашайтесь сейчас же.

Венчальный браслет обжигал запястье. На самом деле это было не так приятно, как расписывали попискивающие от счастья невесты в регистрационных пунктах. Браслет был не казнённый, а притащенный откуда-то Сагроном, и на нём то и дело вспыхивали магические защитные руны.

— Родовой? — позволяя мужу взять себя за руку, спросила Котэсса. — А почему тогда твои родители его не носят? Ведь должны же вроде.

— Должны, — подтвердил Сагрон. — Но мама предпочитает не носить вообще ничего. А это от прадеда досталось, он был последним магом в нашем роду. До меня, разумеется.

— Славный род Дэрри потерял магическую жилку?

— А то как же. Как только славный род Дэрри выбрался из свинарника, в котором трудился долгие годы, и проложил себе путь если не в столицу, то в большой город, они тут же взялись за торговлю, а это, как известно, нисколько не способствует развитию магического дара. Дед, конечно, пытался протолкнуть мысль, что он — свободный романтик, на всё способный, как всем нам известный советник... Но внук у него — не основатель королевской династии, а обыкновенный университетский преподаватель.

Сагрон мечтательно улыбнулся. Было видно, что основателем королевской династии он становится

и не собирався, а своей профессией искренне наслаждался. Всё-таки, в обучении студентов было что-то эдакое... Прекрасное, интересное и завлекающее. Хотя ни семья, ни знакомые из родного города не поняли и не приняли выбор Дэрри, но он не видел в себе никакого потенциала в контексте торговли и приумножать капиталы семейства не планировал.

— Оборвалась династия, — протянул он. — Надеюсь, наши дети не решат примкнуть к своим дедушке и к бабушке.

— Ни с чьей стороны, — дополнила это предположение Котэсса. — Потому что мои ещё хуже, чем твои.

Сагрон не стал спорить. Во-первых, возражать в такой солнечный летний день, ссориться с женой в день их свадьбы — это всё не прибавляет охоты к спорам. А во-вторых, семейство Дэрри, при всех его недостатках, было образованным, обеспеченным и, что самое главное, не страдало повышенным интересом к алкоголю. Тэсса же смеялась, что пока её родители выпивали, они хотя бы не особенно лезли в её жизнь.

Впрочем, деньги просили что тогда, что сейчас.

Пальцы Сагрона будто случайно скользнули по тонкой вязи рун браслета Котэссы, и жена недовольно, как та кошка, зашипела.

— Обжигает, — проворчала она.

— Значит, чувства сильные, — усмехнулся Сагрон. — Мне говорили, именно так и работает.

Его собственный браслет тоже грел руку приятным теплом, а когда Тэсса оказывалась непозволительно близко — как для улицы непозволительно, — опалил, присоединяясь к вспышке эмоций и убыстряющемуся сердцу. Котэсса же, хоть и ворчала, что ей всё это не нравится, браслет не снимала. Семейная реликвия не обладала никакой особенной магией, не застывала на запястье, как влитая — это ж не королевские украшения, в конце концов, а обыкновенные, даже если и обогащённые магией веков, — но защищала и дарила какое-то особенное ощущение связи.

— Скажи-ка, — вдруг своим особенным, свойственным только не самым приятным жизненным ситуациям голосом протянула Тэсса, — а ведь если мы разведёмся, от этих браслетов удастся избавиться?

— А мы собираемся разводиться? — поразился Сагрон, не знавший ответ на вопрос о браслетах. В теории, конечно, должно удалиться, но те в его семействе, кто этой магической штучкой владел, как-то не испытывал судьбой, а неударенные к ней и не прикасались. — Уже? Я был уверен, ты потерпишь меня ещё хотя бы несколько лет. Вот поступишь в аспирантуру...

— Болтун, — проворчала Котэсса, для верности ещё и раздражённо толкнув Сагрона локтем под рёбра, и раздражённым жестом указала на три фигуры, застывшие у входа в общежитие. — Ты что, серьёзно думаешь, что я хочу разводиться из-за тебя? Меня куда больше раздражает твоя мамочка!

— Это взаимно, — отметил Сагрон. — Может быть, не пойдём туда? Сейчас ругаться начнут. Твоя опять будет обзывать и называть меня больным...

— А твоя скажет, что я — неотёсанная деревенщина, и имя у меня, между прочим, дурацкое, — подтвердила Котэсса коротким, раздражённым кивком. — Наверное, ты прав. Пойдём-ка отсюда. Погуляем...

Сагрон порывался спросить, как же первая брачная ночь, но не стал. С боевым магом не слишком-то с руки общаться на такие опасные темы, это как минимум... а Котэсса вообще была тяжёлой на руку и острой на язык. От этого она не становилась менее любимой, и Сагрон с удовольствием провёл бы рядом со своей супругой всю оставшуюся жизнь, только вот предпочитал, чтоб в этой жизни не так активно участвовали родители. Причём с двух сторон.

Мама Сагрона было обернулась и — насколько можно было рассмотреть с такого расстояния, — кажется, что-то заподозрила. Дэрри медленно попятился назад, притягивая Котэссу к себе, и, кажется, порывался броситься бежать. Тэсса и сама явно не намеревалась отказываться от столь приятного занятия — побег в данном случае можно было считать чем-то святым и очень-очень полезным для развития семейных отношений.

— Когда у нас появятся дети, — прошептала она, невольно зажигая на пальцах пульсар, — ни одна бабушка и ни один дедушка не будет принимать участие в их воспитании. Ты меня понял?

— Не вижу повода спорить, — согласился Сагрон. — Но это лучше б погасить...

Он потянулся к правой руке Котэссы, и браслеты против их воли соприкоснулись. Что-то вспыхнуло,

перед глазами запрыгали яркие пятна, свойственные только определённом роду колдовства, и мир вокруг превратился в смазанные пятна. Сагрон только и успел, что рывком притянуть к себе Тэсси, намереваясь защищать её от любой напасти, и воронка закружила их обоих, заключая в плен искристой россыпи.

Когда Тэсса открыла глаза, она увидела синее-синее летнее небо. Пахло скошенной травой, но не слишком сильно, словно она уже успела привянуть на солнце, оставив по себе только воспоминания в виде тонкого, нежного аромата. В спину что-то кололо, не сильно, но ощутимо.

— И где мы? — не особенно скрывая раздражение, так и звеневшее в голосе, спросила девушка. — Сагрон?

Дэрри привстал на локтях, осмотрелся и с усмешкой протянул:

— На сенокосе.

— Где?! — резко села Тэсса.

— На сенокосе, — послушно повторил он. — Кажется, это наши родовые поля... Но это не точно, — последнее прозвучало с насмешкой, и Котэсса расстроено оглянулась. — Но что сенокос — точно.

— Точно? — Тэсса оглянулась. — Мне всегда казалось, что ты — городской.

— Ты знаешь, многие люди просто очень хорошо шифруются, — протянул Сагрон. — И если ты забыла, я уже который год не просто так живу в общегитии.

— В стране существует не только столица, — проворчала Котэсса, ложась обратно на сено, в стогу которого и оказалась. — Ты можешь быть из какого-то другого города. И вообще, мы с тобой поженились, а я до сих пор столько всего о тебе не знаю!

— Что поделать, если у меня такая невнимательная жена? — рассмеялся Сагрон. — Не желает слушать, как живётся её дражайшему мужу. Не хочет вникать в его проблемы. А у него их — ого сколько! Вагон и маленькая тележка. Жалеет своего коллегу, говорит, что у него было тяжёлое детство, а мужниное детство её совершенно не волнует?

— У тебя не было тяжёлого детства, — раздражённо отметила Тэсса. — А у Ирвина оно было. У него отвратительные родители.

— У меня не намного лучше. Тебе, по крайней мере, не понравились, — отметил Сагрон, придвигаясь поближе к жене.

— Отец Ирвина — профессор Куоки! Ты можешь себе представить, как жить под одной крышей с сумасшедшим?! — искренне возмутилась Котэсса, а потом вдруг не менее искренне рассмеялась. — Пресветлые боги, о чём мы вообще разговариваем? Делим тут с тобой, у кого родители хуже...

— Начинаем жизнь во браке с чистого листа, — хмыкнул Сагрон. — А что такого? Мне кажется, весело живём...

— Грязных листов и появиться-то не должно за один день. Как мы здесь оказались?

— Возможно, родовые артефакты не настолько бесполезны, — Сагрон потрянул браслетом. — Смотри, твои родители — не одарённые. Мои родители — не одарённые. А это значит что?

— Что они нас не отследят? — с надеждой поинтересовалась Котэсса.

Мужчина кивнул. Светлые волосы упали ему на лоб, и Тэсса протянула руку, чтобы убрать их, но Сагрон перехватил ладонь жены и прикоснулся губами к кончикам пальцев.

— Именно, — прошептал он. — Это значит, что сегодня мы здесь совершенно одни. Они пойдут искать кого-то, у кого есть магия...

— Например, Литорию, — отметила Котэсса. — Но Литория, кажется, уехала куда-то в командировку. И вообще, это она всё виновата! В следующий раз пусть сама с родственниками разбирается, а не вешает их на голову целевой аудитории... — девушка вздрогнула. — Нет, они найдут Ирвина. Бедняжка!

— Я ревную, — хмыкнул Сагрон. — Мало того, что Ирвин пожирает мою супругу глазами...

— Он — мой друг!

— Мало того, что у него есть повод для мести мне...

— И твой друг тоже!

— Так он ещё и в первую брачную ночь смеет занимать мысли моей прекрасной супруги?

На сей раз Тэсса отреагировала куда более серьёзно, чем полагалось. Вместо того, чтобы просто по-девичьи рассмеяться, она с опаской посмотрела сначала на Сагрона, потом на прекрасное летнее небо, и осторожно уточнила:

— А тебя не смущает, что ночь ещё не началась?

— Не-а, — отозвался Сагрон, медленно расстёгивая пуговицы её блузы. — Совершенно не смущает. Но если для тебя это так важно, обещаю, что закончим мы ночью. Где-то после полуночи.

Тэсса потянулась, чтобы дать Сагрону затрещину, но как-то в процессе передумала и, вместо того, чтобы драться со всё-таки любимым мужем, ответила на его поцелуй. Да, излишне пылкий, да, на сенокосе, куда могли в любое мгновение зайти другие люди, но...

Проклятийники они, в конце концов, или нет, чтобы каких-то посторонних бояться?

— Никогда, — проворчала Тэсса, — никогда больше я не соглашусь на твою авантюру.

Она сидела на всё том же стогу сена, одетая в одну Сагронову рубашку — собственная блуза пала жертвой излишней пылкости супруга, — и, благо, в собственное нижнее бельё, и, соломинка за соломинкой, вытягивала застрявшее в кудрявых волосах сено. Особого удовольствия этот процесс Котэссе не доставлял, и она ворчала, то и дело поглядывая на супруга.

Сагрон казался довольным. Возможно, насчёт до ночи он всё-таки преувеличил — для этого надо было начинать не в обед, — но желанное определённо получил, а сейчас растянулся на отвратительном колючем сене, в одних брюках, потому что рубашку отобрала жена, и любовался на закатное небо. Последние лучи солнца скользили по сенокосу, на мгновение задерживались на Сагрене, словно пытались украсить его мало-мальски достойным загаром, и перебегали к Котэссе, путались в её тёмных волосах, придавая им красноватый оттенок.

— Не сгоришь? — почти с беспокойством поинтересовалась Котэсса. — Хоть бы защитное заклинание использовал, что ли, а то потом опять Ирвину лечить.

— Он не такой-то хороший лекарь, и если залечивает твои раны — не значит, что справится с моими, — лениво усмехнулся Сагрон. — Ничего мне не будет. Я не такая неженка, как тебе кажется.

Тэсса и не считала Сагрона неженкой, но на солнце в последний раз он бывал... а, собственно говоря, когда? Тело у её супруга, конечно, было подтянутое, но ни одна барышня-дворянка не могла бы продемонстрировать такую явную аристократическую бледность, как Сагрон, причём повсеместную. Котэсса, попавшая на работу в Следственное Бюро и частенько гонявшаяся за преступниками, пока что мелкими, в силу того, что ещё не заработала достойный опыт и не была допущена Ирвином к более серьёзным и, следовательно, опасным заданиям, немного загорела, а вот её супруг уж слишком увлёкся преподавательской деятельностью и месяцами не вылезал из НУМа, сражаясь со студентами за правильное поведение, двойки и поданные в нужное место документы на магистратуру.

— Меня в коррупции обвинили, — отметил вдруг Сагрон.

— Это за вступительные в магистратуру? — тут же с опаской поинтересовалась Тэсса.

— Вступительные? Причём тут... ах да, я ж в комиссии, — вспомнил наконец-то Сагрон. — Нет, ты тут ни при чём. Не за магистратуру. Сказали, что я свою должность занимаю только потому, что друг Ирвина, а Ирвин, соответственно, сын заведующего кафедрой, и потому такое nepotismo, как я, заняло место доцента. А ещё — представь себе, какой ужас! — я до сих пор здороваюсь с Роланом, который муж Элеанор, которая, разумеется, дочь проректора по науке. В общем, куда не плюнь, круговая порука...

— Окор?

— Окор, — подтвердил Сагрон. — Кому ещё такая безмерно тупая идея может стукнуть в голову? Он почему-то посчитал, что эти обвинения не просто вгонят меня в ступор, а ещё и заставят поставить ему желанные пятёрки. Этот придурок у меня в магистратуре десять раз боёвку сдавать будет!

Котэсса даже не сомневалась, что у Сагрона к Окору особенное отношение, как, впрочем, и к некоторым другим особенно одарённым студентам. Об этом, правда, было очень странно говорить именно сейчас, в первый брачный вечер, плавно перетекающий в ночь, но Тэсси не удивляло, что НУМ и Следственное Бюро каким-то образом интегрировались в их привычную жизнь,

переплетались с нею и никак не желали освобождать место для какого-нибудь отдыха.

Она тяжело вздохнула, словно представляя себе, каким ужасным будет будущее с такой повальной занятостью, и легла рядом с Сагроном — чтобы через секунду возмущённо вскрикнул.

— Ты подстелил себе покрывало!

— Разумеется. Колется ж, — хмыкнул Сагрон, ловя жену за руку и укладывая её рядом с собой. — С какой это радости я б валялся на обыкновенном сене?

Котэсса закатила глаза. Ей хотелось — между прочим, совершенно искренне, — послать Сагрона куда подальше, к далёким богам на небо, отобрать у него покрывало и почувствовать себя отмщённой. Но девушка не стала этого делать, только недовольно хмыкнула, мысленно комментируя поведение мужа как исключительно непорядочное, и всё-таки придвинулась к нему ещё ближе.

Покрывало оказалось очень узким и, разумеется, замаскированным под сено, так что приходилось прижиматься друг к другу, чтобы не скатиться на острую, будто те иглы, высохшую траву. Впрочем, Тэссе нравилось, что они лежали так близко друг к другу, что Сагрон нежно обнимал её за талию и периодически, будто вспоминая об этом неотложном деле, прикасался губами то к виску, то к волосам. Его прикосновения казались невесомыми, но Котэсса наслаждалась ими, как особенным проявлением супружеской любви, той самой, которую вряд ли способны понять другие люди, никогда не испытывающие таких сильных чувств. В такие мгновения Тэсса ловила себя на мысли, что ей действительно повезло, но не потому, что Сагрон такой хороший — у него был паскудный собственнический характер, — такой богатый — у преподавателей весьма посредственная зарплата, и Ирвин пророчил, что если Дэрри не переберётся со своего доцента куда-нибудь повыше, лет через пять Тэсса будет зарабатывать больше него, — или такой красивый — обыкновенный, как ворчала в Котэссе она сама годовалой давности. На самом деле, в нём вроде ничего особенного и не было, человек как человек, но главное счастье заключалось в том, что они любили друг друга. Искренне, от всего сердца, не обращая внимание на происхождение, профессию и всё прочее.

И при этом, при всех отличиях, которые у них были, Котэсса чувствовала себя одним целым с супругом и знала, что так на самом деле и есть. Они дышали одним воздухом, мечтали об одном и том же и уж точно не собирались расходиться на почве того, что не сошлись характером. Тэсси даже не заметила, как так быстро пролетел этот год, как они умудрились так сблизиться и столько всего узнать друг о друге, она только иногда всматривалась в тёмные глаза мужа и чувствовала себя всё такой же влюблённой дурочкой, как и на праздниках в честь начала года, как после того, как артефакт-музыкальную шкатулку увезли прочь из НУМа, и они смогли отхватить несколько дней наедине друг с другом, прежде, чем их вновь затянуло в круговорот занятий...

— Я люблю тебя, — будто бы читая мысли жены, прошептал Сагрон. — Надеюсь, ты не обидишься, если я скажу, что буду писать докторскую?

— Очень уместно совмещать признание и такие неоднозначные предложения, — отметила Котэсса. — Но хорошо. Пиши. Это ты из-за Окора или из-за Ирвина?

Сагрон не ответил. Тэсси подозревала, что всё-таки из-за второго — доцент Дэрри не желал всю жизнь оставаться доцентом, а друг, то и дело напоминавший о соотношении преподавательской и следовательской зарплаты, был иногда излишне настойчив, — но злиться не стала. Ей нравилось, что Сагрон собирался достигать чего-то нового, мечтал о пока ещё не покорённых вершинах, что в его глазах светилось желание познавать что-нибудь другое...

— А возьмёшь меня к себе в аспирантуру? — шепотом поинтересовалась Котэсса, наверное, так тихо оттого, что боялась спугнуть счастье.

— Возьму, — прошептал в ответ Сагрон. — Если ты захочешь, разумеется.

— Захочу, — протянула Котэсса. — Только для этого надо будет поступить в магистратуру.

— Бакалавр Арко, — расхохотался Сагрон, — вы зря, что ли, спите с ведущим доцентом кафедры? Или я просто так сижу во вступительной комиссии?!

Раньше Котэсса сильно обиделась бы на эти его слова, но сегодня отреагировала звонким, весёлым смехом — и поцеловала мужчину в губы, наверное, только для того, чтобы поймать последний скользнувший по его лицу лучик заходящего солнца...

Не оборачиваясь, Котэсса щёлкнула пальцами. Бумажка, пытавшаяся приклеиться к её спине, превратилась в пепел, а она, всё так же равнодушно, протянула:

— Оскорбление сотрудника Следственного Бюро грозит административной ответственностью, Рейна. Оскорбление сокурсника и старосты — выговором от Литории и исправительными работами. Какой вариант ты предпочтёшь? Если не можешь выбрать, мы совместим.

Бывшая соседка зашипела, словно Тэсса её попыталась поджечь, а не лист бумаги с написанными на нём оскорблениями.

— Стервоза! — искренне произнесла она. — Чтоб тебе пусто было! Отобрала у меня моего Сагрончика...

Котэсса предполагала, что Сагрончик — уже несколько двадцаток как её, между прочим, законный супруг, — даже не подозревал о существовании какой-то там влюблённой в него студентки, всё никак не способной понять, почему её прекрасная личность игнорируется, а не осыпается цветами в безгранично дорогих букетах, а перед нею не расстилается красная дорожка. Но рассказывать кому-либо о том, что он неправильно живёт, сейчас было не в правилах Котэссы. Она каким-то странным образом привыкла пропускать мимо ушей всё, что говорят другие люди, свыклась с тем, что надо жить, как живётся, и...

Нет, всё-таки Сагроново равнодушие к чужим сплетням было заразным. В Котэссе уже давно не тыкали пальцем, видя её в преподавательском крыле — где ещё молодой жене жить, как не с мужем? К ней привыкли и на кафедре, причём ещё намного раньше. А в Следственном Бюро и вовсе любили, а Ребекка, рассчитывающая на внимание Ирвина, была готова на руках носить: нравившаяся чисто по-человечески Сияющему Котэсса была женой его лучшего друга, а значит, занять особенное место в сердце мужчины не могла никак.

Котэссе порой хотелось разочаровать заносчивую Ребекку, рассказать ей о том, что далеко не всегда то, что женщина занята, останавливает влюблённого в неё мужчину — а последние зачастую ведут себя, как мальчишки, хорохорятся и отказываются внимать здравым аргументам и разумным отказам, — но она так этого ни разу и не сделала. Наверное, сознавала, что во лжи нет ничего хорошего.

Летом жилось легко. Она была только женой Сагрона, а не его студенткой, и ещё немножечко следователем, которому уже начали поручать серьёзные дела. Боевой маг, ещё и часть боевой пары — серьёзное преимущество перед другими, и Котэсса чувствовала в себе ужасное желание трудиться, не покладая рук. Но стоило прийти осени, как Тэсса вновь стала ещё и студенткой — правда, уже магистранткой, — лицом к лицу столкнулась со своими старыми врагами, несерьёзными, разумеется, вроде бывших соседок по комнате, но такими противными...

— Попрошу тише! — раздражённо застучал мелом по доске профессор Куоки. — Разве вам не интересно слушать историю развития часовых механизмов?

— Не особо, — буркнула себе под нос Котэсса, но комментировать громче не стала. Она, конечно, могла, но только не в тот день, когда на учёном совете утверждали тему диссертации Сагрона — очень важное мероприятие, на котором ни Тэсси, ни сам Сагрон находиться не могли, вытрепало им уже немало нервов.

Рейна, кажется, попыталась испепелить Котэссу взглядом и как минимум одним проклятием из тех, которые были рассказаны приглашённым преподавателем-теоретиком на прошлом уроке. Если учитывать, что он допустил как минимум три ошибки в трактовке текста и процедуры, а студентка умудрилась перекрутить даже то, что услышала правильно, а вот ошибки повторила с завидным упрямством, сработать заклинание не могло, но Котэсса всё равно поймала почти невидимую искру в раскрытую ладонь и быстро стряхнула её с руки на часы, возвышавшиеся на преподавательском столе.

— Скажи, — придвинулся ближе Окор, сидевший на другом конце длинной лавки — в этом учебном зале предполагалось сидеть едва ли не шестером, но студентов на лекцию к Куоки пришло ожидаемо мало, — а он хоть от старости в постели не рассыпается? Как-никак, тридцатник уже стукнул. Может, уже и дисфункция...

— Выучил новое слово? — не удержалась от язвительного комментария Котэсса.

— Дисфункция? — тут же оживился профессор Куоки. — Окор, мой дорогой, вы, несомненно, правы, у часов была именно дисфункция! Дорогие студенты, поприветствуйте моего бакалавра! К сожалению, его защита не увенчалась особенным успехом... — и никто, кроме Толина, этому не удивился, разве что ещё сам Окор. — Но он готов дерзать и дальше... Окор, дорогой, не хочешь рассказать о своей бакалаврской?

Шанук поднялся, правда, очень медленно и явно крайне неохотно, а Котэсса расслабленно откинулась на спинку лавки и прикрыла глаза. Лекция грозила затянуться, Рейна придумывала следующее проклятие, рассчитывая на то, что оно обязательно подействует, а ей было очень скучно. Всё-таки, правы были старшекурсники, когда говорили, что после приобретения первой

работы ценность университета в глазах студента несколько падает. И чем лучше работа, тем меньше хочется возвращаться в храм науки, по крайней мере, если платят хорошо, а студент не намеревается похоронить свою личную жизнь во имя учёбы.

Котэсса, прежде чем задремать, успела подумать, что личную-то жизнь она уже устроила — только надо сказать Ирвину, что она не сможет побывать на следующей ночной смене, у Сагрона там какой-то праздник намечался, он просил остаться дома...

— Рейна, — уже почти сквозь сон раздражённо пробормотала Котэсса, — если ты ещё раз произнесёшь что-нибудь в этом духе, я представлю тебя своей свекрови как Сагронову любовницу.

— А у меня есть шанс? — тут же оживилась Рейна. — Стать его...

Тэсса не слушала. У Сагрона на жену-то было не так уж и много времени — между прочим, взаимно, Тэсси сама не могла проводить вместе с супругом целые дни, — не то что на любовницу, но вот госпожу Дэрри, его матушку, это явно позабавило бы. Ну, хоть бы покричала всласть, если ей так хочется покомандовать — почему б и нет?

Тэсса уже давно уяснила, что, как бы она ни раздражала свою дражайшую свекровь, любая незаконная барышня, появляющаяся в жизни Сагрона, вызвала бы реакцию куда более негативную. Честь рода, в конце концов, законные дети должны быть, количество незаконных стоит минимизировать...

Или это была очередная научная теория Толина Куоки?..

Тему диссертации утвердили. Об этом Тэсса узнала, когда Сагрон растолкал её, всё-таки задремавшую в лекционном зале, и предложил отправиться домой. До общежития было недалеко, но Котэсса всё равно не подчинилась. Во-первых, ей было лень выбираться на улицу и идти домой под палящим солнцем, а во-вторых, она невольно залюбовалась мужем, чертившим какой-то график на доске.

— Я уже придумал тебе тему диссертации! — бодро сообщил он. — Кандидатской, разумеется...

— Может быть, — лениво поинтересовалась Тэсса, — мы сначала придумаем научную новизну к моей магистерской, а потом...

— У меня сегодня полдня сидел первый курс, — раздражённо отметил Сагрон. — Его Высочество Малиновски в очередной раз изволил забыть о том, что у него лекции. Будь я заведующим кафедрой, я б вышвырнул его отсюда прочь, чтоб даже не воняло!

— Так вышвырни.

— Рано, — покачал головой Дэрри. — Пусть сначала нахамит кому-нибудь серьёзному. Да хотя бы ректору! Или Ирвину можно. Он Малиновски с самой юности ненавидит...

— Почему?

— В далёком-далёком прошлом Ирвин был несколько мелковат и не особо талантлив в отношении боевой магии, — пояснил Сагрон, поставив последнюю точку на нарисованном графике. — С той поры многое изменилось, но в нашей юности Малиновски — он был старше на два курса, — серьёзно твоему начальнику нахамил. Сейчас он его даже не узнаёт.

Котэсса зевнула.

— Попрошу его устроить внеплановую проверку. Он давно хотел заглянуть в НУМ, но всё подбирает время, когда профессор Куоки будет занят, чтобы не пересекаться...

Сагрон усмехнулся.

— Ну, это такое дело... Кстати, дорогая жена, ты ничего не хочешь мне объяснить?

Котэсса пожала плечами.

— Если ты о надписях под окном в стиле "Сагроша, я тебя люблю", то я им не подсказывала, это они занимались коллективным творчеством. А если о том, что Рейна собиралась стать твоей любовницей, то я просто немного подтолкнула её к принятию такого решения. Было б интересно посмотреть, как на это отреагировала твоя мама...

— Ты её ненавидишь.

— Ты мою вообще на дух не переносишь.

— Между прочим, я не помню, чтобы меня за это очень осуждали.

— Разумеется, нет, — легко пожала плечами Котэсса. — Потому что моя мама — далеко не пример для подражания. И твоя тоже. "Пресветлые боги, она что, потеряла ребёнка?!" — раздражённо перекинула она. — "Сагрон, эта ненормальная тебе до сих пор не родила? С какой поры вы вместе? Сколько двадцаток прошло со дня свадьбы? Как это она не была беременна? Пресветлые боги, а почему ж ты тогда на ней женился?!"

— Ты у меня просто очень впечатлительная, — улыбнулся Сагрон. — Не сердись.

Насчёт впечатлительной Тэсса не согласилась. Вчера — или это уже считалось сегодня? — они с Ирвином, как ненормальные, гонялись по кладбищу и ловили ожившего мертвеца в боевую сеть, причём с максимальной осторожностью, чтобы потом отдать его на экспертизу и узнать всё-таки, кто его создал... И всё для того, чтобы потом явилась Оллада, заявила, что они редкостные непрофессионалы, забывшие самое главное заклинание против оживленцев, и одной искоркой разрушила и дело, и полупрогнившее тело.

А нет тела — нет и дела, как любило повторять начальство, и некроманты вновь победили в этом маленьком бою с человеческой глупостью.

— Кстати, — протянул Сагрон, поймав супругу за руку, — относительно детей не такая уж и плохая идея. Я б не отказался от нескольких малышей в нашем доме...

— В преподавательском общении, прошу заметить, — раздражённо напомнила Тэсса. — Чтобы мой ребёнок читал "Сагроша, я тебя люблю" вместо своей первой книжки и с пелёнок учился отбивать боевые искры этих ненормальных? За мной, между прочим, сумасшедшие поклонники толпами не бегают, а за тобой...

— Зато из-за меня в дом не являлись ожившие мертвецы, — возразил Сагрон. — Ведь мы копим на квартиру. Потом как-нибудь... купим?

Котэссе хотелось сказать, что она согласится на детей, только тогда, когда у них появится небольшой домик где-нибудь в той части города, где живёт если не аристократия, то представители интеллигенции. Что она не собирается производить на свет наследников, пока у каждого из них не будет по отдельной комнате, а у родителей не появится достаточно средств на какую-нибудь пристойную няню...

Но на самом деле Тэссе было всё равно. Просто она не чувствовала себя готовой. Наверное.

Или не могла так оторваться от работы.

— Мы повременим с этим, ладно? — попросила она. — Пойдём-ка лучше домой. Я тебя покормлю...

Сагрон осуждающе посмотрел на жену.

— Я заказал ужин на дом.

— Зачем? — поразила Котэсса. — Я плохо готовлю?!

— Ты хорошо готовишь, — хмыкнул мужчина. — Но...

— Но?

— Если ты не хочешь детей, то хотя бы к процессу их создания можешь отнестись позитивно?

Тэсса усмехнулась.

Несомненно, с любимым мужем и процесс, как он выражался, создания детей был приятен.

— Только ты мне кое-что пообещаешь... — вкрадчиво прошептала она.

— Что именно?

Тэсса коварно усмехнулась.

— Мы отчислим Рейну, ладно?

Не то чтобы Сагрон был очень против — а Котэсса просто не стала спрашивать, что его достало больше: то, что к его супруге постоянно пристают всякие глупые девицы, то, что они подстерегают его самого или то, что эти глупые девицы забыли проплатить за обучение и оказались на грани

вылета... В любом случае, каждая из причин была достойным поводом.

Тэсса об этом знала. Потому без малейшего зазрения совести потянулась к Сагрону, зная: этот поцелуй не капельки не взятка.

Это просто маленький аванс.

Конец